ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 2 (89) 2026

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL MAGAZINE

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

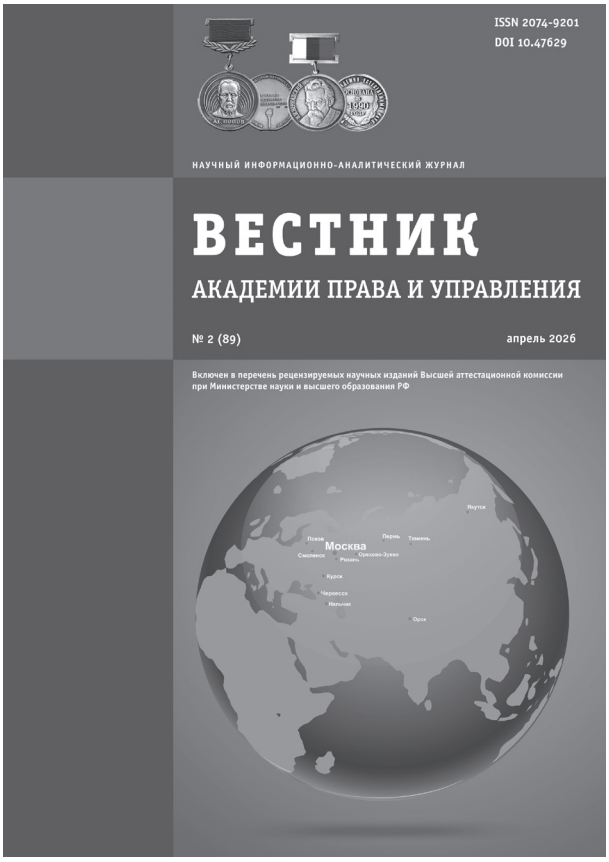
Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» – ПН574
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
5.1.1. 5.1.2. 5.1.3. 5.1.4. 5.2.3. 5.2.4. 5.2.6.



В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
109029, Москва, Нижегородская ул., д. 32 Б, каб. 302/2
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
http://ideka.ru
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии ООО «Сам Полиграфист», тел. +7 (495) 545-37-10
Подписано в печать 19.06.2026. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 30,23.
Печать цифровая. Заказ № 89 от 25.06.2026. Тираж 200 экз.

ISSN 2074-9201
9 772074 920102 89

12+

Редакционный совет

Члены редакционного совета:

5.2. Экономика

Голованов Владимир Иванович, *доктор экономических наук, почетный работник жилищно-коммунального хозяйства РФ, почетный строитель города Москвы, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского государственного гуманитарного университета;*

Данилина Елена Ивановна, *доктор экономических наук, профессор, профессор Российского университета транспорта (МИИТ), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и конституционного права Института деловой карьеры;*

Демин Александр Васильевич, *доктор экономических наук, доцент, член-корреспондент Академии жилищно-коммунального хозяйства РФ, почетный работник жилищно-коммунального хозяйства РФ, профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления;*

Лебедев Никита Андреевич, *доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук, заведующий кафедрой экономики и цифровых технологий в аграрно-промышленном комплексе Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почётный работник науки и техники Российской Федерации;*

Макаров Иван Николаевич, *доктор экономических наук, доцент, научный сотрудник, профессор кафедры менеджмент и общегуманитарные дисциплины Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), профессор кафедры экономика и финансы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал);*

Рагулина Юлия Вячеславовна, *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;*

Салихов Борис Варисович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха Петр Викторович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский Сергей Всеволодович, *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.*

5.1. Право

Агапов Павел Валерьевич, *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов Станислав Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;*

Волков Александр Михайлович, *кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры Государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, член Российской академии естественных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;*

Гаврилов Борис Яковлевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Гадельшина Лиана Ильгизовна, *кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права и уголовно-правовых дисциплин Российского нового университета;*

Дорская Александра Андреевна, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Краснова Кристина Александровна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;*

Кузнецов Петр Уварович, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев Алексей Владимирович, *доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;*

Нарутто Светлана Васильевна, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Полякова Татьяна Анатольевна, *доктор юридических наук, доцент, заведующий Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса, почетный работник юстиции;*

Радько Тимофей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;*

Тарасов Анатолий Михайлович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Ткачев Валентин Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,, начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации, почетный работник образования города Москвы, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Чернявский Александр Геннадьевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (город Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж), руководитель исторического факультета Кембриджского университета;*

Мкртумян Арман Юрьевич, *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Кембриджского университета;*

Ю Синода, доктор *наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, город Саппоро (Япония).*

© Коллектив авторов, 2026
© АНО ВО «ИДК», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Базылев Владимир Николаевич,
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ
ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Vladimir N. Bazylev,
PROBLEMS OF CORRELATION OF THEORY AND PRACTICE IN THE FORENSIC EXAMINATION
OF VERBAL OFFENSES 7

Василенко Дмитрий Анатольевич, Елина Елена Владимировна,
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА
В СФЕРЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Dmitry A. Vasilenko, ElenaV. Elina,
LEGAL REGULATION OF STATE DEFENSE ORDERS IN CAPITAL CONSTRUCTION 14

Волков Артем Александрович,
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Artyom A. Volkov,
PROBLEM ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF LEGISLATION
IN THE DEFENSE-INDUSTRIAL COMPLEX IN COMBAT CONDITIONS 22

Гадельшина Лиана Ильгизовна,
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАДЕЛЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ЖИВОТНЫМИ БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Liana I. Gadelshina,
CURRENT ISSUES ON GRANTING LOCAL GOVERNMENTS CERTAIN STATE POWERS
TO DEAL WITH STRAY ANIMALS 27

Гарная-Иванова Инна Александровна, Солонина Юлия Сергеевна,
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОМНЕНИЕ РЕНЕ ДЕКАРТА И СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАВОСУДИИ

Inna A. Garnaya-Ivanova, Yulia S. Solonina,
RENÉ DESCARTES' METHODOLOGICAL DOUBT AND STANDARDS OF PROOF IN JUSTICE 35

Глухов Евгений Александрович,
УНИЧТОЖЕНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПУБЛИЧНЫМ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ
КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Evgeny A. Glukhov,
DESTRUCTION OF PRIMARY DOCUMENTS BY A GOVERNMENT OFFICIAL AS A TACTICAL METHOD
OF PROTECTING INTERESTS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS 38

Дианова Ирина Александровна,
ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Irina A. Dianova,
PROTECTION OF CREDITORS' RIGHTS IN THE INHERITANCE OF ESCAPE PROPERTY 46

Иванов Геннадий Владимирович, Токарева Анастасия Александровна, Евдокимова Майя Игоревна, Барило Татьяна Игоревна,
СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
ЕНТРОВ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ (ЦПТИ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Gennadii V. Ivanov, Anastasia A. Tokareva, Maya I. Evdokimova, Tatyana I. Barilo,
STATE OVERSIGHT OF TECHNOLOGY AND INNOVATION SUPPORT CENTERS (TISCS)
IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICAL IMPLEMENTATION 53

Клоченко Лариса Николаевна,
ОБМАН ПРИ ВЕРБОВКЕ И НАСИЛИЕ КАК ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТОВОЙ ГРУППЫ:
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Larisa N. Klochenko,
RECRUITMENT DECEPTION AND VIOLENCE AS CHARACTERISTICS
OF A CULT GROUP: A HISTORICAL ANALYSIS 61

Кузьмин Иван Михайлович,
О КОНЦЕПЦИИ СМЕШАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ivan M. Kuzmin,
ON THE CONCEPT OF MIXED REALITY OF LEGAL REGULATION: STATEMENT OF THE PROBLEM 69

Куряева Мярьям Алиевна,
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Maryam A. Kuryaeva,
RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF ENSURING BIOLOGICAL SAFETY 74

Лобаев Игорь Александрович, Плешаков Виталий Владимирович, Коновалова Анна Андреевна,
Соколов Сергей Сергеевич,
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Igor A. Lobaev, Vitaly V. Pleshakov, Anna A. Konovalova, Sergey S. Sokolov,
ON THE ISSUE OF IMPROVING FORENSIC METHODS FOR INVESTIGATING CRIMES RELATED TO VIOLATIONS
OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS 80

Лютягина Елена Александровна, Волков Александр Михайлович,
МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ПРАВА

Elena A. Lyutyagina, Aleksandr M. Volkov,
PLACE OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES
IN THE LEGAL SYSTEM 87

Муромцев Антон Ильич,
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ
ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Anton I. Muromtsev,
LEGAL REGULATION OF CONCLUSION, MODIFICATION AND TERMINATION OF A DISTRIBUTION AGREEMENT
IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION 93

Никитин Алексей Николаевич,
ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЕЙ РОССИИ
В XV – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Aleksey N. Nikitin,
THE VALUE-LEGAL IMPERATIVES OF THE FORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF JUDGES
IN RUSSIA IN THE XV– EARLY XX CENTURIES 100

Порунова Ольга Геннадьевна,
НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВА

Olga G. Porunova,
NOTARIAL FORM OF CERTIFICATION OF REAL ESTATE TRANSACTIONS
IN MODERN SOCIETY 103

Тарасова Юлия Анатольевна, Авясов Максим Александрович,
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Yuliya A. Tarasova, Maksim A. Avyasov,
DIGITALIZATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS:
CURRENT STATUS AND PROSPECTS 108

Ткачев Валентин Николаевич, Гевлич Екатерина,
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СУБЪЕКТОВ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ
И ЦИФРОВЫХ ЛИЦ

Valentin N. Tkachev, Ekaterina Hevlich,
ON SOME ASPECTS OF DETERMINING THE LEGAL ENTITY OF INTERNET
OF THINGS AND DIGITAL PERSONS 114

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Аллахвердиева Сания Магеррамовна,
ОПЫТ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Sania M. Allahverdieva,
EXPERIENCE IN ASSESSING THE VALUE OF ECOSYSTEM SERVICES SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS
OF FEDERAL SIGNIFICANCE IN THE RYAZAN REGION 121

Данилина Елена Ивановна,
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Elena I. Danilina,
THEORETICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL AUTHORITIES 130

Кутнюк Илья Владимирович,
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ФИТНЕС-ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Ilya V. Kutnyuk,
CAUSES AND METHODS OF DIGITALIZATION OF MANAGEMENT OF FITNESS ENTERPRISES 137

Палицына Дарья Владимировна, Паленова Татьяна Викторовна,
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАСЛОЖИРОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА

Darya V. Palitsyna, Tatiana V. Palenova,
ECONOMIC ASSESSMENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE FAT AND OILS SUBCOMPLEX 145

Хаматгалеева Гулия Агзамтдиновна,
ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СТРАНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ
ПРИ ТАМОЖЕННОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ

Gulia A. Khamatgaleeva,
PRACTICAL ASPECTS OF CONFIRMING THE COUNTRY OF ORIGIN
OF GOODS IN CUSTOMS DECLARATION 159

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Булатова Зарина Загитовна,
ПРАВО НА ОФЛАЙН: НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЙ

Zarina Z. Bulatova,
RIGHT TO BE OFFLINE: A NEW ELEMENT OF LABOR GUARANTEES 166

Трофимов Георгий Михайлович,
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ТРЕНЕРОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СПОРТЕ

Georgiy M. Trofimov,
SPECIFIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE EMPLOYMENT
OF COACHES IN PROFESSIONAL SPORTS 171

Шлыков Даниил Владимирович,
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РФ

Daniil V. Shlykov,
LEGAL NATURE OF COLLATERAL IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CIVIL LAW.....179

УДК 343.13

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_7_13

Базылев Владимир Николаевич,
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, академик Петровской академии наук и искусств, член Московского отделения Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения экспертной деятельности Московского исследовательского центра Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции Правительства Москвы, главный эксперт лаборатории экспертных исследований и ситуационного анализа «ЛЭКСАН», главный эксперт Экспертного центра при Московском отделении Ассоциации юристов России, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин и теории и истории государства и права, Институт деловой карьеры, Москва, v-bazylev@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ВЕРБАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. *В статье содержится теоретико-практический материал, отражающий дискуссионные вопросы теории и практики судебной гуманитарно-ориентированной экспертизы. Обосновывается, что развитие комплекса экспертиз – автороведческой, лингвистической, социологической, политологической, религиоведческой и этиковедческой, расширение практики его применения в отечественном судопроизводстве предъявляет повышенные требования к обеспечению экспертов надежными и валидными криминалистическими техниками, исключающими инотолкования результатов экспертизы, необходимых для формирования доказательной базы в правоприменительной практике.*

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертология, вербальное преступление, вербальное правонарушение, вербальный способ деяния.

Для цитирования: *Базылев В.Н.* Проблемы соотношения теории и практики в судебной экспертизе вербальных правонарушений // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 7-13. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_7_13

Vladimir N. Bazylev,
Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of the Moscow Branch of the Association of Lawyers of Russia, Chief Researcher of the Department of Scientific and Methodological Support of Expert Activities of the Moscow Research Center Department of Regional Security and Anti-Corruption of the Government of Moscow, Chief Expert of the Laboratory of Expert Research and Situational Analysis "LEKSAN", Professor at the Department of General Humanitarian Disciplines and Theory and History of State and Law, Institute of Business Career, Moscow, v-bazylev@inbox.ru

PROBLEMS OF CORRELATION OF THEORY AND PRACTICE IN THE FORENSIC EXAMINATION OF VERBAL OFFENSES

Abstract. *The article contains theoretical and practical material reflecting the controversial issues of the theory and practice of forensic humanitarian-oriented expertise. It is shown that the development of a complex of expertise - authorial, linguistic, sociological, political science, religious studies and ethics studies, the expansion of the practice of its application in domestic legal proceedings, imposes increased requirements to provide experts with reliable and valid forensic techniques that exclude the interpretation of the results of expertise necessary for the formation of evidence in law enforcement practice.*

Keywords: legal linguistics, linguistic expertise, verbal crime, verbal offense, verbal method of action.

For citation: Bazylev V.N. (2026) Problems of correlation of theory and practice in the forensic examination of verbal offenses. *Bulletin of the Academy of Law and Management,* № 2, pp. 7-13. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_7_13 (In Russian).

© Базылев В.Н., 2026

Современная судебная гуманитарно-ориентированная экспертиза[1], включающая в себя комплекс автороведческих, лингвистических, социологических, политологических, религиоведческих и этиковедческих исследований, рассматривает речевые действия как полноценную деятельность со всеми ее компонентами. К последним относятся: мотив (намерение, интенция), цель, способы и средства ее осуществления и результат (речевое произведение). С юридической точки зрения интенция как компонент правонарушения может трактоваться как умысел. Средства, понимаемые лингвистикой в аспекте нормативности, могут оцениваться с точки зрения их правовой нормативности – законности или незаконности применения. Результат же может трактоваться с позиций его соотнесения с законом как правонарушение. Немногочисленные исследования [2; 7] трактуют вербальное правонарушение как законодательно идентифицируемое противоправное деяние, которое реализуется в речевой деятельности и обнаруживается в ее содержании, точнее – в тексте как продукте языковой деятельности. На экспертном уровне признаки вербальных правонарушений диагностируются комплексом исследований в рамках экспертологии с учетом соответствия нормам административного, гражданского и уголовного законодательства.

Целям выявления речевых (вербальных) преступлений из огромного массива всех уголовно наказуемых деяний, предусмотренных современным законодательством, и их диагностики служит исследование объективной стороны того или иного преступления, поскольку, как известно, обязательным признаком объективной стороны состава преступления являются:

1) общественно опасное деяние, то есть действие или бездействие;

2) преступные последствия;

3) причинная связь между первым и вторым элементом.

В уголовно-правовой доктрине названы также факультативные признаки состава преступления:

1) способ совершения преступления;

2) орудие и средства преступления;

3) место, время, обстановка совершения преступления.

1 Вопрос о терминологии в данном случае носит далеко не праздный характер, о чем свидетельствуют работы Е.Р. Россинской. Однако это предмет отдельного обстоятельного обсуждения. Напомним только, что с исторической позиции этот термин был одним из первых, предложенный еще в 1990-е годы для судебно-экспертной практики. О комплексной гуманитарной экспертизе предпочитают говорить сегодня в МГУ. В последнее время представители МГЮА им. О. Е. Кутафина используют термин «экспертиза гуманитарного профиля».

В свете вышесказанного обратим внимание на то, что существенное свойство языка – это именно орудийность (инструментальность), то есть сопряженность с иными видами физической и интеллектуальной деятельности человека в достижении целеполагания. Данное свойство было определено в функциональном направлении структурализма, связанном с органической аналогией Э. Дюркгейма и тезисом Ф. Соссюра о том, что «организм» языка следует изучать анатомически, а не с учетом окружающей среды, чтобы избежать ложных выводов, сделанных социальными дарвинистами. Пост-соссюровская функциональная лингвистика также объясняла «адаптацию» языка к окружающей среде с антидарвинистских позиций. Тезис об орудийности языка отстаивала школа А. Мартине, что нашло отражение в дефиниции языка: «Мы определяем язык как орудие общения, организованное на основе принципа экономии и имеющее неограниченный диапазон действия» [4, с. 63].

Орудийность следует считать существенным свойством языка и, соответственно, текста как высшего уровня иерархической модели, так как при его редукции мы получаем другой объект, например, предложение, слово, то есть другой языковой знак; в пределе – другой знак в семиотической системе (например, в фоносемантике).

Исходя их необходимости выявления именно речевого компонента состава преступления, предмет исследования можно значительно сузить, и в диагностических целях исследовать только нормативное описание общественно опасного деяния, обращая внимание на то, какое именно действие или бездействие признаются общественно опасными и уголовно наказуемыми. Значимую диагностическую ценность представляет собой способ совершения преступления, поскольку данный достаточный признак может приобрести статус необходимого признака, если он используется законодателем при описании преступного деяния в конкретной статье уголовного закона.

Е.М. Кобзаренко полагает, что прямо названное в статье уголовного закона деяние (действие или бездействие) и способ его совершения следует рассматривать как искомый маркер, способный, словно лакмусовая бумага, не только проявить речевой (вербальный) характер преступления или административного правонарушения, но и указать на возможность выполнения объективной стороны преступления вербальным (речевым) способом [10, с. 38-39].

Что касается упомянутой в начале статьи комплексности, то она обусловлена тем, что во всех случаях речь идет, в частности, об одном и том же предмете исследования – авторе и тексте [8]. Теоретическая проблема состоит в том, что экспертиза становится исследованием, в котором участвуют эксперты разных специальностей. Каждый из них исследует

свою часть задачи, а затем их выводы интегрируются для формирования единого, целостного заключения. Главная цель комплексной гуманитарно-ориентированной экспертизы – разрешение сложных, многогранных вопросов, которые выходят за рамки компетенции одного эксперта или одной дисциплины, что обусловлено сложностью самого объекта – человеческого фактора в языке и языкового фактора в человеке.

При этом одной из основных теоретических проблем современной гуманитарной экспертизы продолжает оставаться переизбыток научной информации из области теоретической и прикладной лингвистики и отсутствие сотрудничества между носителями разных специальных знаний.

В последнее время наблюдается бум публикаций – более сотни в год, за последнее десятилетие – более тысячи. В то же время отмечается значительная разобщенность исследований и ученых: отдельно публикуются и организуют конференции специалисты по исследованию экстремистского текста, отдельно – по экспертологии, отдельно – по судебной лингвистике и смежным видам экспертиз, например, фоноскопии. Все это ведет, как продемонстрировала XI Международная научно-практическая конференция 29-30 января 2026 года, посвященная 95-летию Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (URL: https://my.mts-link.ru/51912887/12082768036/record-new/11400480252), к отсутствию научной коммуникации в исследовательском сообществе собственно судебных экспертов-гуманитариев.

Сегодня, однако, требуется продвижение судебной гуманитарно-ориентированной экспертизы в направлении стандартизации применения, улучшения диалога между экспертами различных направлений. Необходимо развитие междисциплинарного сотрудничества, которое могло бы привести к формированию строгих теоретических и методических алгоритмов исследования в данной области. Суд должен удостовериться, что эксперт в судебном заседании демонстрирует такой же уровень научной строгости, который характерен для практики любого эксперта в области криминалистики.

Поэтому актуальным продолжает оставаться вопрос, является ли гуманитарно-ориентированная экспертиза отраслью прикладной филологии в целом или криминалистической техникой [6, с. 309-321]. В праве ли эксперт-гуманитарий сам выбирать методику исследования по своему усмотрению [9; 5], или нужна единая унифицированная методика исследования автора и текста, ориентированная на то, что экспертиза проводится для улучшения отправления правосудия. Пока что отечественный суд оказывается перед выбором: доверять эксперту или доверять методу.

Это обусловлено следующими факторами.

Первый – *допустимость*. Суд ориентируется на допустимость методики, поскольку эксперт должен представит суду доказательства. Второй – *надежность*. Постоянно воспроизводится ситуация – стороны представляют разные результаты экспертиз одного и того же материала. Это порождает закономерный вопрос у субъектов права – от следователя и гособвинителя до адвоката и судьи: почему разные эксперты дают различающиеся заключения, хотя и автор, и текст проявляют устойчивые признаки тематики (содержания) и жанра?

Следующая проблема – *объяснимость*. Большинство методов, используемых экспертами-гуманитариями, не подлежат объяснимости обыденным языком, поскольку речь идет о многоаспектной репрезентации автора и текста. Непросто объяснить субъектам права (от следователя до судьи), как работает метод. Объяснимость требует использования лингвистических терминов высокого уровня. Однако во многих случаях не получается даже с помощью лингвистических терминов объяснить механизм действия того или иного метода, что вызывает к жизни перманентные попытки усовершенствовать метаязык описания при производстве гуманитарно-ориентированных экспертиз [3].

Например, в объяснении авторского профиля используются такие характеристики, как наличие более релятивного языка, то есть более частотного применения местоимений, глаголов, в котором, например, мужчины-блогеры используют более информативный (дескриптивный) язык, для которого характерно более частотное использование существительных, определителей и предлогов.

Последнее с необходимостью требует эмпирической проверки, то есть установления того, является ли теория и методика фальсифицируемой – опровергаемой и проверяемой. Подвергалась ли она рецензированию в научном сообществе. Есть ли публикации по данной теме. Известен ли потенциальный уровень ошибки (степень погрешности). Существует и поддерживается ли стандарт ее функционирования. В какой степени теория и методика являются общепринятыми в соответствующем экспертном сообществе.

Скорее всего, нам нужен точный метод в гуманитарно-ориентированной экспертизе. При этом нас не должна беспокоить необходимость объяснения того, каким образом этот метод работает. Известно, что даже методы, на протяжении длительного времени применяемые в криминалистике, имеют известную степень погрешности. Так, анализ ДНК показывает очень высокую степень надежности, а ошибки связаны скорее с человеческим фактором, а не с самим методом. Метод отпечатков пальцев показывает очень высокие результаты (около 90 %), однако при

наличии «шумов» его точность падает до 60 %. В распознавании речи много факторов, которые влияют на эффективность данной технологии: продолжительность звучания образцов, их количество, наличие одного или нескольких каналов записи, время, прошедшее с момента взятия образцов голоса.

Важно другое, а именно – *полнота*. Каждая деталь исследования должна быть доступна. А также *воспроизводимость*. Любой другой специалист должен быть в состоянии воспроизвести результаты. Фактически судья и иные субъекты права (гособвинитель и адвокат) во время допроса эксперта выступают с сугубо прагматических позиций. Их интересует, не предубежден ли эксперт; обеспечивает ли эксперт рациональное объяснение того, как работает методика. Именно поэтому методы объяснения должны быть признаны в достаточной мере прозрачными, чтобы суд принял обоснованное решение.

Если эксперт анализирует данные и осуществляете синтез различных источников, то гуманитарный анализ заведомо не имеет 99 % надежности. Если эксперт предоставляет информацию следствию, то его задача заключается в рассмотрении конфликтующих свидетельств. Поэтому эксперт должен показать, как и почему он приходит к тому или иному заключению. Если эксперту нужно решить, как ему объяснить полученные результаты, то ему нужна универсальная теория анализа.

Проблема в том, что по большей части гуманитарная экспертиза сегодня работает по принципу черного ящика, системы, внутреннее устройство и механизм работы которой очень сложны или неизвестны. Поэтому-то субъекты отечественной правовой системы зачастую отказываются от допроса эксперта-гуманитария, так как не имеют возможности подходить к этому как основанию для рационально принимаемого решения. Или же, наоборот, ставящего субъекта права перед выбором – принять решение на веру или вообще этого не делать. Особенно в свете имеющегося у судьи права, согласно ч. 1 ст. 71 АПК РФ, оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению.

В свете сказанного выше мы склоняемся к тому, что решение проблемы унификации метода исследования автора и текста лежит в области автоматической авторской атрибуции и компьютерной (программной) экспертизе текста.

Атрибуция авторства предполагает ответы на следующие вопросы:

1) кем написан данный документ?

2) каково количество возможных авторов?

3) будет ли список предполагаемых авторов закрытым или открытым?

4) есть ли другие документы, которые относятся к каждому из возможных авторов?

Компьютерная (программная) экспертиза текста предполагает ответы на вопросы:

1) каковы их орудийные свойства?

2) какова их тема?

5) каков их жанр?

Таким образом, право на экспертизу автора и текста остается за комплексным гуманитарно-ориентированным подходом, ведущая роль в котором отдается лингвистике. Именно гуманитарные науки – автороведение, социология, политология, религиоведения и этиковедение, в европейской истории науки «вышедшие» из лингвистики, фокусируются на авторе и тексте в лингвокультурологическом плане в случае целого ряда вербальных правонарушений (от оскорбления и унижения до клеветы); на роли автора и текста в социальной сети в случае определения скрываемого авторства; на их роли при необходимости обеспечить кибербезопасность в случае проблемы аутентификации скомпрометированных аккаунтов и незаконного доступа и в целом – на получении достоверных доказательств в уголовных делах и судебных спорах, где в качестве вещественного доказательства фигурируют продукты языковой деятельности или отпечатки деятельности речевой.

Такое ограничение связано с тем, что существует всего три вида факторов, влияющих на то, как мы прочитываем текст. Этот (1) тема, (2) тональность, если выражается положительное или отрицательное отношение к чему-либо, авторский стиль, а также (3) жанр, который определяет форму и коммуникативные задачи. Иными словами, это то, что содержит в себе признаки – необходимые и достаточные.

Если предлагать прагматические варианты алгоритма исследования автора и текста, то наиболее оптимальным на сегодняшний день представляются следующие.

1. Идентификация авторства: рассматривается список кандидатов в авторы, и собираются образцы их текстов.

2. Верификация авторства: выделяется один автор, чтобы принять решение – принадлежат ли ему выделенные образцы текста или нет.

3. Кластеризация авторов: твиты группируются в соответствии с их стилистически сходными свойствами, позволяющими отнести их к тому или иному автору.

4. Протоколирование авторов: выявления того, сколько авторов работало над данным текстом, и какой вклад внес каждый из них.

5. Профилирование автора: выявление профиля автора

6. Выделение значимости персонального стиля, жанра и темы текста.

Если говорить о методах, то на сегодняшний день имеется серия инструментальных методов [1, с. 103-104]:

• методы анализа вероятностных моделей (тематическая категоризация текста, расширение байесовского метода стилистическими моделями, использование марковских цепей);

• методы анализа компрессионных моделей (объединение текстов в единый массив и последующая их компрессия);

• методы анализа N-gram (анализ относительной частоты N-gram в сопоставляемых текстах);

• векторно-пространственный анализ (каждый анализируемый текст рассматривается как вектор в многомерном пространстве);

• дельта-анализ (вычисление функциональных слов с последующим вычислением девиации каждого текста от нормы с помощью z-оценки).

Возвращаясь к идее комплексности, укажем на следующие ключевые для экспертной практики моменты.

Количественное измерение должно идти параллельно с анализом темы и стилем текста, так как стиль подвержен влиянию как автора текста, так и его жанра. Числовые показатели в идеале должны быть стабильными на протяжении всего текста, при изменении темы, при изменении жанра. Помимо этого не стоит упускать из внимания социальный фактор коммуникативной ситуации в целом, то есть фактор социально-интеракциональный. В интеракции каждая позиция участника обусловлена социальной лингвокультурой, что предопределяет выбор оценочных языковых и речевых средств, функциональный стиль языка, приемы сравнения и контраста, и, конечно, жанр интеракции.

Особо укажем на актуальность формирования библиотеки методов для решения специфических экспертных задач нового поколения.

Сегодня мы начинаем понимать, что любой текст представляет собой определенный момент выражения идентичности. Однако сама идея личностной идентичности предполагает устойчивость с течением времени. Выделяются две разновидности источников сохранения идентичности.

Когнитивные ресурсы, к которым относятся психолингвистические способности, языковая память (например, лексический запас), и *социолингвистические ресурсы*. Поэтому от эксперта требуется понимание текстов и контекстов их употребления, что, в свою очередь, позволяет аргументированно объяснить реальную вариативность, например, жанра и интеракции.

Важно помнить о возможных погрешностях, что связано с моно- или политематикой текста, особенно когда исследуются тексты о политике, религии, общественных отношениях.

Что касается последнего, следует помнить, что жанровая традиция – явление не узколитературное, а социально-функциональное по своей природе. Жанры постоянно воспроизводятся в лингвокультуре как гибкие «ролевые» структуры, вписывающиеся в разные культурные контексты. Каждая эпоха наполняет их новым содержанием, но выполняемые ими риторико-идеологические функции остаются узнаваемыми. Можно сказать, что жанры обладают своеобразной памятью ценностных установок. Жанр не пустой шаблон, а целый арсенал приемов и интонаций, выработанных в социуме для решения сходных задач. Поэтому жанры всегда становятся востребованными, когда в обществе появляются аналогичные аксиологические запросы. Сегодня многие журналистские жанры, используемые блогерами, выполняют функцию репутационной поддержки власти и господствующих ценностей, иные – функцию их морального контроля и очищения культуры от теневых явлений. Жанры – своего рода социальные регуляторы. Их жизнеспособность заключается не в каноничности их формы, а в сохраняющейся актуальности риторических моделей, которые они представляют. Жанр может постоянно актуализироваться на новом материале, если возникает сходная совокупность факторов – общественный идеал, требующий апологии, или назревшая социальная проблема, требующая осмысления. В этих случаях срабатывает память аксиологических установок: автор, создающий продукт языковой деятельности, интуитивно воспроизводит жанровую модель, адекватную запросу, пусть даже без явной опоры на прецеденты. Преемственность обеспечивается прежде всего на уровне идейно-эмоционального содержания и коммуникативной цели произведения, а не только на уровне формы.

Таким образом, эксперту необходимо понимание того, как текст функционирует в различных условиях. Необходимо проводить систематические эмпирические проверки метода, и это важно в бóльшей степени, чем фокусирование на его лингвистической объяснимости. Ведь текст характеризуется по многим основаниям: жанр, тема, канал коммуникации, эффект аккомодации и так далее. В это очень длинное «так далее» включаются сотни параметров, которые необходимо принимать во внимание в ходе экспертной работы с учетом того, что одни признаки проявляют себя лучше в одних жанрах, чем в других. Эксперт должен постоянно задаваться вопросом: почему некоторые признаки демонстрируют эффективность (это вопрос объяснения), и можем ли мы индексировать наши данные с парадигматически сходными для дальнейшего улучшения показателей системы? Если категория работает, если метод доказывает свою продуктивность, то давайте рассматривать парадигматически те категории, которые, возможно, будут работать на наши цели. И, наконец, какие маркеры не проявляют себя наилучшим образом в идентификационных задачах? Как мы можем объяснить наличие ложных позитивных показателей в системе?

При этом описываются все уровни, например, письменной речи – от сочетания букв как элемента графодеривации до признаков дискурсивного уровня. Особенно это касается поликодовых текстов. Одна из их основных характеристик – они содержат полилоговые тексты: авторы вступают в интеракцию друг с другом. В них мы можно найти всё, что находим в других видах коммуникации. Это касается не только форм традиционных дискуссий (ток-шоу, например), но и материалов социальных сетей, троллинговых аккаунтов и подобных явлений.

Выбор метода, с нашей точки зрения, может быть мотивирован двумя основными факторами: размером текста и контролируемой классификацией текстов.

Если нет универсально применимых маркеров, мы вынуждены работать от случая к случаю, всякий раз отыскивая оптимальные параметры, и каждый случай будет для эксперта уникален. Однако мы полагаем, что функциональная теория языкового варьирования представляет собой лучшую основу для гуманитарно-ориентированной экспертизы как класса экспертиз в целом, чем узкая социолингвистическая теория. Если проанализировать телефонный разговор и обычную беседу, то сразу же обнаруживаются принципиальные языковые отличия. То же касается статьи в газете и блогерского рассказа или комментария. Так происходит за счет распознавания языковых моделей. Реципиента при этом нельзя обвинить в субъективности: узнавание происходит, поскольку оно опосредовано функцией данного текста.

Язык видоизменяется в разных контекстах потому, что различные языковые формы лучше подходят для этих контекстов. Язык видоизменяется от автора к автору, потому что они используют какие-то иные коммуникативные стратегии, релевантные для экспертизы, политологической и религиоведческой, наряду с корпусными методами и теорией, основанной на анализе регистров. Так, в стилеметрии измерения стилистического варьирования имеют целью исследование регистра, основанного на многомерном анализе относительной частотности грамматических форм. На этой базе можно производить объективные измерения, различающие исследуемые тексты. Приведем конкретные примеры.

Первое измерение: разговорные, неформальные (телефонный разговор, разговор лицом к лицу, личное письмо, интервью) и более формальные, литературные(официальные документы, научные тексты, репортажи в СМИ, обзоры прессы, биографии) тексты: приватные глаголы, опущение союзов, стяженные формы настоящее время, местоимения 2-го лица, эмфаза, местоимения 1-го лица, дискурсивные маркеры, существительные, предлоги, прилагательные в роли определений, глаголы интеллектуальных актов и состояний.

Второе измерение: нарративные (любовные истории, детективы, научная фантастика, художественные тексты в целом) и ненарративные (радио и телепередачи, описания хобби, научные тексты, деловые письма, телефонные переговоры) тексты: прошедшее время, местоимения 3-го лица, прилагательные в роли определений, «публичные» глаголы.

В заключение нужно признать: некоторые положения, сформулированные в статье, являются дискуссионными и нуждаются в дополнительном исследовании и аргументации. Принимая во внимание обширный объем уголовно-правовых норм, под которые подпадает вербальное (языковое и речевое) поведение человека, нельзя исключить, что предложенное решение контроверзы теории и практики в судебной гуманитарно-ориентированной экспертизе не является исчерпывающим и не нуждается в дополнении и корректировке. Практическое значение приведенных выше размышлений состоит в выявлении необходимых и достаточных признаков составов вербального правонарушения. В ходе их установления политолог, социолог, религиовед, авторовед и частично психолог с необходимостью начинают свой исследовательский алгоритм с лингвистической диагностики текста и автора в составе комплексного подхода.

Список литературы

1. *Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Руженцева Н.Б.* Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы: монография. М.: Флинта, 2019. 264 с.
2. *Гогин А.А.* Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды. Тольятти: ТГУ, 2017. 126 с.
3. *Захаров Р.И.* К вопросу совершенствования метаязыка исследований поликодовых текстов при производстве судебной лингвистической экспертизы// Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов / под ред. В.А. Юматова. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. С. 127-134.
4. *Мамудян М.* Лингвистика / пер. с фр. яз. и вступ. ст. Л.Г. Ведениной. М.: Прогресс, 1985. 200 с.
5. *Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М.* Методика проведение судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. М.: РФЦСЭ, 2016. 60 с.
6. *Радбиль Т.Б., Красса С.И.* Авторoведческая экспертиза: прикладная лингвистика или криминалистическая техника // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов / под ред. В.А. Юматова. Нижний Новгород: ННГУ, 2025. С. 309-321.
7. *Рылова Е.В.* Категории вербальный преступлений в УК РФ // Юрислингвистика. 2014. № 3 (14). С. 10-25.

8. Справочник по подготовке, организации, назначении и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях Минюста России. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2025. 106 с.
9. *Огорелков И.В., Полосина А.М., Воробьева А.С.* Судебная автороведческая экспертиза: методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз с целью идентификации автора текстов. М.: Астро-Дизайн, 2022. 128 с.
10. *Базылев В.Н., Елина Е.А., Фолимонов С.С.* Языковые, жанрово-стилистические и правовые контуры юридического дискурса: монография / под ред. О.Ю. Авдевиной. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2025. 310 с.

References

1. *Budaev E.V., Voroshilova M.B., Ruzhentseva N.B.* (2019) The evolution of forensic linguistic expertise: methods and techniques. Moscow: Flinta Publishing, 264 p. (In Russian).
2. *Gogin A.A.* (2017) Verbal offenses: concept, essence, types. Tolyatti: TSU Publishing, 126 p. (In Russian).
3. *Zakharov R.I.* (2025) On the issue of improving the metalanguage of polycode text research in forensic linguistic expertise. National and international trends and prospects for the development of forensic expertise: collection of reports; edited by V.A. Yumatov. Nizhny Novgorod: NNSU Publishing, зр. 127-134. (In Russian).
4. Mamudyan M. (1985) Linguistics; Translated from French by L.G. Vedenina. Moscow: Progress Publishing, 200 p. (In Russian).
5. *Izotova T.M., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M.* (2016) Methods of conducting forensic linguistic expertise in cases of offence. Moscow: RFTSSE Publishing, 60 p. (In Russian).
6. *Radbil T.B., Krassa S.I.* (2025) Forensic expertise: applied linguistics or criminalistic technique. National and international trends and prospects for the development of forensic examination: collection of reports; edited by V.A. Yumatov. Nizhny Novgorod: NNSU Publishing, pp. 309-321. (In Russian).
7. *Rylova E.V.* (2014) Categories of verbal crimes in the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, № 3 (14), pp. 10-25. (In Russian).
8. Handbook on the preparation, organization, appointment and production of forensic examinations in the forensic institutions of the Ministry of Justice of Russia. Moscow: FBU RFTSSE Publishing, 106 p. (In Russian).
9. *Ogorelkov I.V., Polosina A.M., Vorobyeva A.S.* (2022) Forensic expert examination: Methodological recommendations for conducting expert reviews in order to identify the author of texts. Moscow: Astro-Design Publishing, 128 p. (In Russian).
10. *Bazylev V.N., Elina E.A., Folimonov S.S.* (2025) Linguistic, genre-stylistic and legal contours of legal discourse: monograph; edited by O.Yu. Avdevina. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 310 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 02.03.2026	Received: 02.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 27.03.2026	Revised: 27.03.2026
Статья поступила для публикации: 01.04.2026	Accepted: 01.04.2026

УДК 355/359

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_14_21

Василенко Дмитрий Анатольевич,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
dvasilenko2014@yandex.ru

Елина Елена Владимировна,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва,
Viki5904@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА В СФЕРЕ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования государственного оборонного заказа в сфере капитального строительства. Рассматривается система нормативных правовых актов, образующих правовую основу данного института: Федеральный закон № 275-ФЗ, Градостроительный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, законодательство о контрактной системе. Анализируются субъектный состав правоотношений, особенности договорной конструкции государственного контракта на строительство, механизмы ценообразования и целевого финансирования через отдельные банковские счета. Отдельное внимание уделяется роли саморегулируемых организаций, контрольно-надзорной системе и вопросам юридической ответственности участников кооперации. Выявлены ключевые правовые проблемы и обозначены направления совершенствования действующего законодательства.*

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, капитальное строительство, контрактная система, ценообразование в строительстве, саморегулируемые организации.

Для цитирования: *Василенко Д.А., Елина Е.В.* Правовое регулирование государственного оборонного заказа в сфере капитального строительства // Вестник Академии права и управления. 2026.С. 14-21. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_14_21

Dmitry A. Vasilenko,
Master's student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
dvasilenko2014@yandex.ru

ElenaV. Elina,
Ph.D. of Economics Sciences, Senior Research Officer, Prince Aleksandr Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow,
Viki5904@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF STATE DEFENSE ORDERS IN CAPITAL CONSTRUCTION

Abstract. *This article examines the legal regulation of state defense procurement in capital construction. It examines the system of regulatory legal acts that form the legal basis for this institution: Federal Law № 275-FZ, the Urban Development Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, and legislation on the contract system. It analyzes the composition of legal relationships, the specifics of the contractual structure of state construction contracts, pricing mechanisms, and targeted financing through separate bank accounts. Particular attention is paid to the role of self-regulatory organizations, the oversight system, and the legal liability of cooperative participants. Key legal issues are identified and areas for improving current legislation are outlined.*

Keywords: state defense procurement, capital construction, contract system, pricing in construction, self-regulatory organizations.

For citation: Vasilenko D.A., Elina E.V. (2026) Legal regulation of state defense orders in capital construction. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 14-21. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_14_21 (In Russian).

© Василенко Д.А., Елина Е.В., 2026

Государственный оборонный заказ в сфере капитального строительства представляет собой один из наиболее значимых и одновременно сложных в правовом отношении институтов российского публичного права. Его специфика определяется двойственным характером регулирования: с одной стороны, на него распространяются общие нормы законодательства о контрактной системе и градостроительного права, с другой – действует специальный режим, обусловленный требованиями обеспечения обороноспособности государства.

Правовую основу государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) образует прежде всего Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (далее – Закон № 275-ФЗ), который устанавливает правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения и выполнения ГОЗ, а также государственного контроля (надзора) в данной сфере [8]. Согласно ст. 1 этого закона в перечень регулируемых отношений входит, в том числе, строительство объектов военной и оборонной инфраструктуры. Вместе с тем первичным по отношению к отраслевому законодательству остаётся Конституция Российской Федерации: ст. 71 относит оборону и безопасность к предмету исключительного ведения Российской Федерации, тем самым предопределяя централизованный характер правового регулирования всей сферы ГОЗ, включая строительную деятельность.

Понятие «объект капитального строительства» в контексте ГОЗ раскрывается через нормы Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ) [3]. В соответствии со ст. 1 ГрК РФ к таким объектам относятся здания, строения, сооружения, объекты незавершённого строительства, за исключением некапитальных строений и улучшений земельного участка. Применительно к оборонной сфере это могут быть казармы, военные базы, полигоны, склады вооружений, штабные здания и иные стратегически значимые сооружения. Отдельно следует учитывать, что ГрК РФ устанавливает полный жизненный цикл объекта капитального строительства – от инженерных изысканий и проектирования до ввода в эксплуатацию (ст. 47–55 ГрК РФ), что напрямую применимо ко всем работам, выполняемым в рамках ГОЗ. Именно поэтому правовое регулирование ГОЗ в строительстве носит межотраслевой характер: оно одновременно опирается на специальный закон об оборонном заказе, нормы ГрК РФ и положения Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) о строительном подряде (ст. 740-757 ГК РФ) [4].

Размещение ГОЗ, в том числе в части строительных работ, осуществляется в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона № 275-ФЗ в порядке, установленном законодательством о контрактной системе, то есть Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) [10], но с учётом особенностей, прямо предусмотренных Законом № 275-ФЗ. Подобная конструкция означает, что Закон № 44-ФЗ образует общий порядок размещения заказа, тогда как Закон № 275-ФЗ является специальным законом, корректирующим общие нормы применительно к оборонным закупкам. Вместе с тем, если государственным заказчиком является государственная корпорация (например, «Росатом»), закупки могут осуществляться в рамках Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [9].

По мнению В.В. Кикавца [14], контрактная система в сфере государственных закупок сочетает в себе черты публично-правового и частноправового регулирования, и именно эта двойственность создаёт наибольшие правоприменительные трудности при реализации оборонных строительных проектов: нормы ГК РФ о строительном подряде должны применяться субсидиарно, уступая место специальным публично-правовым требованиям Закона № 275-ФЗ. Данный подход последовательно поддерживается судебной практикой, в том числе позицией Верховного Суда РФ об ограниченном применении диспозитивных начал гражданского права в отношениях по ГОЗ.

Субъектный состав правоотношений в рамках ГОЗ в сфере капитального строительства включает государственных заказчиков, головных исполнителей и исполнителей. Государственными заказчиками ГОЗ выступают федеральные органы исполнительной власти (прежде всего Министерство обороны РФ, ФСБ России, Росгвардия) и отдельные государственные корпорации, уполномоченные Правительством РФ (ч. 2 ст. 3 Закона № 275-ФЗ). Государственный заказчик заключает государственный контракт с головным исполнителем – юридическим лицом, принявшим на себя обязательства по выполнению строительных работ и несущим ответственность перед заказчиком за их надлежащее исполнение. В свою очередь, головной исполнитель вправе привлекать субподрядчиков (исполнителей), которые по смыслу Закона № 275-ФЗ также становятся участниками кооперации по ГОЗ и обязаны соблюдать все специальные требования, установленные для данной сферы.

Важным элементом правового статуса участников кооперации по ГОЗ в сфере капитального строительства является членство в саморегулируемых организациях (далее – СРО). Согласно ст. 55.8 ГрК РФ юридические лица, выполняющие работы по строительству, реконструкции и капитальному ремонту объектов капитального строительства по договору подряда, обязаны состоять в СРО в области строи-

тельства и иметь допуск к соответствующим видам работ. Данное требование в полной мере распространяется на головных исполнителей и исполнителей по ГОЗ, занятых строительством объектов оборонной инфраструктуры, вне зависимости от режима секретности, которым эти объекты могут быть обременены.

Саморегулирование в строительной сфере было введено в российское законодательство в 2008-2009 годах как механизм, призванный заменить государственное лицензирование строительной деятельности. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» совместно с нормами ГрК РФ сформировал двухуровневую систему: национальное объединение СРО (НОСТРОЙ – в строительстве, НОПРИЗ – в проектировании) и сами СРО, объединяющие участников рынка. Для исполнителей по ГОЗ это означает двойное нормативное подчинение: с одной стороны – требованиям специального законодательства об оборонном заказе, с другой – стандартам и правилам саморегулируемой организации, которые носят обязательный характер для её членов в силу ч. 3 ст. 55.5 ГрК РФ.

Практическое значение членства в СРО для исполнителей по ГОЗ состоит, в частности, в том, что наличие допуска СРО является одним из квалификационных требований при проведении конкурсных процедур в соответствии с Законом № 44-ФЗ. Отсутствие действующего членства в СРО влечёт отстранение участника закупки от конкурентной процедуры ещё на стадии рассмотрения заявок, что в условиях оборонного строительства может существенно сократить круг допустимых подрядчиков. При этом компенсационный фонд СРО, формируемый за счёт взносов её членов, выступает дополнительным финансовым инструментом обеспечения ответственности подрядчика перед заказчиком наряду с банковской гарантией и обеспечительным платежом, предусмотренными Законом № 44-ФЗ.

Следует отметить, что в отношении объектов оборонного назначения, строительство которых осуществляется в закрытом режиме, законодательство не предусматривает специальных СРО с допуском к секретным сведениям. Это порождает коллизию: подрядчик, имеющий лицензию ФСБ России на работу со сведениями, составляющими государственную тайну, тем не менее обязан состоять в обычной строительной СРО, стандарты которой не учитывают специфику оборонного строительства. Данный пробел неоднократно отмечался специалистами в области строительного права и требует урегулирования либо путём введения специализированных СРО для исполнителей ГОЗ, либо путём разработки отдельных стандартов в рамках действующих национальных объединений, адаптированных к условиям режимных объектов.

Кроме того, участие СРО в системе контроля качества строительных работ по ГОЗ представляется недостаточно задействованным ресурсом. Статья 55.13 ГрК РФ наделяет СРО правом проводить проверки деятельности своих членов, однако на практике этот инструмент применительно к объектам ГОЗ ограничен соображениями государственной тайны и ведомственной закрытости. Более активное вовлечение СРО в систему контроля при условии надлежащего оформления допуска их сотрудников к секретным сведениям могло бы существенно снизить число нарушений при производстве строительных работ в рамках оборонного заказа и обеспечить дополнительный независимый уровень профессионального контроля качества, что в конечном счёте отвечает интересам как государственного заказчика, так и общества в целом.

Ключевой особенностью договорных отношений в данной сфере является то, что государственный контракт на строительство в рамках ГОЗ совмещает в себе черты нескольких правовых институтов: строительного подряда (ст. 740 ГК РФ), государственного контракта (ст. 763-768 ГК РФ) и специального контракта по ГОЗ, предусмотренного Законом № 275-ФЗ. Согласно ст. 6 Закона № 44-ФЗ государственный контракт на строительство должен содержать проектную документацию, прошедшую государственную экспертизу в порядке, установленном ст. 49 ГрК РФ, а также смету. Это требование является обязательным и не может быть обойдено в рамках ГОЗ, поскольку строительные работы в данном случае затрагивают объекты повышенной ответственности.

Ценообразование по ГОЗ в строительстве представляет собой отдельный и весьма специфичный элемент правового регулирования. Закон № 275-ФЗ выделяет три вида цен применительно к продукции по ГОЗ: ориентировочные (уточняемые), фиксированные и возмещающие издержки (ст. 9.1 Закона № 275-ФЗ). Для строительных работ, в особенности при реализации долгосрочных проектов, наиболее распространён механизм ориентировочной цены, который предполагает её уточнение по мере выполнения работ. Государственные регулируемые цены и порядок их формирования определяются Правительством РФ, а контроль за соблюдением ценообразования возложен на Федеральную антимонопольную службу (ФАС России), которая вправе запрашивать информацию о ценах у участников кооперации и выявлять необоснованное их завышение (ч. 3 ст. 14 Закона № 275-ФЗ).

Практическая реализация ценообразования в рамках государственного оборонного заказа в сфере строительства неразрывно связана с проблемой несовершенства действующей нормативной базы. Как констатируют Д.М. Павлов и Н.А. Девятайкин, «действующая нормативная база несовершенна и не по-

зволяет заниматься контрактной деятельностью с максимально возможной эффективностью» [17], а существующие затруднения лишь подчёркиваются значительным числом нововведений в Законе № 44-ФЗ, вступившим в силу с начала 2021 года, которые, однако, оставили ряд вопросов неурегулированными. Особую сложность при формировании цены на строительные работы по ГОЗ представляет то обстоятельство, что объекты оборонного назначения нередко не имеют рыночных аналогов: уникальные технические требования, обусловленные их функциональным предназначением, исключают возможность применения стандартных методов сравнительного ценообразования. В условиях многолетней реализации строительных проектов инфляционные колебания стоимости материалов и услуг, изменения курсов валют, а также применение новых технологических решений существенно расходятся с первоначально согласованной ценой контракта, тогда как действующий порядок её корректировки остаётся недостаточно детализированным на уровне подзаконного регулирования. Устранение данного пробела требует разработки стандартизированных методик индексации стоимости строительных работ применительно к объектам ГОЗ с учётом их специфики, включая режим государственной тайны.

Л.В. Андреева указывает [12], что ценовое регулирование в сфере ГОЗ представляет собой форму публично-правового вмешательства в контрактные отношения, оправданную целями обеспечения государственных интересов в области обороны и безопасности. По её мнению, применительно к строительным работам существующий механизм ценообразования нуждается в более детальной регламентации на уровне подзаконных актов с учётом инфляционных и рыночных факторов, что особенно актуально при реализации многолетних строительных проектов.

Обеспечение целевого расходования средств по ГОЗ в строительстве достигается через механизм расчётов с использованием отдельных банковских счетов. Согласно ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ головной исполнитель обязан открыть в уполномоченном банке отдельный счёт, через который осуществляется финансирование всей кооперации исполнителей, занятых строительством объекта ГОЗ. При этом расходование средств с такого счёта допускается исключительно в целях исполнения государственного контракта, а банк осуществляет контроль за соответствием платёжных документов требованиям закона. Это означает, что исполнитель не вправе направлять бюджетные средства, поступившие в рамках ГОЗ, на нужды, не связанные с выполнением конкретного строительного контракта.Нарушение данного требования влечёт административную и уголовную ответственность по ст. 201.1 и 285.4 УК РФ [6].

Механизм расчётов через отдельные банковские счета при выполнении государственного оборонного заказа в строительстве тесно связан с институтом казначейского сопровождения и на практике вызывает значительные затруднения у участников кооперации. Е.М. Ворожцова и А.М. Ворожцов указывают, что «количество организаций, отказывающихся открывать отдельные (лицевые) счета для банковского сопровождения сделок, достигает 80 %» [16], а открытие и обслуживание такого счёта уполномоченными банками осуществляется за плату, что закономерно приводит к увеличению стоимости продукции по ГОЗ. Казначейское сопровождение, введённое Федеральным законом от 29.06.2015 № 159-ФЗ, предполагает, что денежные средства первоначально перечисляются на счёт, открытый головным исполнителем в органах Федерального казначейства: подрядчик закупает материалы, выполняет работы, подтверждает произведённые расходы документально, и лишь после их проверки казначейство перечисляет средства на банковский счёт исполнителя. Данный порядок, с одной стороны, исключает риск нецелевого использования бюджетных средств, с другой – порождает задержки в финансировании строительных работ и увеличивает административную нагрузку на всех участников кооперации, что особенно чувствительно при необходимости соблюдения жёстких сроков, установленных государственным контрактом по ГОЗ. Представляется целесообразным оптимизировать процедуры казначейского сопровождения применительно к строительным контрактам оборонного назначения таким образом, чтобы сохранить контрольную функцию государства, не создавая при этом необоснованных препятствий оперативному финансированию работ.

Порядок формирования ГОЗ, в том числе в части объектов капитального строительства, определяется постановлением Правительства РФ от 26.12.2013 № 1255 «О Правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей» [11]. Согласно данному акту государственные заказчики представляют предложения по включению строительных объектов в ГОЗ при составлении проекта федерального бюджета на очередной финансовый год, а их рассмотрение осуществляется Военно-промышленной комиссией РФ. Планирование капитального строительства в структуре ГОЗ опирается на Федеральную адресную инвестиционную программу (далее – ФАИП), в которую включаются все объекты, финансируемые из федерального бюджета. Синхронизация ГОЗ и ФАИП является обязательным условием, обеспечивающим взаимосвязь оборонного строительства с общегосударственной инвестиционной политикой и нормами Бюджетного кодекса РФ о целевом расходовании бюджетных ассигнований (ст. 38 БК РФ).

Разрешительная и надзорная составляющая в сфере капитального строительства по ГОЗ реализуется в соответствии с ГрК РФ. При этом ряд объектов оборонного назначения имеет специфику прохождения разрешительных процедур. Статья 48.1 ГрК РФ выделяет особо опасные, технически сложные и уникальные объекты, для которых предусмотрен обязательный государственный строительный надзор (ст. 54 ГрК РФ). Строительство значительной части военных объектов подпадает под данную категорию, что предполагает систематический выездной контроль со стороны уполномоченных органов. При этом требования Закона РФ № 5485-1 «О государственной тайне» [7] ограничивают открытость процедур строительного надзора, что обусловливает необходимость соблюдения режима секретности не только при выполнении строительных работ, но и в процессе их экспертизы и государственной приёмки.

Контрольно-надзорная система в сфере ГОЗ, включая строительную деятельность, является многоуровневой. Прокуратура РФ осуществляет надзор за законностью в целом, ФАС России контролирует соблюдение антимонопольного законодательства и порядка ценообразования, Федеральное казначейство обеспечивает контроль за целевым расходованием бюджетных средств на счетах по ГОЗ, а Министерство обороны РФ через институт военных представительств осуществляет технический и качественный контроль непосредственно на объектах строительства. Совокупность этих механизмов призвана исключить нецелевое использование средств, завышение сметной стоимости строительства и нарушение сроков ввода объектов в эксплуатацию. Вместе с тем на практике нередко возникают коллизии между полномочиями различных контролирующих органов, что требует более чёткой законодательной регламентации разграничения их компетенции.

Система административной ответственности в сфере государственного оборонного заказа характеризуется избыточной репрессивностью, оказывающей сдерживающее воздействие на участников строительной кооперации. О.А. Беляева, П.П. Кабытов и В.И. Кузнецов констатируют «наличие дестимулирующего эффекта ряда норм и необходимость использования альтернативных механизмов защиты прав и законных интересов участников отношений по государственному оборонному заказу». Они особо подчёркивают, что «административное регулирование должно ограничиваться только тем необходимым минимумом ограничений, которые обеспечивают защиту интересов государства и общества» [15]. Те же авторы прямо указывают, что «отсутствие целостной концепции совершенствования законодательства о государственном оборонном заказе и, как следствие, бессистемность вносимых корректировок выступают причинами формирования в нём не только межотраслевых, но и внутриотраслевых коллизий» – обстоятельства, в полной мере характерного и для строительного сегмента ГОЗ. Применительно к строительным контрактам избыточность административного давления проявляется прежде всего в том, что составы правонарушений, предусмотренные ст. 7.29-7.32 КоАП РФ, а также специальные нормы гл. 14 и 15 КоАП РФ о нарушениях в сфере закупок и ГОЗ, применяются нередко без учёта степени реального ущерба для государственных интересов, что создаёт атмосферу правовой неопределённости для добросовестных участников оборонного строительства и в итоге сужает круг потенциальных подрядчиков.

В.Е. Белов [13] обращает внимание на то, что в строительном сегменте ГОЗ наибольшее число правонарушений связано с необоснованным завышением начальной максимальной цены контракта и включением в смету фактически не выполненных работ. По мнению автора, системное решение данной проблемы возможно через усиление роли государственной экспертизы сметной документации и более широкое применение банковского сопровождения при финансировании строительства в рамках оборонного заказа.

Проблема соотношения открытости закупочных процедур и требований государственной тайны остаётся одной из ключевых в данной области. Закон № 44-ФЗ предусматривает единую информационную систему в сфере закупок как основной инструмент обеспечения прозрачности. Однако в отношении ГОЗ действие ряда публичных требований ограничено в силу закона о государственной тайне. Закон № 275-ФЗ предусмотрел возможность размещения закупок по ГОЗ у единственного подрядчика в случаях, когда проведение конкурентных процедур невозможно по соображениям обеспечения государственной безопасности (п. 2 ч. 1 ст. 8 Закона № 275-ФЗ). Данная норма, хотя и обоснована с точки зрения государственных интересов, создаёт повышенные риски злоупотреблений, что делает институт ответственности в данной сфере особенно значимым.

Коллизия между требованиями прозрачности закупочных процедур и охраной государственной тайны приобретает в строительном сегменте ГОЗ особую остроту, поскольку непосредственно затрагивает способность государственных заказчиков привлекать добросовестных подрядчиков. Авторы Е.М. Ворожцова и А.М. Ворожцов констатируют, что «в настоящее время в сфере государственного оборонного заказа создались условия, когда сформированы малоэффективные и в некоторых направлениях вредоносные правовые регуляторы…, пробелы в законодательстве дают дополнительные возможности для мошенников. Практическая реализация осуществления закупок в рамках ГОЗ вызывает сложности у

государственных заказчиков на стадии подготовки и утверждения закупочной документации, при проведении торгов по определению поставщика, а также в процессе заключения государственного контракта и его исполнения» [16]. О.А. Беляева, П.П. Кабытов и В.И. Кузнецов обращают внимание на то, что «в сфере государственного оборонного заказа наблюдаются негативные тенденции, которые выражаются в формировании малоэффективных и отчасти деструктивных правовых механизмов, административных барьеров. Это является следствием отсутствия концептуального теоретического осмысления данных правовых отношений, дефицита сбалансированного применения разноотраслевых правовых средств» [15].

Таким образом, как законодательные пробелы, так и избыточность требований одновременно формируют взаимоисключающие риски: с одной стороны – риск злоупотреблений в условиях закрытых и непрозрачных процедур, с другой – риск административного давления, отпугивающего квалифицированных подрядчиков от участия в строительстве объектов оборонной инфраструктуры. Разрешение данного противоречия видится в разработке чётких критериев разграничения публично раскрываемой и конфиденциальной информации о строительных контрактах по ГОЗ на уровне ведомственных методических актов, что позволило бы обеспечить правовую определённость для всех участников правоотношений.

Система ответственности за нарушения в сфере ГОЗ включает гражданско-правовую, административную и уголовную составляющие. Гражданско-правовая ответственность реализуется в соответствии с нормами ГК РФ о неустойке, убытках и расторжении контракта и дополняется специальными санкциями, предусмотренными самим государственным контрактом. Административная ответственность установлена ст. 14.55 КоАП РФ [5] и предусматривает штрафы за нарушение условий государственного контракта по ГОЗ. Уголовная ответственность закреплена в ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, введённых специально для противодействия злоупотреблениям в сфере оборонных закупок, в том числе при строительстве объектов оборонной инфраструктуры. Таким образом, комплексный характер ответственности отражает публичную значимость отношений по ГОЗ и нацелен на обеспечение неотвратимости наказания за нарушение требований данного законодательства.

Правовое регулирование государственного оборонного заказа в сфере капитального строительства представляет собой сложную, многоуровневую систему норм, в которой специальное законодательство об оборонном заказе взаимодействует с нормами ГрК РФ, ГК РФ, БК РФ, КоАП РФ, УК РФ и рядом подзаконных актов. Системообразующим актом в данной сфере выступает Закон № 275-ФЗ, устанавливающий особый режим размещения заказа, ценообразования, финансирования и контроля. Практическая реализация норм об оборонном строительстве сопряжена с рядом устойчивых проблем: коллизиями между нормами специального и общего законодательства, сложностью ценообразования при многолетних строительных проектах, ограниченной прозрачностью закупочных процедур в условиях режима государственной тайны и недостаточной чёткостью разграничения компетенции контролирующих органов. Совершенствование данного института требует как точечных законодательных изменений в части регламентации ценообразования и сметного нормирования применительно к объектам ГОЗ, так и более последовательного правоприменения в части привлечения к ответственности за злоупотребления при исполнении строительных контрактов оборонного назначения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.03.2026).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 19.12.2004 № 190-ФЗ (в ред. от 30.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (в ред. от 29.05.2023) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.

9. Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 14.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.
10. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2013 № 1255 «О правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей» (в ред. от 30.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 2 (ч. II). Ст. 93.
12. *Андреева Л.В.* Правовое регулирование государственных закупок: монография. М.: Проспект, 2023. 256 с.
13. *Белов В.Е.* Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 304 с.
14. *Кикавец В.В.* Государственные закупки: правовое регулирование: монография. М.: Юстиция, 2023. 320 с.
15. *Беляева О.А., Кабытов П.П., Кузнецов В.И.* Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты // Журнал российского права. 2019. № 9 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-tsivilisticheskiy-i-administrativno-pravovoy-aspekty (дата обращения: 25.03.2026).
16. *Ворожцова Е.М., Ворожцов А.М.* Правовое регулирование размещения государственного оборонного заказа // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 11 (121) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razmescheniya-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza (дата обращения: 25.03.2026).
17. *Павлов Д.М., Девятайкин Н.А.* Особенности, проблемы и пути их решения при строительстве в рамках государственного заказа, а также государственного оборонного заказа // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3 (136) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-problemy-i-puti-ih-resheniya-pri-stroitelstve-v-ramkah-gosudarstvennogo-zakaza-a-takzhe-gosudarstvennogo-oboronnogo-1 (дата обращения: 25.03.2026).

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended and approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) [Electronic resource].Available at: http://www.pravo.gov.ru (accessed: 25.03.2026) (In Russian).
2. Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FZ (as amended on 28.12.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3823 (In Russian).
3. Urban Planning Code of the Russian Federation of 19.12.2004 № 190-FZ (as amended on 30.01.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (Part 1).Art. 16 (In Russian).
4. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 № 14-FZ (as amended on 24.06.2025). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410 (In Russian).
5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 08.05.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (Part 1). Art. 1 (In Russian).
6. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 20.02.2026). Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954 (In Russian).
7. Law of the Russian Federation of 21.07.1993 № 5485-1 "On State Secrets" (as amended on 04.08.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. № 41. Art. 4673 (In Russian).
8. Federal Law of 29.12.2012 № 275-FZ "On State Defense Order" (as amended on 29.05.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (Part 1). Art. 7600 (In Russian).
9. Federal Law of 18.07.2011 № 223-FZ "On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" (as amended on 14.11.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. № 30 (Part 1). Art. 4571 (In Russian).
10. Federal Law of 05.04.2013 № 44-FZ "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for the Enforcement of State and Municipal Needs" (as amended on 25.12.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1652 (In Russian).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 26.12.2013 № 1255 "On the Rules for Developing the State Defense Order and Its Main Indicators" (as amended on 30.03.2023). Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 2 (Part II). Art. 93 (In Russian).
12. *Andreeva L.V.* (2023) Legal Regulation of Public Procurement: Monograph. Moscow: Prospect Publishing, 256 p. (In Russian).
13. *Belov V.E.* (2023) Supply of Goods, Performance of Work, Provision of Services for State Needs: Legal Regulation: Monograph. Moscow: Norma Publishing, INFRA-M Publishing, 304 p. (In Russian).
14. *Kikavets V.V.* (2023) Public Procurement: Legal Regulation: Monograph. Moscow: Yustitsiya Publishing, 320 p. (In Russian).

15. *Belyaeva O.A., Kabitov P.P., Kuznetsov V.I.* (2019) Legal regulation of state defense procurement: civilistic and administrative-legal aspects. *Journal of Russian Law*, № 9 [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-tsivilisticheskiy-i-administrativno-pravovoy-aspekty (accessed: 25.03.2026) (In Russian).
16. *Vorozhtsova E.M., Vorozhtsov A.M.* (2024) Legal regulation of the placement of state defense procurement. *Universum: Economics and Jurisprudence*, № 11 (121) [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-razmescheniya-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza (accessed: 25.03.2026) (In Russian).
17. *Pavlov D.M., Devyataikin N.A*. (2022) Features, problems and ways of their solution in construction within the framework of the state order, as well as the state defense order. *Current Problems of Russian Law*, № 3 (136) [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-problemy-i-puti-ih-resheniya-pri-stroitelstve-v-ramkah-gosudarstvennogo-zakaza-a-takzhe-gosudarstvennogo-oboronnogo-1 (accessed: 25.03.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026
Статья поступила после рецензирования: 27.04.2026
Статья поступила для публикации: 29.04.2026

Received: 04.04.2026
Revised: 27.04.2026
Accepted: 29.04.2026

УДК 347.963 DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_22_26

Волков Артем Александрович,
кандидат юридических наук, помощник военного прокурора Знаменского гарнизона, город Знаменск,
gt-king09@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. *В статье раскрываются особенности надзорной деятельности органов Прокуратуры Российской Федерации в сфере оборонно-промышленного комплекса в условиях ведения боевых действий на территории Украины, Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, а также контртеррористической операции в приграничных районах Белгородской, Брянской и Курской областей.*

Ключевые слова: прокурорский надзор, оборонно-промышленный комплекс, специальная военная операция, контртеррористическая операция, государственный оборонный заказ, вооружение, военная и специальная техника, ремонт, сервисное обслуживание, государственный контракт.

Для цитирования: *Волков А.А.* Проблемные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса в условиях ведения боевых действий // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 22-26. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_22_26

Artyom A. Volkov,
Ph.D. of Juridical Sciences, Assistant Military Prosecutor of the Znamensk Garrison, Znamensk,
gt-king09@mail.ru

PROBLEM ISSUES IN THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF LEGISLATION IN THE DEFENSE-INDUSTRIAL COMPLEX IN COMBAT CONDITIONS

Abstract *The article reveals the specifics of the supervisory activities of the bodies of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the sphere of the military-industrial complex in the context of military operations on the territory of Ukraine, the Donetsk and Lugansk People's Republics, the Zaporizhzhia and Kherson regions, as well as the counter-terrorism operation in the border areas of the Belgorod, Bryansk and Kursk regions.*

Keywords: prosecutorial supervision, military-industrial complex, special military operation, counter-terrorist operation, state defense order, weapons, military and special equipment, repair, maintenance, state contract.

For citation: Volkov A.A. (2026) Problem issues in the implementation of prosecutorial supervision of legislation in the defense-industrial complex in combat conditions. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 2026, № 2, pp. 22-26. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_22_26 (In Russian).

Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса остается одним из приоритетных направлений надзорной деятельности. Это требует от органов прокуратуры всех уровней – от центрального аппарата до сотрудников на местах – высочайшего уровня профессиональной подготовки и способности проводить длительные надзорные мероприятия, работать с внушительным объемом документов, нередко «на ходу» вникать в особенности функционирования технических устройств, производить математические вычисления по проектировке названных устройств [1-5]. Как показывает надзорная практика, для получения объективных, достоверных и значимых результатов отдать всё на откуп привлеченных специалистов, какими бы беспристрастными и компетентными они ни были, недостаточно. Прокурорскому работнику, которому поручено проведение

© Волков А.А., 2026

подобной проверки (надзорных мероприятий), необходимо лично вникать в особенности функционирования проверяемого объекта оборонно-промышленного комплекса, уметь понимать особенности применения государственных стандартов в ходе производства промышленной продукции, четко знать порядок приемки готовой продукции, ориентироваться в вопросах экономической деятельности проверяемого предприятия и др.

При осуществлении прокурорского надзора в сфере государственного оборонного заказа прокурорским работникам органов военной прокуратуры также необходимо четко знать пределы компетенции органов военного управления (командования воинских частей, соединений и выше), органов военной приемки (курирующих военных представительств) и предприятий военной промышленности.

Дополнительную сложность представляет повышенный объем документов, не подлежащих публикации в открытых источниках (то есть которым присвоены грифы «для служебного пользования», «конфиденциально» и др.) в связи с раскрытием сведений, составляющих служебную тайну в области обороны и безопасности государства, или сведения, составляющие государственную тайну. Вышеизложенное приводит к увеличению сроков проведения надзорных мероприятий и затруднению накопления необходимых материалов.

Тезис о повышенной степени важности подтверждается формулировками, используемыми в тексте приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.11.2018 № 723 (в ред. от 16.07.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» [6]. В п. 1 названного приказа нарушения закона в указанной сфере органам прокуратуры надлежит рассматривать как «одну из угроз безопасности Российской Федерации», что в целом нехарактерно для распорядительных документов надзорного ведомства.

Вопросы прокурорского надзора государственного оборонного заказа встают особенно остро в условиях проведения специальной военной операции (далее – СВО) на территории Украины, Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, а также контртеррористической операции (далее – КТО) в приграничных районах Белгородской, Брянской и Курской областей. На сегодняшний день нет эта тема не нашла пока своей разработки на уровне научных исследований; имеющиеся публикации не касаются данной проблематики [7-11].

Видится очевидным наличие двух основных препятствий для качественного проведения прокурорских проверок органами прокуратуры на обозначенных территориях в рассматриваемой сфере законодательства.

Первое. В связи с тем, что предмет надзорного интереса – штатные образцы вооружения, военной и специальной техники с сопутствующей инфраструктурой их ремонта и сервисного обслуживания – как правило, размещены на территории мест дислокации воинских частей Минобороны РФ либо иных органов государственной власти, военнослужащие которых привлечены к выполнению боевых задач СВО и КТО. В соответствии с п. 6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 (в ред. от 02.09.2024) № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» данные вопросы отнесены к компетенции органов военной прокуратуры. Пунктом 2.5 этого же приказа предписано предоставлять право прокурорам субъектов Российской Федерации поручать прокурорам по надзору за исполнением законов на особых режимных объектах осуществление надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина должностными лицами хозяйствующих субъектов, включенных в сводный реестр организаций оборонно-промышленного комплекса. Реестр формируется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, иных организаций при выполнении государственного оборонного заказа либо осуществлении хранения ценностей государственного материального резерва (на основании отдельного приказа прокурора субъекта Российской Федерации, утверждающего перечень таких хозяйствующих субъектов и организаций) [12].

Вместе с тем, надзорная практика свидетельствует о том, что представители предприятий военной промышленности фактически осуществляют свою деятельность непосредственно на территории дислокации войск.

Последнее, в свою очередь, создает следующие сложности. Во-первых, нынешние требования вышеперечисленных приказов Генерального прокурора Российской Федерации предписывают делать акцент надзорной деятельности именно на предприятиях военной промышленности. При этом надзирающие специализированные прокуратуры (по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах) дислоцируются по месту нахождения юридических адресов данных предприятий. К примеру, выездная ремонтная бригада предприятия N осуществляет свою деятельность в зоне СВО, в то время как руководство предприятия находится на удалении нескольких сотен, а то и тысяч километров. Ситуация усугубляется тем, что указанные специализированные прокуратуры почти не проводят выездные проверки вышеупомянутых ремонтных бригад по тем

или иным причинам. В связи с этим надзирающим военным прокурорам на местах (в зонах СВО и КТО) не представляется возможным в полном объеме установить сложившуюся надзорную ситуацию и принять по результатам проверки законное и обоснованное решение. Они полномочны провести проверку лишь в отношении должностных лиц командования воинских частей, на чьей территории представителями предприятий военной промышленности осуществляется ремонт и сервисное обслуживание вооружения, военной и специальной техники (далее – ВВСТ). Проверять деятельность работников предприятия указанной категории офицеры военной прокуратуры не уполномочены, поскольку в этом случае они выходят за пределы своих полномочий, а фактически полученные результаты будут попросту нелегитимны, несмотря на де-факто имеющиеся нарушения закона.

Во-вторых, надзорная практика показывает, что сложившиеся ранее (до 24.02.2022) тактики и методики проведения в войсках прокурорских проверок в сфере государственного оборонного заказа, в том числе по обстоятельствам ремонта и сервисного обслуживания ВВСТ, в условиях выезда в войска, непосредственно участвующие в боевых действиях, оказываются малоэффективны. Интересующая проводящих проверку офицеров военной прокуратуры документация, раскрывающая организацию и ход ремонта и обслуживания ВВСТ, как правило, находится по местам пунктов постоянной дислокации воинских частей, то есть – на существенном отдалении от зон СВО и КТО ввиду особенностей обстановки и из соображений обеспечения сохранности данной документации. Для достижения какого-либо результата прокурорскому работнику зачастую приходится прибегать к упрощениям с целью экономии времени в условиях повышенной рабочей нагрузки. Эти упрощения также ограничены требованиями закона и руководящими документами, регламентирующими вопросы защиты государственной и иной охраняемой законом тайны. Итогом таких проверок зачастую является лишь представление об устранении нарушений закона в адрес командира проверяемой воинской части, а также информация в адрес надзирающего за предприятием военной промышленности прокурора либо прокурора субъекта Российской Федерации. Данное положение дел не соответствует требованиям приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.11.2018 № 723 и делает их фактически не выполнимыми.

Второе. Как свидетельствует надзорная практика, подавляющее большинство подобных проверок проводится офицерами военной прокуратуры так называемым выездным методом, то есть с выездом по месту временной дислокации войск, на чьей территории осуществляют свою деятельность представители предприятий военной промышленности. Нередко такие выезды сопряжены с риском для здоровья и жизни прокурорских работников ввиду подверженности данной территории огневому воздействию противника, в том числе беспилотными летательными аппаратами. Из соображения безопасности, время проведения надзорных мероприятий приходится существенно ограничивать, а от так называемого прокурорского десанта и вовсе отказаться, что неминуемо отражается на их качестве.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости переработки руководящих документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, касающихся разграничения компетенции прокуроров территориальных и специализированных (в том числе военных) прокуратур, пересмотра методики проведения прокурорских проверок в сфере государственного оборонного заказа, в том числе по обстоятельствам ремонта и сервисного обслуживания ВВСТ в условиях проведения СВО и КТО.

При надлежащей работе по совершенствованию взаимодействия военных прокуроров и прокуроров специальных прокуратур по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах, по нашему мнению, удастся достичь значительных результатов надзорной деятельности на анализируемом направлении, как предписывают требования приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.11.2018 № 723.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее.

1. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса в условиях проведения СВО и КТО является одним из наиболее актуальных и приоритетных направлений надзорной деятельности.

2. Основные требования приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 02.11.2018 № 723 о применении полного спектра мер прокурорского реагирования при выявлении нарушений закона в названной сфере в нынешних условиях не только не утратили свою актуальность, но и приобрели первостепенное значение в работе органов прокуратуры, в особенности органов военной прокуратуры.

3. Сложившиеся ранее тактика и методика проведения проверок в упомянутой выше сфере законодательства не отвечает реалиям работы прокуроров и военных прокуроров в зонах СВО и КТО.

4. Особенности дислокации представителей предприятий военной промышленности и воинских частей, выполняющих боевые задачи СВО и/или КТО, сигнализируют о необходимости совершенствования взаимодействия надзирающих специализированных прокуроров, а также пересмотра (уточнения) компетенции последних в части, касающейся условий СВО и КТО.

5. Для решения вышеописанных проблем возможно осуществление одного из двух вариантов:

1) передать военным прокурорам полномочия по надзору за предприятиями военной промышленности в части, касающейся представителей данных предприятий на территории боевых действий;

2) усилить присутствие прокурорских работников, надзирающих за указанными предприятиями в зонах СВО и КТО, для обеспечения возможности проведения совместных выездных проверок с офицерами местных органов военной прокуратуры.

Список литературы

1. *Бодрунов С.Д, Никитина Н.А., Глумина Н.М.* Правовое регулирование оборонно-промышленного комплекса страны // Экономическое возрождение России. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-oboronno-promyshlennogo-kompleksa-strany (дата обращения: 23.02.2026).
2. *Закомолдин Р.В.* Роль военной прокуратуры в обеспечении оборонной безопасности и противодействии правонарушаемости в военно-служебной сфере на современном этапе // Искусство правоведения. 2025. № 2. С. 88-95.
3. *Савина Г.С.* Проблемы правового регулирования государственного оборонного заказа // Молодой ученый. 2024. № 9. С. 265-266.
4. *Нестеренко А.В., Яловой О.А.* К вопросу об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе и правовом регулировании // Молодой ученый. 2022. № 46. С. 294-296.
5. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса [Электронный ресурс]. URL: https://www.procuror.spb.ru/doc2/111/pr.pdf (дата обращения: 14.01.2026).
6. Приказ Генпрокуратуры России от 02.11.2018 № 723 (ред. от 16.07.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310708/ (дата обращения: 14.01.2026).
7. *Далёкин П.И.* Проблемы правового обеспечения выполнения государственного оборонного заказа в Российской Федерации // Вестник нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-obespecheniya-vypolneniya-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-v-rossii-skoi-federatsii (дата обращения: 23.02.2026).
8. *Елошников М.И.* Методы формирования цены государственного оборонного заказа и проблемы контроля рентабельности // Молодой учёный. 2022. № 43. С. 92-94.
9. *Новоспасская Е.Д.* Методы формирования государственного оборонного заказа в промышленности в современных условиях // Экономические науки. 2024. № 8 (237). С. 196-201.
10. *Михайлов С.В., Бабкин А.В., Михайлов В.В.* Методологические основы формирования и выполнения гособоронзаказа в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 3. С. 81-86.
11. *Ширенин Р.П.* Принципы государственного финансового контроля в сфере государственного оборонного заказа // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167, № 1. С. 184-197.
12. Приказ Генпрокуратуры России от 07.05.2008 № 84 (ред. от 02.09.2024) «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/e5959600/ (дата обращения: 20.01.2026).

References

1. *Bodrunov S.D., Nikitina N.A., Glumina N.M.* (2015) Legal regulation of the country's defense-industrial complex. *Russia's Economic Revival*, № 2 [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-oboronno-promyshlennogo-kompleksa-strany (accessed: 23.02.2026) (In Russian).
2. *Zakomoldin R.V.* (2025) The role of the military prosecutor's office in ensuring defense security and combating offenses in the military service sphere at the present stage. *Art of Jurisprudence*, № 2, pp. 88-95 (In Russian).
3. *Savina G.S.* (2024) Problems of legal regulation of state defense orders. *Young Scientist*, № 9, pp. 265-266 (In Russian).
4. *Nesterenko A.V., Yalovogo O.A.* (2022) On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Legislation on State Defense Orders and Legal Regulation. *Young Scientist*, № 46, pp. 294-296 (In Russian).
5. Prosecutor's Supervision over the Implementation of Legislation in the Defense-Industrial Complex [Electronic resource]. Available at: https://www.procuror.spb.ru/doc2/111/pr.pdf (accessed: 14.01.2026) (In Russian).
6. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 02.11.2018 № 723 (as amended on 16.07.2024) «On the Organization of Prosecutor's Supervision over the Implementation of Laws in the Defense-Industrial Complex» [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310708/ (accessed: 14.01.2026) (In Russian).
7. Dalekin P.I. (2018) Problems of legal support for the fulfillment of state defense orders in the Russian Federation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 1 (41) [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravovogo-obespecheniya-vypolneniya-gosudarstvennogo-ob-

oronnogo-zakaza-v-rossii-skoi-federatsii (accessed: 23.02.2026) (In Russian).
8. *Eloshnikov M.I.* (2022) Methods of forming the price of the state defense order and problems of profitability control. *Young Scientist*, № 43, pp. 92-94 (In Russian).
9. *Novospasskaya E.D.* (2024) Methods of Forming State Defense Orders in Industry in Modern Conditions. *Economic Sciences*, № 8 (237), pp. 196-201 (In Russian).
10. *Mikhailov S.V., Babkin A.V., Mikhailov V.V.* (2023) Methodological Foundations of Forming and Executing State Defense Orders in Modern Conditions. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, № 3, pp. 81-86 (In Russian).
11. *Shirenin R.P.* (2025) Principles of State Financial Control in the Sphere of State Defense Orders. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, vol. 167, № 1, pp. 184-197 (In Russian).
12. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 07.05.2008 № 84 (as amended on 02.09.2024) "On the delimitation of the competencies of prosecutors of territorial, military and other specialized prosecutor's offices" [Electronic resource]. Available at: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/e5959600/ (accessed: 20.01.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026	Received: 18.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 23.04.2026	Revised: 23.04.2026
Статья поступила для публикации: 28.04.2026	Accepted: 28.04.2026

УДК 342.25:340.132

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_27_34

Гадельшина Лиана Ильгизовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и уголовно-правовых дисциплин,
Российский новый университет, Москва,
liananig1@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАДЕЛЕНИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ЖИВОТНЫМИ БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу государственного полномочия по обращению с животными без владельцев, практике его осуществления органами местного самоуправления. Выявлены проблемы правового регулирования и правоприменения в рассматриваемой сфере. Сделан вывод, что органы государственной власти субъекта не должны оставлять выполнение государственного полномочия в сфере обращения с животными без владельцев исключительно за муниципалитетами: необходима выработка единых подходов к решению проблемы в масштабах всего государства.*

Ключевые слова: бездомные собаки, безнадзорные животные, обращение с животными, наделение полномочиями, делегирование полномочий, государственное полномочие, местное самоуправление, отдельные государственные полномочия, животные без владельца.

Для цитирования: *Гадельшина Л.И.* Актуальные вопросы наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по обращению с животными без владельцев // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. 27-34. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_27_34

Liana I. Gadelshina,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Department of Public Law and Criminal Law Disciplines, Russian New University, Moscow,
liananig1@yandex.ru

CURRENT ISSUES ON GRANTING LOCAL GOVERNMENTS CERTAIN STATE POWERS TO DEAL WITH STRAY ANIMALS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the state authority to deal with unowned animals and the practice of its implementation by local self-government bodies. The problems of legal regulation and law enforcement in this area have been identified. It is concluded that the state authorities of the subject should not leave the implementation of the state authority to deal with unowned animals to the municipalities only, and it is necessary to develop unified approaches to solving this problem throughout the country.*

Keywords: stray dogs, neglected animals, animal welfare, empowerment, delegation of authority, state authority, local self-government, separate state authorities, animals without owners.

For citation: Gadelshina L.I. (2026) Current issues on granting local governments certain state powers to deal with stray animals. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 27-34. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_27_34 (In Russian).

Несмотря на проведенные конституционные преобразования, совершенствование организации публичной власти, реформирование местного самоуправления, введенную административную ответственность владельцев животных (ст. 8.52 КоАП РФ) [1], в нашем государстве остается нерешенной проблема обращения с безнадзорными животными. По всей России наблюдается неутешительная статистика причинения гражданам вреда здоровью или лишения жизни собаками, оставшимися по разным причинам без владения. Согласно свидетельствам из различных источников, включая выступления официальных должностных лиц, в 2024 году зафиксировано 237 тысяч обращений по поводу укусов собак [2], безнадзорные собаки в 2024 году унесли жизни 27 детей, около 2,5 млн граждан пострадали от нападения собак с 2018 года по ноябрь 2025-го [3].

© Гадельшина Л.И., 2026

Регионами – лидерами по количеству разного рода нападений животных на людей в 2025 году стали: Московская область – 19,8 тыс. случаев, Волгоградская область – 10,6 тыс. случаев, Татарстан – 10,3 тыс. случаев [4], Санкт-Петербург – 9,9 тыс. случаев, а также Краснодарский край, Самарская область, Дагестан, Башкирия и др. [5].

По данным Следственного комитета отмечается рост уголовных дел по фактам подобных происшествий: в 2022 году было возбуждено 78 уголовных дел, в 2023 году – 185, в 2024-м – 408 [6]. Судебные разбирательства тянутся годами, в то время как жизнь человека – чьей-то матери, дочери, жены, сына – уже не вернуть.

Для понимания масштаба проблемы, тяжести последствий ненадлежащего решения государственной задачи по обращению с безнадзорными животными уместно привести примеры резонансных случаев. В августе 2023 года в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области прямо на крыльце стационара областной больницы нападением и укусом собаки гражданину причинено телесное повреждение в виде рваной укушенной раны левой голени, что подтверждается судебным разбирательством о взыскании морального вреда с районной администрации в сентябре 2024 года [7]. 9 ноября 2024 года в поселке Константиново Республики Татарстан 49-летняя женщина была до смерти истерзана стаей собак по пути на работу [8]. В декабре 2025-го в столице Тывы Кызыле собака растерзала лицо ребенку. В феврале 2025 года в Ставропольском крае стая бездомных собак загрызла 9-летнюю девочку [9]. В октябре 2025 года в Красноярском крае произошло смертельное нападение собак на 10-летнего мальчика; тело ребёнка с признаками укусов было обнаружено в Березовском районе [9]. В ноябре 2025 года на остановке у пос. Васильево Зеленодольского района Республики Татарстан на 9-летнюю школьницу напала стая из 10 собак; через 3 недели от полученных травм девочка скончалась [10]. Как правило, к юридической ответственности привлекаются владельцы животных, собственники питомников, с которыми муниципалитеты заключили контракты, представители местных администраций. Однако важно отметить, что обращение с безнадзорными животными является, прежде всего, государственным полномочием.

Согласно п. 143 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации относится установление порядка организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в них, порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев, а также организация мероприятий при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев [11].

Применительно к правовой природе рассматриваемого полномочия важно подчеркнуть, что оно напрямую не отнесено в ст. 72 Конституции РФ к предметам совместного ведения России и ее субъектов, однако является таковым, поскольку производно от полномочия по защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности. Как пояснил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 4 декабря 2023 года № 55-П, деятельность по обращению с животными без владельцев направлена, в первую очередь, на поддержание общественной безопасности. Как в смысле устранения физической угрозы гражданам от таких животных, так и в смысле обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия [12]. Выполняя полномочие по обращению с животными без владельцев, государство реализует свой статус правового, социального государства, обеспечивает конституционные права человека на жизнь, достоинство личности, охрану здоровья и медицинскую помощь, на благоприятную окружающую среду, а также претворяет в жизнь гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина.

При обсуждении вопросов обеспечения обращения с безнадзорными животными используются два понятия: «безнадзорное животное» (в ст. 230, 231 ГК РФ [13], и «животное без владельца» (в Федеральном законе от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 498-ФЗ) [14]. В отличие от первого понятия второе имеет легальное определение – это животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен (п. 6 ст. 3 ФЗ № 498-ФЗ). Определение безнадзорного животного можно вывести на основании истолкования, данного Конституционным Судом РФ: это домашнее животное, у которого может быть владелец и оно лишь временно оказалось без надзора [15]. Таким образом, указанные смежные понятия имеют разное правовое значение: регулирование отношений по поводу безнадзорных животных связано с частноправовыми аспектами приобретения права собственности, а деятельность по обращению с животными без владельцев – с публично-правовой функцией обеспечения общественной безопасности.

Применительно к содержанию деятельности по обращению с животными без владельцев следует отметить, что первоначальная редакция ст. 3 относила к ней деятельность, включающую в себя отлов животных без владельцев, их содержание (в том числе лечение, вакцинацию, стерилизацию), возврат на прежние места

их обитания и иные мероприятия, предусмотренные Федеральным законом № 498-ФЗ. Позже в данную норму были внесены изменения: из содержания деятельности по обращению с животными без владельцев исключены стерилизация, лечение, вакцинация, возврат на прежние места обитания и установлено, что порядок обращения с такими животными устанавливается законом субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 7 ФЗ № 498-ФЗ) [16]. То есть деятельность по обращению с животными без владельцев может включать любые мероприятия, которые посчитает необходимым и достаточным субъект РФ с учетом рисков, обусловленных географическими, климатическими, социально-экономическими и иными объективными факторами своего региона. При этом дискреция регионального законодателя ограничена целями правового регулирования отношений в области обращения с животными, а также нравственными принципами и принципами гуманности обращения с ними, установленными статьями 1 и 4 ФЗ № 498-ФЗ. Важно отметить, что Конституционным Судом РФ допущено умерщвление животных без владельцев, размещенных в местах и пунктах временного содержания животных, не являющихся приютами для животных в следующих случаях: если конкретное животное без владельца совершило нападение на человека или проявляет немотивированную агрессивность; либо является носителем возбудителя опасной болезни или болеет ею; в случаях необходимости прекращения непереносимых физических страданий неизлечимого животного; в связи со сложившейся в субъекте РФ или на части его территории экстраординарной ситуацией с обеспечением безопасности граждан от нападений животных без владельцев или от распространения переносимых ими опасных для человека болезней. Перечисленные ситуации могут служить причиной умерщвления бездомного животного при следующих условиях: установление разумного срока для обнаружения животного его владельцем; применяемая мера должна быть исключительной и временной [17].

Следует констатировать, что в России устоялась практика по передаче государственного полномочия по обращению с животными без владельцев органам местного самоуправления, как это допускает ч. 2 ст. 132 Конституции РФ [18].

Так, под наделением отдельными государственными полномочиями понимается передача (делегирование) органам местного самоуправления на основании федерального закона или закона субъекта Российской Федерации отдельных полномочий (определенных прав и обязанностей) органов государственной власти для временного или постоянного осуществления под контролем государства с передачей соответствующих материальных и финансовых средств [19, с. 32-33].

Наделение органов местного самоуправления в сфере обращения с животными регламентируется целым рядом законодательных актов: Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (действующим пока частично в условиях муниципальной реформы, проводимой в России в связи с встраиванием местного самоуправления в единую систему публичной власти; далее по тексту - ФЗ № 33-ФЗ) [19], ФЗ от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», а также специальным ФЗ № 498-ФЗ (ст. 8), которым определяются полномочия органов местного самоуправления в области обращения с животными.

Наделение отдельными государственными полномочиями возможно только законом (федеральным либо региональным) и только с одновременной передачей финансовых и материальных средств в достаточном для их выполнения объеме. Данное положение закреплено на конституционном уровне Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [20]. Подзаконный акт, обычай практики не могут явиться основанием для делегирования государственного полномочия, а значит, и для их финансирования. Позиция судов по делам о взыскании с субъекта РФ компенсации расходов по выполнению полномочий в сфере обращения с безнадзорными животными, понесенных органом местного самоуправления до принятия закона субъекта РФ о наделении такими полномочиями, однозначна [21]: все произведенные расходы, даже при наличии доказательств в виде контрактов об оказании услуг по отлову и содержанию безнадзорных животных, признаются понесенными за счет средств местного бюджета, а исполненные полномочия квалифицируются как полномочия, право на участие в которых реализовано муниципалитетом на основании положений законодательства о местном самоуправлении (п. 14 ч. 1 ст. 14.1, п. 15 ч. 1 ст. 16.1 ФЗ № 131-ФЗ [22]; ст. 37 ФЗ № 33-ФЗ, вступающей в силу с 01 января 2027 года).

Финансовое обеспечение расходов по обращению с безнадзорными животными довольно часто носит спорный характер [23]. Приведем пример правового спора, разрешенного Конституционным Судом РФ. Согласно п. 1 ст. 231 ГК РФ муниципалитету переходит право собственности на обнаруженных безнадзорных животных после шестимесячного срока, если прежний владелец не объявился и не заявил о правах, а лицо, обеспечивавшее их содержание, от приобретения отказалось. Регулируемые указанной

нормой отношения на первый взгляд схожи с деятельностью по обращению с животными без владельцев, что на практике ошибочно трактовалось как возможность возложения на муниципальное образование расходов по содержанию отловленных животных вопреки воле органа местного самоуправления без проведения процедуры наделения отдельными государственными полномочиями. Таким образом, возникало противоречие между установленным правовым механизмом принятия безнадзорного животного в муниципальную собственность и принципом самостоятельности местного самоуправления. Конституционный Суд РФ [24], опираясь на принцип единства системы публичной власти, принципы целевой направленности публичной собственности, принцип разграничения полномочий между территориальными уровнями публичной власти и принцип финансово-экономического обеспечения местного самоуправления соразмерно его полномочиям, разграничил гражданско-правовой институт муниципальной собственности на домашнее животное, временно оказавшееся без надзора его владельца, и публично-правовой институт государственного полномочия по обращению с животными без владельцев.

Первый институт регулирует частноправовые отношения, возникающие по поводу задержания потерявшегося домашнего животного, у которого предположительно имеется собственник, розыска собственника и возвращения животного ему и нацелены на снятие с лица добровольно принятую на себя обязанность по содержанию найденных животных, а также предотвращение возвращения животного в безнадзорное состояние. Суд отметил, что «данное регулирование предполагает необходимость достижения надлежащего баланса блага для муниципального образования как приобретателя безнадзорных животных в собственность в силу закона и бремени, которое уравновешивается также отмеченным вспомогательным характером механизма принятия животных в муниципальную собственность».

Второй институт объединяет нормы о государственном полномочии по обращению с бездомными животными, у которых нет собственников, в соответствии с федеральными законами «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и «Об ответственном обращении с животными…», которое относится к компетенции региона и муниципалитетом может осуществляться либо на основании закона субъекта Федерации о наделении данным полномочием (ст. 34 ФЗ № 33-ФЗ) либо на основании решения представительного органа местного самоуправления о добровольном решении вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения (п. 14 ч. 1 ст. 14.1 ФЗ № 131-ФЗ (утрачивает силу с 01 января 2027 года); ст. 36 ФЗ № 33-ФЗ (вступает в силу с 01 января 2027 года)). Поэтому животные, в отношении которых произведены меры в соответствии с Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными…» в муниципальную собственность не переводятся, и расходы на их содержание безоговорочно на муниципалитеты возложены быть не могут.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в очередной раз стоит на страже конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления, который не допускает вмешательство органов государственной власти в деятельность местного самоуправления и возложение на него государственных функций без передачи достаточного объема финансовых и материальных средств.

Вместе с тем, на наш взгляд, анализируемое постановление не внесло ясности в ряд вопросов, вытекающих из установленного п. 1 ст. 231 ГК РФ порядка перехода права собственности на найденное животное. Во-первых, за чей счет должно осуществляться содержание животного, собственность на которое по закону перешла муниципалитету? Во-вторых, к полномочиям какого уровня публичной власти – субъекта РФ или муниципального образования – относится создание мест содержания такого животного и организация поиска собственника для него в случае, когда государственное полномочие по обращению с животными без владельца не делегировано органу местного самоуправления и муниципалитетом не принято решение о добровольной реализации полномочия по данному вопросу?

Представляется, что устранение этих неясностей отдано на откуп федеральному и региональному законодательству, в чьем ведении, как отдельно отметил Конституционный Суд РФ, находится нормотворчество по вопросам делегирования полномочий по обращению с животными без владельцев и по вопросам управления и распоряжения поступившими в муниципальную собственность безнадзорными животными как муниципальным имуществом (абз. 2 п. 4. 3 Постановления Конституционного Суда РФ № 55-П).

Еще один важный аспект, влияющий на эффективность решения проблемы с безнадзорными животными, – государственный контроль реализации переданных полномочий, закрепленный на конституционном уровне. Согласно ст. 132 Конституции РФ осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, которыми они наделены, подконтрольно государству. В силу п. 9 ст. 34 ФЗ № 33-ФЗ органы государственной власти осуществляют контроль осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, а также за использованием предо-

ставленного на эти цели имущества. Это означает, что государство не может полностью снять с себя ответственность за осуществление делегированных полномочий, «избавившись» от них посредством издания закона о наделении ими нижнего уровня публичной власти. Подобной позиции придерживаются судебные органы [25].

Напротив, после проведения процедуры наделения соответствующими полномочиями оно обязано контролировать качество их выполнения, оперативно реагировать на случаи, свидетельствующие о неэффективности их реализации и принимать действенные меры: не только меры юридической ответственности к виновным, которые ограничиваются лишь компенсационной и карательной функциями, но решения, направленные на устранение первопричин неудовлетворительного управления в данной сфере.

Согласно ч. 3 ст. 19 ФЗ № 498-ФЗ деятельность по обращению с животными без владельцев является предметом регионального государственного контроля, организация и осуществление которого регламентируется ФЗ от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [26]. Конкретные органы государственного контроля и порядок такого контроля определяются региональным законодательством. К примеру, государственный контроль в области обращения с животными в Московской области осуществляется Министерством сельского хозяйства и продовольствия Московской области [27], в Республике Татарстан – Главным управлением ветеринарии Кабинета Министров Республики Татарстан [28].

Должностные лица региональных органов государственного контроля наделены специальными полномочиями, например:

• запрашивать и получать информацию и документы;

• проводить проверки, оформляемые актами;

• беспрепятственно посещать и обследовать организации, содержащие животных;

• выдавать предписания об устранении выявленных нарушений;

• составлять протоколы об административных правонарушениях;

• рассматривать дела о соответствующих административных правонарушениях;

• направлять в уполномоченные органы материалы, связанные с нарушением законодательства в области обращения с животными, для решения вопросов о возбуждении дел об административных правонарушениях или уголовных дел.

При этом важно отметить, что в силу ч. 2 ст. 33 ФЗ № 33-ФЗ орган местного самоуправления несет юридическую ответственность за надлежащее выполнение делегированных государственных полномочий в пределах финансовых средств, предоставленных органом публичной власти субъекта РФ. С данным правилом согласуется относительно новая норма (введена в 2024 году) ч. 5 ст. 24.5 КоАП РФ [29], согласно которой при установлении факта неисполнения или ненадлежащего исполнения делегированных государственных полномочий по причине недостаточного объема субвенций для их осуществления производство по делу об административном правонарушении в отношении указанных органов местного самоуправления и их должностных лиц подлежит прекращению.

При этом, как справедливо отмечает Е.С. Шугрина [30], вопросы судебной защиты местного самоуправления были и остаются сложными. Судебная практика по рассматриваемым делам является разрозненной, суды редко учитывают факт недостаточного объема переданных муниципалитету субвенций, не исследуют вопросы надлежащего государственного контроля за осуществлением указанных полномочий, не привлекают государственные органы в качестве третьей стороны или соответчика. При этом Конституционный Суд РФ, подтвердивший конституционность ч. 5 ст. 24.5 КоАП РФ, указал, что «лежащая на органах государственной власти обязанность финансировать органами местного самоуправления переданные им полномочия, контролировать реализацию таковых, в том числе расходование полученных органами местного самоуправления бюджетных средств, предполагает осведомленность органов государственной власти о состоянии дел в данной области, в том числе о достаточности или недостаточности соответствующих субвенций» [31].

Важным полномочием регионального уровня публичной власти является изъятие отдельных государственных полномочий у органа местного самоуправления в соответствии с ч. 10 ст. 34 ФЗ № 33-ФЗ. Такая возможность закреплена за законодательным органом публичной власти субъекта РФ по любым основаниям, которые он сочтет достаточными.

Представляется, что в условиях отсутствия эффективной реализации на местном уровне полномочия в сфере обращения с безнадзорными животными региональным парламентам следует изменить подход к решению соответствующей государственной задачи: изъять полностью либо частично данное полномочие у муниципалитетов, а также принять новые управленческие решения. Например, рассмотреть целесообразность создания специализированного органа по выполнению отдельных функций в сфере обращения с животными без владельцев, внедрение технологий искусственного интеллекта, беспилотных средств, систем фиксации сигналов населения и др.

В сложившейся ситуации органы государственной власти субъекта не должны оставлять выполнение государственного полномочия в сфере обращения с животными без владельцев исключительно за муниципалитетами, необходима выработка единых подходов к решению проблемы в масштабах всего государства.

Список литературы

1. Федеральный закон от 13 июня 2023 года № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2023. 20 июня.
2. В 2024 году собаки покусали 237000 человек / А. Киселева, Е. Дорофеева, В. Крюков, Е. Мухаметшина [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/25/1094190-v-2024-godu-sobaki-pokusali-237-000-chelovek (дата обращения: 27.12.2025).
3. *Шатохина Н.* «27 детей съедены»: Останина раскрыла масштабы нападений собак на россиян [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/aQyeGMjh1h3knvxt (дата обращения: 06.11.2025).
4. *Соловьева Д.* Собаки лают – жертв уносят [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8208969 (дата обращения: 14.11.2025).
5. *Литвинов Д.* Больных и опасных собак предложили умерщвлять [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/social/bolnykh-i-opasnykh-sobak-predlozhili-umershhvlyat.html (дата обращения: 14.11.2025).
6. Следственным комитетом России подготовлены законодательные предложения, направленные на защиту людей от нападений собак [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/sledcom_press/19973 (дата обращения: 14.11.2025).
7. Решение № 2-731/2024 2-731/2024~М-640/2024 М-640/2024 от 05.09.2024 по делу № 2-731/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 14.11.2025).
8. В Казани год расследуют дело о смерти женщины, растерзанной стаей собак в Самосырово [Электронный ресурс]. URL: https://tnv.ru/news/the-incident/497795-v-kazani-god-rassleduyut-delo-o-smerti-zhenshchiny-rasterzannoy-staey-sobak-v-samosyrovo/ (дата обращения: 14.11.2025).
9. *Щербакова И.* Стая против закона: истории гибели детей на улицах российских городов [Электронный ресурс]. URL: https://ura.news/news/1053025209 (дата обращения: 14.11.2025).
10. «Страшное горе!»: после гибели ребенка в Татарстане меняют правила контроля за собаками [Электронный ресурс]. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/strasnoe-gore-posle-gibeli-rebenka-v-tatarstane-menyayut-pravila-kontrolya-za-sobakami-6010726 (дата обращения: 19.12.2025).
11. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2021. 27 декабря.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2023 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 231 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой городского округа Архангельской области «Город Новодвинск» // Российская газета. 2023. 18 декабря.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
14. Федеральный закон от 27 декабря 2018 года № 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 29 декабря.
15. Федеральный закон от 24 июля 2023 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 2 августа.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2024 года № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия // Российская газета. 2024. 26 июля.
17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 14.11.2025).
18. *Гадельшина Л.И.* Наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями субъекта Российской Федерации и их финансовое обеспечение: конституционно-правовое исследование: дис. … канд. юр. наук / Приволжский федеральный университет. Казань, 2014. 241 с.
19. Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025. 26 марта.
20. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. 2020. 16 марта.

21. Определение Верховного Суда РФ от 06.04.2016 № 302-ЭС16-2058 по делу № А19-2292/2015 // Документ опубликован не был.
22. Федеральный закон от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступил в силу с 01.01.2025)// Российская газета. 2003. 8 октября.
23. *Мадьярова А.В.* Обращение с безнадзорными животными – чья сфера ответственности? // Практика муниципального управления. 2013. № 4. С. 105-111.
24. *Поветкина Н.А., Леднева Ю.В.* Финансирование расходов на содержание бездомных домашних животных – право или обязанность муниципальных образований? // Финансовое право. 2023. № 6. С. 14-18.
25. Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 09 февраля 2026 года № 12-285/2026 (УИД 19RS0001-02-2025-012565-91) // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 23 декабря 2025 года по делу № 12-522/2025 (УИД 41RS0001-01-2025-010960-41) // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Благовещенского городского суда Амурской области от 04 декабря 2025 года по делу № 12-2180/2025 (УИД 28RS0004-01-2025-016250-51) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 5 августа.
27. Постановление Правительства Московской области от 21 сентября 2021 года № 890/33 (ред. от 17.06.2025) «О региональном государственном контроле (надзоре) в области обращения с животными на территории Московской области» // Официальный интернет-портал Правительства Московской области. URL: http://www.mosreg.ru (дата обращения: 14.11.2025).
28. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 30 декабря 2019 года № 1275 «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев на территории Республики Татарстан» [Электронный ресурс]. URL: https://tatarstan-gov.ru/ (дата обращения: 14.11.2025).
29. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.12.2025).
30. *Шугрина Е.С.* Некоторые особенности реализации компетенции местного самоуправления в условиях достаточного финансирования // Местное право. 2025. № 2. С. 29-46.
31. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 года № 29-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // Российская газета. 2025. 29 июля.

References

1. Federal Law of June 13, 2023, № 230-FZ, "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses". *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. June 20 (In Russian).
2. *Kiseleva A., Dorofeeva E., Kryukov V., Mukhametshina E.* In 2024, dogs bit 237.000 people [Electronic resource]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/25/1094190-v-2024-godu-sobaki-pokusali-237-000-chelovek (accessed: 27.12.2025) (In Russian).
3. *Shatokhina N.* «27 Children Eaten»: Ostanina Reveals the Scale of Dog Attacks on Russians [Electronic resource]. URL: https://dzen.ru/a/aQyeGMjh1h3knvxt (accessed: 06.11.2025) (In Russian).
4. *Solovieva D.* Dogs Bark – Victims Are Carried Away [Electronic resource]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8208969 (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
5. *Litvinov D*. It was proposed to euthanize sick and dangerous dogs [Electronic resource]. URL: https://www.pnp.ru/social/bolnykh-i-opasnykh-sobak-predlozhili-umershhvlyat.html (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
6. The Investigative Committee of Russia has prepared legislative proposals aimed at protecting people from dog attacks [Electronic resource]. URL: https://t.me/sledcom_press/19973 (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
7. Decision № 2-731/2024 2-731/2024~M-640/2024 M-640/2024 dated 05.09.2024 in case № 2-731/2024 [Electronic resource]. URL: https://sudact.ru (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
8. In Kazan, the death of a woman torn to pieces by a pack of dogs in Samosyrovo has been under investigation for a year [Electronic resource]. URL: https://tnv.ru/news/the-incident/497795-v-kazani-god-rassleduyut-delo-o-smerti-zhenshchiny-rasterzannoy-staey-sobak-v-samosyrovo/ (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
9. *Shcherbakova I.* Pack vs. the Law: Stories of Child Deaths on the Streets of Russian Cities [Electronic resource]. URL: https://ura.news/news/1053025209 (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
10. «Terrible Grief!»: After the Death of a Child in Tatarstan, Dog Control Rules Change [Electronic resource]. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/strasnoe-gore-posle-gibeli-rebenka-v-tatarstane-menyayut-pravila-kontrolya-za-sobakami-6010726 (accessed: 19.12.2025) (In Russian).
11. Federal Law of 21.12.2021 № 414-FZ (as amended on 28.12.2025) "On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*. 2021. December 27 (In Russian).
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2023 № 55-P "On the case of verifying the constitutionality of paragraph 1 of Article 231 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the

complaint of the urban district of the Arkhangelsk region "City of Novodvinsk". *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. December 18 (In Russian).
13. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 31.07.2025, as amended on 25.11.2025). *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. December 8 (In Russian).
14. Federal Law of 27.12.2018 № 498-FZ (as amended on 31.07.2025) "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*. 2018. December 29 (In Russian).
15. Federal Law of 24.07.2023 № 377-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Article 44 of the Federal Law "On General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation". *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. August 2 (In Russian).
16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2024 № 38-P "On the case of verifying the constitutionality of Part 4 of Article 7, the first paragraph of Part 1 and Part 7 of Article 18 of the Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Buryatia. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024. July 26 (In Russian).
17. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
18. *Gadelshina L.I.* (2014) Vesting Local Government Bodies with State Powers of a Subject of the Russian Federation and Their Financial Support: Constitutional and Legal Research: Ph.D. Thesis of Juridical Sciences. Volga Federal University. Kazan, 241 p. (In Russian).
19. Federal Law of 20.03.2025 № 33-FZ "On General Principles of Organization of Local Self-Government in a Unified System of Public Authority". *Rossiyskaya Gazeta*. 2025. March 26 (In Russian).
20. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority". *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. March 16 (In Russian).
21. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of April 6, 2016 № 302-ES16-2058 in Case № A19-2292/2015. The document was not published (In Russian).
22. Federal Law of October 6, 2003 № 131-FZ (as amended on December 13, 2024) "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2025). *Rossiyskaya Gazeta*. 2003. October 8 (In Russian).
23. *Madyarova A.* (2013) Treatment of Stray Animals – Whose Responsibility? *Municipal Management Practice*, № 4, pp. 105-111 (In Russian).
24. *Povetkina N.A., Ledneva Yu.V.* (2023) Financing the Costs of Keeping Homeless Pets – a Right or an Obligation of Municipalities? *Financial Law*, № 6, pp. 14-18 (In Russian).
25. Decision of the Abakan City Court of the Republic of Khakassia dated 09.02.2026 № 12-285/2026 (UID 19RS0001-02-2025-012565-91). SPS "ConsultantPlus"; Decision of the Petropavlovsk-Kamchatsky City Court of Kamchatka Krai dated 23.12.2025 in case № 12-522/2025 (UID 41RS0001-01-2025-010960-41). SPS "ConsultantPlus"; Decision of the Blagoveshchensk City Court of the Amur Region dated December 4, 2025, in case № 12-2180/2025 (UID 28RS0004-01-2025-016250-51). SPS "ConsultantPlus" (In Russian).
26. Federal Law of July 31, 2020 № 248-FZ «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation». *Rossiyskaya Gazeta*. 2020. August 5 (In Russian).
27. Resolution of the Government of the Moscow Region dated September 21, 2021 № 890/33 (as amended on June 17, 2025) "On regional state control (supervision) in the field of animal handling in the Moscow Region". Official Internet portal of the Government of the Moscow Region. URL: http://www.mosreg.ru (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
28. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated December 30, 2019 № 1275 «On approval of the Procedure for carrying out activities related to the handling of animals without owners in the Republic of Tatarstan» [Electronic resource]. URL: https://tatarstan-gov.ru/ (accessed: 14.11.2025) (In Russian).
29. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (as amended on 29.12.2025) [Electronic resource]. URL: http://pravo.gov.ru (accessed: 29.12.2025) (In Russian).
30. *Shugrina E.S.* (2025) Some Features of the Implementation of Local Self-Government Competence in the Context of Sufficient Financing. *Local Law*, № 2, pp. 29-46 (In Russian).
31. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.07.2025 № 29-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Part 5 of Article 24.5 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Connection with the Request of the Kostroma Regional Court". *Rossiyskaya Gazeta*. 2025. July 29 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.01.2026	Received: 17.01.2026
Статья поступила после рецензирования: 24.02.2026	Revised: 24.02.2026
Статья поступила для публикации: 03.03.2026	Accepted: 03.03.2026

УДК 340.115.6

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_35_37

Гарная-Иванова Инна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва,
Garnaya-Ivanova.IA@rea.ru

Солонина Юлия Сергеевна,
студент 2-го курса Высшей школы права, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва
Yulya.solonina.05@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОМНЕНИЕ РЕНЕ ДЕКАРТА И СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАВОСУДИИ

Аннотация. *В настоящей статье исследуется концептуальная связь между философским наследием Рене Декарта и теорией судебного доказывания. Проводится параллель между «методологическим сомнением» как инструментом поиска неоспоримых истин в рационализме XVII века и современными стандартами доказывания в уголовном и гражданском процессе. Анализируется картезианское требование «ясности и отчетливости» знания.*

Ключевые слова: стандарты доказывания, правосудие, юридическая истина, рационализм, разумное сомнение, эпистемология права, оценка доказательств, судебное познание, достоверность, картезианство.

Для цитирования: *Гарная-Иванова И.А., Солонина Ю.С.* Методологическое сомнение Рене Декарта и стандарты доказывания в правосудии // Вестник Академии права и управления. 2026. С. 35-37. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_35_37

Inna A. Garnaya-Ivanova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
Garnaya-Ivanova.IA@rea.ru

Yulia S. Solonina,
2nd year student at the Higher School of Law, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
Yulya.solonina.05@mail.ru

RENÉ DESCARTES' METHODOLOGICAL DOUBT AND STANDARDS OF PROOF IN JUSTICE

Abstract. *This paper explores the conceptual connection between René Descartes's philosophical legacy and the theory of judicial evidence. A parallel is drawn between "methodological doubt" as a tool for searching for indisputable truths in 17th-century rationalism and modern standards of proof in criminal and civil proceedings. The article analyzes the Cartesian requirement of "clarity and distinctness" of knowledge.*

Keywords: standards of proof, justice, legal truth, rationalism, reasonable doubt, legal epistemology, evaluation of evidence, judicial knowledge, certainty, Cartesianism.

For citation: Garnaya-Ivanova I.A., Solonina Yu.S. (2026) René Descartes' methodological doubt and standards Of proof in justice. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 35-37. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_35_37 (In Russian).

В современной юриспруденции, характеризующейся усложнением фактических обстоятельств дел, вопрос о том, что именно мы считаем «доказанным», приобретает особое значение. Правосудие по своей природе является процессом ретроспективного познания – судья или присяжные стремятся восстановить картину прошлого, опираясь на фрагментарные и зачастую противоречивые сведения. Однако само познание невозможно без прочного методологического фундамента, который определял бы границы между предположением, вероятностью и достоверностью.

В этой связи обращение к философскому наследию Рене Декарта и, в частности, к его концепции «методологического сомнения» представляется не только уместным, но и необходимым. Декарт, про-

© Гарная-Иванова И.А., Солонина Ю.С., 2026

возгласивший сомнение отправной точкой любого истинного знания, заложил основы рационализма, которые находят прямое отражение в современных стандартах доказывания. Юридическая категория «разумного сомнения» в уголовном процессе или «баланса вероятностей» в гражданском – это не что иное как институционализированная форма картезианского скептицизма.

В своем фундаментальном труде «Рассуждение о методе» Декарт выдвигает тезис, что для достижения истины необходимо хотя бы раз в жизни подвергнуть сомнению всё, в чем можно найти хоть малейшую долю неуверенности.

Правовая система сталкивается с аналогичной задачей. Судебное познание вынуждено оперировать в условиях неопределенности. Поскольку абсолютная, математическая, истина в человеческих делах недостижима, право вынуждено конструировать искусственные пороги достоверности – стандарты доказывания. Они выступают в роли регуляторов методологического сомнения, указывая, в какой момент исследовательский скептицизм должен уступить место правовой определенности и вынесению вердикта.

Главный парадокс заключается в соотнесении картезианского требования «абсолютной очевидности» с необходимостью принятия решения. Если Декарт мог позволить себе бесконечно сомневаться в существовании внешнего мира, то суд ограничен процессуальными сроками. Тем не менее принципы «четырех правил метода» Декарта – очевидность, анализ, синтез и проверка – удивительным образом коррелируют со стадиями оценки доказательств. Проблема исследования состоит в том, как найти баланс, – использовать скептицизм Декарта для предотвращения судебных ошибок, не превращая правосудие в бесконечный процесс философских размышлений.

Рене Декарт в своем труде «Рассуждении о методе» поставил перед собой задачу найти непоколебимое основание для знания. Для этого он ввел инструмент методологического сомнения. Его суть заключалась в том, чтобы отсеять всё, что вызывает хотя бы малейшую тень неуверенности. Декарт отвергал свидетельства чувств, логические построения и даже очевидность окружающего мира, пока не пришел к знаменитому Cogito, ergosum – «Я мыслю, следовательно, я существую».

Для юриспруденции этот подход стал прообразом критического анализа доказательств. Декарт сформулировал четыре правила-метода, которые находят прямое отражение в судебном познании:

1. Правило очевидности – не принимать на веру ничего, что не представляется уму ясно и отчетливо. В праве это коррелирует с требованием допустимости и достоверности доказательств.

2. Правило анализа – делить сложные проблемы на части. В суде это соответствует разбору состава преступления или элементов гражданского деликта.

3. Правило синтеза – восходить от простого к сложному. Разрозненные факты собираются в единую, логически не противоречивую картину события.

4. Правило контроля – составлять полные перечни и обзоры, чтобы быть уверенным в отсутствии пропусков. Это принцип полноты и всесторонности судебного следствия.

Главный конфликт между философией и правом заключается в том, что философ может позволить себе бесконечное сомнение, а суд обязан вынести решение в ограниченные сроки. Декарт искал абсолютную истину, но в суде мы имеем дело с истиной юридической (процессуальной).

Здесь происходит трансформация «радикального сомнения» в правовой стандарт «вне разумных сомнений». Этот стандарт признает, что абсолютная, математическая, уверенность в человеческих делах недостижима. Однако, следуя картезианской логике, право требует, чтобы сомнение имело под собой рациональное основание. Если доказательства не позволяют достичь той степени «ясности и отчетливости», о которой писал Декарт, право приказывает трактовать это сомнение в пользу обвиняемого. Это и есть институционализация картезианского скептицизма как защиты от произвола.

Декарт утверждал, что критерием истины является ясность и отчетливость. Ясность в судебном доказывании – это когда доказательство само по себе не вызывает подозрений в фальсификации или ошибке восприятия (например, четкая видеозапись). Отчетливость – это когда доказательство строго отделено от других фактов и указывает именно на искомое обстоятельство, не допуская двусмысленных трактовок.

Современные стандарты доказывания распределяются по степени этой «картезианской ясности»:

1. Баланс вероятностей в гражданских спорах – сомнение допустимо, достаточно того, чтобы одна версия была чуть более «ясной», чем другая.

2. Ясные и убедительные доказательства – промежуточный этап, требующий высокой степени рациональной достоверности.

3. Вне разумных сомнений – высшая точка юридической ясности, максимально приближенная к декартовскому идеалу очевидности.

Декарт выделял роль интуиции как способности разума мгновенно схватывать истину. В праве это трансформировалось в принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению. Судья не является механическим регистратором фактов; он выступает как субъект, который должен «пропустить» через свой разум весь массив данных.

Однако чтобы это убеждение не стало субъективизмом, оно должно быть рационально обосновано. Требование мотивированности судебного решения – это требование раскрыть логический путь от сомнения к уверенности.

Декарт понимал, что для жизни нам нужны ориентиры, даже если мы в них сомневаемся. В праве такими ориентирами стали презумпции. Презумпция невиновности – по сути методологическая установка: мы начинаем с позиции «сомнения в вине» и требуем от обвинения устранить это сомнение с помощью неопровержимых доказательств.

Подводя итог исследованию взаимосвязи между картезианской философией и правовом, можно констатировать, что современные стандарты доказывания являются не просто техническими правилами судебного процесса, а глубоко укорененным воплощением рационалистической традиции философии Рене Декарта.

Стандарты доказывания (особенно стандарт «вне разумных сомнений») выступают в роли моста между философским признанием несовершенства человеческого познания и практической необходимостью вынесения окончательного вердикта. Право признает, что «абсолютная истина» может быть недоступна, но «рациональная достоверность» достижима и обязательна.

Требование оценки доказательств по «внутреннему убеждению» – это строгая обязанность разума. Согласно картезианскому идеалу, истинным признается только то, что прошло через критический анализ и предстало перед умом «ясно и отчетливо». Следовательно, любое судебное решение, лишенное глубокой логической мотивировки, является дефектным не только с точки зрения закона, но и с точки зрения базовых законов человеческого мышления.

Исследование показывает, что такие фундаментальные принципы, как презумпция невиновности и толкование сомнений в пользу обвиняемого, по сути являются методологическими предохранителями. Используя декартов скептицизм, право гарантирует, что риск судебной ошибки сводится к минимуму. Это превращает правосудие в инструмент истины, где сомнение служит не препятствием, а высшим проявлением честности государства перед гражданином.

Связь между идеями Декарта и правосудием глубже, чем кажется. Каждый раз, когда присяжные совещаются или когда судья рассматривает косвенную улику как «неясную», они действуют в рамках идеи, заданной в XVII веке. Философия Декарта превратила сомнение из слабости ума в его главную силу, сделав его фильтром, через который проходит только то, что заслуживает статуса истины.

Список литературы

1. *Рене Декарт.* Рассуждение о методе / [перевод М. Позднева и др.; статья, комментарии: М. Позднев]. Санкт-Петербург: Азбука, 2017. 315, [1] с.
2. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография. 3-е издание, стереотипное. М.: Норма; ИНФРА-М, 2025. 240 с.
3. *Лантух Н.В., Васильев Ф.Ю.* Теория доказывания в уголовном процессе: учебное пособие / под общ. ред. Э.К. Кутуева. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. 132 с.
4. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.

References

1. *René Descartes* (2017) Discourse on Method [translated by M. Pozdnev et al.; article, commentary: M. Pozdnev]. Saint Petersburg: Azbuka Publishing, 315, [1] p. (In Russian).
2. *Lupinskaya P.A.* (2025) Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice: Monograph. 3rd ed., reprinted. Moscow: Norma; INFRA-M Petersburg, 240 p. (In Russian).
3. *Lantukh N.V., Vasiliev F.Yu.* (2022) Theory of Evidence in Criminal Procedure: Textbook, edited by E.K. Kutuev. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 132 p. (In Russian).
4. *Alekseev S.S.* (2010) Collected Works. In 10 volumes [+ Reference Volume]. Vol. 7: Philosophy of Law and Theory of Law. Moscow: Statut Publishing, 520 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 22.03.2026
Статья поступила для публикации: 24.03.2026

Received: 17.02.2026
Revised: 22.03.2026
Accepted: 24.03.2026

УДК 34.07

Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург,
evgenijgluhov@yandex.ru

УНИЧТОЖЕНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПУБЛИЧНЫМ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ[1]

Аннотация. *Анализируется сложившаяся правоприменительная практика оспаривания решений органов публичной власти и их руководителей, базирующихся на предварительном решении, вынесенном подчиненным им коллегиальным органом (комиссией, советом). Автором выявляются причины возможности вынесения коллегиальными органами необъективных решений и их влияние на итоговое решение должностного лица, затрагивающее права и свободы граждан и организаций. Отмечается, что при обжаловании в суде решений публичных должностных лиц, основанных на решениях подчиненных коллегиальных органов, заявителям необходимо указывать двух ответчиков. В этом случае решение коллегиального органа теряет вес в ракурсе доказательства, поскольку само выступает в качестве предмета обжалования. Уничтожение первоисточников (документов, рассматриваемых коллегиальным органом) не снимает с него обязанности доказывания законности своих действий иными способами. При этом состязательность процесса не должна трансформироваться в злоупотребление правом путем сокрытия доказательств, воздействия на подчиненный коллегиальный орган со стороны публичного органа власти и его руководителя.*

Ключевые слова: административный процесс, коллегиальные органы, публичное должностное лицо, комиссии и советы, лояльность, необъективность, сокрытие доказательств, предварительные решения, оценка доказательств, нештатные организации.
Для цитирования: *Глухов Е.А.* Уничтожение первичных документов публичным должностным лицом как тактический прием защиты интересов в административном процессе // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 38-45.

Evgeny A. Glukhov,
Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg,
evgenijgluhov@yandex.ru

DESTRUCTION OF PRIMARY DOCUMENTS BY A GOVERNMENT OFFICIAL AS A TACTICAL METHOD OF PROTECTING INTERESTS IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Abstract. *This article analyzes current law enforcement practices for challenging decisions of public authorities and their heads based on preliminary decisions made by a subordinate collegial body (commission, council). The author identifies possible reasons for collegial bodies to issue biased decisions and their impact on the final decision of an official affecting the rights and freedoms of citizens and organizations. It is noted that when appealing to court decisions of public officials based on decisions of subordinate collegial bodies, applicants must name two defendants. In this case, the decision of the collegial body loses its evidentiary weight, since it itself is the subject of the appeal. The destruction of primary sources (documents reviewed by the collegial body) does not relieve the collegial body of its obligation to prove the legality of its actions with other evidence. At the same time, the adversarial nature of the process should not be transformed into an abuse of rights through the concealment of evidence or the influence of the public authority and its head on the subordinate collegial body.*

[1] *Статья подготовлена* в рамках конкурса научных статей среди работников филиалов Президентской академии.
© Глухов Е.А., 2026

Keywords: administrative process, collegial bodies, public officials, commissions and councils, loyalty, bias, concealment of evidence, preliminary decisions, evidence assessment, freelance organizations.
For citation: Glukhov E.A. (2026) Destruction of primary documents by a government official as a tactical method of protecting interests in administrative proceedings. *Bulletin of the Academy of Law and Managemen*t, № 2,pp. 38-45. (In Russian).

Во многих государственных и муниципальных учреждениях приказом их руководителей создаются различные комиссии, советы. Указанные коллективы, как правило, представляют собой нештатные, созданные из сотрудников данного учреждения совещательные органы при руководителе учреждения. В подавляющем большинстве случаев создание такого рода коллегиальных органов предусмотрено нормами законодательства или ведомственными правовыми актами для рассмотрения профильных вопросов и подготовки решения руководителя.

Указанные выше комиссии (советы) обычно решают вопросы в области жилищного и воинского учета, степени утраты трудоспособности, дальнейшего служебного предназначения служащих, соответствия кандидата требованиям квалификационных классов, ученым степеням и др.

В указанном ракурсе можно выделить: аттестационные комиссии, комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, комиссии по урегулированию конфликта интересов, комиссии по трудовым спорам, комиссии по признанию жилых домов аварийными, комиссии по присвоению классной квалификации, комиссии по режиму секретности, комиссии по осуществлению закупок и др.

Обычно решения подобных комиссий и советов оформляются протоколами и далее представляются руководителю учреждения, который на их основе принимает свое решение. Здесь у руководителя учреждения есть всего два варианта дискреции – согласиться или не согласиться с предложенным решением. Окончательное решение руководителя учреждения по данному вопросу может оформляться в виде приказа, резолюции «утверждаю», согласования движения документов по инстанциям или иным образом.

Важно отметить, что в данном случае в стенах публичного учреждения фактически происходят две процедуры принятия решений по делу конкретного лица. Первое решение принимает коллегиальный орган, затем на основании этого решения выносит свое решение (резолюцию, приказ) должностное лицо.

Кто конкретно должен отвечать за законность и обоснованность подобных решений?

Во-первых, следует различать субъектов правоотношений – руководителя государственного (муниципального) учреждения и коллегиальный орган, функционирующий на внештатной основе в данном учреждении. Руководитель учреждения возглавляет само юридическое лицо или его структурное подразделение, существующее по штату, имеющее конкретные полномочия и документы о своей компетенции, доступные для ознакомления взаимодействующим лицам. Созданный внутри учреждения коллегиальный орган – внештатный, его возглавляет председатель, назначенный приказом руководителя учреждения, то есть другое лицо. Этот приказ редко доступен для сторонних лиц, как и четкая компетенция данного коллегиального органа, обязанности его членов.

Во-вторых, хотя руководитель коллегиального органа подчинен самому руководителю организации, однако их нельзя отождествлять, поскольку компетентность их также различается. Также нельзя отождествлять коллегиальный орган с самим учреждением. Подтверждением сказанного является позиция Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), согласно которой нельзя возлагать бремя ответственности и доказательства законности вынесенного коллегиальным органом решения на руководителя учреждения. Так, высшая судебная инстанция отменила вынесенные нижестоящими судами решения об оспаривании решения аттестационной комиссии по мотиву непривлечения к участию в деле самой аттестационной комиссии (ее интересы представлял руководитель учреждения)[1].

Таким образом, принимаемые руководителем государственного (муниципального) учреждения решения базируются на выводах, изначально принятых коллегиальным органом, то есть являются производными от первоначального решения подчиненной комиссии (совета). Сам руководитель в установленных законодательно случаях не в праве выносить решения лично, минуя стадию предварительного рассмотрения данного вопроса подчиненным ему коллегиальным органом. Подтверждением тому является вывод Верховного Суда РФ, выраженный в одном из определений: «Начальник гарнизона в случаях несогласия с решением жилищной комиссии обязан возвратить план распределения жилья в жилищную комиссию на новое рассмотрение вместе со своими замечаниями, но не распределять жилье самостоятельно»[2].

---

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.01.2012 № 212-В11-13 [Электронный ресурс]. URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=474106 (дата обращения: 04.02.2026).

[2] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.1996 № 3н-84/96 [Электронный ресурс]. URL: https://ivo.garant.ru/#/doclist/1316:1 (дата обращения: 04.02.2026).

Таким образом, решения нештатных коллегиальных органов сами по себе могут повлечь изменение прав фигурантов рассмотрения, как в лучшую, так и в худшую сторону [6]. Например, решение ученого совета вуза ходатайствовать о присвоении педагогу ученого звания «доцент» не ухудшает прав рассматриваемого педагога, тогда как решение не присваивать ему такого звания может быть расценено как нарушающее субъективное право кандидата на признание его заслуг и уровня квалификации, карьерный рост и выплату стимулирующих надбавок. При наличии положительного решения ученого совета и выполнении иных критериев[3] педагогу искомое звание присваивается уже иным органом – Министерством науки и высшего образования РФ. Можно расценить, что именно Минобрнауки России полностью отвечает за законность и обоснованность принятия подобных решений. Однако на самом деле без положительного решения коллегиального органа (ученого совета) Минобрнауки России не будет даже рассматривать документы о присвоении ученого звания. То есть решение ученого совета – обязательный элемент стадии присвоения ученого звания. От решения ученого совета (возможно даже субъективного) в данном случае в очень большой степени зависит итоговое решение Минобрнауки России.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации заинтересованные лица вправе обжаловать в суд решения и действия (или бездействия) органов власти, нарушающие их права. Трудностью в данном случае является обжалование подобных действий во внесудебном порядке [13], а также определение конкретного ответчика и выявление конкретных решений, которые необходимо оспаривать.

На первый взгляд, окончательное решение, нарушающее права гражданина или организации, принимает само должностное лицо. Так, отказ в приеме на работу лица, не прошедшего по конкурсу на вакантную должность, как правило, обжалуется этим претендентом в судебном споре с руководителем организации. Однако реальной первопричиной такого решения является мнение конкурсной комиссии этого учреждения об отказе в рекомендации о назначении на должность [8].

Как упоминалось выше, итоговое решение принимает должностное лицо публичного органа власти, но это решение основано на решении другого субъекта – подчиненного ему коллегиального органа. При наличии обязательной стадии рассмотрения вопроса в коллегиальном органе всей полнотой информации по данному вопросу обладает именно коллегиальный орган, который фактически предрешает итоговое решение. Соответственно, ответчиками по такой категории дел должны выступать и руководитель учреждения, и подчиненный ему нештатный коллегиальный орган.

Однако на практике механизм оспаривания такого рода действий и бездействий коллегиальных органов, созданных и функционирующих внутри государственного учреждения, недостаточно разработан, что порождает противоречивое правоприменение и влечет за собой трудности осуществления судебного контроля законности выносимых решений.

Согласно ч. 2 ст. 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) суды в порядке административного производства рассматривают и разрешают дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Как разъяснил Верховный Суд РФ, к решениям, которые могут быть оспорены в суде, относятся индивидуальные акты применения права наделенных публичными полномочиями органов и лиц, принятые единолично *либо коллегиально*, содержащие волеизъявление, порождающее правовые последствия для граждан и (или) организаций. В указанном порядке могут быть оспорены, в частности, решения, действия (бездействие) наделенных публичными полномочиями органов, *не имеющих статуса юридического лица* (например, экзаменационных, призывных комиссий, Высшей аттестационной комиссии)[4].

Каплунов А.И. отмечает, что административный процесс по КАС РФ, в отличие от правил Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), подменяется гражданско-процессуальной состязательной формой рассмотрения судом споров о праве между гражданами или организациями с органами публичного управления [9]. То есть состязательность сторон и их активность в представлении и оценке доказательств существенным образом влияют на результат административного процесса. Несмотря на властные полномочия одной стороны, в суде стороны процессуально равны.

[3] О порядке присвоения ученых званий: Постановление Правительства РФ от 20.10.2023 № 1746 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 44. Ст. 7874.

[4] Пункты 2 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 13 июля.

В судебной практике встречаются случаи обжалования только итогового решения публичного должностного лица, которое, по мнению заявителя, нарушает его права и свободы. В этом случае, поскольку заявитель не обжалует предварительных действий коллегиального органа, заключения, решения, протоколы указанных коллегиальных органов расцениваются не как самостоятельный предмет обжалования, а как доказательство законности действий должностного лица. При таких обстоятельствах шансов выиграть дело у заявителя несравнимо меньше.

Рассмотрим ситуацию, когда заявитель оспаривает действия и решения двух ответчиков (и коллегиального органа, и публичного должностного лица). Если в исковом заявлении содержатся два взаимосвязанных требования – о признании незаконным решения коллегиального органа и о признании незаконным приказа руководителя государственного (муниципального) учреждения, изданного на основании решения коллегиального органа – суд должен *в хронологической последовательности* осуществлять судебный контроль за их законностью. Сначала в полном объеме проверить соответствие закону решение коллегиального органа, затем – правовой акт должностного лица, изданный на основе решения коллегиального органа.

При проверке решения, действий суд, в частности, выясняет, была ли в установленных законом случаях обеспечена возможность реализации прав и законных интересов истца при принятии оспариваемого решения, в том числе было ли обеспечено его право на ознакомление с доказательствами, *право давать пояснения (возражения) по существу выявленных нарушений*; исполнена ли наделенными публичными полномочиями органом обязанность изложить в принятом решении основания для применения соответствующих мер в отношении заявителя. Если конкретные нарушения, связанные с несоблюдением порядка принятия решения, невыполнением требований к форме и содержанию решения, определены законом как существенные (грубые), то сам факт наличия этих нарушений является достаточным для вывода суда о его незаконности.

К сожалению, не всегда процедура принятия решения коллегиальным органом четко и непротиворечиво урегулирована нормами права. Довольно часто комиссии и советы на местах сами для себя безо всякого нормативного акта устанавливают правила рассмотрения определенных вопросов. Например, аттестационная комиссия при вынесении своего решения о соответствии сотрудника занимаемой должности в одном случае может задавать ему вопросы или обязать пройти тестирование на профпригодность, в другом – ограничиться рассмотрением представленных его руководителем характеризующих материалов. В любом случае голосование членов комиссии субъективно влияет на права рассматриваемых лиц, поэтому должно подлежать судебному контролю.

Необходимо также принимать во внимание зависимость коллегиального органа от руководителя публичного учреждения, при котором он функционирует, и возможность вынесения им в связи с этим необъективных решений, выгодных указанному руководителю. Стимулом для вынесения подобного рода необъективных решений может являться карьеризм, попустительство со стороны руководства, прощение ошибок и недочетов при исполнении обязанностей, поощрения по службе, премирование, ходатайства о награждении и др.

Руководители государственных и муниципальных учреждений могут воздействовать на подчиненных членов коллегиальных органов в целях принятия нужных им решений. Во-первых, по многим вопросам у членов коллегиальных органов нет ярко выраженного положительного или отрицательного мнения: для большинства работа в комиссии или совете – это общественная нагрузка, которая не оплачивается и не поощряется. Ввиду конформизма, зависимости и боязни наказания многие из членов коллегиальных органов готовы пойти навстречу пожеланиям руководства, порой даже не вникая, какова ситуация на самом деле.

Немаловажным представляется и тот факт, что применение дисциплинарной власти к членам коллегиальных органов при выявлении нарушений в их работе или неприменение мер наказания также отнесено к усмотрению руководителя организации [7]. Они знают, что даже если в их работе будет выявлено нарушение, и это нарушение отражает желание руководства, то наказания не последует.

«Давление, оказываемое со стороны вышестоящих руководителей, является одной из главных причин нарушения законности самими же профессиональными юристами», – пишет В.В. Кожевников [10, с. 51]. Полагаем, что такого рода давление может быть оказано не только на должностных лиц юридической службы, но и на любого члена администрации.

Как указывают ряд исследователей, личностно-ролевая подстройка подчиненного под руководителя, желание ему угодить, завоевать его внимание услужливостью, стать лично полезным весьма распространены в любых иерархических структурах. Речь идет не о «профессиональной услужливости», наилучшем исполнении служебной, профессиональной роли, а о личностных отношениях по обслуживанию начальства и игре на потребностях, фобиях, желаниях руководителя, которые предугадываются подчиненными [12, с. 34].

Наконец, стоит напомнить, что персональный состав комиссии или совета во многом зависит от

субъективного мнения руководителя государственного (муниципального) органа, именно он издает приказ о включении в ее состав конкретных сотрудников. Если человек в составе комиссии ведет себя «неправильно», руководитель организации в любой момент может исключить его из состава данной комиссии.

Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений отметил, что «объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов аттестуемого, обеспечивается, помимо прочего, предоставлением ему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о своем несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии, обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении»[5]. Однако в приведенном судебном постановлении речь скорее идет о самой возможности инициации контроля за вынесенным решением, а не за соблюдением критериев его объективности.

Судебные инстанции по такой категории дел в обязательном порядке будут истребовать от ответчика протокол заседания коллегиального органа и рассматриваемые им по вопросу истца документы. Вполне логично, что поскольку истец обжалует вынесенное в отношении него решение, то оно его не устраивает, он просит признать его незаконным.

Суды в настоящее время стараются не подменять собой любые органы исполнительной власти и не вторгаться в их компетенцию. Как следствие, они главным образом обращают внимание на формальную сторону данного вопроса: наличие кворума и подписей членов комиссии, правильность оформления письменного документа и нанесение на него должных реквизитов. Поэтому зачастую суды ограничиваются рассмотрением формальной стороны вопроса – законности решения коллегиального органа – вместо рассмотрения данного вопроса по существу.

В силу прямого предписания, содержащегося в ч. 9 ст. 213 КАС РФ, административный ответчик (коллегиальный орган) обязан доказать законность своих действий, законность принятого решения, а не только правильность оформления им итоговых документов. Поэтому для установления законности или незаконности действий коллегиального органа суд вправе, а в ряде случаев обязан, оценить документы и сведения, послужившие основанием для принятия оспариваемого решения.

В тех случаях, когда на рассмотрение выносятся вопросы науки, техники, искусства, суд вправе назначать соответствующие экспертизы, заслушивать мнения специалистов. Правовая экспертиза, как известно, судами не назначается, эту роль должен исполнить сам суд.

Но как быть, если ответчик уничтожил все первоисточники и представил только само заключение коллегиального органа?

Сделано это могло быть либо ввиду истечения сроков хранения первичных документов, либо нежелания руководства публичного органа власти представлять их в суд. Не секрет, что стороны в судебном процессе стараются использовать все предоставленные им законом возможности для выигрыша дела, в том числе и нечестные. Российский юрист А.Н. Гедда более 100 лет назад писал: «Когда обе стороны или одна из них высказывают положения заведомо для них ложные, защищают и поддерживают то, чего в действительности не было, и делают все это с целью достичь известной выгоды, то мы имеем дело с ложью на суде гражданском в чистом ее виде» [5, с. 195]. Состязательность сторон воспринимается зачастую как право на ложь и уничтожение нужных второй стороне доказательств.

Например, комиссия по режиму секретности признала разработанный сотрудником на служебном некатегорированном компьютере документ секретным, за что сотрудник был наказан и уволен. Сам же документ после заседания комиссии был уничтожен как не имеющий практического значения для организации. В результате суд не сможет его исследовать. И даже если документ был уничтожен ранее установленного срока его хранения, но если такое решение принял руководитель организации во избежание проигрыша в суде, то за сам факт неправильного уничтожения документов ответственности он, скорее всего, не понесет. (По данным в СМИ, примерно 15 % документов в делах организаций хранятся с нарушением сроков их хранения и оформления документов на уничтожение [1].)

А.Ф. Воронов под принципом объективной истины в судебном процессе предлагает понимать обязанность суда стремиться к установлению действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон [4]. В отсутствие первоисточника суд будет оценивать произведенный на его основе вторичный документ – протокол и/или заключение коллегиального органа. С одной стороны, коллегиальный орган наделен компетенцией по рассматриваемому вопросу и вынесению по нему технически правильно оформленного решения (подписи и иные реквизиты на месте). С другой стороны, тех документов, которые рассматривал коллегиальный орган, суду не представлено, судебную экспертизу по ним провести не-

[5] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 13. Ст. 1635.

возможно. Ввиду отсутствия первоисточников ни сам суд, ни иные участники судебного процесса не вправе дать им оценку (например, высказать мнение о секретности или несекретности документа-первоисточника, параметрах и причинах отнесения документа к носителям тех или иных сведений).

Полагаем, что уничтожение первоисточников не снимает с ответчика – коллегиального органа – обязанности доказывать законность своих действий иными способами. Уничтожение первоисточника и представление ответчиком в суд вторичного документа (заключения коллегиального органа) должно повлечь негативные последствия для ответчика. Во-первых, такого рода действия косвенно свидетельствуют о нежелании ответчика представить в суд надлежащее доказательство по делу, и тем самым свидетельствуют о нарушении им вынесения оспоренного решения. Во-вторых, представленное заключение коллегиального органа является не просто доказательством, но предметом оспаривания со стороны истца, поэтому не может быть положено в основу решения суда как приоритетное и объективное.

В соответствии с ч. 2 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие органы, организацию и должностное лицо. Указанные органы, организации и должностные лица обязаны также документально подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основания своих возражений [3, с. 35]. По указанной категории дел административный истец не обязан доказывать незаконность оспариваемых ими решений, действий (бездействия). Истец в данном случае как более слабая сторона в административном процессе не имеет возможности самостоятельно провести экспертизу тех документов, которых у него нет. Поэтому обстоятельства совершения истцом каких-либо противоправных действий либо недостатков со стороны истца в рассматриваемом коллегиальном органе вопросе должны быть надлежащим образом задокументированы и доказаны в суде именно ответчиками. Уничтожение ответчиком доказательств-первоисточников и представление в суд заключения коллегиального органа вместо них не является надлежащим способом доказательства ответчиком законности своих действий.

Бесспорно, что правосудие основывается на доказательной базе – сведениях, устанавливающих фактические обстоятельства. На их основе формируются выводы о степени обоснованности доводов участников процесса (как исковых требований, так и возражений против них), либо констатируется отсутствие таковых [2]. Согласно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. На основании ст. 84 КАС РФ суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Результаты оценки доказательств суд обязан отразить в решении с приведением мотивов, по которым одни доказательства приняты судом в качестве обоснования выводов суда, другие – отвергнуты судом.

Как верно указывают ученые-процессуалисты, отрицательные последствия недоказанности искомого факта падают на ту сторону, которая виновата в непредставлении суду необходимых доказательств. Винить в непредставлении доказательств можно того участника процесса, у которого они могли бы быть. В данном случае именно коллегиальный орган совершает действие, принимает решение. При этом он исходит из определенных обстоятельств, подтвержденных документально. Соответственно, именно орган власти либо его представители должны подтверждать суду эти обстоятельства и законность своих действий. Лицо, оспаривающее законность действий комиссии или совета, никаких решений не принимало, обстоятельств не устанавливало, поэтому на него не может быть возложено доказательственное бремя [11, с. 121].

Интересной представляется позиция высшей судебной инстанции относительно обязательности установления обстоятельств совершения сотрудниками противоправных действий, основанных лишь на документах, изготовленных самими же ответчиками.

Так, по одному из дел работодатель подал иск о возмещении материального ущерба к сотруднику и приложил к нему в качестве доказательств заверенные им же копии документов о получении ответчиком под отчет материальных ценностей. Ответчик возражал относительно достоверности этих документов. Верховный Суд РФ поддержал его позицию, указав, что представление данных документов в копиях (заверенных самим истцом) не гарантирует их тождественность оригиналам[6].

В другом судебном процессе по обоснованности и законности прекращения заявителю допуска к государственной тайне высшая судебная инстанция, отменяя все состоявшиеся по делу судебные решения, указала следующее: «Без исследования сведений, содержащихся на изъятом у заявителя жестком магнитном накопителе, материалов разбирательства и других имеющих значение для дела фактических

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 01.07.2019 № 5-КГ19-86 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

данных не представляется возможным принять решение по требованиям истца относительно правомерности лишения его допуска к государственной тайне»[7]. То есть Верховный Суд РФ признал необходимость исследования в суде первоисточников, а не изготовленного на их основе заключения государственного органа.

В третьем деле ответчики ссылались на совершение истцом правонарушения, зафиксированного на видеозаписи камер наблюдения, расположенных на своей территории. Впоследствии ответчики, достоверно зная об обжаловании истцом их действий, уничтожили видеозапись. При таких обстоятельствах суд удовлетворил заявление истца о признании незаконным применения к нему мер дисциплинарной ответственности ввиду недоказанности ответчиком совершенного правонарушения[8].

Подводя итог, следует отметить, что уничтожение ответчиком – публичным органом власти или его руководителем – документов, являющихся первоисточниками для определения того или иного решения подчиненного ему коллегиального органа, должно повлечь для него не положительные, а отрицательные последствия в административном судебном процессе. В частности, если решение коллегиального органа в данном процессе также обжалуется, то на нем нельзя строить вывод о противоправных действиях лица, их обжалующего. Такой вывод строится на основе принципа добросовестности участников правоотношений и возложении бремени доказывания соответствия действительности любых порочащих или негативных сведений на лицо, их распространившее или задокументировавшее (ст. 10 и 152 ГК РФ).

В основу решения суда должны быть положены выводы, логически вытекающие из всех фактов, проверенных и установленных в судебном заседании с учетом требования процессуального права о правилах относимости и допустимости доказательств, которые оцениваются с позиции их достоверности, достаточности и взаимной связи.

Список литературы

1. *Афаасьева Л.П., Муравьева Н.А.* Проблемы и перспективы нормативно-правового регулирования экспертизы ценности документов на современном этапе // Вестник ВНИИДАД. 2019. № 6. С. 31-44.
2. *Бондарь А.С., Егерев И.М.* Обеспечение доказательств в гражданском процессе // Вестник Академии управления и производства. 2025. № 5. С. 292-297.
3. *Братановский С.Н., Галицкая Н.В.* Акты государственного управления: понятие и содержание // Гражданин и право. 2021. № 9. С. 33-42.
4. *Воронов А.Ф.* О закреплении понятия доказательств в законе // Законодательство. 2024. № 8. С. 20-28.
5. *Гедда А.Н.* Недобросовестность сторон в гражданском процессе (заметки из судебной практики) (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 2 (126). С. 194-204.
6. *Глухов Е.А.* Коллегиальные органы управления в военных организациях: некоторые проблемы их статуса // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2013. № 4 (190). С. 82-90.
7. *Глухов Е.А.* Уклонение российских чиновников от принятия решений: формы и последствия // ЭКО. 2022. № 1. С. 167-192.
8. *Завгородний А.В.* Конкурс как основание для возникновения служебных правоотношений: особенности и проблемы // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 179-194.
9. *Каплунов А И.* Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 3. С. 261-276.
10. *Кожевников В.В.* Профессиональное правосознание: идеальная теоретическая модель или правовая реальность? // Государство и право. 2025. № 1. С. 48-58.
11. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.]; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.
12. *Старостин А.М., Швец Л.Г., Тованчова Е.Н.* Девиации в современном государственном и муниципальном управлении и механизмы их парирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1. С. 31-37.
13. *Ярковой С.В.* Отмена и признание незаконными (недействительными) административных актов как способы обеспечения законности административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 33-37.

[7] Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2012 № 205-В12-3 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/480680 (дата обращения: 05.02.2026).

[8] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2022 № 88а-17207/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=8600415&case_uid=c65053de-a356-4efa-85d4-ef6816bd2016&new=0&delo_id=43 (дата обращения: 06.02.2026).

References

1. *Afanasyeva L.P., Muravyova N.A.* (2019) Problems and Prospects of Normative-Legal Regulation of Document Value Expertise at the Current Stage. *VNIIDAD Bulletin*, № 6, pp. 31-44 (In Russian).
2. *Bondar A.S., Egerev I.M.* (2025) Securing Evidence in Civil Proceedings. *Bulletin of the Academy of Management and Production*, № 5, pp. 292-297 (In Russian).
3. *Bratanovsky S.N., Galitskaya N.V.* (2021) Acts of Public Administration: Concept and Content. *Citizen and Law*, № 9, pp. 33-42 (In Russian).
4. *Voronov A.F.* (2024) On Enshrining the Concept of Evidence in Law. *Legislation*, № 8, pp. 20-28 (In Russian).
5. *Gedda A.N.* (2025) Bad Faith of the Parties in Civil Proceedings (Notes from Judicial Practice) (Extract). *Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, № 2 (126), pp. 194-204 (In Russian).
6. *Glukhov E.A.* (2013) Collegial Governing Bodies in Military Organizations: Some Issues of Their Status. *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*, № 4 (190), pp. 82-90 (In Russian).
7. *Glukhov E.A.* (2022) Evasion of Russian Officials from Making Decisions: Forms and Consequences. *ECO*, № 1, pp. 167-192 (In Russian).
8. *Zavgorodniy A.V.* (2021) Competition as a Basis for the Emergence of Official Legal Relations: Features and Problems. *Yearbook of Labor Law*, № 11, pp. 179-194 (In Russian).
9. *Kaplunov A.I.* (2021) Modern Approaches to Understanding the Administrative Process as a Result and Basis for the Development of Domestic Administrative-Procedural Legislation. *Siberian Legal Review*, № 3, pp. 261-276 (In Russian).
10. *Kozhevnikov V.V.* (2025) Professional Legal Awareness: An Ideal Theoretical Model or a Legal Reality? *State and Law*, № 1, pp. 48-58 (In Russian).
11. *Afanasyev S.F., Baulin O.V., Lukyanova I.N.* (2019) Course in Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure. Administrative Proceedings. Moscow: Statut Publishing, 656 p. (In Russian).
12. *Starostin A.M., Shvets L.G., Tovanchova E.N.* (2018) Deviations in Modern State and Municipal Administration and Mechanisms for Parrying Them. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, № 1, pp. 31-37 (In Russian).
13. *Yarkovoy S.V.* (2020) Cancellation and Recognition of Administrative Acts as Illegal (Invalid) as Ways to Ensure the Legality of Administrative Law Enforcement Activities. *Administrative Law and Process*, № 3, pp. 33-37 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.02.2026	Received: 18.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 21.03.2026	Revised: 21.03.2026
Статья поступила для публикации: 24.03.2026	Accepted: 24.03.2026

УДК 347.65

Дианова Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Московский университет «Синергия», Москва,
grebenkina.i@bk.ru

ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. *Несмотря на практическую значимость института выморочного имущества по причине недостаточного правового регулирования данных отношений, на практике возникает ряд проблем, в числе которых проблемы защиты прав кредиторов при наследовании выморочного имущества. Настоящая статья посвящена отдельным аспектам защиты прав кредиторов в отношении выморочного имущества. Автор на основе анализа действующего законодательства, доктрины и актуальной судебной практики акцентирует внимание на трудностях в вопросах реального взыскания задолженности кредиторами по долгам наследодателя в отношении выморочного имущества, рассматривает и предлагает пути решения обозначенных проблем и гарантии прав кредиторов наследодателя.*

Ключевые слова: выморочное имущество, защита прав кредиторов, взыскание задолженности, пропуск сроков исковой давности, презумпция выморочности имущества.

Для цитирования: *Дианова И.А.* Защита прав кредиторов при наследовании выморочного имущества // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 46-52.

Irina A. Dianova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Legal Regulation of Business and Civil Litigation, Moscow University "Synergy", Moscow,
grebenkina.i@bk.ru

PROTECTION OF CREDITORS' RIGHTS IN THE INHERITANCE OF ESCAPE PROPERTY

Abstract. *Despite the practical significance of escheat property, insufficient legal regulation of these relationships leads to a number of problems, including the protection of creditors' rights with respect to escheat property. This article examines specific aspects of protecting creditors' rights with respect to escheated property. Based on an analysis of current legislation, doctrine, and current judicial practice, the author focuses on the challenges of creditors actually collecting debts owed by a testator with respect to escheated property. She examines and proposes solutions to these issues and guarantees for the rights of the testator's creditors.*

Keywords: escheat property, protection of creditors' rights, debt collection, expiration of statutes of limitations, presumption of escheat property.

For citation: Dianova I.A. (2026) Protection of creditors' rights in the inheritance of escape property. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 46-52.

Выморочное имущество – это имущество умершего, у которого «отсутствуют наследники, как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника». Данное определение содержится в п. 1 ст. 1151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4].

Институт выморочного имущества имеет важное практическое значение: во-первых, он позволяет предотвратить появление в гражданском обороте бесхозяйного имущества, нуждающегося в контроле и управлении [13]; во-вторых, является источником

© Дианова И.А., 2026

пополнения государственного и муниципального имущества [12]; в-третьих, позволяет погасить долги наследодателя перед кредиторами за счет наследственного имущества, перешедшего в публичную собственность, и восстановить имущественное положение кредиторов [3].

Однако из-за отсутствия на сегодняшний день специального правового регулирования порядка наследования и учета выморочного имущества, порядка его передачи в собственность публично-правового образования данный институт, как показывает судебная практика, не способен в России выполнять в полном объеме все поставленные задачи.

В частности, достаточно остро стоят вопросы защиты прав кредиторов выморочного имущества, которые актуальны по сей день. В практике отечественного гражданского оборота нередко возникает вопрос, как кредитору взыскать долг, если наследники по закону, либо завещанию, либо наследственному договору не вступили в свои права и не торопятся вступать? При этом публичное образование также не стремится принимать выморочное имущество, обремененное долгами покойного наследодателя. С подобными ситуациями чаще всего сталкиваются коммунальные службы, управляющие компании, ТСЖ, кредитные организации и прочие кредиторы, которые попадают в безвыходную ситуацию невозможности взыскать долги умершего.

Приведем пример из практики. «Квартира умершей уже 1,5 года опечатана после смерти собственницы, завещание и наследственный договор отсутствуют, наследственное дело также не открыто по данным запроса к нотариусу. Органы местного самоуправления на запрос юриста управляющей компании о принятии квартиры как бесхозяйной, оформлении ее в собственность в качестве выморочного имущества и погашении задолженности по платежам за содержание квартиры и коммунальные услуги ответили, что смогут это сделать только через 27 месяцев после смерти собственника» [6]. Кому в этом случае следует предъявить законные требования о взыскании задолженности? Как вернуть долг в ближайшей перспективе?

Согласно п. 3 ст. 1175 ГК РФ, «кредиторы наследодателя вправе предъявить свои требования к принявшим наследство наследникам в пределах сроков исковой давности, установленных для соответствующих требований. До принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к наследственному имуществу, в целях сохранения которого к участию в деле привлекается исполнитель завещания или нотариус. В последнем случае суд приостанавливает рассмотрение дела до принятия наследства наследниками или перехода выморочного имущества в соответствии со ст. 1151 ГК РФ, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию. При предъявлении требований кредиторами наследодателя срок исковой давности, установленный для соответствующих требований, не подлежит перерыву, приостановлению и восстановлению».

Разъясним более подробно порядок предъявления требований кредиторами к наследственному имуществу [2]:

• иск к наследственному имуществу возможно предъявить строго до того момента, как наследники примут наследство;

• иск к наследственному имущество предъявляется в пределах срока исковой давности по требованию к умершему должнику. Поэтому даже в течение шести месяцев срока принятия наследства и при известных кредитору наследниках, но еще не вступивших в наследство, разумнее подавать иск именно к наследственному имуществу, чтобы не пропустить срок исковой давности;

• иск составляется по общим правилам, при этом в качестве ответчика указывается «наследственное имущество и ФИО умершей(его)». К примеру, «при предъявлении иска о взыскании задолженности по кредитному договору банк не указывает в нем конкретного ответчика, а приводит сведения о заемщике и наследственном имуществе, к которому предъявляется иск. У суда нет оснований для отказа в принятии такого иска по мотиву отсутствия в нем указания конкретного ответчика, поскольку законом прямо предусмотрена возможность предъявления иска к наследственному имуществу;

• исковое заявление подается в районный суд по месту открытия наследства;

• с момента подачи искового заявления в суд к наследственному имуществу исковая давность не течет по п. 1 ст. 204 ГК РФ, и рассмотрение дела в суде приостанавливается до принятия наследства.

Обратим внимание, что с 1 сентября 2025 года согласно ч. 5 ст.14 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» в случае смерти заемщика кредитор не вправе начислять неустойку (штрафы, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств заемщика по договорам потребительского кредита (займа), включая потребительские кредиты (займы), обеспеченные ипотекой, до принятия наследства наследником (наследниками), но не более 6 месяцев со дня его открытия, если иное не установлено законодательством РФ или решением суда.

До подачи иска в суд к наследственному имуществу желательно подать также претензию нотариусу, который исполняет свои полномочия в территориальном округе последнего места жительства умершего, чтобы убедиться, открыто ли наследственное дело.

Открывший наследственное дело нотариус в соответствии с требованиями ст. 63 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате принимает от кредиторов наследодателя письменные претензии. В случае открытия наследственного дела претензии направляются непосредственно нотариусу, в производстве которого находится наследственное дело. Если кредитору известно о смерти должника, но наследственное дело еще не открыто, то поданная претензия кредитора является основанием для начала производства. Претензия должна быть подана нотариусу, исполняющему свои полномочия в территориальном округе последнего места жительства умершего. В этом случае наследники будут вести наследственное дело именно у того нотариуса, которому поступила первая претензия кредитора.

«При получении претензии кредитора на нотариуса возлагается функция по доведению до сведения наследников информации о наличии и существе долга и разъяснению наследникам порядка его оплаты. Нотариус не предоставляет кредиторам сведения о наследниках в силу требований ст. 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате. При этом поступление соответствующей претензии не является основанием для приостановки выдачи свидетельств о праве на наследство ввиду того, что данное полномочие подведомственно исключительно судам» [1].

Кроме того, с 24 ноября 2025 года вступил в силу Федеральный закон № 407-ФЗ от 23 ноября 2024 года, обязывающий нотариусов после открытия наследственного дела сообщать наследникам о долгах наследодателя.

Таким образом, закон в качестве гарантии защиты прав кредитора предоставляет ему право предъявить свои требования в судебном порядке напрямую к наследственному имуществу, например, в случае отсутствия у кредиторов информации о наследниках, а также в ситуации, когда наследственное дело и вовсе не открыто. Однако в таком случае дело «ложится на полку» суда до момента появления наследников. При этом сам долг остается по-прежнему не взысканным, и кредиторы вынуждены годами ждать получения назад своего имущества. Порой всё заканчивается безрезультатно, если отсутствуют сведения об обращении наследников к нотариусу, их отказе от наследства, а факт выморочности имущества не будет доказан.

В результате кредиторы наследодателя на практике сталкиваются со следующими основными проблемами.

1. Как доказать факт выморочности имущества, если отсутствует информация о наследниках, их обращении к нотариусу, отказе от наследства, и публично-правовое образование также не торопится оформлять наследственные права на выморочное имущество?

2. Как в таком случае кредитору реально взыскать долг из наследственного имущества и восстановить свое имущественное положение?

3. Пропуск сроков исковой давности по требованиям кредиторов о взыскании задолженности в отношении выморочного имущества.

Остановимся более детально на анализе вышеобозначенных проблем, путях их решения и гарантиях защиты прав кредиторов.

Проблема 1. Невозможность:

• реального взыскания задолженности (а именно реальное исполнение в форме погашения долга) кредиторами с наследственного имущества по причине приостановления рассмотрения судебного дела до принятия наследства наследниками;

• взыскания задолженности с наследников по причине их отсутствия или непринятия имущества, отсутствия открытого наследственного дела;

• взыскания долга с публично-правового образования ввиду затруднительности доказывания кредиторами факта выморочности имущества.

Согласно п. 3 ст. 1157 ГК РФ, «порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований определяется законом». Однако до сих пор такой федеральный закон в России не принят.

«В условиях отсутствия упомянутого порядка и сроков оформления прав государства на выморочное имущество в судебной практике возникают серьезные затруднения в доказывании факта выморочности имущества, в итоге приводящие к безвыходной ситуации для кредиторов наследодателя в защите своих прав. Суды, не имея возможности сделать вывод об обстоятельствах дела исключительно на основании заявления истца о наличии выморочного имущества, за счет которого он хочет удовлетворить свои требования, и его принадлежности государству без каких-либо документальных подтверждений, указывают на необходимость предоставления доказательств принятия государством выморочного имущества. Но при несовершении компетентным органом действий по оформлению выморочного имущества для истца становится крайне затруднительным представить доказательства принадлежности государству имущества; более того, он не может понудить ответчика к совершению действий по принятию наследства, а значит, и защитить свои права» [5].

Подтверждением тому являются дела из судебной практики.

Решение Центрального районного суда города Комсомольска-на-Амуре от 16.09.2024 по делу №

2-2615/2024 (УИД 27RS0007-01-2024-002437-18): суд отказал кредитной организации во взыскании задолженности по кредитному договору с администрации города ввиду того, что у умершего заемщика Р.В. есть наследник по закону – сын А. Р., и движимое имущество, принадлежащее умершему заемщику, не обладает признаками выморочного имущества. При этом в материалы дела не представлено сведений о том, что наследник А. Р. установленном законом порядке принимал наследство и отказался от наследства. В результате требования кредитора остались непогашенными [10].

Решение Центрального районного суда города Хабаровска от 16.01.2019 по делу № 2-299/2019(2-8397/2018;)~М-6711/2018: суд отказал в удовлетворении иска ПАО «Сбербанк России» к Муниципальному образованию «Городской округ «Город Хабаровск» в лице администрации города Хабаровска Российской Федерации в лице территориального управления Росимущества в Хабаровском крае о взыскании долга по кредиту умершего заемщика, мотивировав решение тем, что «истцом не доказано наличие наследственного имущества, в пределах стоимости которого обязанности должника по исполнению обязательств по заключенному с банком кредитному договору могли перейти к Российской Федерации или муниципальному образованию. Также в материалах дела отсутствуют доказательства того, что наследники первой очереди к имуществу наследодателя фактически не приняли наследство или отказались от его принятия на основании ст. 1157ГК РФ» [11].

Из рассмотренных выше судебных дел видно, что нередко суды трактуют факты отсутствия сведений о принятии наследниками наследственного имущества, их отказе от наследства, отсутствие открытых наследственных дел у нотариусов не в пользу признания наследства выморочным, а наоборот. И кредиторам приходится самим доказывать факты выморочности имущества, что крайне затруднительно. Как результат – кредиторы не могут взыскать задолженность ни с публично-правового образования, ни с необьявившихся наследников, еще и в отсутствие открытых наследственных дел.

Однако встречается и позитивная судебная практика по данному вопросу, когда суды признают имущество выморочным и удовлетворяют требования кредиторов [9].

Считаем, что должно прослеживаться единообразие в подходах судов по вопросам признания имущества выморочным и взыскания задолженности с публично-правового образования как собственника выморочного имущества. Целесообразно установить презумпцию выморочности имущества, которая позволит при отсутствии открытого наследственного дела, объявившихся наследников автоматически считать имущество принадлежащим на праве собственности публично-правовому образованию в качестве выморочного. Что, в свою очередь, позволит взыскать задолженность в рамках перешедшего наследственного имущества с конкретного субъекта – публично-правового образования. «В силу того, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации (п. 4 ст. 1152 ГК РФ), выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства при наступлении указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ обстоятельств независимо от осведомленности об этом публично-правового образования и совершения им действий, направленных на выявление и учет такого имущества и оформление своего права» [8].

Проблема 2. Пропуск сроков исковой давности по требованиям кредиторов о взыскании задолженности в отношении выморочного имущества.

Одной из распространенных проблем практики российского гражданского оборота выморочного имущества является пропуск кредиторами сроков исковой давности по требованиям о взыскании задолженности с выморочного имущества. Судебная практика пестрит такими кейсами [7].

Рассмотрим выводы суда, содержащиеся в Постановлении Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 10.09.2024 по делу № А70-3971/2024. Суть дела сводилась к тому, что управляющая компания обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности за коммунальные услуги за период с 01.11.2014 по 31.12.2019 к Департаменту городского хозяйства Администрации города как собственнику квартиры, входящей в состав выморочного имущества. Определением Арбитражного суда Тюменской области от 01.03.2024 исковое заявление было принято судом. Ответчиком представлен отзыв на иск, в котором Департамент городского хозяйства возражает против удовлетворения исковых требований, заявив о пропуске истцом срока исковой давности.

Муниципальное образование является правообладателем жилого помещения с 19.09.2022 согласно выписке из ЕГРН. Ранее собственником жилого помещения был гражданин, который умер 28.11.2014. В период до 31.12.2019 плата за содержание спорного жилого помещения и коммунальные услуги Департаментом городского хозяйства не вносилась.

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований управляющей компании во взыскании задолженности по причине пропуска срока исковой давности, принимая во вни-

мание то, что истцом направлено исковое заявление в суд почтой России только 22.02.2024.

На что обратили внимание арбитражные суды первой и апелляционной инстанций.

«Исходя из абзаца второго п. 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», сроки исковой давности по требованиям кредиторов наследодателя продолжают течь в том же порядке, что и до момента открытия наследства (открытие наследства не прерывает, не пресекает и не приостанавливает их течения)».

В этом же пункте разъяснено, что к срокам исковой давности по требованиям кредиторов наследодателя правила о перерыве, приостановлении и восстановлении исковой давности не применяются; требование кредитора, предъявленное по истечении срока исковой давности, удовлетворению не подлежит. В данном случае Департамент городского хозяйства Администрации города является универсальным правопреемником в отношении выморочного имущества, что означает, что течение срока исковой давности для кредитора не исчисляется заново с момента определения наследника, а продолжает течь, как если бы он исчислялся для предъявления требований к наследодателю. Правопреемство не изменяет течение срока давности.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 18.07.2006 № 309-О, особенности действия сроков исковой давности по требованиям кредиторов к наследникам, такие как невозможность перерыва, приостановления и восстановления, обусловлены необходимостью достижения баланса интересов кредиторов и наследников с целью недопущения предъявления соответствующих требований спустя значительное время после открытия наследства и направлены на обеспечение стабильности и определенности гражданско-правовых отношений» [15].

Несмотря на внушительное количество судебных дел, в которых суды отказывают кредиторам во взыскании задолженности с публично-правового образования как собственника выморочного имущества по причине пропуска срока исковой давности, на сегодняшний день всё же существует хорошая гарантия защиты интересов кредиторов ввиду возможности подать иск к наследственному имуществу, чтобы избежать дальнейших проблем с пропуском сроков исковой давности (п. 3 ст. 1175 ГК РФ). Проблема только исключительно практического характера. Заключается она в том, что не все кредиторы этой возможностью пользуются. И когда определяется наследник, с которого реально возможно взыскать задолженность, срок исковой давности оказывается уже пропущенным.

«Смысл нормы, устанавливающей возможность предъявления исков к наследственному имуществу до его перехода к наследникам, скорее всего, следует рассматривать как гарантию защиты интересов кредиторов, для которых задержка с предъявлением требования грозит пропуском срока исковой давности и, как следствие, – утратой права требования, а не как возможность удовлетворить иск кредитора до установления лиц, получивших наследственное имущество» [16].

Обобщая все вышеизложенное, следует подвести основные итоги настоящего исследования.

1. Отсутствие в России специального правового регулирования в форме отдельного федерального закона о порядке наследования и учета выморочного имущества, порядке его передачи в собственность публично-правового образования, институт выморочного имущества, как показывает судебная практика, делает невозможным выполнение в полном объеме всех поставленных задач, включая защиту прав кредиторов наследодателя в отношении выморочного имущества.

2. Кредиторы наследодателя на практике сталкиваются со следующими основными проблемами:

• сложности в доказывании факта выморочности имущества; если отсутствует информация о наследниках, их обращении к нотариусу, отказе от наследства, публично-правовое образование также не торопится оформлять наследственные права на выморочное имущество;

• сложности в реальном взыскании кредитором долга из наследственного имущества и восстановлении имущественного положении кредитора;

• пропуск сроков исковой давности по требованиям кредиторов о взыскании задолженности в отношении выморочного имущества;

3. Следует определить единообразие в подходах судов по вопросам признания имущества выморочным и взыскания задолженности с публично-правового образования как собственника выморочного имущества. Целесообразно установить презумпцию выморочности имущества, которая позволит при отсутствии открытого наследственного дела, объявившихся наследников, автоматически считать имущество принадлежащим на праве собственности публично-правовому образованию в качестве выморочного. Это, в свою очередь, позволит взыскать задолженность в рамках перешедшего наследственного имущества с конкретного субъекта – публично-правового образования.

Список литературы

1. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / В.В. Аргунов, Т.А. Арчугова, А.В. Бегичев [и др.]; под ред. К.А. Корсика. М.: Фонд развития правовой культуры, 2018. 560 с.
2. *Антонян А.П.* Особенности наследования задолженности по кредиту // Современный юрист. 2025. № 2 (51). С. 51-62.
3. *Гаджимагомедов М.У., Омарова О.Ф.* Нормативно-правовое регулирование бухгалтерского учета кредиторской задолженности // Вестник Екатерининского института. 2022. № 2 (58). С. 13-16.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 20.02.2026).
5. *Дианова И.А.* Актуальные вопросы оформления наследственных прав на выморочное имущество в РФ // Законы России: опыт, анализ и практика. 2026. № 3. С. 86-91.
6. Как взыскать долг, если наследники не вступили в свои права? [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.burmistr.ru/forum/?PAGE_NAME=read&FID=25&TID=7519&TITLE_SEO=7519-kak_vzyskat_dolg_esli_nasledniki_ne_vstupili_v_svoi_prava&PAGEN_1=3 (дата обращения: 20.02.2026).
7. Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2021 № 307-ЭС21-2659 по делу № А56-1618/2020; Решение Губкинского городского суда Белгородской области от 07.11.2024 № 2-1653/2024~М-1445/2024 (УИД 31RS0007-01-2024-002071-46); Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.11.2023 № 78-КГ23-38-К3 (УИД 78RS0008-01-2021-001623-17).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 10.06.2025 № 1530-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=858383#gWXb0GVsbRkSnLVB (дата обращения: 20.02.2026).
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.09.2023 № Ф07-12580/2023 по делу № А05-985/2023; Определение Конституционного Суда РФ от 10.06.2025 № 1530-О // КонсультантПлюс, 2026. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2025 по делу № 8Г-4464/2025, 88-5873/2025 (УИД 69RS0037-02-2023-004037-78); Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2025 по делу № 88-10033/2025 (УИД 26RS0026-01-2024-002163-52).
10. Решение Центрального районного суда города Комсомольска-на-Амуре от 16.09.2024 по делу № 2-2615/2024 (УИД 27RS0007-01-2024-002437-18) // КонсультантПлюс, 2026.
11. Решение Центрального районного суда города Хабаровска от 16.01.2019 по делу № 2-299/2019 (2-8397/2018;)~М-6711/2018// КонсультантПлюс, 2026.
12. *Седова И.Н., Колесникова Т.П.* Оценка эффективности использования муниципального имущества и функционирования муниципальных организаций // Муниципальная академия. 2023. № 1. С. 121-129.
13. *Смагина Е.С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе: монография. М.: Статут, 2021. 268 с.
14. *Цветкова Е.С.* Корпоративные долги наследодателя // Наследственное право. 2024. № 1. С. 28-31.
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.02.2020 по делу № М-6286/2019, 33-8314/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/isk_k_nasledstvennomu_imuschestvu_o_vzyskanii_zadolzhennosti_po_kreditnomu_dogovoru/ (дата обращения: 20.02.2026).
16. *Ярошенко К.Б.* Ответственность наследников по долгам наследодателя // Комментарий судебной практики. Вып. 15 / под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2010. С. 53-64.

References

1. *Argunov V.V., Archugova T.A., Begichev A.V.* (2018) Commentary on the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (article by article) / edited by K.A. Korsik. Moscow: Foundation for the Development of Legal Culture, 2018. 560 p. (In Russian).
2. *Antonyan A.P.* (2025) Features of inheritance of loan debt. *Modern lawyer*, № 2 (51), pp. 51-62 (In Russian).
3. *Gadzimagomedov M.U., Omarova O.F.* (2022) Normative and legal regulation of accounting of accounts payable. *Bulletin of the Catherine Institute*, № 2 (58), pp. 13-16 (In Russian).
4. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) dated 26.11.001 № 146-FZ (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource]. Consultant Plus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (accessed: 20.02.2026) (In Russian).
5. *Dianova I.A.* (2026) Current issues of registration of inheritance rights to ownerless property in the Russian Federation. *Laws of Russia: experience, analysis and practice*, № 3, pp. 86-91 (In Russian).
6. How to collect a debt if the heirs have not entered into their rights? [Electronic resource]. Consultant Plus. Available at: https://www.burmistr.ru/forum/?PAGE_NAME=read&FID=25&TID=7519&TITLE_SEO=7519-kak_vzyskat_dolg_esli_nasledniki_ne_vstupili_v_svoi_prava&PAGEN_1=3 (accessed: 20.02.2026) (In Russian).

7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 7, 2021 № 307-ES21-2659 in case № A56-1618/2020; Decision of the Gubkinsky City Court of the Belgorod Region dated November 7, 2024 № 2-1653/2024~M-1445/2024 (UID 31RS0007-01-2024-002071-46); Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 21, 2023 № 78-KG23-38-K3 (UID 78RS0008-01-2021-001623-17) (In Russian).
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 10, 2025 № 1530-O [Electronic resource]. Consultant Plus. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=858383#gWXb0GVsbRkSnLVB (accessed: 20.02.2026) (In Russian).
9. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated September 14, 2023 № F07-12580/2023 in case № A05-985/2023; Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 10, 2025 No. 1530-O // SPS Consultant Plus; Ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated March 4, 2025 in case № 8G-4464/2025, 88-5873/2025 (UID 69RS0037-02-2023-004037-78); Ruling of the Fifth Cassation Court of General Jurisdiction dated November 27, 2025 in case № 88-10033/2025 (UID 26RS0026-01-2024-002163-52), and others (In Russian).
10. Decision of the Central District Court of Komsomolsk-on-Amur dated 16.09.2024 in case № 2-2615/2024 (UID 27RS0007-01-2024-002437-18). *Consultant Plus*, 2026 (In Russian).
11. Decision of the Central District Court of Khabarovsk dated January 16, 2019 in case № 2-299/2019 (2-8397/2018)~M-6711/2018. *Consultant Plus*, 2026 (In Russian).
12. *Sedova I.N., Kolesnikova T.P*. (2023) Evaluation of the efficiency of using municipal property and functioning of municipal organizations. *Municipal Academy*, № 1, pp. 121-129 (In Russian).
13. *Smagina E.S.* (2021) State Participation in the Modern Civil Procedure: Monograph. Moscow: Statut Publishing, 268 p. (In Russian).
14. *Tsvetkova E S.* (2024) Corporate Debts of the Testator. *Inheritance Law*, № 1, pp. 28-31 (In Russian).
15. Electronic Justice [Electronic resource]. Available at: https://kad.arbitr.ru/Card/9acf6b29-f819-4b04-a2ae-03c818686a47 (accessed: 20.02.2026) (In Russian).
16. *Yaroshenko K.B.* (2010) Liability of Heirs for the Debts of the Testator. Commentary on Judicial Practice. Issue 15 / edited by K.B. Yaroshenko. Moscow: Legal Literature Publishing, pp. 53-64 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026	Received: 04.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 07.04.2026	Revised: 07.04.2026
Статья поступила для публикации: 13.04.2026	Accepted: 13.04.2026

УДК 34.096

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_53_60

Иванов Геннадий Владимирович,
заместитель директора, Федеральный институт промышленной собственности, Москва,
ppc71@rupto.ru

Токарева Анастасия Александровна,
кандидат культурологии, заместитель начальника Центра «Всероссийская патентно-техническая библиотека», Федеральный институт промышленной собственности, Москва,
anastasiia.tokareva@rupto.ru

Евдокимова Майя Игоревна,
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник – начальник Центра по взаимодействию с органами власти, Федеральный институт промышленной собственности; докторант, доцент кафедры интеллектуальной собственности, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва,
maya-evd@mail.ru

Барило Татьяна Игоревна,
начальник сектора регионального развития, Федеральный институт промышленной собственности, Москва,
tatiana.barilo@rupto.ru

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЦЕНТРОВ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ (ЦПТИ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье с применением формально-юридического и системного методов исследуется правовая природа и административно-правовой статус центров поддержки технологий и инноваций (далее – ЦПТИ) в Российской Федерации как ключевого элемента национальной инновационной инфраструктуры. Цель работы заключается в выявлении и систематизации надзорных функций органов государственной власти с учетом специфики правового статуса организаций, на базе которых функционируют ЦПТИ, в условиях современного курса достижения технологического суверенитета. В ходе исследования установлено, что система государственного надзора за ЦПТИ является комплексной и полицентричной, формируется как производная от общего правового режима, применяемого к базовым организациям. Ключевой особенностью такого надзора выступает дуализм контроля, сочетающий как ведомственно-договорное регулирование, так и разветвленную систему публичного надзора со стороны общих контрольно-надзорных органов. В статье смоделированы некоторые сценарии проверок, демонстрирующие применение отраслевого законодательства. Результаты исследования могут быть использованы руководителями базовых организаций для минимизации правовых рисков, сотрудниками ЦПТИ для организации деятельности, а также исследователями в области частного и публичного права. В результате исследования выявлено, что отсутствие единого регулятора и многосубъектный принцип надзора создают для базовых организаций ЦПТИ дополнительные правовые риски. Для устойчивого развития сети ЦПТИ необходимо применение комплексного подхода: системный правовой аудит их деятельности и повышение квалификации сотрудников в области административного, финансового, налогового и антимонопольного законодательства, что позволит центрам сосредоточиться на выполнении своей основной миссии по стимулированию инноваций.*

Ключевые слова: технологический суверенитет, интеллектуальная собственность, центры поддержки технологий и инноваций, надзорные функции и полномочия, инновационная инфраструктура.

Для цитирования: *Иванов Г.В., Токарева А.А., Евдокимова М.И., Барило Т.И.* Система государственного надзора за деятельностью центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) в Российской Федерации: правовые основания и практические аспекты // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 53-60. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_53_60

© Иванов Г.В., Токарева А.А., Евдокимова М.И., Барило Т.И., 2026

Gennadii V. Ivanov,
Deputy Head, Federal Institute of Industrial Property, Moscow,
ppc71@rupto.ru

Anastasia A. Tokareva,
Ph.D. of Cultural Studies, Deputy Head of the Division «All-Russian Patent and Technical Library» Federal Institute of Industrial Property Moscow,
anastasiia.tokareva@rupto.ru

Maya I. Evdokimova,
Ph.D. of Philosophical Sciences, Senior Researcher – Head of the Center for Interaction with Government Authorities, Federal Institute of Industrial Property; Doctoral Candidate, Associate Professor at the Department of Intellectual Property, A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow,
maya-evd@mail.ru

Tatyana I. Barilo,
Head of the Regional Development Sector, Federal Institute of Industrial Property, Moscow,
tatiana.barilo@rupto.ru

STATE OVERSIGHT OF TECHNOLOGY AND INNOVATION SUPPORT CENTERS (TISCS) IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL FRAMEWORK AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

Abstract. *Using a systemic-structural approach, this article examines the legal nature and administrative-legal status of Technology and Innovation Support Centers (TISCs) in the Russian Federation as a key element of the national innovation infrastructure. The aim of the work is to identify and systematize the supervisory functions of public authorities, considering the specific legal status of the organizations on the basis of which TISCs operate, within the context of the modern course towards achieving technological sovereignty. The study found that the system of state supervision over TISCs is complex and polycentric, being formed as a derivative of the general legal regime applied to host organizations. A key feature of this oversight of TISC activities is the dualism of control, combining both departmental and contractual regulation with an extensive system of public oversight by general supervisory and regulatory bodies. The article models practical inspection scenarios, demonstrating the application of sector-specific legislation. The research results can be used by heads of host organizations to minimize legal risks, by TISC staff for organizing their activities, and by researchers in the fields of innovation and administrative law. The study reveals that the absence of a single regulator and the multi-subject principle of supervision create additional legal risks for TISC host organizations. The sustainable development of the TISC network requires the application of a comprehensive approach: a systematic legal audit of their activities and advanced training for employees in the areas of administrative, financial, tax, and antimonopoly legislation. This would allow the Centers to focus on fulfilling their primary mission of stimulating innovation.*

Keywords: technological sovereignty, intellectual property, technology and innovation support centers, supervisory functions and powers, innovative infrastructure.

For citation: Ivanov G.V., Tokareva A.A., Evdokimova M. I., Barilo T.A. (2026) State Oversight of Technology and Innovation Support Centers (TISCs) in the Russian Federation: Legal Framework and Practical Implementation. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 53-60. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_53_60 (In Russian).

В настоящее время в условиях курса на технологический суверенитет и импортозамещение эффективная инновационная инфраструктура становится стратегическим национальным активом [1]. ЦПТИ играют значимую роль в инновационной инфраструктуре России, являясь важным инструментом популяризации и внедрения охраняемых результатов интеллектуальной деятельности. В соответствии с меморандумом о взаимопонимании по созданию центров поддержки технологий и инноваций (TISC) между Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом) и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) от 28 сентября 2011 года [4] первые центры в России начали создаваться с 2012 года. Под эгидой ВОИС и при участии национального ведомства по интеллектуальной собственности центры призваны обеспечивать доступ изобретателей, исследователей и предприятий к патентной информации, консультационным и образовательным услугам [13].

Актуальность настоящего исследования обусловлена следующим. Несмотря на растущее число ЦПТИ в России (на сегодняшний день их более 190), сложившаяся исследовательская практика в их отношении демонстрирует преобладание мониторинга достижения отчетных показателей деятельности, в то время как вопросы фундаментально-правовой природы и теоретического обоснования их роли в системе инновационного развития остаются за рамками системного научного исследования.

В российском правовом поле ЦПТИ занимают особое положение: они не являются самостоятельными юридическими лицами, а создаются как структурные подразделения на базе действующих организаций – университетов, научно-исследовательских институтов, библиотек, технопарков и других организаций [4]. Данное обстоятельство порождает сложную и неочевидную систему государственного надзора за их деятельностью, вовлекая широкий круг соответствующих государственных органов, действующих в рамках своих полномочий.

Целью статьи является выявление и систематизация правовых оснований и механизмов реализации надзорных функций и полномочий органов государственной власти в отношении ЦПТИ с учетом специфики правового статуса организаций, на базе которых они функционируют.

Исследование базируется на совокупности методов познания. Ведущую роль играет формально-юридический метод, который позволил проанализировать нормативную базу, регулирующую деятельность контрольно-надзорных органов. Системный метод был применен для рассмотрения надзора как целостного механизма, взаимодействия различных государственных органов в рамках их компетенции. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления договорно-ведомственного контроля Роспатента и публично-правового надзора иных органов. Также были использованы методы анализа и синтеза при изучении правовой природы ЦПТИ и метод правового моделирования для построения гипотетических сценариев проверок. Источниками исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, ведомственные документы Роспатента, а также массивы научных публикаций по теме исследования.

Правовая природа и статус ЦПТИ как основа для надзорных правоотношений

ЦПТИ представляет собой структуру без статуса юридического лица, созданную на базе хозяйствующего субъекта (базовой организации) [11]. Именно это обстоятельство является ключевым при контрольно-надзорной деятельности.

Схематично процесс создания ЦПТИ представлен следующим образом. Регион заключает рамочное, верхнеуровневое, соглашение о взаимодействии в рамках поддержки развития сферы интеллектуальной собственности между Министерством экономического развития Российской Федерации, Федеральной службой по интеллектуальной собственности и правительством региона. Затем подведомственный Роспатенту Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС) заключает соглашение непосредственно с хозяйствующим субъектом (базовой организацией), в структуре которой будет создано соответствующее структурное подразделение. В рамках данного соглашения ФИПС берет на себя обязательства по оказанию справочно-методической помощи, а также предоставления доступа к базам данных, а организация обязуется выполнять функции ЦПТИ и ежегодно представлять отчет о результатах деятельности своего структурного подразделения. Таким образом, хозяйствующий субъект руководствуется договором о создании ЦПТИ, заключенным между ним и ФИПС. ЦПТИ формально выступает как подразделение базовой организации и действует на основании внутреннего положения.

В рамках развития сети ЦПТИ в субъектах Российской Федерации функционирует трехступенчатая система.

Основой создания ЦПТИ первого уровня служит двусторонний договор между ФИПС и хозяйствующим субъектом. Последний наделяется соответствующим статусом в рамках соглашения о сотрудничестве, заключенного между Роспатентом и субъектом Российской Федерации. На ЦПТИ первого уровня возлагаются функции по координации деятельности центров второго и третьего уровней, включая сбор отчетности для ее последующего представления в ФИПС.

Учреждение ЦПТИ второго уровня оформляется трехсторонним договором, сторонами которого выступают ФИПС, базовая организация центра первого уровня и принимающий хозяйствующий субъект. Данные структуры наделяются объемом прав и обязанностей, идентичным центрам первого уровня, а также получают сопоставимое ресурсное и консультационное обеспечение.

Создание ЦПТИ третьего уровня аналогичным образом регламентируется трехсторонним договором. Участниками договора выступают ФИПС, вышестоящая структура (центр первого или второго уровня) и организация, на базе которой новый центр планирует осуществлять свою деятельность.

Институциональной основой для создания ЦПТИ первого и второго уровней, как правило, служат научные, образовательные и иные организации, например, центры научно-технической информации, библиотеки и др. В свою очередь, ЦПТИ третьего уровня могут быть представлены учреждениями основного, среднего профессионального и дополнительного

образования и других организаций, содействующих развитию творческого потенциала школьников.

Таким образом, с точки зрения права вся финансовая и хозяйственная деятельность ЦПТИ рассматривается как деятельность непосредственно базовой организации. Следовательно, реализация надзорных полномочий большинством государственных органов осуществляется не в отношении ЦПТИ, а применительно к конкретному юридическому лицу, выступающему в качестве титульного субъекта ответственности. Это определяет ситуативный и вторичный характер многих проверок, которые инициируются не фактом существования ЦПТИ, а характером операций, совершаемых базовой организацией в связи с его функционированием. В рамках данной статьи авторы, проводя различие между понятиями «контроль» и «надзор», исходят из допустимого объема правового вмешательства в деятельность субъекта и оценки эффективности его деятельности. «Контроль» предполагает возможность оценки не только правомерности деятельности, но ее эффективности, тогда как надзор – преимущественно за соблюдением предписаний.

Координация и ведомственный надзор со стороны Роспатента (ФИПС)

Роспатент (ФИПС), выступающий в качестве оператора проекта ЦПТИ, является главным координатором и методическим центром сети ЦПТИ [4]. В рамках договора о сотрудничестве ФИПС с базовой организацией (далее – Договор) основными функциями ФИПС являются следующие.

1. Методическая поддержка региона в сфере ИС в части популяризации знаний в сфере ИС, включая экспертное участие представителей ФИПС в тематических мероприятиях базовой организации. Взаимодействие направлено на повышение осведомленности целевых аудиторий о механизмах охраны, защиты и коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации (РИДиСИ), а также на разъяснение актуальных аспектов деятельности инфраструктуры ЦПТИ.

2. Предоставление базовой организации на безвозмездной основе доступа к патентным и непатентным информационным ресурсам ФИПС в объеме, определенном Договором, методическим и иным информационным изданиям.

3. Организация и проведение семинаров, тренингов и/или консультаций по вопросам деятельности ЦПТИ совместно с базовой организацией для различных категорий пользователей.

4. Размещение, при необходимости, сведений, предоставляемых базовой организацией, об изобретательской и инновационной деятельности в изданиях ФИПС.

Базовая организация, в свою очередь, берет на себя следующий ряд обязательств:

1. Осуществление популяризации в регионе знаний в области ИС посредством различных мероприятий.

2. Содействие продвижению информационных продуктов и услуг ФИПС.

3. Оказание консультационных услуг, включая доступ к патентным и непатентным базам данных ФИПС; оказание помощи в поиске технической информации на основании баз данных, обучение по проведению поиска в базах данных, предоставление общей информации по законодательству в области ИС.

4. Предоставление базовых рекомендаций по распоряжению правами на РИДиСИ.

5. Информирование хозяйствующих субъектов региона в отношении услуг, оказываемых ФИПС, и услуг по направлениям деятельности ЦПТИ, привлекать их для заключения соответствующих договоров с ФИПС.

В части, непосредственно касающейся деятельности ЦПТИ, основанием для надзорных полномочий является договор о сотрудничестве, заключаемый с базовой организацией (Договор).

Правовым основанием для осуществления своего рода надзорных функций ФИПС в отношении деятельности ЦПТИ является не федеральный закон, а ведомственный приказ Роспатента, утвердивший Концепцию развития сети ЦПТИ. Санкции за неисполнение условий договора носят преимущественно гражданско-правовой характер (расторжение договора, прекращение доступа к ресурсам). При этом контрольные функции в значении наличия правомочий по вмешательству в деятельность структурного подразделения или оценки эффективности базовой организации у Роспатента и ФИПС в целом отсутствуют. Даже составление рейтинга лучших ЦПТИ на основе представленной отчетности выступает инструментом информационно-аналитического мониторинга, а не формой административного контроля, так как его результаты не несут никаких правовых последствий. В части надзора с позиции соблюдения предписаний полномочия ФИПС ограничены верификацией соблюдения установленных стандартов и правил предоставления доступа к патентно-информационным ресурсам, проведения мероприятий и др.

Надзорные полномочия иных государственных органов: правовые основания и практические сценарии

Поскольку базовая организация, в структуре которой есть ЦПТИ, является полноправным участником правовых отношений, на нее в полной мере распространяется действие общего законодательства Российской Федерации. Это открывает возможность для осуществления полномочий со стороны широкого спектра контрольно-надзорных органов.

1. Финансовый и налоговый контроль.

Органы финансового контроля осуществляют надзор за законностью и целевым использованием бюджетных средств, а также за соблюдением налогового законодательства.

a) Федеральная налоговая служба (ФНС) проводит проверки на основании Налогового кодекса Российской Федерации. Если базовая организация получает доход от платных услуг ЦПТИ или использует ресурсы для деятельности, приносящей доход, ФНС вправе проверить правильность исчисления и уплаты налогов (НДС, налог на прибыль). Основанием для выездной проверки может стать, например, несоответствие декларируемых доходов от образовательных семинаров ЦПТИ фактическим объемам оказанных услуг.

b) Федеральное казначейство (Казначейство России) и Счетная палата Российской Федерации осуществляют контроль за использованием бюджетных ассигнований в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации. Если ЦПТИ создан на базе государственной образовательной или научной организации, получающей субсидию на реализацию инновационных проектов, эти органы вправе проверить, соответствуют ли расходы на содержание ЦПТИ (оплата труда сотрудников, аренда помещений, приобретение оборудования) целям, указанным в бюджетной заявке. Нарушение может повлечь требование о возврате средств.

c) Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) может проявить интерес к операциям базовой организации в рамках Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», если через ЦПТИ проводятся крупные или подозрительные денежные операции, например, при оплате международных консультационных услуг [8].

2. Контроль в сфере образования (Рособрнадзор).

Если базовая организация (например, университет) реализует через ЦПТИ дополнительные профессиональные программы (программы повышения квалификации или профессиональной переподготовки в области интеллектуальной собственности), она подпадает под надзор Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Основанием является Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [10]. Рособрнадзор вправе проверить наличие необходимой лицензии на образовательную деятельность, соответствие учебных программ требованиям законодательства, условия реализации образовательного процесса. Например, на сайте Ассоциации ЦПТИ как образовательной организации размещена информация о предписаниях органов контроля в сфере образования, что подтверждает актуальность такого надзора [12].

3. Антимонопольный контроль (Федеральная антимонопольная служба (ФАС) России). Деятельность ЦПТИ, особенно если он является единственным подобным центром в регионе и оказывает платные услуги (патентный поиск, консультации), может попасть в зону внимания ФАС России. Основанием для контроля служит Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6]. ФАС может инициировать дело, если будет установлено, что базовая организация, используя ресурсы ЦПТИ,

• злоупотребляет доминирующим положением на рынке патентных или информационно-консультационных услуг в регионе (например, устанавливает завышенные цены или навязывает ненужные услуги);

• совершает действия, ведущие к недобросовестной конкуренции по отношению к другим консультантам или патентным поверенным;

• участвует в соглашениях, ограничивающих конкуренцию.

4. Надзор в сфере защиты персональных данных (Роскомнадзор).

В процессе консультирования, проведения семинаров или регистрации пользователей для доступа к ресурсам ЦПТИ может осуществлять сбор и обработку персональных данных клиентов. Эта деятельность подпадает под действие Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [7]. Роскомнадзор вправе провести проверку базовой организации на предмет:

• наличия уведомления об обработке персональных данных;

• законности получения согласия субъектов данных;

• обеспечения должного уровня защищенности информационных систем;

• соблюдения требований о локализации баз данных на территории РФ.

5. Общий надзор прокуратуры.

В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [8] органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением законов на территории страны. Прокурорская проверка в отношении организации, на базе которой работает ЦПТИ, может быть инициирована по любому сигналу о возможном нарушении законодательства – трудового, антикоррупционного, в сфере госзакупок, охраны труда и др. Прокуратура не специализируется на инновационной деятельности, но ее надзор носит универсальный характер. Например, проверка может быть связана с неправомерным расходованием средств, выделенных на развитие ЦПТИ по региональной программе.

6. Отраслевой и специальный надзор.

В зависимости от специфики базовой организации и тематики проектов, курируемых ЦПТИ, к надзору могут подключиться профильные регуляторы:

a) Росздравнадзор, если ЦПТИ работает на базе медицинского университета или НИИ и консультирует по вопросам патентования фармацевтических разработок или медицинских изделий, он должен соблюдать требования законодательства в сфере обращения лекарственных средств и медицинских изделий.

b) Ростехнадзор, если деятельность ЦПТИ связана с проектами в области промышленной безопасности, энергетики или опасных производств.

c) ФСТЭК России и ФСБ России, если в рамках работы ЦПТИ осуществляется доступ к информации, составляющей государственную тайну, или ведутся работы по созданию средств защиты информации. Основанием является Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» и законодательство в области защиты информации [5].

Ситуационное моделирование процессов и возможные санкции за нарушение законодательства

На практике контрольно-надзорные полномочия чаще всего реализуются через плановые и внеплановые проверки базовой организации. Рассмотрим несколько сценариев.

Сценарий проверки целевого использования субсидии. Например, университет, на базе которого работает ЦПТИ, получил из бюджета субсидию на развитие инновационной инфраструктуры. Часть средств была направлена на закупку программного обеспечения для ЦПТИ и проведение международной конференции. Контрольно-счетный орган в рамках плановой проверки университета может запросить документы, подтверждающие, что закупки и расходы соответствуют целям предоставления субсидии, указанным в соглашении. Нецелевое использование повлечет административную ответственность по ст. 15.14 КоАП РФ [2].

Сценарий проверки лицензирования образовательной деятельности. ЦПТИ на базе частного бизнес-инкубатора систематически проводит платные семинары и выдает слушателям документы о повышении квалификации собственного образца. Если такое обучение подпадает под определение дополнительной профессиональной программы, а у инкубатора отсутствует образовательная лицензия, Рособрнадзор по жалобе участника семинара может провести внеплановую проверку и вынести предписание о прекращении незаконной деятельности с наложением крупного штрафа по ст. 19.30 КоАП РФ.

Сценарий антимонопольной проверки. Крупный промышленный холдинг в регионе, являясь базовой организацией ЦПТИ 1-го уровня, через договорные отношения с ЦПТИ 2-го и 3-го уровня фактически контролирует рынок патентно-информационных услуг для малых инновационных предприятий в своей отрасли. Конкуренты, считающие, что им отказывают в доступе к услугам или навязывают невыгодные условия, могут обратиться в территориальное управление ФАС. Служба проверит наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства и в случае подтверждения возбудит дело.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что система государственного надзора за деятельностью ЦПТИ в Российской Федерации характеризуется отсутствием единого регулятора и формируется по многосубъектному и многоуровневому принципу, то есть является комплексной и полицентричной. Данная система не формируется специально для ЦПТИ, а возникает как производная от общего правового режима, применяемого к базовым организациям.

Ключевая особенность заключается в дуализме контроля: с одной стороны, существует ведомственно-договорное регулирование и методическое руководство со стороны Роспатента (ФИПС), с другой – разветвленная система публичного надзора со стороны органов власти. Роспатент (ФИПС) выполняет ключевую роль координатора и методического центра в рамках своей ведомственной компетенции и договорных отношений. Однако основное бремя публичного контроля лежит на общих контрольно-надзорных органах, чьи полномочия распространяются на базовые организации как на обычные субъекты права. Финансовые, налоговые, антимонопольные, образовательные и иные проверки осуществляются не потому, что организация является учредителем ЦПТИ, а в силу того, что ее деятельность, связанная с функционированием структурного подразделения, подпадает под действие соответствующих отраслевых федеральных законов.

Такой многоаспектный подход обеспечивает всесторонний охват деятельности ЦПТИ с точки зрения законности и создает для базовых организаций дополнительные правовые риски, требующие строгого внутреннего контроля соответствия всех аспектов работы ЦПТИ не только договору с ФИПС, но и обширному массиву российского законодательства. Для минимизации этих рисков и достижения устойчивого развития сети ЦПТИ необходимы комплексные меры по повышению правовой грамотности их сотрудников, внедрение механизмов правового самообследования (аудита). Организациям, на базе которых создаются ЦПТИ, необходимо проводить правовой аудит своей деятельности, особенно в части лицензирования, налогов, защиты персональных данных, закупок и антимонопольного законодательства. В перспективе это позволит ЦПТИ в полной мере сосредоточиться на своей основной миссии – стимулировании инноваций.

Список литературы

1. *Волкова Н.Н., Романюк Э.И.* Влияние структуры экономики на уровень научно-технологического развития // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 1. С. 10-27. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.2 EDN GFIKHJ.
2. Кодекс Российской федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025)(сизм.идоп.,вступ.всилус09.01.2026)[Электронныйресурс].URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 27.02.2026).
3. *Королева Е.* Современное состояние сети Центров поддержки технологий и инноваций в Российской Федерации // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2014. № 1. С. 7-16. EDN TXMFLJ.
4. Меморандум о взаимопонимании по созданию Центров поддержки технологий и инноваций (TISC) между Федеральной службой по интеллектуальной собственности и Всемирной организацией интеллектуальной собственности от 28.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: https://ecpti.ru/o-proekte/dokumentatsiya (дата обращения: 27.02.2026).
5. О государственной тайне: Федеральный закон от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 27.02.2026).
6. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 27.02.2026).
7. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 27.02.2026).
8. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 27.02.2026).
9. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 27.02.2026).
10. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.02.2026).
11. Процедура создания ЦПТИ // Федеральный институт промышленной собственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.fips.ru/about/tspti-tsentr-podderzhki-tekhnologiy-i-innovatsii/protsedura-sozdaniya-tspti-.php (дата обращения: 27.02.2026).
12. Сведения об образовательной организации // Ассоциация ЦПТИ [Электронный ресурс]. URL: https://tiscs.ru/educational-organisation?ysclid=mltfahsanq720891249 (дата обращения 27.02.2026).
13. Центры поддержки технологий и инноваций // ВОИС [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/ru/web/tisc (дата обращения 27.02.2026).

References

1. *Volkova N.N., Romanyuk E.I.* (2024) The Impact of Economic Structure on the Level of Scientific and Technological Development. *Problems of Territorial Development*, vol. 28, № 1, pp. 10-27. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.2 EDN GFIKHJ (In Russian).
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on December 29, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on January 9, 2026) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
3. *Koroleva E.* (2014) Current State of the Network of Technology and Innovation Support Centers in the Russian Federation. *Intellectual Property*. *Industrial Property*, № 1, pp. 7-16. EDN TXMFLJ (In Russian).
4. Memorandum of Understanding on the Establishment of Technology and Innovation Support Centers (TISC) between the Federal Service for Intellectual Property and the World Intellectual Property Organization dated September 28, 2011 [Electronic resource]. Available at: https://ecpti.ru/o-proekte/dokumentatsiya (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
5. On State Secrets: Federal Law of July 21, 1993 № 5485-1 (as amended on August 8, 2024) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
6. On the Protection of Competition: Federal Law of July 26, 2006 № 135-FZ [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW_61763/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
7. On Personal Data: Federal Law of July 27, 2006 № 152-FZ [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_61763/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
8. On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism: Federal Law of August 7, 2001 № 115-FZ [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_32834/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
9. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 № 2202-1 (as amended on December 29, 2025) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).

10. On Education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
11. Procedure for creating a TISC. Federal Institute of Industrial Property [Electronic resource]. Available at: https://www.fips.ru/about/tspti-tsentr-podderzhki-tekhnologiy-i-innovatsii/protsedura-sozdaniya-tspti-.php (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
12. Information about the educational organization. Association of TISC [Electronic resource]. Available at: https://tiscs.ru/educational-organisation?ysclid=mltfahsanq720891249 (accessed: 27.02.2026) (In Russian).
13. Technology and Innovation Support Centers // WIPO [Electronic resource]. Available at: https://www.wipo.int/ru/web/tisc (accessed: 27.02.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 14.04.2026
Статья поступила для публикации: 17.04.2026

Received: 03.03.2026
Revised: 14.04.2026
Accepted: 17.04.2026

УДК 343.3.7

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_61_68

Клоченко Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и уголовно-правовых дисциплин, Российский Новый Университет, Москва,
Larisa-bmstu@yandex.ru

ОБМАН ПРИ ВЕРБОВКЕ И НАСИЛИЕ КАК ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТОВОЙ ГРУППЫ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. *В статье рассматриваются признаки обмана при вербовке культовые объединения и насилия, применяемого к участникам. Эти признаки являются яркой иллюстрацией антиобщественной направленности культовых объединений (сект). Историко-правовой анализ показывает, что деятельность культовых групп всегда была сопряжена с обманом участников или потенциальных участников, манипулированием их религиозными чувствами; такие организации всегда противопоставляли и противопоставляют себя обществу и государству и стремятся вырвать человека из его привычного окружения с корыстной или иной низменной целью, которую преследуют руководители.*

Ключевые слова: секта, культ, культовые группы, культовые объединения, статья 239 УК РФ, некоммерческая организация.
Для цитирования: *Клоченко Л.Н.* Обман при вербовке и насилие как характерные признаки культовой группы: опыт исторического анализа // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 61-68. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_61_68

Larisa N. Klochenko,
Ph.D. of Philological Sciences, Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Public Law and Criminal Law Disciplines, Russian New University, Moscow,
Larisa-bmstu@yandex.ru

RECRUITMENT DECEPTION AND VIOLENCE AS CHARACTERISTICS OF A CULT GROUP: A HISTORICAL ANALYSIS

Abstract. *This article examines the signs of deception in recruitment into cult organizations and the violence used against participants. These signs vividly illustrate the antisocial nature of cult organizations (sects). Historical and legal analysis shows that the activities of cult groups have always been associated with the deception of participants or potential participants and the manipulation of their religious feelings. Such organizations have always opposed and continue to oppose themselves to society and the state, seeking to "tear" individuals from their familiar environment for the selfish or other base purposes pursued by their leaders.*

Keywords: sects, cults, cult groups, cult associations, Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation, non-profit organization.
For citation: Klochenko L.N. (2026) Recruitment deception and violence as characteristics of a cult group: a historical analysis. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 61-68. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_61_68 (In Russian).

Изучение преступлений, совершаемых в культовых объединениях, затруднено тем, что проблема их появления и функционирования носит междисциплинарный характер и привлекает внимание не только юристов, но и социологов, врачей, психологов, теологов, религиоведов, писателей.

Зачастую каждый из этих специалистов не учитывает работ друг друга и интересуется достижениями лишь в «своей» области знания, тогда как для понимания феномена культовых объединений, или сект, их отношения к обществу и степени их деструктивности недостаточно аппарата лишь одной науки.

Междисциплинарный характер изучения культовых групп отмечали еще исследователи XIX века, обращавшиеся к этой теме. Так, Н.В. Варадинов, автор труда по истории министерства внутренних дел, последнюю, восьмую, книгу посвятил расколу и сектам. В предисловии он отмечает, что намеренно отказывается от изучения и изложения религиозных разногласий раскольников с традиционным православием, так как эта сторона вопроса «уже разработана во всех

© Клоченко Л.Н., 2026

своих проявлениях духовными, а отчасти и светскими <…> писателями» [6, с. 1].

Для многих современных исследователей-юристов антиобщественная направленность культовых образований не представляет сомнения. Так, А.Е. Шалагин предлагает использовать определение «криминальные секты и культы» для характеристики тех групп, чья деятельность криминализирована ст. 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Ученый справедливо отмечает, что эта уголовно-правовая норма призвана защищать граждан от «противоправных проявлений таких организаций, представляющих угрозу здоровью населения и общественной нравственности» [34, с. 219].

Исследователи, обращавшиеся к изучению культовых образований с точки зрения теологии, религиоведения и выявления их отличия от традиционных культурообразующих религий, приходят к выводу, что им свойственны замкнутость в групповых интересах, отчужденность, изоляционизм по отношению к миру, контроль авторитарного лидера над сознанием и поведением адептов [17, с. 6-7; 28, с. 9-10], игнорирование культурно-исторического опыта человечества и переписывание истории в соответствии с внутригрупповыми ценностями [14, с. 191].

Обсуждение и результаты исследования

Широкое, массовое распространение сект в России историки связывают с явлением церковного раскола XVII века, последовавшим вскоре после реформ патриарха Никона. Неоднородность раскола, распадение его на множество различных групп, сект и именование этих сект наряду со старообрядцами раскольниками – всё это привело к путанице понятий. На нечеткое различие дефиниций «секта», «ересь», «раскол» и их историческую изменчивость неоднократно указывали ученые. Например, этому вопросу уделял внимание известный исследователь XIX века юрист А.В. Лохвицкий: «Раскол и ересь не определены точно в уголовном законе. Раскольниками у нас называли сначала тех православных, которые не признали правильным исправление книг и некоторых обрядов при патриархе Никоне. <…> Под расколом <…> сначала разумелось одно старообрядчество. Но впоследствии под то же название подводили не только разные ереси, образовавшиеся из старообрядчества, каковы, например, беспоповщина, филипповщина, федосеевщина, но и учения, не имеющие ничего общего со старообрядчеством, – малаканское, духоборческое и т.п. и даже чудовищные тайные общества противообщественного характера, каковы скопчество, хлыстовщина, душильщики и пр. В ст. 196-206 (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных – Л. К.) мы встречаем собрание узаконений, относящихся как к расколу в собственном смысле слова, так и к разным противообщественным учениям» [25, с. 309-310]. Выделяя секты скопцов как наиболее деструктивные, А.В. Лохвицкий поясняет: «…скопчество не есть произведение раскола. Лишение производительной силы мужчины было во все времена распространено на востоке, где оно составляет необходимое дополнение гаремной жизни и самый страшный ритуал деспотизма над рабами» [25, с. 315]. Более того, исследователь определяет скопчество как «чудовищное тайное общество, которое недостойно имени религиозной секты» [25, с. 316]. Г.П. Добротин также обращает внимание на «размытость» границ между понятиями «раскол», «ересь» и «секта» в XIX веке. Он отмечает, что определением «раскол» охватывается как традиционное старообрядчество, так и «немалое <…> количество еретических сект мистического (скопцы, хлысты и др.) и рационалистического характера (молокане, духоборцы, штундисты и др.) [13, с. 3]. Писатель П.И. Мельников (Андрей Печерский), один из наиболее известных исследователей проблемы сект и раскола в XIX веке, неоднократно подчеркивал отличие сект от старообрядчества, и только последнее он называл расколом. Секты же, по мысли писателя-исследователя, в связи со своей антиобщественной направленностью были недостойны даже именоваться «расколом»: «…сектаторы не раскольники, и не имеют ничего общего с раскольниками. Только одно невежество наше ставит их в одну группу с раскольниками» [26, с. 242].

Однако все же на протяжении XVII-XIX вв., пожалуй, наибольшую общественную опасность представляли собой группы самосжигавшихся старообрядцев. В истории министерства внутренних дел Н.В. Варадинова воспроизводятся следующие факты: «…в 1749 году сожглись <…> 70 человек в Устюжской провинции. <…> В 1756 году воспрещено раскольникам, для предупреждения самосжигательства, строиться отдельно в отдаленных местах <…> В Томской губернии сожгли себя 175 человек. <…> В 1757 году сожглись в Архангельской губернии 27 человек» [6, с. 27-28].

Некоторые исследователи склонны были считать самосжигавшихся отдельными сектами [7, № 1-2, с. 6]. Впрочем, сам В.В. Виноградов, будущий академик, начавший свой путь в науке с исследования феномена культовых групп и их преступлений, придерживался иной точки зрения. Он полагал, что группы самосжигавшихся старообрядцев нельзя считать отдельной сектой. Это были попавшие под влияние различных проповедников «огненной смерти» люди, которые были убеждены в том, что путем самосожжения, которое они называли «огненным крещением», совершают «подвиг за веру» [7, № 8-9, с. 17-24]. Интересно, что В.В. Виноградов отмечает уже наличие обмана при вовлечении в такие группы самосжигавшихся. Ученый указывает на влияние целого ряда

«учителей», которые распространяли идеи о необходимости самосожжения во избежание гонений, один из которых даже бросал «подметные письма» с колокольни Ивана Великого, где содержались призывы к самоистреблению [7, № 8-9, с. 17-24].

Обман при вовлечении в культовые группы был отмечен также исследователями XIX века. Так, Н.В. Варадинов приводит следующие случаи вовлечения в одну из многочисленных культовых групп: «Нечто вроде собраний с прорицаниями происходило и в Санкт-Петербурге, в квартире подполковницы Т. Одна солдатская жена, принятая в секту, рассказывала, что при приеме ее положили в постель, где она не знает отчего пришла в беспамятство; когда же очнулась, то явился ей пророк, предсказавший, что к ней придет корабль с деньгами, и тогда она сама будет раздавать деньги бедным. Другая женщина, жена майора Польской службы Ф., также была приведена в бесчувствие; явившийся ей пророк сказал, что вскоре прибудут ангелы и возьмут ее от сей земли, а потому советовал для спасения души быть благотворительною» [6, с. 86].

Следует заметить, что приведенные «пророчества» и «предсказания» касались исключительно финансов; притом, по всей видимости бедной женщине (солдатской жене), адресовано «предсказание» о богатстве, а жене майора (заведомо более благополучной) «предсказано», напротив, избавиться от денег. То есть налицо манипулирование при вовлечении в культ, заведомо ложные обещания и корыстная цель руководителей. Обман при вовлечении в культовую группу строится, по мысли автора, на абсолютной власти руководителя, «учителя», «наставника» такой группы. Именно эта абсолютизация власти руководителя и безграничность его власти вели к криминализации деятельности культовых групп. Феномен абсолютной власти наставника, руководителя культа Варадинов объясняет сформировавшимся в народе недоверием к представителям государственных органов: «Разъяснить всю нелепость верований и убеждений простому человеку не было возможности; потому что он, при своем невежестве, не мог отличить истины от лжи, не разумел делаемых ему увещаний людьми, стоявшими выше его и по положению общественному, и по образованию, но он понимал ясно своего невежественного наставника, а понимая, думал, что он его не обманывает, не соблазняет, имеет в виду спасение его души, и чем нелепее и бессмысленнее были поучения таких наставников, тем более прилеплялось к ним простое сердце и неразвитое мышление поселянина. Эта истина будет подтверждаться всеми следующими событиями и доказывать, что одно просвещение могло поколебать раскол, а меры кротости, которые предпринимались правительством, недостаточны» [6, с. 72].

С середины XIX века необходимость междисциплинарного подхода, то есть изучения «культовой» проблемы с разных сторон, стала уже очевидной. Так, среди ученых-юристов и врачей неоднократно вызывал дискуссии феномен скопчества. Исследователи обращались как к проблеме антиобщественной направленности скопческих «кораблей», их политических взглядов, так и к проблеме воздействия на психику человека скопческой идеологии, а также влияния оскопления на здоровье человека в целом. В1872 году вышла в свет работа доктора медицины Е.В. Пеликана, в которой автор, помимо собственно медицинских выводов о скопцах, систематизирует и обнародует методы вербовки в секту, основанные на обмане. В числе прочего автор отмечает метод вовлечения в скопческие «корабли» детей из крестьянских семей с целью впоследствии оскопить их под видом найма в услужение в богатые купеческие дома [29, с. 95]. Более того, ученый отмечает факты вербовки и взрослых людей, зачастую страдающих различными заболеваниями, сопровождаемые обманом и насилием [29, с. 95].

В советское время, несмотря на господствующую идеологию атеизма, продолжали свое существование и вербовку новых членов различные секты, как дореволюционные, так и новые. До середины XX века оставалась актуальной проблема общественной безопасности, опасности для жизни и здоровья граждан, вызванная деятельностью скопческих групп, сохранявшихся в различных регионах СССР, например, в Тамбовской и Орловской областях. Последнее оскопление было зафиксировано в Орловской области в 1946 году [35]. В 30-е годы XX века в Московской области была выявлена «артель» скопцов, где использовался рабский труд девушек-чулочниц из рязанских и орловских деревень, которые безвозмездно работали в скопческих общинах, и путем обмана, угроз или запугиваний их принуждали к оскоплению [21, с. 45].

На рубеже 50-60-х годов был выпущен целый ряд научно-популярных книг и брошюр А.А. Александрова [1], И.С. Валисевича [5], А.А. Ерышева [16], А.А. Комма [22], позднее – Э.М. Бартошевича и Е.И. Борисоглебского [3], предупреждающих об опасности культовых организаций для личности и общества. Особенный интерес представляют собой воспоминания А.А. Комма – бывшего активного члена и проповедника сект субботников и пятидесятников, которого ребенком завербовали в культовую группу путем запугивания и причинения вреда здоровью. Проповедник одной из сект, по всей видимости субботников, имевший влияние на его мать, облил его горячей водой, нанес ожоги и сообщил, что если он не вступит в секту, то в аду его ждут еще более страшные мучения [22, с. 5-7]. Бывший участник нескольких культовых объединений выделяет как общий признак в них запрет на медицинскую помощь и замену ее опасными для жизни и здоровья практиками: голоданием,

избиениями (якобы с целью «изгнания беса») и др., объясняемый руководителями сект тем, что врач является «представителем сатаны» [22, с. 7, 20-21].

В воспоминаниях А.А. Комма содержатся сведения о корыстных целях руководителей культовых объединений, которые обеспечивают себе безбедное существование за счет членов общин. Так, для многих сект характерен принудительный сбор «десятины» (десятой или более части любого дохода участника), которая, как объявляется руководством объединений, должна быть направлена на благотворительные цели. Однако автор воспоминаний имел возможность убедиться в том, что таким образом члены секты лишь обеспечивают нужды руководящей «верхушки»: «Верующие полагают, будто их взносы идут на оказание помощи неимущим. Но за все годы пребывания в руководстве общины я ни разу не видел, чтобы хоть одна копейка была израсходована по назначению. <…> Руководители секты расходуют деньги на себя, без всяких ухищрений. <…> Так я впервые узнал о том, что главари секты обманывают рядовых верующих» [22, с. 44].

Как следует из воспоминаний А.А. Комма, для некоторых членов культовых групп сама инициация в них заканчивалась трагически. Речь идет о «водном крещении» в открытом водоеме зимой, на 15-градусном морозе, которое нужно было провести для того, чтобы собрать денежные средства с «крещаемых». При этом руководители секты были в шубах и шапках, а те, которых «крестили», погружались в холодную воду. При этом многие просили отложить крещение, пока будет теплее, но руководители пугали их вечными муками, и люди под давлением соглашались [22, с. 49-52]. Комм рассказывает о трех известных ему случаях тяжелых заболеваний, окончившихся смертью после этого «крещения» [22, с. 52-53]. Этот и иные случаи обнаружения корыстного умысла руководителей, обмана ими рядовых и потенциальных членов секты, повлекшего за собой тяжкие последствия в виде болезни и смерти нескольких лиц, заставили автора воспоминаний покинуть организацию: «Сомненье снова начало разъедать мою душу. Я не мог поверить, будто Богу нужно так мучить людей. <…> Ведь я знал – с крещением поторопились, потому что главарям секты срочно понадобились деньги. Как же все это связано с Богом?» [22, с. 53].

В 1960 году в УК РСФСР была введена ст. 227 «Создание группы, причиняющей вред здоровью граждан», которой было криминализировано «создание группы, деятельность которой, проводимая под предлогом проповедования религиозных вероучений, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или половой распущенностью, а равно руководство такой группой либо вовлечение в нее несовершеннолетних». В 1962 году изменилось название этой уголовно-правовой нормы, и до 1991 года она просуществовала в следующей редакции: «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов», а диспозиция увеличилась по объему и содержанию по сравнению с 1960 годом[1].

Следует отметить, что на наличие обмана в культовых группах, против антиобщественной деятельности которых и была направлена данная норма, указывает сама формулировка ст. 227 УК РСФСР – религиозная составляющая является прикрытием для достижения зачастую корыстных и практически всегда антиобщественных целей руководителей культовых групп. Как общий признак, характерный для некоторых культовых групп, и в первую очередь для пятидесятников, исследователь отмечает избиение, которое по «идеологии» ряда сект было направлено на «изгнание нечистого духа». Показательно, что практика избиения в общинах пятидесятников представлялась заменой медицинской помощи: «Весьма распространенным способом причинения вреда здоровью граждан является так называемое у сектантов изгнание «нечистого духа», «сатаны». Под «нечистым духом» сектанты понимают всевозможное отклонение в поведении верующего от наставлений руководителей групп, а также наличие всякого рода болезней. Способы изгнания «нечистого духа» самые разнообразные и жестокие. Среди них наиболее распространенным встречается избиение верующих». Ученый обращает внимание на опасность не только для здоровья, но и для жизни, которую могут повлечь за собой преступления в культовых объединениях: «… Порой для достижения своих преступных целей руководители групп доходят до таких нововведений в порядке отправления религиозных обрядов, которых вообще за свою историю развития не знало ни одно религиозное направление. Так, например, в одну из сект города Иркутска, именуемую сектой пятидесятников, была вовлечена 15-летняя Аня Лукина. Готовя ее к испытанию на прочность веры, «брат» Степан посадил Лукину в плетеную клетку и три дня не давал ей ни пить, ни есть. Чтобы проверить крепость ее веры, сектанты заставляли Аню ходить по битому стеклу. В результате <…> пыток Лукина попала в психиатрическую больницу. Не остановившись на этом, сектанты продолжали преследовать девушку в больнице и довели ее до самоубийства».

С 1991 по 1993 год в связи с изменением политического строя и уголовно-правовой политики уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за исследуемые деяния, отсутствовала в кодексе и была возвращена в 1993 году в диспозиции

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР № 29 (199) 26 июня 1962 года. Ст. 449.

ст. 143.1. «Организация объединений, посягающих на личность и права граждан». Почти не изменилось ее название и в современном Уголовном кодексе РФ 1996 года – «Организация объединения, посягающего на личность и права граждан» (ст. 239 УК РФ). Однако в 2012 году название нормы поменялось вновь: с этого года и по сегодняшний день уголовная ответственность по ст. 239 УК РФ предусмотрена за «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан»[2].

Использование в диспозиции и в названии статьи такой формы юридического лица, как некоммерческая организация, затрудняет ее понимание и правоприменение. Некоммерческие организации, как это следует из Федерального закона «О некоммерческих организациях», создаются «для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ»[3]. Таким образом, если в объединении совершается насилие и иные посягательства на личность и права граждан, то целям некоммерческих организаций такие группы явно не соответствуют. На эту проблему уже обращали внимание ученые. Так, Д.М. Молчанов справедливо отмечает, что «противоправный характер деятельности объединений, обозначенных в ч. 1 и ч. 2 ст. 239 УК РФ, никак не может быть отражен в учредительных документах, и осуществление такой деятельности вступает в противоречие с теми целями, ради осуществления которых создается такое объединение» [27, с. 95]. Соответственно, «деятельность руководителей или участников таких организаций, которая запрещена УК РФ, выходит за рамки, определяемые их легальным статусом» [27, с. 90]. Более того, по мысли автора, этот «легальный статус» для руководителей/участников таких объединений «служит прикрытием для осуществления незаконной деятельности» [27, с. 92-93]. Ту же мысль высказывает и С.В. Розенко, что в таких группах «законные формы некоммерческих организаций используются как прикрытие для реализации преступных целей нетрадиционными религиозными формированиями (сектами), что позволяет им заявлять о законности их деятельности» [30].

Однако в настоящее время не все ученые, обращавшиеся к изучению феномена культовых объединений, понимают серьезность проблемы их антиобщественной направленности. Нарочито отрицают криминальную составляющую их деятельности исследователи, которые склонны считать культы «новыми религиями» и встраивать их в социокультурную реальность. Так, Л.И. Григорьева называет теракт, организованный членами секты «Аум Синрикё»[4], «акцией»: «Что принесла акция «Аум Синрикё» в токийском метро самой секте и ее лидерам?» [11, с. 210]. Проблему криминала в культовых объединениях исследовательница склонна считать преувеличенной. Задавая вопросы, в какой степени НРД (новые религиозные движения – Л.К.) криминогенны в своей массе, является ли криминогенность их качественной характеристикой, подтверждаемой конкретными фактами и насколько велика степень распространенности этого явления [11, с. 197], Григорьева отвечает на них следующим образом: «Широко тиражируемая информация о наиболее громких преступлениях, совершенных в рамках новых религий, будь то массовые самоубийства или террористические акты, говорит о том, что как факт отдельные конкретные преступления имели место и достаточно хорошо известны. Таких преступлений, факт совершения которых бесспорно доказан, можно насчитать едва ли более десятка, все они были совершены в 70-90-х годах XX века» [11, с. 198]. Такое нивелирование общественной опасности исследуемых сообществ, на наш взгляд, не соответствует принципам гуманизма и справедливости, так как влечет за собой пренебрежение человеческой жизнью вообще.

Впрочем, у современных исследователей-юристов, обращавшихся к анализу деятельности организаций культового типа, обман при вербовке (вовлечении) в такую организацию, сокрытие от новых членов достоверной информации о лидере и целях группы, а также применяемое к членам таких групп насилие не вызывают сомнения. Так, О.Б. Ермакова предлагает свое определение сообщества, деятельность которого криминализирована ст. 239 УК РФ, именно на основании наличия в нем насилия и недобровольности вступления в него участников, то есть обмана при вербовке («информационного воздействия»): «Деструктивное религиозное объединение представляет собой совокупность лиц, объединившихся и (или) продолжающих совместную деятельность не на основе общности целей и интересов, а в результате применения массивного информационного воздей-

[2] Федеральный закон от 20.07.2012. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности иностранных некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. 23.07.2012. № 30. Ст. 4172.

[3] Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ 15.01.1996. № 3. Ст. 145 (ред. 19.12.2022).

[4] Деятельность организации запрещена в России.

ствия, психического или физического насилия (принуждения) одними его участниками к другим» [15, с. 8-9]. Ю.А. Лапунова именно на основании признака обмана при вовлечении в группу вводит своё понятие «псевдорелигиозного сообщества криминальной направленности» [24, с. 28], так как для традиционной религии не свойственно сокрытие полностью или частично исповедуемого вероучения, а также требований и ограничений, предъявляемых к верующим.

Как следует из судебной практики, в современных культовых организациях так же, как и в сектах дореволюционного и советского периодов, практикуется насилие (избиения участников, лишение пищи и др.). Избиения были характерны для сект «Троеруссия», группы под руководством Попова А.Ю., получившего широкую известность в СМИ как «бог Кузя» [19, с. 82-83], «Ашрам Шамбалы» (Деятельность организации запрещена в России), «Благородный орден дьявола» (Деятельность организации запрещена в России) и др. [19, с. 94].

Обман при вербовке и по сей день является ключевым признаком культовых организаций. Многие культовые объединения, в особенности многочисленные, намеренно создают «фасадные» организации для вовлечения новых членов. Так, с целью вовлечения в секту «Ашрам Шамбалы» были созданы «Школа богинь» [19, с. 91-92], «Школа йоги», «Школа гейш», «Основы эзотерического бизнеса», «Беловодье» и др. [8, с. 240].

Заключение

Таким образом, обман при вербовке, создание «фасадных» организаций с целью вовлечения как можно большего количества участников без объяснения идеологии, целей, личности руководителя основной организации –показатель недобросовестности создателя / руководителя такой группы. Признак же насилия выступает уже явственным показателем антиобщественной направленности организации, наличия в ней криминала и является основанием для решения вопроса об уголовной ответственности ее руководителей. Историко-правовой анализ показывает, что деятельность культовых групп всегда была сопряжена с обманом участников или потенциальных участников, с манипулированием их религиозными чувствами; такие организации всегда противопоставляли и противопоставляют себя обществу и государству и стремятся «вырвать» человека из его привычного окружения с корыстной или иной низменной целью, которую преследуют руководители.

Список литературы

1. *Александров А.А.* Проповедники тьмы и мракобесия (реакционная сущность религиозных сект иннокентьевцев, иеговистов и мурашковцев). Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1958. 68 с.
2. *Астахова Л.С.* Динамика современных религиозных практик в структурах повседневности: дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2013. 324 с.
3. *Бортошевич Э.М., Борисоглебский Е.И.* «Свидетели Иеговы» (Деятельность организации запрещена в России). М.: Политиздат, 1969. 216 с.
4. *Буткевич Т.И.* Обзор русских сект и их толков. 2-е изд. Петроград, 1915. 637 с.
5. *Валисевич И.С.* Религиозные секты баптистов и иеговистов. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1958. 2-е изд., доп. 86 с.
6. *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8, доп.: История распоряжений по расколу. СПб.: 1863. 656 с.
7. *Виноградов В.В.* О самосожжении раскольников-старообрядцев (XVII–XX вв.). // Миссионерский сборник. Рязань: Типография Братства св. Василия, 1917. Приложения. № 1-2. С. 1-16; № 8-9. С. 17-24.
8. *Воат А.А.* Деструктивные тоталитарные культы (на примере Ашрам Шамбалы) // Научный альманах, 2018. № 4-2 (42). С. 240-242.
9. *Волков Е.Н.* Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. 1996. № 2. С. 87-93.
10. *Волков Е.Н.* Критерии и признаки психологического ущерба и психологического насилия // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Вып. 12. 2002. С. 79-90.
11. *Григорьева Л.И.* Религии «Нового века» и современное государство (Социально-философский очерк). Красноярск: СибГТУ, 2002. 400 с.
12. *Дворкин А.Л.* Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2012. 813 с.
13. *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев: Типография Кульженко, 1896. 112 с.
14. *Ельчанинов А., Флоренский П., Эрн В.* История религии. 2-е изд. М. - Париж: Русский путь – YMCA-PRESS, 2005. 256 с.
15. *Ермакова О.Б.* Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. … канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 23 с.
16. *Ерышев А.А.* Религиозное сектантство и его сущность. Киев: Изд-во Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко, 1959. 63 с.

17. *Здоровец Я.И., Мухин А.А.* Религиозные конфессии и секты / под общ. ред. А.А. Мухина. М.: Алгоритм, 2005. 288 с.
18. *Иванишко И.В.* Церковно-христианское понимание причин и условий религиозной преступности // Социум и христианство: материалы международной научно-практической конференции. Минск: Изд-во Минской духовной академии, 2018. С. 61-63.
19. *Карпачева Т.С.* Преступления в нетрадиционных религиозных объединениях: уголовно-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2018. 192 с.
20. *Кирсанова В.Г.* Психологические особенности членов нетрадиционных религиозных объединений: дис. … канд. психол. наук. М., 2005. 173 с.
21. *Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства. М.: Политиздат, 1974. 255 с.
22. *Комм А.А.* Мракобесы без маски. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1969. 79 с.
23. *Кони А.Ф.* Штундисты // На жизненном пути. Т. 1. М.: Типография Сытина, 1914. С. 601-631.
24. *Лапунова Ю.А.* Отдельные аспекты уголовно-правовой и криминологической характеристики преступлений, совершаемых членами псевдорелигиозных сообществ криминологической направленности // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 27-29.
25. *Лохвицкий А.В.* Курс русского права. Сочинение Александра Лохвицкого, доктора права. 2-е изд., испр. и доп., сведенное с кассационными решениями. СПб.: Скоропечатная Ю.О. Шрейера, 1871.704 с.
26. *Мельников П.И.* (Андрей Печерский) Письма о расколе // Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 6. С. 193-252.
27. *Молчанов Д.М.* Специальные нормы Особенной части УК РФ о соучастии в деятельности организаций, зарегистрированных в Российской Федерации или иных юрисдикциях // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 4 (117). С. 90-98.
28. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник. Белгород: Миссионерский отдел Московского патриархата Русской православной церкви, 1997. 272 с.
29. *Пеликан Е.В.* Судебно-медицинские исследования скопчества. Исторические сведения о нем. Ч. 2. Судебно-медицинская. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. 257 с.
30. *Розенко С.В.* Насилие как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» // Уголовное право. 2014. № 5. С. 87–89 [Электронный ресурс]. URL: https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-upra/2014/5 (дата обращения: 31.03.2026).
31. *Тимашев Н.С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Птроград: Сенатская типография, 1916. 104 с.
32. *Царьков П.Е.* Теоретические подходы к исследованию распространения привнесенных религиозных сообществ в российском социальном пространстве (культурно-политические аспекты) // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2024. № 10. С. 98-104.
33. *Чеснокова И.А.* Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность: дис. … канд. психол. наук: М., 2005. 260 с.
34. *Шалагин А.Е.* Криминология и предупреждение преступлений. М.: Юрлитинформ, 2021. 240 с.
35. *Шамеро А., Алексеев Н.* Обломки затонувших кораблей // Наука и религия. 1962. № 9. С. 19-26.

References

1. *Aleksandrov A.A.* (1958) Preachers of Darkness and Obscurantism (the Reactionary Essence of the Religious Sects of the Innokenty, Jehovah's Witnesses, and Murashkovites). Chisinau: State Publishing House of Moldova, 68 p. (In Russian).
2. *Astakhova L.S.* (2013) Dynamics of Modern Religious Practices in the Structures of Everyday Life: Doctor Thesis of Philosophical Sciences. St. Petersburg, 324 p. (In Russian).
3. *Bortoshevich E.M., Borisoglebsky E.I.* (1969) Jehovah's Witnesses. Moscow: Politizdat Publishing, 216 p. (In Russian).
4. *Butkevich T.I.* (1915) Review of Russian Sects and Their Interpretations. 2nd ed. Petrograd, 637 p. (In Russian).
5. *Valisevich I.S.* (1958) Religious Sects of the Baptists and Jehovah's Witnesses. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House, 86 p. (In Russian).
6. *Varadinov N.V.* (1863) History of the Ministry of Internal Affairs. Book 8, suppl.: History of Decrees on the Schism. St. Petersburg, 656 p. (In Russian).
7. *Vinogradov V.V.* (1917) On the Self-Immolation of Old Believer Schismatics (17th-20th Centuries). Missionary Collection. Ryazan: Printing House of the Brotherhood of St. Basil, Appendices, № 1-2, pp. 1-16; № 8-9, pp. 17-24 (In Russian).
8. *Voat A.A.* (2018) Destructive Totalitarian Cults (Based on the Ashram of Shambhala). Scientific Almanac, № 4-2 (42), pp. 240-242 (In Russian).
9. *Volkov E.N.* (1996) Criminal Challenge to Practical Psychology: The Phenomenon of Destructive Cults and Mind Control (Introduction to the Problem). *Journal of Practical Psychologist*, № 2, pp. 87-93 (In Russian).
10. *Volkov E.N.* (2002) Criteria and Signs of Psychological Damage and Psychological Violence. *Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*, Iss. 12, pp. 79-90 (In Russian).
11. *Grigorieva L.I.* (2002) Religions of the "New Age" and the Modern State (Socio-Philosophical Essay). Krasnoyarsk: SibSTU, 400 p. (In Russian).

12. *Dvorkin A.L.* (2012) Sect Studies. Totalitarian Sects. An Experience of Systematic Research. 3rd ed., revised and expanded. N. Novgorod: Christian Library, 813 p. (In Russian).
13. *Dobrotin G.P.* (1896) Law and Freedom of Conscience in Relation to False Doctrine and Schism. Kyiv: Kulzhenko Printing House, 112 p. (In Russian).
14. *Elchaninov A., Florensky P., Ern V.* (2005) History of Religion. 2nd ed. Moscow - Paris: Russian Way – YMCA-PRESS Publishing, 256 p. (In Russian).
15. *Ermakova O.B.* (2011) Organization of an Association Infringing on the Personality and Rights of Citizens: Criminal-Law and Criminological Aspects: Abstract of a Ph.D. … of Juridical Sciences. Rostov-on-Don, 23 p. (In Russian).
16. *Eryshev A.A.* (1959) Religious sectarianism and its essence. Kyiv: Publishing House of Kyiv State University named after T.G. Shevchenko, 63 p. (In Russian).
17. *Zdorovets Ya.I., Mukhin A.A.* (2005) Religious confessions and sects/under the general editorship of A.A. Mukhin. Moscow: Algorithm Publishing, 288 p. (In Russian).
18. *Ivanishko I.V.* (2018) Church-Christian understanding of the causes and conditions of religious crime. Society and Christianity: materials of the international scientific and practical conference. Minsk: Publishing House of the Minsk Theological Academy, pp. 61-63 (In Russian).
19. *Karpacheva T.S.* (2018) Crimes in Non-Traditional Religious Associations: Criminal-Law Characteristics. Moscow: Yurlitinform Publishing, 192 p. (In Russian).
20. *Kirsanova V.G.* (2005) Psychological Characteristics of Members of Non-Traditional Religious Associations: Ph.D. Thesis of Psychological Sciences. Moscow, 173 p. (In Russian).
21. *Klibanov A.I.* (1974) From the World of Religious Sectarianism. Moscow: Politizdat Publishing, 255 p. (In Russian).
22. *Komm A.A.* (1969) Obscurantists Without a Mask. Maikop: Adyghe Book Publishing House, 79 p. (In Russian).
23. *Koni A.F.* (1914) Stundists. On the Path of Life, vol. 1. Moscow: Sytin Printing House, pp. 601-631 (In Russian).
24. Lapunova Yu.A. (2008) Certain Aspects of the Criminal-Law and Criminological Characteristics of Crimes Committed by Members of Pseudo-Religious Communities with a Criminological Focus. *Business in Law*, № 4, pp. 27-29 (In Russian).
25. *Lokhvitsky A.V.* (1871) Course of Russian Law. Work by Aleksandr Lokhvitsky, Doctor of Law. 2nd ed., corrected and supplemented, summarized with cassation decisions. St. Petersburg: Skoropechatnaya Yu.O. Shreyera, 704 p. (In Russian).
26. *Melnikov P.I.* (Andrei Pechersky) (1963) Letters on the Schism. *Collected Works*: in 6 volumes. Moscow: Pravda Publishing, vol. 6, pp. 193-252 (In Russian).
27. *Molchanov D.M.* (2024) Special Provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation on Complicity in the Activities of Organizations Registered in the Russian Federation or Other Jurisdictions. *Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, № 4 (117), pp. 90-98 (In Russian).
28. New Religious Organizations of Russia of a Destructive and Occult Nature: Handbook. Belgorod: Missionary Department of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 1997, 272 p. (In Russian).
29. *Pelikan E.V.* (1872) Forensic Research of the Skopchestvo. Historical Information About It. Part 2: Forensic Medicine. St. Petersburg: V.I. Golovin Press, 257 p. (In Russian).
30. *Rozenko S.V.* (2014) Violence as a Sign of a Crime Under Part 1 of Art. 239 of the Criminal Code of the Russian Federation "Creation of a non-profit organization that infringes on the personality and rights of citizens". *Criminal Law*, № 5, pp. 87-89 [Electronic resource]. Available at: https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=PRSV-upra/2014/5 (accessed: 31.03.2026) (In Russian).
31. *Timashev N.S.* Religious crimes under current Russian law. Ptrograd: Senate Printing House, 1916. 104 p. (In Russian).
32. *Tsarkov P.E.* (2024) Theoretical Approaches to the Study of the Spread of Imported Religious Communities in the Russian Social Space (Cultural and Political Aspects). *Eurasian Space: Economy, Law, Society*, № 10, pp. 98-104 (In Russian).
33. *Chesnokova I.A.* (2005) The Influence of Sects, Cults, and Non-Traditional Religious Organizations on the Individual and Their Life: Ph.D. Thesis of Psychological Sciences. Moscow, 260 p. (In Russian).
34. *Shalagin A.E.* (2021) Criminology and Crime Prevention. Moscow: Yurlitinform Publishing, 240 p. (In Russian).
35. *Shamero A., Alekseev N.* (1962) Wrecks of Sunken Ships. *Science and Religion*, № 9, pp. 19-26 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 01.04.2026
Статья поступила после рецензирования: 25.04.2026
Статья поступила для публикации: 27.04.2026

Received: 01.04.2026
Revised: 25.04.2026
Accepted: 27.04.2026

УДК 34.096

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_69_73

Кузьмин Иван Михайлович,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юридический институт Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, город Владимир,
i.m.kuzmin.3107@mail.ru

О КОНЦЕПЦИИ СМЕШАННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *В статье раскрывается процесс трансформации современной правовой реальности в условиях тотальной цифровизации и внедрения электронных средств обработки информации в процессы реализации права. Обосновывается концепция смешанной реальности правового регулирования, возникающая на стыке взаимодействия традиционной правовой реальности и виртуальной среды. В процессе реализации положений нормативных правовых актов, направленных на расширение правового регулирования в виртуальной среде, происходит становление смешанной реальности правового регулирования. Цель исследования – определить смешанную реальность правового регулирования как результат расширения действия права посредством цифровых средств обработки информации. В работе раскрывается эволюция становления смешанной реальности от классического континуума П. Милгрэма и Ф. Кисино до современных онтологических моделей, нашедших отражения в некоторых отечественных нормативных актах. Предлагается определение смешанной реальности правового регулирования как технологически опосредованная форма правовой реальности, формирующаяся в рамках правовой коммуникации, в которой объекты социального взаимодействия интегрируются с цифровыми визуально-информационными слоями правового характера. Определяется перспектива развития отечественной правовой мысли в контексте обозначенной тенденции.*

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация права, правовая реальность, виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, гибридизация права, коммуникативная среда, виртуальный мир, восприятие права.

Для цитирования: *Кузьмин И.М.* О концепции смешанной реальности правового регулирования: постановка проблемы // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 69-73. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_69_73

Ivan M. Kuzmin,
Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law,
Law Institute of the Vladimir State University, Vladimir,
i.m.kuzmin.3107@mail.ru

ON THE CONCEPT OF MIXED REALITY OF LEGAL REGULATION: STATEMENT OF THE PROBLEM

Abstract. *The article reveals the process of transformation of the modern legal reality in the context of total digitalization and the introduction of electronic means of information processing in the processes of law enforcement. The author substantiates the concept of "mixed reality of legal regulation", which arises at the junction of the interaction of traditional legal reality and the virtual environment. In the process of implementing the provisions of regulatory legal acts aimed at expanding legal regulation in the virtual environment, the mixed reality of legal regulation is formed. The purpose of the study: to define the mixed reality of legal regulation as a result of the expansion of the effect of law through digital means of information processing. The work reveals the evolution of the formation of mixed reality from the classical continuum of P. Milgram and F. Kishino to modern ontological models reflected, among other things, in some domestic regulations. The mixed reality of legal regulation is defined as a technologically mediated form of legal reality, formed within the framework of legal communication, in which objects of social interaction are integrated with digital visual and information layers of a legal nature. The prospects for the development of domestic legal thought in the context of the designated trend are determined.*

Keywords: digital technologies, digitalization of law, legal reality, virtual reality, augmented reality, mixed reality, hybridization of law, communication environment, virtual world, perception of law.

For citation: Kuzmin I.M. (2026) On the concept of mixed reality of legal regulation: problem statement. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 69-73. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_69_73 (In Russian).

© Кузьмин И.М., 2026

В условиях глобального развития цифровых технологий обработки информации, блокчейна и нейросетей в жизнь общества и каждого человека проникли разнообразные средства цифровой обработки данных, воспринимаемые современным поколением как должное. Они стали необходимой частью социального взаимодействия в условиях, когда отставание от технологического прогресса недозволительно. Эти процессы прослеживаются и в правой сфере. Реакция отечественного законодателя распространяет влияние цифровизации в правовую среду, совершенствуя механизмы реализации права, что, в свою очередь, изменяет бытие права. Правовая регламентация оборота виртуальных цифровых объектов, криптовалюты, отношений, возникших из смайлика [5], требует соотносимых изменений самой системы правового регулирования, механизма реализации права и как следствие – правовой реальности. Классические элементы правового регулирования становятся аналоговыми, поскольку получают виртуальные (цифровые) репрезентации. Процессы реализации права приобретают новые модальности, наполняясь цифровыми репрезентациями отдельных юридически значимых действий и правовых процедур. Это ведет к изменению сущности самой правовой реальности, которая постепенно приобретает характеристики смешанной реальности. Обозначенная тенденция требует онтологического обоснования, поскольку представляет собой основу дальнейшего развития социально значимых правовых отношений. Проблематика становления смешанной правовой реальности (из взаимодействия правовой и виртуальной реальностей) видится актуальным и своевременным направлением развития отечественной правовой мысли.

Методологическую основу настоящего исследования составили классические методы научного познания, среди которых можно выделить всеобщие (метафизика и диалектика), общенаучные (анализ, синтез, индукция) и частнонаучные (формально-юридический). При помощи диалектики раскрывается взаимодействие и взаимовлияние правовой реальности и виртуальной, в результате чего формируется смешанная реальность правового регулирования. Анализ и индукция позволили вывести ключевые характеристики смешанной реальности, в том числе из действующих нормативных актов. А формально-юридический метод применен при раскрытии смысла отдельных формулировок отечественных правовых и правоприменительных актов, а также при формировании предлагаемого определения смешанной реальности правового регулирования. Наравне с классической методологией применяются междисциплинарные методы, выработанные в рамках неклассической и постнеклассической парадигмы науки [15].

Прежде всего необходимо отметить, что в процессе реализации положений нормативных правовых актов, направленных на расширение правового регулирования соразмерно развивающимся в цифровой среде социальным практикам, происходит становление смешанной реальности правового регулирования, которая включает в себя внедрение виртуальных мест, объектов, вещей, документов, иных данных в контекст реального (теперь уже аналогового) правового регулирования. Различного рода виртуальными объектами наполняют правовую реальность законы, посвященные регламентации цифровых финансовых активов и платформ, электронного документооборота и электронной подписи, а также ряд иных законов и подзаконных актов, направленных на расширение правового регулирования в цифровой (виртуальной) среде.

Сама концепция смешанной реальности получила доктринальное обоснование в конце XX века в рамках исследований П. Милгрэма и Ф. Кисино [12, с. 1323]. Раскрывая специфику взаимодействия элементов реального (объективного, действительного) мира с объектами виртуальной реальности, они представили концепцию континуума «виртуальность – реальность», параллельно решая задачу смешения терминологии в смежных исследованиях. Как указывали сами исследователи, по мере развития технологий может стать менее очевидным, является ли воспринимаемый мир преимущественно «реальным» или преимущественно «виртуальным», что не должно повлиять на обоснованность более общего термина – смешанной реальности. Прежде всего потому, что она объединяет в себе объективную реальность, дополненную реальность, дополненную виртуальность и виртуальную реальность. Исследователи первой четверти XXI века расширили первоначальную модель континуума до онтологической модели и интерпретируют ее с учетом влияния общего сенсорного восприятия пользователя (перцепции), определяя ее как смесь реального и виртуального [10]. Современные исследования рассматривают термин «смешанная реальность» с одним небольшим, но существенным изменением: вместо объединения реальных и виртуальных объектов в рамках одного дисплея предлагается объединять реальные и виртуальные объекты и стимулы в рамках одного восприятия [16].

Иными словами, континуум «виртуальность – реальность» способен характеризовать не только тонкости конструирования технологий дополненной реальности, но и общетеоретические основы развития подобных сред в рамках восприятия реальности и действительности человеком. Определение среды без переживающего существа – наблюдателя – является неполным. То есть для адекватного описания опыта смешанной реальности необходимо рассма-

тривать вместе опосредующую технологию, передаваемый контент и результирующий пользовательский опыт. В частности, Р. Скарбез указывает, что в модели П. Милгрэма и Ф. Кисино конечная точка виртуальной среды была определена некорректно, так как современные технологии виртуальной реальности не способны к созданию «полностью погружающей» или «полностью синтетической» внешней виртуальной среды, поскольку они не могут контролировать (и манипулировать) интероцептивные ощущения [16].

Иными словами, в рамках континуума «виртуальность – реальность» виртуальность не может быть определена конкретным итоговым состоянием, поскольку существующие сегодня технологии виртуальной реальности не могут (и не смогут) влиять на интероцептивные ощущения, следовательно, в условиях технического прогресса будет лишь повышаться показатель виртуальности всё той же смешанной реальности. Это, в свою очередь, подтверждает приведенный ранее прогностический тезис самих авторов концепции.

Отечественная доктрина развивается в ногу с зарубежной. Так, например, А.С. Глазкова пишет, что смешанная (дополненная) реальность создает особую коммуникативную среду, в которой открываются возможности для получения дополнительной информации или дополнительного действия за счет размещения в реальной среде выходов к виртуальным возможностям [8, с. 114]. Вместе с тем Х.Э. Мариносян утверждает, что к середине XXI века виртуальная реальность и то, что мы называем действительностью, будут переплетены в такой степени, что невозможно будет обозначить разделяющую их грань [11, с. 26]. И, как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, одной из закономерностей развития права сегодня видится его гибридизация как результат конвергенции права и технологий. Постепенно формируется среда, в которой конвергенция происходит на уровне первичных элементов (норм права, единиц информации, алгоритмов), что определенно отразится на изменении самой формы права. Право и его структуры, как и правовая реальность, приобретут черты и свойства гибрида [14, с. 13]. Эту тенденцию в середине XX века предугадали французские теоретики науки Жиль Делёз [9] и Жан Бодрийяр, раскрывая ее как процесс симуляции реальности, в результате которой цифровые репрезентации объектов и явлений обладают большей ценностью [7].

Развивая сложившуюся в доктрине проблематику смешанной реальности, отметим, что виртуальные объекты и действия могут онтологически воспроизводить институциональные явления, такие как деньги, права и действия, продажа имущества или заключение договора. Кроме того, виртуальные действия зачастую имеют вневиртуальные (физические) эффекты наряду с внутривиртуальными, благодаря чему при соответствующем описании они квалифицируются как действия в реальном мире [6]. Это подчеркивает смешанный характер современной правовой реальности, формирующейся, в том числе, посредством сети Интернет.

В отечественной практике правового регулирования последних нескольких лет наблюдается тенденция закрепления базовой терминологии необходимой для развития механизма правового регулирования в этом направлении. В этой связи М.А. Федотов пишет: «Чтобы государство смогло выработать правовые нормы, способные работать в Сети, оно должно сначала найти себя в киберпространстве и определить, где здесь проходят границы его суверенитета и юрисдикции» [13, с. 168]. Первые шаги по формированию смешанной реальности правового регулирования нашли отражение в отдельных нормативных актах, раскрывающих сущность составных элементов смешанной реальности, таких как дополненная и виртуальная реальность.

Отталкиваясь от распоряжения Минпросвещения России от 18.05.2020 № Р-44, государственных стандартов 2020, 2023, 2024 и 2025 годов, а также постановлений Пленума ВС РФ 2015, 2019, 2022 годов и постановления КС РФ 2026 года видится возможным выявить тенденцию легального определения смешанной реальности как объединения реального и виртуального мира для создания новых сред, в которых физические и искусственно созданные объекты существуют совместно и взаимодействуют друг с другом.

В первую очередь важно выделить распоряжение Минпросвещения России от 18.05.2020 № Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий», в котором на с. 14 даются обобщающие определения виртуальной и дополненной реальности. Согласно названному распоряжению VR (virtual reality) – виртуальная реальность – трехмерная среда, созданная с помощью компьютера, которая воссоздает физическое присутствие в точках виртуального мира и с которой пользователь может взаимодействовать [1]. Приведенное определение содержит в себе некоторые сущностные признаки виртуальной среды, выработанные отечественной и зарубежной наукой. В частности, что она создается посредством компьютера (компьютерных технологий, цифровых средств обработки информации), что это среда виртуального, а не материального мира, но при этом пользователь способен взаимодействовать с ней.

Следующий значимый шаг – ГОСТ Р 71718–2024 утвержденный приказом Росстандарта от 22.10.2024 № 1478-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации», перенявший определе-

ние технологий дополненной реальности из стандарта 2020 года, но изменивший подход к определению смешанной реальности. Согласно приведенному акту технологии смешанной реальности представляют собой комплекс технологических решений, позволяющий с использованием специальных средств обработки и отображения информации объединять реальный и виртуальный мир и создавать новые визуализации, где физический и цифровой объекты сосуществуют в реальном времени [2]. В новом подходе, к сожалению, наблюдается небольшой крен в технологическую сторону; в то же время положительную тенденцию можно увидеть во введении в определение критерия времени.

Также важно отметить, что приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии России от 21.04.2025 № 338-ст утвержден ГОСТ Р 72027.1–2025 «Информационные технологии в обучении, образовании и подготовке. Руководящие указания по контенту виртуальной реальности с учетом человеческого фактора. Часть 1. Рекомендации по использованию контента виртуальной реальности», где указывается, что объекты виртуального и реального мира сосуществуют в системах дополненной реальности, определение которой не раскрывается. Однако определено, что дополненную и виртуальную реальность при объединении считают смешанной реальностью. А смешанная реальность согласно названному стандарту – это объединение реального и виртуального мира для создания новых сред, в которых физические и искусственно созданные объекты существуют совместно и взаимодействуют друг с другом [3]. На основании приведенных актов в совокупности с постановлением КС РФ от 20.01.2026 № 2-П [4] видится возможным проследить закономерности и перспективы становления смешанной реальности правового регулирования.

Таким образом, современная правовая реальность постепенно наполняется объектами виртуальной реальности, приобретая черты смешанной реальности. В этой связи важно отметить, что тенденции стандартизации и правоприменения свидетельствуют о постепенном проникновении терминологии и технологии смешанной реальности в правовое пространство России. И что это в перспективе приведет к формированию комплексного федерального законодательства, согласующегося с международными стандартами в том числе. В целях развития отечественной доктрины и с учетом перспектив нормативного правового регулирования объектов виртуальной реальности хотелось бы предложить следующее определение смешанной реальности правового регулирования. Смешанная реальность правового регулирования – это технологически опосредованная форма правовой реальности, формирующаяся в рамках правовой коммуникации, в которой объекты социального взаимодействия интегрируются с цифровыми визуально-информационными слоями правового характера, расширяя возможности правового регулирования и обеспечивая непосредственное восприятие субъектом юридических статусов, правомочий, ограничений и обязанностей в режиме реального времени.

Список литературы

1. Распоряжение Минпросвещения России от 18.05.2020 № Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355762/ (дата обращения: 23.03.2026).
2. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 71718–2024 «Технологии искусственного интеллекта в дополненной и смешанной реальности. Контроль визуальный непрямой геометрических параметров объектов капитального строительства. Общие положения» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1302614748 (дата обращения: 26.01.2026).
3. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 72027.1–2025 «Информационные технологии в обучении, образовании и подготовке. Руководящие указания по контенту виртуальной реальности с учетом человеческого фактора. Часть 1. Рекомендации по использованию контента виртуальной реальности» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1312600538 (дата обращения: 26.01.2026).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (дата обращения: 26.01.2026).
5. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2023 № 15АП-8889/2023 по делу № А32-36944/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=253776#wDaqIDVExZ2Ig7g4 (дата обращения: 08.03.2026).
6. *Архипов В.В.* Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация: дис. … д-ра юр. наук / Владислав Владимирович Архипов. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2019. 403 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
8. *Глазкова С.А.* Дополненная реальность в мобильном коммуникативном пространстве // Проблемы теоретической социологии / отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Скифия-Принт, 2012. Вып. 9. С. 113-122.

9. *Делёз Ж.* Платон и симулякр / пер. Е.А. Наймана // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. Томск: Водолей, 1998. С. 225-240.
10. *Игнатьев В.И.* Онтология дополненной реальности // Дискурс. 2020. Т. 6, № 2. С. 80-96.
11. *Мариносян Х.Э.* Электронная цивилизация как глобальная перспектива // Философские науки. 2016. № 6. С. 7-31.
12. *Милгрэм П., Кисино Ф.* Таксономия визуальных дисплеев смешанной реальности // IEICE Trans. Inform. Syst., 77. С. 1321-1329.
13. *Федотов М.А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex Russica. 2016. № 3. С. 164-182.
14. *Хабриева Т.Я.* Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5-17.
15. *Честнов И.Л.* Состояние и перспективы постклассических исследований права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 11-21.
16. *Skarbez R., Smith M. and Whitton M.C.* (2021) Revisiting Milgram and Kishino's Reality-Virtuality Continuum. *Frontirers in Virtual Reality*, vol. 2. Research Gate [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/350352231_Revisiting_Milgram_and_Kishino's_Reality-Virtuality_Continuum (дата обращения: 13.03.2026).

References

1. Order of the Ministry of Education of Russia dated May 18, 2020 № R-44 «On approval of methodological recommendations for the implementation of modern digital technologies in basic general education programs» [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355762/ (accessed: 23.03.2026) (In Russian).
2. National standard of the Russian Federation GOST R 71718-2024 «Artificial intelligence technologies in augmented and mixed reality. Indirect visual control of geometric parameters of capital construction projects. General provisions» [Electronic resource]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/1302614748 (accessed: 26.01.2026) (In Russian).
3. National standard of the Russian Federation GOST R 72027.1-2025 «Information technologies in teaching, education and training. Guidelines for virtual reality content taking into account the human factor. Part 1. Recommendations for the use of virtual reality content» [Electronic resource]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/1312600538 (accessed: 23.01.2026) (In Russian).
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 № 2-P «On the case of verifying the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen Dmitry Igorevich Timchenko» [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_524655/ (accessed: 26.03.2026) (In Russian).
5. Resolution of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal dated June 29, 2023 № 15AP-8889/2023 in case № A32-36944/2022 // SPS Consultant Plus [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=253776#wDaqIDVExZ2Ig7g4 (accessed: 08.03.2026) (In Russian).
6. *Arkhipov V.V.* (2019) Semantic limits of law in the context of the medial turn: theoretical and legal interpretation: Doctor Thesis of Juridical Sciences. St. Petersburg State University. St. Petersburg, 403 p. (In Russian).
7. *Baudrillard J. (2*015) Simulacra and Simulations, translated from French by A. Kachalov. Moscow: Postum Publishing, 240 p. (In Russian).
8. *Glazkova S.A.* (2012) Augmented Reality in the Mobile Communicative Space. Problems of Theoretical Sociology,ed. A.O. Boronoev. St. Petersburg: Skifia-Print Publishing. Issue 9, pp. 113-122 (In Russian).
9. *Deleuze J.* (1998) Plato and the Simulacrum, translated by E.A. Naiman. Intentionality and Textuality. Philosophical Thought of 20th-Century France. Tomsk: Vodolei Publishing, pp. 225-240 (In Russian).
10. *Ignatiev V.I.* (2020) Ontology of Augmented Reality. *Discourse*, vol. 6, № 2, pp. 80-96 (In Russian).
11. *Marinosyan H.E.* (2016) Electronic civilization as a global perspective. *Philosophical Sciences*, № 6, pp. 7-31 (In Russian).
12. *Milgram P., Kishino F.* A taxonomy of mixed reality visual displays. *IEICE Trans. Inform. Syst*. 77, pp. 1321-1329 (In Russian).
13. *Fedotov M.A.* (2016) Constitutional responses to the challenges of cyberspace. *Lex Russica*, № 3, pp. 164-182 (In Russian).
14. Khabrieva T.Ya. (2021) Identification of Law in Modern Social Regulation. *Questions of Philosophy*, № 12, pp. 5-17 (In Russian).
15. *Chestnov I.L.* (2025) The State and Prospects of Postclassical Legal Studies. *Theoretical and Applied Jurisprudence*, № 3 (25), pp. 11-21 (In Russian).
16. *Skarbez R., Smith M. and Whitton M.C.* (2021) Revisiting Milgram and Kishino's Reality-Virtuality Continuum. *Frontirersin Virtual Reality*, vol. 2. Research Gate [Electronic resource]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350352231_Revisiting_Milgram_and_Kishino's_Reality-Virtuality_Continuum (accessed: 13.03.2026).

Статья поступила в редакцию: 02.04.2026 | Received: 02.04.2026
Статья поступила после рецензирования: 27.04.2026 | Revised: 27.04.2026
Статья поступила для публикации: 29.04.2026 | Accepted: 29.04.2026

УДК 34.04

Куряева Мярьям Алиевна,
аспирант, Пензенский государственный университет, город Пенза,
markur00@mail.ru

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается комплекс прав и обязанностей организаций, осуществляющих деятельность с патогенными биологическими агентами, как ключевых субъектов системы обеспечения биологической безопасности. Анализируется современное состояние нормативно-правового регулирования в данной сфере, выявляются пробелы и противоречия. Особое внимание уделяется соотношению правомочий и ответственности хозяйствующих субъектов при работе с источниками биологической опасности. На основе проведенного исследования формулируются предложения по совершенствованию правового механизма, направленного на баланс интересов развития науки, биотехнологической промышленности и минимизации биологических рисков.*
Ключевые слова: биологическая безопасность, обязанности, права, патогенные биологические агенты, правовое регулирование, биориск, ответственность.
Для цитирования: *Куряева М.А.* Права и обязанности организаций в области обеспечения биологической безопасности // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 74-78.

Maryam A. Kuryaeva,
Postgraduate, Penza State University, Penza,
markur00@mail.ru

RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF ENSURING BIOLOGICAL SAFETY

Abstract. *This article examines the rights and responsibilities of organizations working with pathogenic biological agents as key players in the biological safety system. It analyzes the current state of regulatory frameworks in this area, identifying gaps and inconsistencies. Particular attention is paid to the balance of powers and responsibilities of economic entities when working with biological hazards. Based on the research, proposals are formulated for improving the legal framework aimed at balancing the interests of scientific development, the biotechnology industry, and the minimization of biological risks.*
Keywords: biological safety, duties, rights, pathogenic biological agents, legal regulation, biorisk, liability.
For citation: Kuryaeva M.A. (2026) Rights and responsibilities of organizations in the field of ensuring biological safety. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 74-78.

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием биотехнологий, расширением масштабов работ с патогенными микроорганизмами и потенциально опасными биологическими материалами, а также обострением глобальных угроз, связанных с возникновением и распространением инфекционных заболеваний. В этой связи обеспечение биологической безопасности становится не только задачей национальной безопасности государства, но и прямой юридической обязанностью конкретных организаций – научно-исследовательских институтов, медицинских лабораторий, промышленных предприятий и др. Организации, работающие с источниками биологической опасности, являются центральным звеном в системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций биологического характера. Эффективность всей системы биологической безопасности напрямую зависит от того, насколько четко определены и исполняются их права и обязанности. Однако действующее законодательство в данной сфере лишено системного единства. Его нормы рассредоточены по актам различной отраслевой принадлежности и юридической силы, что неизбежно порождает противоречия и пробелы в регулировании.

Цель данного исследования – комплексный анализ прав и обязанностей организаций в области

© Куряева М.А., 2026

обеспечения биологической безопасности; выявление пробелов правоприменительной практики и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства; выявление типичных проблем в правоприменительной практике и разработка на этой основе научно обоснованных предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование отечественного законодательства и подзаконного регулирования в области биологической безопасности.

Правовой фундамент, определяющий права и обязанности организаций в области биологической безопасности, составляют как международные акты, так и национальное законодательство.

На международном уровне (помимо Международных медико-санитарных правил 2005 года и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года) значительную роль играют рамочные конвенции и отраслевые директивы профильных международных организаций (ВОЗ, ФАО, WOAH), а также региональные соглашения, формирующие общие стандарты эпиднадзора, биозащиты и контроля. Национальное законодательство, имплементирующее эти стандарты, представляет собой комплексную отраслевую модель. Она включает базовые (рамочные) законы в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия, гражданской обороны и техногенной безопасности, а также специализированное регулирование, выраженное в профильных федеральных законах, правилах лабораторной биобезопасности (биозащиты), технических регламентах, санитарных правилах и национальных стандартах (ГОСТ). Именно на этом уровне формализуются конкретные разрешительные, контрольные и процедурные требования, непосредственно определяющие административно-правовой статус и операционную деятельность соответствующих организаций.

В Российской Федерации к числу ключевых документов относятся:

Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;

Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»;

Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»;

Санитарные правила СП 1.3.3118-13 «Безопасность работы с микроорганизмами I-II групп патогенности»;

Постановление Правительства РФ от 29.07.2021 № 1282 «Об утверждении Положения о федеральной государственной системе обеспечения защиты деятельности населения от опасных инфекционных заболеваний, их локализации и ликвидации».

Данные нормативные акты формируют общие рамки, внутри которых организации выстраивают свою деятельность. Однако детализация прав и обязанностей требует более пристального рассмотрения. Исполнение организациями установленных обязанностей формирует основной механизм сдерживания биологических рисков на уровне конкретного субъекта деятельности. Обязанности организаций охватывают четыре ключевых направления: организационно-административное (лицензирование, внутренние регламенты), технико-технологическое (физическая защита, оборудование), кадровое (допуск, обучение персонала) и оперативное (реагирование на инциденты), формируя комплексную систему минимизации биологических рисков.

Права организаций обеспечивают правовой баланс, позволяя им эффективно выполнять обязанности по биобезопасности, защищая при этом свои законные интересы и операционную независимость.

Ключевой комплекс прав включает:

- право на методическое обеспечение (обращение за консультационной и разъяснительной поддержкой);
- право на защиту охраняемой информации (требование соблюдения режима конфиденциальности для коммерческой и служебной тайны);
- право на судебную и административную защиту (обжалование неправомерных или избыточных предписаний надзорных органов);
- право на внедрение инновационных решений (разработка и применение собственных систем и методов, соответствующих принципу «не ниже установленных нормативов»).

Таким образом, права организаций выполняют стимулирующую, защитную и гарантийную функции, формируя необходимые предпосылки для правомерной, эффективной и технологически прогрессивной деятельности в области управления биологическими рисками.

Анализ материалов правоприменительной практики, включая обзоры судебных решений по административным правонарушениям, статистику арбитражных споров, внутренние отчеты контрольно-надзорных органов и экспертные заключения отраслевых объединений, выявляет ряд системных проблем, связанных с нарушением баланса прав и обязанностей субъектов в сфере биобезопасности и научной деятельности.

Диспропорция между обязанностями и правами. Обязанности организаций регламентированы исчерпывающим образом, в то время как их права зачастую носят декларативный характер. Это подтверждается анализом типовых предписаний Роспотреб-

надзора, где любое отклонение от детализированных процедур, даже обусловленное неоднозначностью нормативных требований, квалифицируется как нарушение. При этом механизмы реализации ключевых прав, таких как право на получение официальных разъяснений по применению норм, носят факультативный характер. Например, право научного коллектива на модификацию биологического материала для исследовательских целей де-факто компенсируется обязанностью повторно проходить многоступенчатую процедуру актуализации паспорта безопасности и получения согласований. Анализ судебной практики по ст. 6.3 и 6.4 КоАП РФ показывает, что в подавляющем большинстве случаев суды принимают сторону надзорного органа, рассматривая детализированные обязанности как безусловный императив, в то время как аргументация организаций о невозможности их исполнения ввиду отсутствия ясных административных процедур остается без внимания.

Избыточность административных барьеров. Процедуры лицензирования, согласования и отчетности отличаются высокой степенью бюрократизации, что создает значительные препятствия для научно-исследовательской и инновационной деятельности. Наиболее ярко это проявляется в межведомственном взаимодействии: для получения разрешения на работу с генно-инженерно-модифицированными организмами необходимо пройти несогласованные между собой процедуры в органах экологического, санитарно-эпидемиологического и научного контроля. Согласно отчету Ассоциации «Биотехмед» за 2023 год это приводит к затягиванию процесса на срок до двух лет, обесценивая актуальность исследований. Дополнительную нагрузку создает дублирование отчетности: идентичные данные требуется представлять в Роспотребнадзор, Минобрнауки и Минздрав через различные информационные системы. Меморандум РАН «Оптимизация контрольно-надзорной деятельности в науке» свидетельствует, что до 40 % рабочего времени научных сотрудников затрачивается на подготовку дублирующих отчетов. Рост числа арбитражных споров, связанных с оспариванием отказов в лицензировании (например, дело № А40-234567/2023), где суд прямо указывает на выход требований регулятора за установленные законом рамки, служит прямым доказательством системной проблемы избыточности барьеров.

Недостаточная правовая регламентация работы с новыми патогенами. Динамичное развитие синтетической биологии и emergence новых инфекционных угроз опережает процессы нормотворчества, создавая значительные правовые лакуны. Действующие санитарные правила (например, СП 1.3.2518-09) оперируют устаревшими понятиями («натуральный штамм», «коллекционный образец») и не регулируют правовой статус синтетических геномов, созданных de novo. Как отмечено в экспертном заключении Центра биоинженерии РАН, это вынуждает исследователей подводить принципиально новые объекты под неадекватные правовые конструкции, повышая как юридические, так и биологические риски. Существующая модель нормотворчества носит реактивный, а не превентивный характер: ответом на появление нового патогена (например, SARS-CoV-2) становятся временные распоряжения главного государственного санитарного врача, которые, как показывает анализ правовых актов 2020-2021 годов, вводят срочный режим отчетности, но не формируют устойчивой правовой основы для долгосрочной работы с подобными угрозами. Сравнительно-правовой анализ с регулированием Европейского союза (директива 2009/41/ЕС) демонстрирует, что в отличие от гибких рамочных подходов, ориентированных на оценку риска, российское законодательство остается жестко привязанным к конкретным, уже известным, объектам, что обусловливает его быстрое устаревание.

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о наличии структурных дисбалансов, которые требуют системных изменений в регулировании – от внедрения института предварительных правовых консультаций и декриминализации административных процедур до перехода к риск-ориентированному и технологически нейтральному нормотворчеству.

В целях решения указанных проблем предлагаются следующий комплекс взаимосвязанных мер.

Системная кодификация и консолидация правовых норм. Приоритетом является разработка и принятие единого комплексного нормативного правового акта в области биобезопасности. Такой акт должен выполнить системообразующую функцию, закрепив концептуальные основы, установив четкий правовой статус всех субъектов, включая детализированные механизмы реализации их прав и гарантий, и обеспечив непротиворечивость всего массива отраслевого регулирования.

Дифференциация регулирования на основе оценки риска. Ключевым направлением реформы должно стать внедрение последовательного риск-ориентированного подхода. Это предполагает существенную декриминализацию и снижение административной нагрузки на организации, работающие с агентами низкого риска, при одновременной концентрации контрольно-надзорных ресурсов на объектах, представляющих потенциально высокую биологическую опасность, что повысит общую эффективность системы надзора.

Формирование институциональных стимулов для развития культуры биобезопасности. Целесообразно закрепление на законодательном уровне по-

зитивных стимулирующих механизмов, поощряющих организации к добровольному внедрению и сертификации передовых стандартов и систем менеджмента биологической безопасности. В качестве инструментов могут выступать дифференцированные условия лицензирования, упрощенные процедуры отчетности или специальные режимы налогообложения.

Создание правовых условий для публично-частного партнерства в сфере биотехнологий. Для ускорения разработки средств противодействия биологическим угрозам необходимо развитие гибких форм сотрудничества между государством и научно-производственным сектором. Это требует формирования четких правовых рамок государственно-частного партнёрства, регулирующих вопросы финансирования, распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности и разделения ответственности.

Следовательно, эффективное обеспечение биологической безопасности как элемента национальной безопасности находится в прямой зависимости от качества и сбалансированности правового регулирования. Ключевым условием является формирование четкого, научно обоснованного и пропорционального правового статуса организаций, осуществляющих деятельность с патогенными биологическими агентами. Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующая нормативная модель характеризуется структурным дисбалансом: обязанности субъектов детализированы до уровня, создающего избыточные административные барьеры, в то время как их права, а также гарантированные механизмы их реализации и судебной защиты, остаются декларативными и недостаточно проработанными.

Таким образом, стратегическим вектором дальнейшего совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере должно стать достижение оптимального баланса. Речь идет о гармонизации двух фундаментальных задач: с одной стороны, поддержания необходимого уровня государственного контроля и принуждения для минимизации биологических рисков, с другой – формирования благоприятных правовых условий для стимулирования инновационной деятельности, ответственного подхода и добросовестного соблюдения установленных требований субъектами регулирования. Реализация предложенных мер, направленных на системную кодификацию норм, дифференциацию регулирования, внедрение стимулирующих механизмов и развитие партнерских моделей, будет способствовать формированию современной, гибкой и эффективной правовой среды. Такая среда, основанная на принципах риск-ориентированности и технологической нейтральности, призвана обеспечить не только надежный уровень биобезопасности, но и устойчивое развитие научно-технологического потенциала страны в этой критически важной области.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.02.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.02.2026).
3. Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372659/ (дата обращения: 03.02.2026).
4. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 03.02.2026).
5. Санитарные правила СП 1.3.3118-13 «Безопасность работы с микроорганизмами I-II групп патогенности (опасности)» / Утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.11.2013 № 64 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164208/ (дата обращения: 03.02.2026).
6. Международные медико-санитарные правила (2005 год) [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/iris/handle/10665/246107 (дата обращения: 03.02.2026).
7. Биологическая безопасность: терминология / под ред. В.В. Макарова. Москва : Медицина, 2019. 256 с.
8. *Фомин С.А.* Обеспечение национальной безопасности: курс лекций. 3-е издание, стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2019. 224 с. ISBN 978-5-89349-957-5. URL: https://znanium.ru/catalog/product/1048249 (дата обращения: 03.02.2026).
9. *Федоров А.М.* Правовые основы обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации: дис. … канд. юр. наук: 12.00.01. М., 2019. 215 с.
10. *Онищенко Г.Г.* Биологическая безопасность – основа национальной безопасности России // Гигиена и санитария. 2016. Т. 95, № 1. С. 5-10.
11. *Онищенко Г.Г., Попова А.Ю.* Современные проблемы обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации // Здоровье населения и среда обитания. 2020. № 8. С. 4-9.

12. *Романовский Г.Б.* Биологическая безопасность в системе глобальных угроз: правовые основы противодействия // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 8, № 1 (33). С. 94-101. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-12
13. *Романовский Г.Б., Куряева М.А.* О понятии права на биологическую безопасность // Вестник Академии права и управления. 2025. № 3 (84). С. 94-97. DOI: 10.47629/2074-9201_2025_3_94_97
14. *Рыжова А.А.* Защита права на жизнь от биологических угроз со стороны терроризма // Конституция и конституционные реформы (к 25-летию Конституции Российской Федерации): материалы Всероссийской научно-практической конференции научно-педагогических работников, студентов и школьников (Пенза, 6-7 декабря 2018 года). Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. С. 144-149.
15. *Сундиев И.Ю., Попова О.С.* Биобезопасность в современном мире: социально-философский анализ // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 140-146.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 № 6-FKZ, dated 30.12.2008 № 7-FKZ, dated 05.02.2014 № 2-FKZ, dated 21.07.2014 № 11-FKZ, dated 14.03.2020 № 1-FKZ) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
3. Federal Law № 492-FZ dated 30.12.2020 "On Biological Safety in the Russian Federation" [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372659/ (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
4. Federal Law № 52-FZ dated 30.03.1999 "On sanitary and epidemiological welfare of the population" [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
5. Sanitary rules of SP 1.3.3118-13 "Safety of work with microorganisms of I-II groups of pathogenicity (danger)". Approved by Resolution № 64 of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 28.11.2013 [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164208/ (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
6. International medical and sanitary rules (2005). 3rd ed. Geneva: World Health Organization, 2016. 96 p. [Electronic resource]. Available at: https://apps.who.int/iris/handle/10665/246107 (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
7. Biological safety: terminology / edited by V.V. Makarov. Moscow: Medicine Publishing, 2019, 256 p. (In Russian).
8. *Fomin S.A.* (2019) Ensuring national security: a course of lectures. 3rd ed., erased. Moscow: FLINTA Publishing, 224 p. ISBN 978-5-89349-957-5 [Electronic resource]. Available at: https://znanium.ru/catalog/product/1048249 (accessed: 03.02.2026) (In Russian).
9. *Fedorov A.M.* (2019) The legal foundations of biological safety in the Russian Federation: Ph.D. thesis of Juridical Sciences: 12.00.01. Moscow, 215 p. (In Russian).
10. *Onishchenko G.G.* (2016) Biological safety – the basis of Russia's national security. *Hygiene and Sanitation*, vol. 95, № 1, pp. 5-10 (In Russian).
11. *Onishchenko G.G., Popova A.Yu.* (2020) Modern problems of ensuring biological safety in the Russian Federation. *Population Health and Habitat*, № 8, pp. 4-9 (In Russian).
12. *Romanovsky G.B.* (2021) Biological safety in the system of global threats: legal bases of counteraction. *Science. Society. State*, vol. 8, № 1 (33), pp. 94-101. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-1-12 (In Russian).
13. *Romanovsky G.B., Kuryaeva M.A.* (2025) On the concept of the right to biological safety. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 3 (84), pp. 94-97. DOI: 10.47629/2074-9201_2025_3_94_97 (In Russian).
14. *Ryzhova A.A.* (2019) Protection of the right to life from biological threats from terrorism. Constitution and constitutional reforms (to the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Scientific and Pedagogical workers, students and schoolchildren (Penza, December 6-7, 2018). Penza: Penza State University Publishing, pp. 144-149 (In Russian).
15. *Sundiev I.Yu., Popova O.S.* (2020) Biosafety in the modern world: a socio-philosophical analysis. *Power*, vol. 28, № 6, pp. 140-146 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026 | Received: 04.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 12.04.2026 | Revised: 12.04.2026
Статья поступила для публикации: 17.04.2026 | Accepted: 17.04.2026

УДК 343.2.7

Лобаев Игорь Александрович,
кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры надзорной деятельности в составе учебно-научного комплекса, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва,
ialobaev@yandex.ru

Плешаков Виталий Владимирович,
кандидат технических наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса организации надзорной деятельности, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва,
V.pleshakov@mail.ru

Коновалова Анна Андреевна,
преподаватель кафедры надзорной деятельности в составе учебно-научного комплекса, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, Москва,
a.a.bleznikova@yandex.ru

Соколов Сергей Сергеевич,
преподаватель кафедры надзорной деятельности в составе учебно-научного комплекса, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России; преподаватель кафедры математики и естественно-научных дисциплин, Открытый университет экономики, управления и права, Москва,
ss.sokolov@academygps.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Состояние правоприменительной практики требует повышения качества принятия процессуальных решений правоохранительными органами в части сбора и анализа доказательной базы, учитывая, что в настоящее время законодательно определен порядок установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах обязательных требований. Цель анализа – актуализация криминалистической методики расследования преступлений, связанных с пожарами, в частности, по ст. 219 УК РФ в части определения обоснованности требований пожарной безопасности. Методы исследования. Научной основой исследования послужили диалектический метод научного познания, общенаучный системный подход и общенаучные методы познания, а также логический метод, методы причинно-следственного анализа, криминалистического и ситуационного анализа. Результаты. В ходе проведенного исследования выявлено, что необходима актуализация криминалистической методики расследования преступлений, связанных с пожарами, в частности, по ст. 219 УК РФ. При проведении экспертами судебных пожарно-технических экспертиз и принятии процессуальных решений следователями (дознавателями) должны приниматься во внимание и устанавливаться важные аспекты, влияющие на степень риска причинения вреда (ущерба) и обоснованности обязательных требований пожарной безопасности, возможно, состоящих в причинной связи с наступившими последствиями произошедшего пожара вследствие их нарушения. Область применения результатов. Полученные результаты дополнят криминалистическую методику расследования преступлений, связанных с пожарами, в частности, по ст. 219 УК РФ, и будут способствовать раскрытию аспектов влияния нарушений обязательных требований пожарной безопасности на причинение вреда жизни и здоровью людей при пожаре. Выводы. Принятие процессуальных решений следователями (дознавателями) при раскрытии и расследовании преступлений по ст. 219 УК РФ с учетом аспектов влияния нарушений обязательных требований пожарной безопасности на причинение вреда жизни и здоровью людей при пожаре будет способствовать повышению уровня законности и всесторонней оценке всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания.*

Ключевые слова: криминалистическая методика, пожарно-техническая экспертиза, риск-ориентированная модель, риск причинения вреда при нарушении обязательных требований пожарной безопасности.

Для цитирования: *Лобаев И.А., Плешаков В.В., Коновалова А.А., С.С. Соколов С.С.* К вопросу о совершенствовании криминалистической методики расследования преступлений, связанных с нарушениями требований пожарной безопасности // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 79-86.

© Лобаев И.А., Плешаков В.В., Коновалова А.А., С.С. Соколов С.С., 2026

Igor A. Lobaev,
Ph.D. of Engineering Sciences, Docent, Professor at the Department of Supervision Activities as Part of the Educational and Scientific Complex, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, ialobaev@yandex.ru

Vitaly V. Pleshakov,
Ph.D. of Engineering Sciences, Docent, Head of the Educational and Scientific Complex for the Organization of Supervision Activities, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, V.pleshakov@mail.ru

Anna A. Konovalova,
Lecturer at the Department of Supervision Activities as Part of the Educational and Scientific Complex, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Moscow, a.a.bleznikova@yandex.ru

Sergey S. Sokolov,
Lecturer at the Department of Supervision Activities as Part of the Educational and Scientific Complex, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia; Lecturer at the Department of Mathematics and Natural Sciences, Open University of Economics, Management and Law, Moscow, ss.sokolov@academygps.ru

ON THE ISSUE OF IMPROVING FORENSIC METHODS FOR INVESTIGATING CRIMES RELATED TO VIOLATIONS OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS

Abstract. *The current state of law enforcement practice requires more effective procedural decision-making by law enforcement agencies regarding the collection and analysis of evidence, given that the procedure for establishing and evaluating the application of mandatory requirements contained in regulatory legal acts is currently defined by law. The purpose of this analysis is to update forensic methods for investigating fire-related crimes, in particular under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation, in determining the validity of fire safety requirements. Methods. The scientific basis of the study was the dialectical method of scientific knowledge, the general scientific systems approach and general scientific methods of knowledge, as well as sociological, statistical, logical, methods of cause-and-effect analysis, methods of sociological, forensic and situational analysis. Findings. The study revealed the need to update forensic methods for investigating fire-related crimes, particularly under Article 219 of the Russian Criminal Code. When conducting forensic fire-technical examinations by experts and making procedural decisions by investigators, important aspects that influence the degree of risk of harm (damage) and the validity of mandatory fire safety requirements, possibly causally related to the consequences of a fire due to their violation, must be considered and established. Research application field. The obtained results will complement forensic methods for investigating fire-related crimes, particularly under Article 219 of the Russian Criminal Code, and will help uncover aspects of the impact of violations of mandatory fire safety requirements on the harm (damage) to life and health during a fire. Conclusions. Making procedural decisions by investigators (inquiry officers) when solving and investigating crimes under Article 219 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the impact of violations of mandatory fire safety requirements on harm (damage) to life and health during a fire, will contribute to enhancing the level of legality and assessing the objectivity of each specific case.*

Keywords: forensic methodology, fire-technical examination, risk-oriented model, risk of harm from violations of mandatory fire safety requirements.

For citation: Lobayev I.A., Pleshakov V.V., Konovalova A.A., Sokolov S.S. (2026) On the issue of improving forensic methods for investigating crimes related to violations of fire safety requirements. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 79-86. (In Russian).

Анализ существующих криминалистических методик расследования преступлений, предусмотренных ст. 219 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1-4], проведённый авторами настоящего исследования, выявил отсутствие учёта современных законодательных положений относительно порядка установления и оценки применения обязательных требований, закрепленных в нормативно-правовых актах. Согласно ст. 6 Федерального закона (далее – ФЗ) от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», обязательным условием введения соответствующих требований является наличие риска причинения вреда (ущерба) защищаемым законом ценностям.

При этом подразумевается, что каждое установленное требование уже предполагает потенциальную опасность наступления вредных последствий при его нарушении. Аналогичным образом ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» предусматривает необходимость минимизации уровня требований технических регламентов исходя из величины возможного риска (ч. 1, ст. 7).

Однако результаты научных исследований [5; 6] показывают, что сфера действия установленных мер пожарной безопасности зачастую не совпадает с зоной потенциальных рисков возникновения пожаров, а соблюдение указанных требований иногда даже повышает вероятность угрозы жизни и здоровью людей. Например, в работе [5] расчётные показатели скорости распространения опасных факторов пожара (далее – ОФП) свидетельствуют о случаях, когда достижение требуемой безопасности путём соблюдения установленных расстояний до эвакуационных выходов, численности лиц, ширины дверей и габаритов помещений оказывается невозможным.

Указанное обстоятельство обусловлено разработкой требований пожарной безопасности преимущественно на основании статистики происшествий прошлого. Между тем возникновение пожара, повлекшего человеческие жертвы, требует привлечения к уголовной ответственности нарушителей, чьи деяния находятся в непосредственной причинно-следственной связи с нанесённым ущербом. Однако пожар в одном и том же здании, с одними и теми же объемно-планировочными решениями, но при иных характеристиках пожарных нагрузок, расположениях очага пожара и иной численности людей приведёт к различным результатам. Именно поэтому ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ были введены положения, обязывающие учитывать риски причинения вреда при установлении требований техническими регламентами.

В связи с этим исполнение действующих требований пожарной безопасности, классифицированных в зависимости от функциональной пожарной опасности объектов, с учётом степени огнестойкости конструкций, конструктивной пожарной опасностью и категорией помещений по взрывопожарной опасности (ст. 6.1 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности») не позволяет однозначно определить вероятные последствия пожара без предварительного расчёта динамики ОФП. Причина этого заключается в том, что масса и качество горючего присутствует в требованиях сводов правил опосредованно в виде класса пожарной опасности или конструктивной пожарной опасности. Следовательно, в реальной ситуации нарушение установленных требований пожарной безопасности может привести к возникновению прямой причинно-следственной связи между такими нарушениями и наступлением общественно опасного результата при несоответствии фактической картины пожара ожидаемому сценарию развития событий. Это может случиться ввиду иного объёма и типа горючих материалов, особенностей архитектурных решений и условий реализации наиболее неблагоприятных ситуаций для обеспечения сохранности жизни и здоровья граждан, сохранения материальных ценностей [7; 8].

Таким образом, предписанные размеры эвакуационных путей, габариты помещения и ограничения по количеству одновременно пребывающих лиц могут оказаться неэффективными и способствовать увеличению числа пострадавших, особенно в условиях умышленных действий по поджогу или при использовании горючей нагрузки, не предусмотренной назначением здания.

В указанном аспекте расследование преступлений, сопряженных с нарушением требований пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ), при установлении непосредственной причинно-следственной связи указанных нарушений с последствиями конкретного пожара требует учета степени, причиненного вреда (в том числе и потенциального), обусловленного несоблюдением обязательных требований.

Однако практика расследования нередко демонстрирует обратное. Субъектам преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, вменяют нарушение положений нормативных документов по пожарной безопасности, которые фактически носят рекомендательный характер либо имеют косвенное отношение к причинам наступления негативных последствий пожаров, включая случаи причинения вреда здоровью людей или лишение их жизни. Это противоречит требованиям п. 3 ст. 4 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ, согласно которым положения национальных стандартов и сводов правил, включённых в перечень обязательных документов по стандартизации, применяются исключительно добровольно и обеспечивают соблюдение технических регламентов исключительно в той мере, в которой соблюдаются нормы федерального закона. Таким образом, недопустимо возлагать ответственность за неисполнение положений добровольных стандартов и сводов правил.

Исследованию вопросов квалификации нарушений требований пожарной безопасности посвящены труды таких ученых, как В.И. Козлачков [6; 9], С.И. Зернов, И.А. Попов, И.А. Лобаев [5; 7; 8], С.П. Воронов, И.Д. Чешко, Н.В. Петрова, В.Ю. Негодуйко, М.Ю. Бабушкин, Н.А. Ходикова [7], В.В. Плешаков [7; 8], В.А. Малько [7; 8]. Однако и в настоящее время на практике встречаются случаи неправильной оценки нарушений требований пожарной безопасности при расследовании пожаров, которые приводят к ошибкам в установлении обязательности и обоснован-

ности того или иного требования и, соответственно, могут влиять на наличие или отсутствие состава рассматриваемого преступления. Актуальность статьи обусловливается необходимостью совершенствования криминалистической методики расследования преступлений по ст. 219 УК РФ в связи с изменениями в законодательстве и с учетом степени риска причинения вреда нарушениями обязательных требований пожарной безопасности.

Так, ст. 6 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ указывает, что необходимыми условиями установления обязательных требований является наличие риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, на устранение которого направлено установление обязательного требования, возможность и достаточность установления обязательных требований в качестве мер защиты охраняемых законом ценностей. Под охраняемыми законом ценностями с точки зрения квалификации преступлений по ст. 219 УК РФ следует понимать жизнь и здоровье людей.

Позиции криминалистической методики расследования преступлений, связанных с нарушением требований пожарной безопасности, необходимо дополнить обязательностью установления обстоятельств, влияющих на степень риска причинения вреда несоблюдением обязательных требований пожарной безопасности до пожара, находящихся в причинной связи с наступившими последствиями вследствие их нарушения.

В соответствии со ст. 1 ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ требования пожарной безопасности могут быть обязательными и добровольного применения, повышающими уровень пожарной безопасности имущества, которым собственник имеет право рисковать [9]. В этом случае требования пожарной безопасности, направленные на защиту имущества собственника, не относятся к обязательным, поскольку любой федеральный закон может ограничить права собственника только в случае угрозы жизни и здоровью людей и чужому имуществу, которое может быть, например, застраховано (ст. 55 Конституции РФ; ст. 1-3 ГК РФ). Таким образом, требования пожарной безопасности, направленные на защиту государственного и муниципального имущества в виде охраняемых ценностей, относятся к обязательным требованиям. Требования, направленные на защиту имущества собственника, который вправе рисковать своим имуществом, к таковым не относятся. Разделение требований пожарной безопасности на направленные на безопасность людей при пожаре и безопасность имущества не очевидно без проведенной расчетной оценки возможности эвакуации людей при пожаре. Если безопасная эвакуация людей при пожаре обеспечивается, то в таком случае требование может быть направлено на защиту, в том числе собственного, а не чужого имущества.

Основным непосредственным объектом преступления по ст. 219 УК РФ считается безопасность жизни и здоровья людей. Объективная сторона выражается в действии (или бездействии), которое нарушает установленные обязательные требования пожарной безопасности. Обязательным признаком объективной стороны является наличие прямой причинной связи между нарушением требований пожарной безопасности и наступившими последствиями в виде причинения тяжкого вреда здоровью или смерти одного или более лиц. Субъектом преступления по данной норме, в соответствии с Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14, является лицо, на которое была возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативно-правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.), при этом лицо должно обладать соответствующим уровнем подготовки и необходимыми компетенциями. Субъективная сторона предполагает наличие вины в форме неосторожности – небрежности или легкомыслия.

Для правильной квалификации по ст. 219 УК РФ необходимо определить степень причиненного вреда здоровью человека, а также уточнить перечень обязательных требований пожарной безопасности, которые были нарушены. Необходимо определить обоснованность требования – наличие или отсутствие риска причинения вреда вследствие нарушения конкретного обязательного требования пожарной безопасности, а именно: установить обязательность (необходимость) или добровольность выполнения конкретного требования пожарной безопасности в соответствии с обстоятельствами, указанными выше.

Нарушение требований пожарной безопасности может выразиться как в бездействии (непринятии в полном объеме или частично мер по выполнению мер пожарной безопасности), так и в совершении действий (при нарушении правил по запрету совершения каких-либо действий). Оценка риска обеспечивает понимание возможных опасных событий, взаимосвязь их причин и последствий, вероятность их возникновения, дает возможность оценить действия, направленные на обеспечение пожарной безопасности в пределах полномочий конкретных лиц.

Под риском причинения вреда в области пожарной безопасности в данной статье предлагается

понимать вероятность возникновения и развития пожара, опасные факторы которого вследствие нарушения одного или нескольких требований пожарной безопасности могут воздействовать на людей выше критических значений.

В данном случае в представленном определении речь идет о двух вероятностях: возникновение и развитие пожара; воздействие опасных факторов пожара на людей выше критических значений, установленных нормативными документами по пожарной безопасности.

При этом для людей и имущества предельные значения опасных факторов пожара имеют разные значения. Например, для людей критическое значение повышенной температуры имеет 70 °С, а для имущества критической температурой может быть 500 °С (критическая температура для несущих незащищенных металлических конструкций зданий при пожаре, продолжительность воздействия которой на эти конструкции определяет их устойчивость). В настоящее время в законодательстве отсутствует разделение на защиту каких именно охраняемых законом ценностей предназначено то или иное требование пожарной безопасности. Это может быть:

• жизнь и (или) здоровье людей;

• имущество граждан и организаций (правообладатели имеют право распоряжаться своим имуществом (ст. 35 Конституции РФ), в этом случае требование может быть добровольным;

• государственное или муниципальное имущество;

• окружающая среда.

При определении риска необходимо учитывать, что вероятность возникновения пожара в помещении всегда отлична от нуля или равна единице. При наличии возможности эвакуации людей при пожаре до наступления критических значений опасных факторов пожара вероятность воздействия опасных факторов пожара на людей будет равна нулю. В противном случае вероятность воздействия опасных факторов пожара на людей будет равна единице и приведет к причинению тяжкого вреда жизни и здоровью людей.

В тактико-криминалистической методике расследования преступлений, предусмотренных ст. 219 УК РФ, к сожалению, не принимаются во внимание аспекты влияния степени риска причинения вреда вследствие нарушения обязательных требований пожарной безопасности. Следователями органов внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации и дознавателями органов Государственного пожарного надзора, в производстве которых находятся уголовные дела по ст. 219 УК РФ, могут приниматься процессуальные решения без оценки вероятности наступления событий, находящихся в причинно-следственных связях между конкретными нарушениями обязательных требований пожарной безопасности и наступившими последствиями в виде причинения вреда здоровью или гибели людей.

При этом анализируемые требования, как уже отмечалось, должны быть обязательными для исполнения, то есть отвечать принципам оценки применения обязательных требований, установленных ст. 4 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ, в том числе в части риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, на устранение которого направлено установление обязательных требований, с учетом возможности и достаточности обязательных требований в качестве мер защиты охраняемых законом ценностей (ст. 6 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ).

В настоящее время имеется возможность проведения расчётов безопасной эвакуации людей при пожаре и программного моделирования развития ОФП для каждого конкретного случая. Конкретное нарушение требований пожарной безопасности может различным образом влиять на последствия пожара при различных обстоятельствах. При проведении расследований необходимо определять область эффективного применения обязательных требований пожарной безопасности, устанавливать, находятся ли они в прямой причинно-следственной связи с травмированием или гибелью людей. Область эффективного применения требований пожарной безопасности в данном случае – это интервал изменения параметров объекта защиты, состава и функциональных характеристик систем обеспечения пожарной безопасности объекта защиты, состава организационно-технических мероприятий и поведения людей, при которых выполнение требований пожарной безопасности обеспечивает исключение условий возникновения и развития пожара, воздействие критических значений опасных факторов пожара на людей.

При пожаре в одном из хостелов погибли 7 человек от термоингаляционных травм и отравления окисью углерода. В ходе судебной пожарно-технической экспертизы было определено, что помещения хостела не отделены от коридоров стенами или перегородками от пола до перекрытия, предусмотренными правилами пожарной безопасности. То есть нарушение п. 5.2.7 СП 2.13130.2020 находится в прямой причинно-следственной связи с гибелью людей при пожаре. При этом при вынесении приговора судом было не учтено, что данное требование не относится к нарушениям обязательных требований пожарной безопасности.

Во-первых, при расследовании не была учтена и не получила соответствующей оценки вспышка, произошедшая на первоначальном этапе возникновения пожара (подтверждается видеозаписью с камер видеонаблюдения в помещении хостела). В результате вспышки концентрация кислорода, который

содержится в воздухе помещения, быстро снижается, и замещается токсичными продуктами сгорания, вследствие чего может наступить удушье у людей, находящихся в этом помещении, то есть предельно допустимые значения опасных факторов пожара наступают еще до начала эвакуации. Такая вспышка могла произойти в результате поджога или вспышки паров легковоспламеняющейся жидкости, не предусмотренной при нормальной эксплуатации хостела.

Во-вторых, в помещении хостела 5-й категории допускается площадь номера из расчета койко-мест не менее 4 м^2 на двухъярусную кровать и не ограничивается по проживающим в комнате (в 2019 году на момент проверки), что не предусматривает деление общего объема хостела на помещения противопожарными перегородками и дверями.

В-третьих, при расчёте динамики опасных факторов пожара и времени эвакуации из помещений хостела было установлено, что безопасность людей обеспечивается своевременностью автоматической пожарной сигнализации и система оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре 3-го типа и беспрепятственностью эвакуации людей при пожаре (все двери эвакуационных выходов на момент проверки имели возможность их свободного открывания изнутри без ключа), что соответствует ч. 1, 2 и 3 ст. 53 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ – без выделения коридора перегородками с дверями.

В-четвертых, если невыполнение п. 5.2.7 СП 2.13130.2020 о выделении коридоров противопожарными перегородками с дверями считать нарушением требований пожарной безопасности, то требование п. 4.1.2. СП 1.13130.2020, когда эвакуационные пути в пределах помещения хостела обеспечивают возможность безопасного движения людей через два самостоятельных эвакуационных выхода из данного помещения без выделения коридора перегородками с дверями, относится к противоречиям или нормативным коллизиям, которые создают неустранимые сомнения в части их исполнения с учетом нормирования койкоместа, а не помещения в хостеле 5-й категории и, соответственно, ставят под сомнение виновность обвиняемого в инкриминируемом ему деянии.

В-пятых, своды правил включены в перечень документов по стандартизации и в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Технического регламента о требованиях пожарной безопасности. Причем требования к помещению хостела 5-й категории не предполагают обязательного отделения номеров от коридора, а всего лишь устанавливают норму на койко-место (4 м^2 на двухъярусную кровать).

Таким образом, расчетом безопасной эвакуации людей из помещения хостела через два самостоятельных выхода было подтверждено, что объемно-планировочное решение хостела без выделения коридора противопожарными перегородками с дверями соответствует требованиям ст. 53 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ и при невыполнении п. 5.2.7 СП 2.13130.2020.

Нормирование койко-мест в хостеле 5-й категории, а не отдельных помещений, как в гостинице, подтверждает безопасность людей при прогнозе пожара по п. 4.1.2. СП 1.13130.2020 и ст. 53 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ, а также соответствует требованиям ст. 9 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ.

Однако при расследовании уголовного дела и при вынесении обвинительного приговора, по нашему мнению, не было убедительно доказано, что в ситуации до пожара имелась угроза жизни и здоровью людей в результате нарушения данного требования. По результатам проведенных специалистами, привлеченными в рамках исполнения адвокатского запроса, расчетов динамики ОФП и времени эвакуации людей было установлено, что помещения соответствовали требованиям беспрепятственной и своевременной эвакуации по ст. 53 Технического регламента о требованиях пожарной безопасности. Данные материалы были предоставлены защитнику и озвучены на судебном заседании. В Методике определения расчетных величин пожарного риска сценарии пожара, не реализуемые при нормальном режиме эксплуатации здания (теракты, поджоги, хранение горючей нагрузки, не предусмотренной назначением здания и так далее), не рассматриваются. Применение данного документа позволяет определить расчетную величину пожарного риска в зданиях, сооружениях и пожарных отсеках различных классов функциональной пожарной опасности, что является одним из условий обеспечения пожарной безопасности объекта защиты наравне, например, с выполнением требований пожарной безопасности, содержащихся в нормативных документах по пожарной безопасности (ст. 6 ФЗ от 22.07.2008 № 123-ФЗ). Таким образом, на стадии «до возникновения пожара» нельзя было предвидеть возможности наступления указанных общественно опасных последствий пожара. Угроза жизни и здоровью людей отсутствовала, и риск причинения вреда жизни и здоровью людей в результате нарушения анализируемого требования также отсутствовал. Изначально помещения, в которых располагался хостел, были предназначены для торгового зала мебельного магазина и не предполагали перегородок. В хостеле 5-й категории также не предполагалось обязательного отделения номеров от коридора, а всего лишь устанавливалась норма на койко-место.

При отсутствии нарушений обязательных требований пожарной безопасности или прямой причинно-следственной связи нарушений требований пожарной безопасности с наступившими последстви-

ями в виде причинения вреда здоровью и (или) жизни людей преступление может быть квалифицировано по ст. 118 («Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности») или ст. 109 («Причинение смерти по неосторожности»).

С учетом вышеизложенного предлагается квалификация нарушений требований пожарной безопасности в два этапа.

На первом этапе решается вопрос о соответствии анализируемого требования пожарной безопасности принципам, установленным ст. 4 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ, ст. 7 ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ. При этом производится расчёт для оценки безопасной эвакуации людей при пожаре и программное моделирование развития опасных факторов пожара. Проводится экспертный выбор сценария или сценариев пожара, при которых ожидаются наихудшие последствия для находящихся в здании людей. Такой расчёт покажет, можно ли было предвидеть последствия причинения вреда до пожара по установленным нормам пожарной безопасности, а именно: совпадала ли область риска причинения вреда области применения нормы риска. Была ли норма избыточна или недостаточна по отношению к риску причинения вреда.

Следователям (дознавателям) перед судебными пожарно-техническими экспертами необходимо ставить на исследование вопрос, имелась ли угроза жизни и здоровью людей при имевшихся (выявленных) нарушениях требованиях пожарной безопасности до пожара. Исследование и ответ экспертов предполагают моделирование и оценку возможности безопасной и беспрепятственной эвакуации людей при прогнозируемом пожаре с нарушением анализируемого требования (требований) и с выполнением данного требования, а критерий причинной связи или её отсутствия – это вероятность, равная единице (безопасная эвакуация) или нулю (причинения тяжкого вреда здоровью в результате наступления ОФП). При наличии возможности безопасной эвакуации людей при пожаре с наличием анализируемых нарушений требований эксперт делает вывод об отсутствии угрозы жизни и здоровью людей при наличии анализируемых нарушений до пожара. Следователь (дознаватель) делает вывод о несоответствии требования принципу обоснованности, установленному в ст. 6 ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ. В этом случае следует констатировать, что анализируемое нарушенное требование носит добровольный, а не обязательный характер.

На втором этапе происходит реконструкция процессов произошедшего пожара с учётом исходных данных, соответствующих фактическим обстоятельствам (расположение очага, механизм возникновения пожара). Необходимо выяснить, можно ли было предотвратить наступление опасных факторов пожара при выполнении нарушенного требования. При возможном предотвращении последствий нарушение данных требований находится в прямой причинно-следственной связи с последствиями. Если невозможно предотвратить последствия, и они не находятся в причинно-следственной связи с нарушениями требований пожарной безопасности, необходимо уделить особое внимание выявлению иных обстоятельств, которые могли привести к наступлению общественно опасных последствий.

Таким образом, проведенное исследование показало, что учёт риска причинения вреда при квалификации нарушений требований пожарной безопасности позволит усовершенствовать криминалистическую методику расследования преступлений, предусмотренных ст. 219 УК РФ, и будет способствовать более объективному и законному принятию решений следователями и дознавателями.

Список литературы

1. *Чешко И.Д.* Расследование преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности: методические рекомендации. М.: ВНИИПО, 2002. 117 с.
2. *Мельник А.А., Ворошилов Р.Ф., Калюжина Ж.С.* Справочник дознавателя ФПС МЧС России. 2-е изд., перераб. и доп. / Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2019. 162 с.
3. *Попов И.А.* Расследование преступлений, совершенных путем поджога и в результате нарушения требований пожарной безопасности: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2017. 110 с.
4. *Бычков В.В.* Криминалистика: учебник. В 3 ч. Криминалистическая методика / под ред. В.В. Бычкова, С.В. Харченко. М.: Проспект, 2021. Часть III. 664 с.
5. Поддержка принятия управленческих решений при применении обязательных требований соразмерных риску причинения вреда / Е.Н. Кияткина, И.А. Лобаев, Е.С. Кирик, С.П. Воронов // Сибирский пожарно-спасательный вестник. 2024. № 2 (33). С. 34-47. DOI: 10.34987/vestnik.sibpsa.2024.84.80.021
6. *Козлачков В.И.* Оценка деятельности государственных инспекторов по пожарному надзору при расследовании пожаров с гибелью людей (Краткий анализ материалов уголовных дел). М.: Академия ГПС МЧС России, 2010. 103 с.
7. Причинно-следственная связь между нарушениями требований пожарной безопасности и последствиями пожара как предмет судебной пожарно-технической экспертизы / И.А. Лобаев, В.А. Малько, В.В. Плешаков [и др.] // Пожары и чрезвычайные ситуации: предотвращение, ликвидация. 2024. № 2. С. 126-135. DOI: 10.25257/FE.2024.2.126-135

8. *Плешаков В.В.* Расследование и экспертиза пожаров: учебник для вузов / под ред. В.В. Плешакова. 2-е изд. М.: Юрайт, 2025. 299 с.
9. *Козлачков В.И.* Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности. Сравнительный анализ. М.: Академия ГПС МЧС России, 2016. 328 с.

References

1. *Cheshko I.D.* (2002) Investigation of Crimes Related to Violations of Fire Safety Regulations: Methodological Recommendations. Moscow: VNIIPO, 117 p. (In Russian).
2. *Melnik A.A., Voroshilov R.F., Kalyuzhina Zh.S.* (2019) Handbook of the Investigator of the Federal Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2nd edition, revised and expanded: Handbook. FGBOU VO Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 162 p. (In Russian).
3. *Popov I.A.* (2017) Investigation of Crimes Committed by Arson and as a Result of Violations of Fire Safety Requirements: Textbook and Practical Guide. Moscow: Prospekt Publishing, 110 p. (In Russian).
4. *Bychkov V.V.* (2021) Criminalistics: Textbook. In 3 parts. Criminalistic Methodology. Moscow: Prospekt Publishing, Part III. 664 p. (In Russian).
5. *Lobaev I.A., Lobaev I.A., Kirik E.S., Voronov S.P.* (2024) Support for managerial decision-making when applying mandatory requirements commensurate with the risk of harm. Siberian Fire and Rescue Bulletin, № 2 (33), pp. 34-47. DOI: 10.34987/vestnik.sibpsa.2024.84.80.021 (In Russian).
6. *Kozlachkov V.I.* (2010) Evaluation of the Activities of State Fire Inspectors in the Investigation of Fires with Fatalities (Brief Analysis of Criminal Case Materials). Moscow: Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 103 p. (In Russian).
7. *Lobayev I.A., Malko V.A., Pleshakov V.V. [et al.]* (2024) Causal Relationship between Violations of Fire Safety Requirements and the Consequences of a Fire as a Subject of Forensic Fire and Technical Expertise. *Fires and Emergency Situations: Prevention and Elimination*, № 2, pp. 126-135. DOI: 10.25257/FE.2024.2.126-135 (In Russian).
8. *Pleshakov V.V.* (2025) Investigation and Expertise of Fires: Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: Yurayt Publishing, 299 p. (In Russian).
9. *Kozlachkov V.I.* (2016) Typical and Risk-Oriented Models of Supervisory Activities in the Field of Fire Safety. Comparative Analysis. Moscow: Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 328 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026	Received: 12.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 17.04.2026	Revised: 17.04.2026
Статья поступила для публикации: 23.04.2026	Accepted: 23.04.2026

УДК 34.03:342.92

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_87_92

Лютягина Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва,
e.lyutyagina@mail.ru

Волков Александр Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Московский финансово-юридический университет, Москва,
Vam-volkov@ya.ru

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ПРАВА[1]

Аннотация. *Анализ нормативно-правовых актов, научных источников и учебной литературы демонстрирует место производства по делам об административных правонарушениях (далее – ПДАП) в системе права. Исследования, касающиеся вопросов привлечения лиц к административной ответственности, занимают видное место в исследованиях ученых административистов. Отмечено, что исследования, касающиеся административного порядка ПДАП, ни у кого не вызывают возражения по вопросу включения его в предмет административного права. Судебный порядок ПДАП в арбитражных судах в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) именуется административным судопроизводством. Однако вопросы места судебного порядка ПДАП в судах общей юрисдикции вызывают споры. Выявлена необходимость придания производству по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции необходимых качеств административного судопроизводства путем разделения процессуальных функций и создания условий для реализации принципа состязательности. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания, в частности формально-юридический, сравнительно-правовой, анализ и синтез, логика и др. Отмечено, что производство по делам об административных правонарушениях – комплексный правовой институт административного права и административного процессуального права, состоящий из административного порядка производства по таким делам (осуществляемого органами публичного администрирования) и судебного производства по делам об административных правонарушениях в виде административного судопроизводства. Аргументируется необходимость принятия закона о внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) по аналогии с АПК РФ, который решил бы вопрос, что общие правила искового производства распространяются на рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности в судах общей юрисдикции.*

Ключевые слова: система права, административные правонарушения, производства по делам, административное производство, судебное производство, публичная администрация, публичное администрирование, совершенствование законодательства.

Для цитирования: *Лютягина Е.А., Волков А.М.* Место производства по делам об административных правонарушениях в системе права // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 87-92. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_87_92

Elena A. Lyutyagina,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
e.lyutyagina@mail.ru

Aleksandr M. Volkov,
Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Moscow University of Finance and Law, Moscow,
Vam-volkov@ya.ru

PLACE OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE LEGAL SYSTEM

[1] Материал представлен в порядке обсуждения и с использованием систем «Консультант Плюс» и «Гарант» (информационная поддержка).

© Лютягина Е.А., Волков А.М., 2026

Abstract. *The analysis of normative legal acts, scientific sources and educational literature demonstrates the place of proceedings in cases of administrative offenses in the legal system. Research on the issues of bringing persons to administrative responsibility occupies a prominent place in the research of administrative scientists. It is noted that studies concerning the administrative procedure in cases of administrative offenses do not raise objections to its inclusion in the subject of administrative law. The judicial procedure for proceedings in cases of administrative offenses in the arbitration courts of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation is called administrative proceedings. But the issues of the place of judicial procedure in cases of administrative offenses in the courts of general jurisdiction are controversial. The necessity of imparting the necessary qualities of administrative proceedings to proceedings on cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction by separating procedural functions and creating conditions for the implementation of the principle of competition is revealed. The methodological basis is made up of general scientific and private scientific methods of cognition, in particular formal legal, comparative legal, analysis and synthesis, logic, etc. It is noted that proceedings in cases of administrative offenses are a comprehensive legal institution of administrative law and administrative procedural law, consisting of the administrative procedure for proceedings in such cases (conducted by public administration authorities) and judicial proceedings in cases of administrative offenses in the form of administrative proceedings. The article argues for the need to adopt a law on amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation by analogy with the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, which would resolve the issue that the general rules of claim proceedings apply to the consideration of cases of administrative liability in courts of general jurisdiction.*

Keywords: legal system, administrative offenses, case proceedings, administrative proceedings, judicial proceedings, public administration, public administration, improvement of legislation.

For citation: Lyutyagina E.A., Volkov A.M. (2026) Place of proceedings in cases of administrative offenses in the legal system. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 87-92. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_87_92 (In Russian).

Научные исследования, касающиеся вопросов привлечения лиц к административной ответственности, занимают видное место в исследованиях ученых административистов. Однако к единому мнению прийти они не могут. Учитывая, что ПДАП – это порядок возбуждения, рассмотрения и разрешения дел, необходимо выяснить обстоятельства дела, разрешить его и обеспечить исполнение постановления. В связи с этим в данной статье хотелось бы поставить вопрос о месте ПДАП в системе права. Для этого необходимо привести анализ наиболее значимых исследований в данной области.

По Д.Н. Бахраху, ПДАП – деятельность уполномоченных субъектов публичной власти, направленная на привлечение виновных к ответственности. Он полагал, что этот процесс осуществляется публичными субъектами, а административное судопроизводство – судом [10, с. 17].

Зеленцов А.Б. в [8] дал определение административному ПДАП и административному судопроизводству.

Административный порядок ПДАП – урегулированная процедурными нормами правоприменительная деятельность публичной администрации по возбуждению, рассмотрению и разрешению дел о правонарушениях и обжалование постановления по делу.

Административное судопроизводство – деятельность суда по разрешению административных споров и дел об административных правонарушениях путем исследования доказательств, проверки законности административных актов и рассмотрения дела с применением материального права, осуществляемая в процессуальной форме.

Зуева Л.Ю. придерживается такого же определения ПДАП [9].

Необходимо отметить, что исследования, касающиеся административного порядка ПДАП, ни у кого не вызывают возражения по вопросу включения его в предмет административного права. Судебный порядок ПДАП в арбитражных судах (по АПК РФ) именуется административным судопроизводством. Однако вопросы места судебного порядка ПДАП в судах общей юрисдикции вызывают споры. Одни авторы относят данный порядок к административно-юрисдикционному процессу, но отвергают его место в административном судопроизводстве. Другие, наоборот, доказывают, что судебный порядок ПДАП в общих судах и есть не что иное как административное судопроизводство. В этой связи необходимо определить место ПДАП в системе права.

Среди исследователей сформировались противоположные точки зрения по вопросу деятельности судов в рамках ПДАП. Одно из них – отрицание относимости судебного ПДАП к административному судопроизводству. Так, Ю.Н. Старилов отмечает, что судебное ПДАП отличается от административного судопроизводства [18].

Исследователи дискутируют и о том, к какому виду судопроизводства относится данная деятельность.

Щепалов С.В. формулирует свое видение о том, что судебное и несудебное рассмотрение дел фактически не образует единое ПДАП и предлагает выделить ПДАП в общих судах в «отдельный процессуальный закон» [19]. Он отмечает, что ПДАП в судах общей юрисдикции – совокупность процессуальных отношений, в ходе которых суды отправляют правосудие по административно-деликтным делам [20]. ПДАП в судах общей юрисдикции – «единое сложное процессуальное отношение… по разрешению публично-правового конфликта, вызванного предполагаемым совершением административного правонарушения» [21]. По его мнению, ПДАП в судах, как общей юрисдикции, так и арбитражных, являются равнозначными. Но это различные виды деятельности с разными процессуальными формами. Он же замечает, что понятия «административное судопроизводство» и ПДАП в судах общей юрисдикции различны: первое урегулировано КАС РФ, второе – КоАП РФ.

Кононов П.И. относит судебное ПДАП к административному судопроизводству. Он определяет административное судопроизводство как деятельность общих судов и Верховного Суда РФ по разрешению дел и отмечает, что судебное административное производство – это ПДАП, осуществляемое общими судами, включает судебное ПДАП и производство по пересмотру судами вынесенных публичной администрацией и (или) нижестоящими судами решений по делам. Для ученого понятия судебного и административного ПДАП являются обособленными. Он отмечает, что «судебное производство по делам об административных правонарушениях не является отдельным видом осуществляемой судом административно-юрисдикционной деятельности, а представляет собой правосудие, осуществляемое судебной властью в форме административного судопроизводства» [10], и предлагает ввести данный институт судопроизводства в КАС РФ [11].

Установленный КоАП РФ порядок ПДАП является единым, как для публичной администрации, так и для судов общей юрисдикции. Но судопроизводство имеет свои особенности. Административное судопроизводство предусматривает применение большинства наказаний, обеспечивает реализацию принципа состязательности, окончательное разрешение возбужденных им дел.

Зеленцов А.Б. предложил установить общий порядок административного судопроизводства в судах (общих и арбитражных) [6]. Исследователи также предлагают правила судопроизводства по делам из административных и иных публичных правоотношений закрепить в КАС РФ, включая ПДАП [4]. Есть и другие предложения, в том числе авторов настоящей статьи [2; 12; 13].

Судебное ПДАП – административное судопроизводство (см. Конституцию РФ). В ч. 2 ст. 1 КАС РФ однозначно отмечается, что ПДАП – это не административное судопроизводство. В п. 3 ч. 1 ст. 29 АПК РФ предусмотрено, что ПДАП в арбитражных судах – это административное судопроизводство. КАС РФ закрепляет исковой характер судопроизводства по административным спорам. В то же время судебное ПДАП – это не исковое производство, и его включение в КАС РФ предполагает введение института административно-наказательного (деликтного) иска по аналогии со ст. 202 АПК РФ.

Зеленцовым А.Б. высказано мнение, что защита «объективного публичного права посредством административного иска может и должна осуществляться по крайней мере в двух ситуациях:

1) в связи со спорами о законности нормативно-правовых актов (спорами об абстрактном праве);

2) в связи с совершением административных проступков (в смысле ст. 21 КоАП)» [7].

В постановлениях Конституционного Суда РФ (от 12.05.1998 № 14-П, от 28.05.1999 № 9-П, от 16.06.2009 № 9-П, от 25.04.2011 № 6-П) говорится о том, что дела об административных правонарушениях рассматриваются судами в рамках административного судопроизводства.

Севрюгин В.Е. пишет: «Ядром современной доктрины административно-процессуального права… способна выступить концепция административного процесса как сложного нормативного образования, строго регламентированного законодательством установленного порядка деятельности его участников по разрешению судебно-административных дел и дел об административных правонарушениях…» [15]. Он предлагает закрепление однообразного рассмотрения дел об административных правонарушениях и порядка оспаривания постановлений по этим делам судами (общими и арбитражными) [16]. Другие ученые приходят к таким же выводам [1].

Вопросы о разработке и принятии ПАК РФ, который бы включал в себя и дела об административных правонарушениях, то есть административно-наказательный процесс, могут иметь место [3; 14].

Федеральный закон от 07.04.2025 № 59-ФЗ внес существенные изменения в статьи 28.8 и 29.10 КоАП РФ в части направления в суд не просто протокола об административном правонарушении со всеми материалами дела, но и, что очень важно, ***заявления*** о привлечении к административной ответственности (аналог ч. 2 ст. 202 АПК РФ). При этом надо отметить, что в АПК РФ общие правила искового производства распространяются на рассмотрение таких дел.

Необходимо внести в КоАП РФ положение, согласно которому дела о привлечении к административной ответственности будут рассматриваться по общим правилам искового производства. Тогда вопросы отнесения такого судопроизводства к административному судопроизводству отпадут сами собой.

Приведем еще мнения ученых о судебном ПДАП.

Гречкина О.В.: «Судебный порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях представляет собой один из видов правосудия, являющегося составной частью административного судопроизводства» [5].

Соловей Ю.П.: «Судебное производство по делам об административных правонарушениях даже в его нынешнем формате является разновидностью административного судопроизводства» [17].

Среди участников производства по делам об административных правонарушениях в судах отсутствуют должностные лица, представители органов власти, составившие протоколы. Компетентные органы и должностные лица, наделенные правом принимать юридически властные акты и составлять правовые документы, не отмечены в КоАП РФ как участники. Это говорит о том, что производство по делам об административных правонарушениях не состязательное, а обвинительное, и эти функции выполняют суды.

Однако, как отмечено выше, происходят определенные изменения в части подачи заявления о привлечении к административной ответственности. Это говорит об изменении статуса судьи (скорее, о возвращении ему своего статуса арбитра). Он уже не является обвинителем, а рассматривает заявление о привлечении к ответственности. Но в отличие от рассмотрения дела (по АПК РФ) арбитражным судом, который может признать обязательной явку в судебное заседание представителя административного органа, КоАП РФ пока не содержит такого положения для судов общей юрисдикции. Отсутствует в КоАП РФ и положение об исковом характере судопроизводства по этим делам, и условия для реализации принципа состязательности.

Авторы настоящей статьи следуют этим направлениям и полагают, что производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции является составной частью административного судопроизводства (административного процессуального права).

В заключение необходимо сформулировать следующие выводы.

1. Производство по делам об административных правонарушениях – комплексный правовой институт административного права и административного процессуального права, состоящий из административного порядка производства (осуществляемого органами публичного администрирования) и судебного производства по делам об административных правонарушениях в виде административного судопроизводства.

2. Внести в КоАП РФ по аналогии с АПК РФ положение о том, что общие правила искового производства распространяются на рассмотрение дел о привлечении к административной ответственности.

3. Необходимо придать судопроизводству по делам об административных правонарушениях необходимых качеств административного судопроизводства путем разделения процессуальных функций и создания условий для реализации принципа состязательности.

Конечно, данные выводы не бесспорны, и авторы будут рады продолжить дискуссию.

Список литературы

1. *Волков А.М.* Административный процессуальный кодекс: спорная, но осуществимая идея // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 1. С. 39-53. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.1.40073 EDNVFAEMU. URL: https://e-notabene.ru/al/article_40073.html (дата обращения: 14.02.2026).
2. *Волков А.М., Лютягина Е.А.* Административно-процессуальное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 299 с.
3. *Волков А.М.* Процессуальный административный кодекс России: миф или реальность? // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2023 № 3 (50). С. 128-137. DOI: 10.34988/2226-2326.2023.91.99.018
4. *Волков А.М.* Совершенствование административного процессуального законодательства // Вестник Академии права и управления. 2023. № 72. С. 17-26.
5. *Гречкина О.В.* Административная судебная юрисдикция // Вестник Саратовской государственной академии. 2014. № 4. С. 24-28.
6. *Зеленцов А.Б.* Идея единого КАС РФ как концептуальная альтернатива проекту единого ГПК РФ // Современные проблемы административного права, процесса и процедур: российский и зарубежный опыт: материалы международной научно-практической конференции (Россия, Новосибирск, 14-15 мая 2018 года). – Новосибирск, 2018. С. 138-150.
7. *Зеленцов А.Б.* Понятие и виды административного иска // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2005. № 1 (17). С. 19-27.
8. *Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И.* Административно-процессуальное право России: учебник для вузов. В 2 частях. Ч. 1. М.: Юрайт, 2025. 311 с.
9. *Зуева Л.Ю.* К вопросу об определении понятия «производство по делам об административных правонарушениях» // Административное право и процесс. 2022. № 10. С. 24-30.

10. *Кононов П.И., Смирнова Е.Н.* Актуальные проблемы административного процесса : монография / под общ. ред. П.И. Кононова. М.: РУСАЙНС, 2024. 280 с.
11. *Кононов П.И.* Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие = Justice. 2023. № 3. С. 60-84.
12. *Волков А.М., Лютягина Е.А.* Административное судопроизводство: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2026. 275 с.
13. *Лютягина Е.А., Волков А.М.* Производство по делам об административных правонарушениях: учебник / под ред. Е.А. Лютягиной. М.: Юрайт, 2026. 114 с.
14. *Новиков А.В.* Соотношение законодательств об административном судопроизводстве и об административных правонарушениях // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 17-27.
15. *Севрюгин В.Е.* Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 1. С. 109-123. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-109-123
16. *Севрюгин В.Е.* О концепции нового Кодекса Российской Федерации об административной ответственности: краткий комментарий законопроекта // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 16 (4). С. 488-492.
17. *Соловей Ю.П.* Еще раз о необходимости реформы законодательства об административной ответственности // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 4. С. 280-285.
18. *Старилов Ю.Н.* Административные процедуры, административное судопроизводство, административно-деликтное право: три основных направления модернизации российского законодательства // Ежегодник публичного права – 2015: Административный процесс. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 310 с.
19. *Щепалов С.В.* Кодификация норм о судебном рассмотрении дел об административных правонарушениях: опыт 16 стран ближнего зарубежья // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 561-578.
20. *Щепалов С.В.* Производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции как научное понятие // Административное право и процесс. 2023. № 9. С. 7-14.
21. *Щепалов С.В.* Производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции: монография. М.: Норма, 2023. 220 с.

References

1. *Volkov A.M.* (2024) Administrative Procedural Code: a controversial but feasible idea. *NB: Administrative Law and practice of Administration*, № 1, pp. 39-53. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.1.40073. EDN VFAEMU. Available at: https://e-notabene.ru/al/article_40073.html (accessed: 14.02.2026) (In Russian).
2. *Volkov A.M., Lyutyagina E.A.* (2026) Administrative procedural law: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing, 2026. 299 p. (In Russian).
3. *Volkov A.M.* (2023) Procedural Administrative Code of Russia: Myth or reality? *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service*, № 3 (50), pp. 128-137. DOI: 10.34988/2226-2326.2023.91.99.018 (In Russian).
4. *Volkov A.M.* (2023) Improvement of administrative procedural legislation. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 72, pp. 17-26 (In Russian).
5. *Grechkina O.V.* (2014) Administrative judicial jurisdiction. *Bulletin of the Saratov State Academy*, № 4, pp. 27-28 (In Russian).
6. *Zelentsov A.B.* (2018) The idea of a single CAS of the Russian Federation as a conceptual alternative to the draft of a single CPC of the Russian Federation. *Modern problems of administrative law, process and procedures: Russian and foreign experience*: materials of the International Scientific and Practical Conference (Russia, Novosibirsk, May 14-15, 2018). Novosibirsk, pp. 138-150 (In Russian).
7. *Zelentsov A.B.* (2005) The concept and types of an administrative claim. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, № 1 (17), pp. 19-27 (In Russian).
8. *Zelentsov A.B., Kononov P.I., Stakhov A.I.* (2025) Administrative procedural law of Russia: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing, 2025. 311 p. (In Russian).
9. *Zueva L.Yu.* (2022) On the issue of defining the concept of "proceedings in cases of administrative offenses". *Administrative Law and Process*, № 10, pp. 24-30 (In Russian).
10. *Kononov P.I., Smirnova E.N.* (2024) Actual problems of the administrative process: monograph. Moscow: RUSAINS Publishing, 280 p. (In Russian).
11. *Kononov P.I.* (2023) Proceedings in courts in cases of administrative offenses as an integral part of administrative proceedings. *Justice=Justice*, № 3, pp. 60-84 (In Russian).
12. *Volkov A.M., Lyutyagina E.A.* (2026) Administrative legal proceedings: textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing, 2026. 275 p. (In Russian).
13. *Lyutyagina E.A. Volkov A.M.* (2026) Proceedings on Administrative Offenses: Textbook / edited by E.A. Lyutyagina. Moscow: Yurait Publishing, 2026. 114 p. (In Russian).
14. *Novikov A.V.* (2021) The correlation of legislation on administrative proceedings and administrative offenses. *Journal of Administrative Proceedings*, № 4, pp. 17-27 (In Russian).
15. *Sevryugin V.E.* (2022) Administrative procedural law of Russia: status, problems and prospects. *Siberian Law Review*, № 1, pp. 109-123. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-109-123 (In Russian).

16. *Sevryugin V.E.* (2019) On the concept of the new Code of Administrative Responsibility of the Russian Federation: a brief commentary on the draft law. *Siberian Law Review*, № 16 (4), pp. 488-492 (In Russian).
17. *Solovey Yu.P.* (2019) Once again about the need to reform legislation on administrative responsibility. *Siberian Law Review*, vol. 16, № 4, pp. 280-285 (In Russian).
18. *Starilov Yu.N.* (2015) Administrative procedures, administrative court proceedings, administrative and tort law: three main directions of modernization of Russian legislation. Yearbook of Public Law – 2015: Administrative process. Moscow: Infotropik Media Publishing, 310 p. (In Russian).
19. *Shchepalov S.V.* (2024) Codification of norms on judicial review of cases of administrative offenses: the experience of 16 neighboring countries. *Siberian Law Review*, vol. 21, № 4, pp. 561-578 (In Russian).
20. *Shchepalov S.V.* (2023) Proceedings on cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction as a scientific concept. *Administrative Law and Process*, № 9, pp. 7-14 (In Russian).
21. *Shchepalov S.V.* (2023) Proceedings on cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction: monograph. Moscow: Norma Publishing, 2023. 220 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026	Received: 17.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 24.03.2026	Revised: 24.03.2026
Статья поступила для публикации: 27.03.2026	Accepted: 27.03.2026

УДК 347.441.8

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_93_99

Муромцев Антон Ильич,
аспирант, Международный институт информатизации и государственного управления имени П.А. Столыпина, Москва,
anton.muromcev999@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДИСТРИБЬЮТОРСКОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию правового регулирования дистрибьюторского соглашения в гражданском праве России. Автор анализирует порядок заключения, изменения и расторжения данного вида договора, рассматривает его правовую природу как непоимённого смешанного договора, выявляет ключевые проблемы правоприменительной практики и формулирует предложения по их устранению. В статье исследуется судебная практика по спорам, вытекающим из дистрибьюторских соглашений, а также предлагаются направления совершенствования гражданского законодательства в указанной сфере.*

Ключевые слова: дистрибьюторское соглашение, дистрибьюторский договор, заключение договора, изменение договора, расторжение договора, непоимённый договор, смешанный договор, гражданское право, правовое регулирование, судебная практика.

Для цитирования: *Муромцев А.И.* Правовое регулирование заключения, изменения и расторжения дистрибьюторского соглашения в гражданском праве Российской Федерации // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 93-99. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_93_99

Anton I. Muromtsev,
Postgraduate, Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, Moscow,
anton.muromcev999@mail.ru

LEGAL REGULATION OF CONCLUSION, MODIFICATION AND TERMINATION OF A DISTRIBUTION AGREEMENT IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the legal regulation of distribution agreements in Russian civil law. The author analyzes the procedure for concluding, modifying and terminating this type of contract, examines its legal nature as an unnamed mixed contract, identifies key problems of law enforcement practice and formulates proposals for their elimination. The article examines judicial practice in disputes arising from distribution agreements and proposes directions for improving civil legislation in this area.*

Keywords: distribution agreement, distribution contract, conclusion of contract, modification of contract, termination of contract, unnamed contract, mixed contract, civil law, legal regulation, judicial practice.

For citation: Muromtsev A.I. (2026) Legal regulation of conclusion, modification and termination of a distribution agreement in the civil law of the Russian Federation. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 93-99. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_93_99 (In Russian).

Дистрибьюторское соглашение занимает особое место в системе договорных конструкций, применяемых в коммерческом обороте Российской Федерации. Стремительное развитие торговых отношений, усложнение цепочек поставок и расширение присутствия транснациональных корпораций на российском рынке обусловили широкое распространение дистрибьюторских договоров как инструмента организации сбыта товаров. Между тем гражданское законодательство России до сих пор не содержит специальных норм, посвящённых дистрибьюторскому соглашению, что порождает значительную правовую неопределённость и создаёт серьёзные практические трудности при заключении, изменении и расторжении таких договоров.

© Муромцев А.И., 2026

Отсутствие легального определения дистрибьюторского договора является отправной точкой большинства правовых споров в данной области. В доктрине под дистрибьюторским соглашением принято понимать договор, по которому одна сторона – производитель или поставщик – обязуется передавать товары другой стороне – дистрибьютору, а последний принимает на себя обязательства по самостоятельному продвижению и реализации этих товаров на определённой территории от своего имени и за свой счёт [8]. Такая конструкция принципиально отличает дистрибьютора от агента, который действует в интересах и за счёт принципала [1]. Дистрибьютор несёт коммерческий риск самостоятельно, приобретая товар в собственность и перепродавая его конечным покупателям, или субдистрибьюторам.

Дистрибьюторский договор в современном гражданском обороте не является самостоятельным договором. С учетом его конкретного содержания он может быть смешанным (обязательства дистрибьютора продавать товар, рекламировать его, обеспечивать послепродажное обслуживание и др.) или комплексным (обязательство поставщика принять от дистрибьютора нереализованный товар обратно на согласованных условиях).

В тех случаях, когда дистрибьюторский договор полностью охватывается предметом договора определенного типа (к примеру, агентский договор или договор франчайзинга), его следует относить к соответствующему договорному типу. Дистрибьюторский договор может заключаться с условием о предоставлении эксклюзивного права продажи дистрибьютору или без такого условия. При включении эксклюзивного права в договор участники делового оборота должны соблюдать антимонопольные запреты и требования компании, реализующей свои товары, работы или услуги на условиях публичного договора [5].

Вопрос о правовой природе дистрибьюторского договора остаётся дискуссионным в российской цивилистике. Большинство исследователей относят его к числу непоимённых смешанных договоров, включающих элементы договора поставки, договора коммерческой концессии и агентского договора [6]. Р.Х. Хабичев полагает, что ключевой трудностью при квалификации дистрибьюторского договора является именно его многоэлементный состав, не позволяющий однозначно отнести его к какому-либо известному законодательству типу [8]. Т.О. Селина указывает, что отсутствие законодательного закрепления данного вида договора влечёт за собой применение к нему общих норм обязательственного права по аналогии, что далеко не всегда отвечает интересам сторон [7]. А.И. Муромцев, в свою очередь, обращает внимание на то, что суды при рассмотрении споров нередко квалифицируют дистрибьюторский договор по-разному в схожих фактических обстоятельствах, что порождает правовую нестабильность [3].

Порядок заключения дистрибьюторского соглашения подчиняется общим правилам гл. 28 ГК РФ. Договор считается заключённым в момент получения акцепта оферентом, а для письменной формы – с момента подписания документа обеими сторонами. На практике дистрибьюторские соглашения, как правило, оформляются в виде единого подписанного документа с развёрнутыми приложениями, содержащими прайс-листы, территориальные карты, планы продаж и иные коммерческие условия. Такой подход обусловлен не только правовыми, но и деловыми соображениями: детальная фиксация условий сотрудничества позволяет минимизировать конфликты на стадии исполнения договора. Существенными условиями дистрибьюторского договора традиционно признаются предмет – номенклатура и характеристики товаров, подлежащих распределению, а также территория дистрибуции и срок договора [4]. В отсутствие специального регулирования условие о сроке формально не является существенным по смыслу ГК РФ, однако его отсутствие создаёт значительную правовую неопределённость, поскольку лишает стороны предсказуемости относительно продолжительности их отношений.

Одной из наиболее острых практических проблем, возникающих при заключении дистрибьюторских соглашений, является вопрос о действительности условий, ограничивающих конкуренцию. Такие условия, как запрет дистрибьютору реализовывать конкурирующие товары, обязательства по соблюдению рекомендованных цен, территориальные ограничения и требования по эксклюзивности, традиционно включаются в дистрибьюторские договоры, однако могут вступать в противоречие с требованиями антимонопольного законодательства. К.О. Евсюкова справедливо указывает, что антимонопольные органы и прокуратура занимают в последние годы всё более активную позицию в отношении дистрибьюторских соглашений, содержащих элементы ограничения конкуренции [2]. Показательным примером служит практика Федеральной антимонопольной службы России по делам о вертикальных соглашениях: в ряде случаев дистрибьюторские договоры с условием о фиксации минимальных цен перепродажи признавались нарушающими ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции».

Не менее значимой проблемой при заключении дистрибьюторских договоров является разграничение их с дилерскими соглашениями. М.М. Цахаев отмечает, что на практике данные понятия нередко смешиваются, тогда как они имеют различную правовую природу и влекут разные правовые последствия: дилер в отличие от дистрибьютора, как правило, ра-

ботает в рамках более жёстких стандартов, установленных производителем, и ориентирован преимущественно на конечного потребителя [9]. Смешение данных конструкций в договорной практике создаёт риск неверной квалификации отношений судом, что непосредственно влияет на применимые нормы права и объём ответственности сторон.

В дистрибьюторский договор стороны нередко включают условие об эксклюзивности. Возможность заключения договоров с таким условием следует из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Согласно этому принципу участники делового оборота вправе заключать любые договоры, в том числе смешанные и непоименованные. Они могут включать в свои договоры любые не противоречащие закону условия.

Суть эксклюзивного права заключается в том, что сторона договора, которая его предоставляет, должна воздерживаться от заключения аналогичных договоров с другими лицами. При этом эксклюзивное право может быть предоставлено любой из сторон соответствующего договора. В договоре поставки, например, поставщик или покупатель может взять на себя обязательство не заключать аналогичные договоры с третьими лицами. Кроме того, стороны договора могут взять на себя такое обязательство одновременно. Контрагент стороны, принявшей на себя такую обязанность, вправе требовать ее надлежащего исполнения. Только сторона, которой предоставлено эксклюзивное право, может осуществлять действия для контрагента, предусмотренные в договоре. Стороны могут предусмотреть неустойку за нарушение эксклюзивного права, вправе прекратить его отступным или новацией.

Для наглядного представления сравнительной характеристики правового режима заключения, изменения и расторжения дистрибьюторского договора в сопоставлении со смежными договорными конструкциями целесообразно обратиться к Таблице.

Приведённая Таблица наглядно демонстрирует, что правовой режим дистрибьюторского договора существенно отличается от агентского прежде всего в части перехода права собственности и распределения коммерческого риска, тогда как отличие от дилерского договора носит преимущественно функциональный характер и связано с уровнем в цепочке сбыта.

Изменение дистрибьюторского соглашения в действующем правовом регулировании подчиняется общим нормам ст. 450-453 ГК РФ. По общему правилу договор может быть изменён по соглашению сторон, а при отсутствии такового – в судебном порядке при наличии существенного нарушения договора контрагентом либо в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Применение доктрины clausula rebus sic stantibus к дистрибьюторским договорам приобрело особую актуальность в период экономических потрясений 2022 года, когда массовый уход иностранных производителей с российского рынка породил волну споров об изменении или расторжении действующих дистрибьюторских соглашений. В ряде дел суды признавали санкционное давление, резкое изменение курса валют и разрыв логистических цепочек существенными обстоятельствами, являющимися основанием для судебного изменения или расторжения договора. Так, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом города Москвы в 2022 году, суд удовлетворил требование дистрибьютора об изменении ценовых условий договора, сославшись на резкое изменение курса рубля и невоз-

Таблица

Сравнительная характеристика дистрибьюторского, агентского и дилерского договоров по ключевым параметрам правового регулирования

Критерий	Дистрибьюторский договор	Агентский договор	Дилерский договор
Законодательное закрепление	Отсутствует (непоимённый)	Глава 52 ГК РФ	Отсутствует (непоимённый)
Действие стороны	От своего имени и за свой счёт	От имени и/или за счёт принципала	От своего имени и за свой счёт
Право собственности на товар	Переходит к дистрибьютору	Не переходит к агенту	Переходит к дилеру
Коммерческий риск	Несёт дистрибьютор	Несёт принципал	Несёт дилер
Основание изменения	Соглашение сторон / общие нормы ГК РФ	Соглашение сторон / ст. 1010 ГК РФ	Соглашение сторон / общие нормы ГК РФ
Основание расторжения	Соглашение сторон / существенное нарушение / ст. 450-453 ГК РФ	Ст. 1010 ГК РФ, в том числе односторонний отказ	Соглашение сторон / существенное нарушение
Антимонопольные риски	Высокие (вертикальные соглашения)	Умеренные	Высокие

Источник: таблица составлена автором.

можность исполнения договора на прежних условиях без несоразмерного ущерба для одной из сторон.

Практика применения ст. 451 ГК РФ к дистрибьюторским отношениям показывает, что суды подходят к этому вопросу крайне осторожно: бремя доказывания существенности изменения обстоятельств лежит на истце, а сам факт изменения экономической конъюнктуры, как правило, не признаётся достаточным основанием для судебного изменения договора. Данная позиция отражает сложившийся в российской судебной практике консервативный подход, направленный на сохранение стабильности гражданского оборота. Вместе с тем такой подход, по мнению ряда исследователей, недостаточно учитывает специфику долгосрочных дистрибьюторских отношений, нередко рассчитанных на несколько лет и потому особенно уязвимых к изменениям внешних условий [4].

На практике стороны дистрибьюторских соглашений нередко включают в договор так называемые механизмы автоматической корректировки – ценовые оговорки, привязанные к курсу валют или индексу инфляции, а также положения о пересмотре договорных условий по инициативе любой из сторон в случае изменения существенных показателей рынка. Такие механизмы, будучи законными с точки зрения гражданского законодательства, позволяют избежать судебных споров и сохранить деловые отношения сторон. А.С. Райников обращает внимание на то, что подобные условия в смешанных договорах имеют самостоятельное практическое значение и не могут быть редуцированы к стандартным договорным элементам [6].

Расторжение дистрибьюторского соглашения представляет собой наиболее конфликтогенный аспект правового регулирования данного вида договора. Стороны вправе расторгнуть договор по взаимному согласию, а также в одностороннем порядке при наличии оснований, предусмотренных договором или законом. Поскольку специальные нормы о расторжении дистрибьюторского договора в ГК РФ отсутствуют, суды применяют к соответствующим спорам общие нормы об ответственности за нарушение обязательств и о последствиях расторжения договора. Между тем специфика дистрибьюторских отношений порождает ряд вопросов, которые общие нормы не способны решить в полной мере. В частности, остро стоит проблема компенсации дистрибьютору инвестиций, вложенных в развитие рынка сбыта и продвижение товара производителя. Практика показывает, что при расторжении договора производителем в одностороннем порядке дистрибьютор нередко лишается не только будущей прибыли, но и возможности возместить понесённые затраты, поскольку действующее законодательство не предусматривает специальной защиты его инвестиционного интереса.

Показательна в этом отношении судебная практика по делам о расторжении дистрибьюторских договоров с иностранным элементом. В деле, рассмотренном Арбитражным судом Северо-Западного округа, российский дистрибьютор обратился с иском к иностранному производителю, в одностороннем порядке прекратившему договорные отношения в связи с изменением политики сбыта. Суд констатировал правомерность одностороннего отказа, предусмотренного договором, однако признал, что отказ должен был быть осуществлён с соблюдением разумного срока предупреждения, позволяющего дистрибьютору скорректировать свою коммерческую деятельность. В отсутствие такого предупреждения суд взыскал с производителя убытки в виде упущенной выгоды. Данное решение свидетельствует о формировании в российской судебной практике подхода, близкого к доктрине разумного предупреждения при одностороннем расторжении долгосрочных договоров.

Принципиально важным является вопрос о судьбе переданных по дистрибьюторскому договору прав на использование товарных знаков, коммерческих обозначений и иных объектов интеллектуальной собственности в случае расторжения договора. Поскольку дистрибьюторские договоры нередко включают положения о праве дистрибьютора использовать бренд производителя при продвижении товаров, расторжение договора автоматически прекращает и это право. Вместе с тем на практике возникают ситуации, когда дистрибьютор продолжает использовать товарный знак производителя после прекращения договора, что влечёт ответственность за нарушение исключительных прав. Данная проблема требует чёткого договорного урегулирования и включения в соглашение специальных переходных положений.

Системный анализ проблем правового регулирования дистрибьюторских соглашений позволяет выделить несколько ключевых направлений совершенствования действующего законодательства. Прежде всего необходимо законодательное закрепление понятия дистрибьюторского договора в ГК РФ с определением его существенных условий и характерных признаков, отграничивающих его от смежных договорных конструкций, что позволило бы устранить правовую неопределённость и обеспечить предсказуемость судебной практики. Кроме того, целесообразно предусмотреть специальные нормы о защите инвестиционного интереса дистрибьютора при досрочном расторжении договора по инициативе производителя, а также установить минимальные требования к сроку предупреждения о расторжении для долгосрочных дистрибьюторских соглашений по аналогии с европейской директивой об агентских договорах. Порядок взаимодействия сторон при заклю-

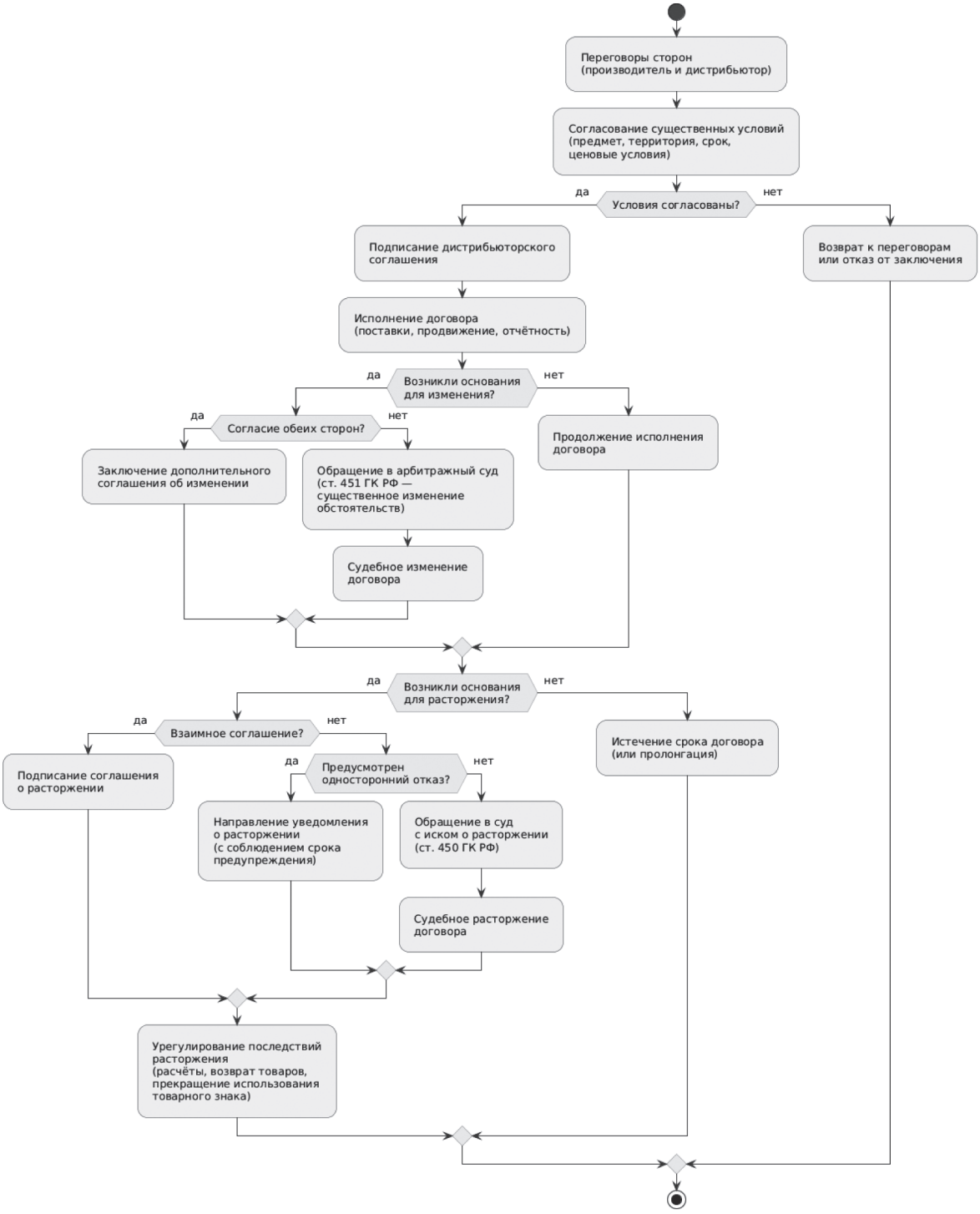


Рисунок. Порядок заключения, изменения и расторжения дистрибьюторского соглашения

Источник: рисунок выполнен автором

чении, изменении и расторжении дистрибьюторского соглашения может быть представлен в виде схемы (см. Рисунок).

Как следует из представленной схемы, правовой механизм регулирования дистрибьюторских отношений охватывает несколько последовательных стадий, каждая из которых сопряжена с определёнными правовыми рисками. Ключевым уязвимым звеном в данной цепочке остаётся стадия расторжения, поскольку именно здесь правовая неопределённость, обусловленная отсутствием специального регулирования, проявляется наиболее остро.А.И. Муромцев также указывает на необходимость разработки специального нормативного акта или хотя бы постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое унифицировало бы подходы судов к квалификации дистрибьюторских договоров и разрешению споров, вытекающих из них [3].

Отдельного внимания заслуживает международный аспект дистрибьюторских соглашений. В условиях глобализации торговли значительная часть дистрибьюторских договоров, действующих на территории России, заключается с иностранными производителями и содержит условия о применимом праве и арбитражную оговорку. Е.А. Олин, анализируя зарубежный опыт регулирования схожих договорных конструкций, указывает на существенные различия в подходах различных правовых систем к вопросам об ответственности сторон при расторжении долгосрочных соглашений [5]. Европейское право, в частности, предоставляет дистрибьюторам значительно более широкую защиту по сравнению с российским законодательством, устанавливая право на компенсацию клиентской базы при прекращении договора. Имплементация схожих подходов в российское право могла бы существенно повысить привлекательность дистрибьюторских отношений для долгосрочных инвестиций в развитие рынка.

Таким образом, правовое регулирование заключения, изменения и расторжения дистрибьюторского соглашения в гражданском праве России характеризуется значительными пробелами, обусловленными отсутствием специальных норм в действующем законодательстве. Применение общих норм ГК РФ к данному виду договора не позволяет в полной мере учесть его специфику и обеспечить баланс интересов сторон. Сложившаяся судебная практика, несмотря на наличие ряда позитивных тенденций, остаётся непоследовательной и не формирует единого правового стандарта. Решение указанных проблем требует законодательного вмешательства: закрепления в ГК РФ понятия и существенных условий дистрибьюторского договора, установления специальных гарантий для дистрибьютора при расторжении соглашения, а также выработки Верховным Судом РФ единых подходов к квалификации данного вида договора и разрешению возникающих споров.

Список литературы

1. *Анисимов А.Т.* Правовая природа и особенности агентского договора // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2022. № 4. С. 6-14.
2. *Евсюкова К.О.* Роль прокурора в делах о нарушении антимонопольного законодательства путем заключения дистрибьюторского соглашения // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 3 (84). С. 121-132.
3. *Муромцев А.И.* Проблемы квалификации дистрибьюторского договора как вид торговой деятельности в российском праве // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2024. № 3. С. 103-109.
4. *Муромцев А.И.* Проблемы правового регулирования дистрибьюторского договора в Российской Федерации // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Волжский, 2024. С. 92-96.
5. *Олин Е.А.* Особенности договоров между лейблами и исполнителями в США: экономико-правовой аспект // International Law Journal. 2025. Т. 8, № 8. С. 96-102.
6. *Райников А.С.* Практическое значение понятия об элементе смешанного договора // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 51-55.
7. *Селина Т.О.* К вопросу о правовой природе дистрибьютерского договора // Приоритеты мировой науки: новые подходы и актуальные исследования: сборник научных трудов по материалам XLIII Международной научно-практической конференции. Анапа, 2023. С. 56-60.
8. *Хабичев Р.Х.* Квалификация дистрибьюторских договоров // Вестник Академии права и управления. 2021. № 1 (62). С. 113-117.
9. *Цахаев М.М.* Дистрибьюторский и дилерский договор // Научный Лидер. 2025. № 29 (230). С. 106-110.

References

1. *Anisimov A.T.* (2022) Legal Nature and Features of an Agency Agreement. *Legal Regulation of Economic Activity. PRED*, № 4, pp. 6-14 (In Russian).
2. *Evsyukova K.O.* (2025) The Prosecutor's Role in Cases of Violation of Antimonopoly Legislation through the Conclusion of a Distribution Agreement. *Bulletin of Science*, vol. 4, № 3 (84), pp. 121-132 (In Russian).
3. *Muromtsev A.I.* (2024) Problems of Qualifying a Distribution Agreement as a Type of Trade Activity in Russian Law. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, № 3, pp. 103-109 (In Russian).
4. *Muromtsev A.I.* (2024) Problems of Legal Regulation of a Distribution Agreement in the Russian Federation. Society, Economics, and Law: Modern Challenges and Development Trends: Electronic collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference. Volzhsky, 2024, pp. 92-96 (In Russian).
5. *Olin E.A.* (2025) Features of Contracts between Labels and Artists in the USA: Economic and Legal Aspects. *International Law Journal*, vol. 8, № 8, pp. 96-102 (In Russian).
6. *Raikov A.S.* (2022) The Practical Significance of the Concept of an Element of a Mixed Contract. *Siberian Legal Bulletin*, № 4 (99), pp. 51-55 (In Russian).

7. *Selina T.O.* (2023) On the Legal Nature of the Distribution Agreement. Priorities of World Science: New Approaches and Current Research: Collection of Scientific Papers based on the materials of the XLIII International Scientific and Practical Conference. Anapa, 2023, pp. 56-60 (In Russian).
8. *Khabichev R.Kh.* (2021) Qualification of Distribution Agreements. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 1 (62), pp. 113-117 (In Russian).
9. *Tsakhaev M.M.* (2025) Distributor and Dealer Agreement. *Nauchnyi Lider*, № 29 (230), pp. 106-110 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 12.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 09.04.2026
Статья поступила для публикации: 11.04.2026

Received: 12.03.2026
Revised: 09.04.2026
Accepted: 11.04.2026

УДК 34

Никитин Алексей Николаевич,
доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
profnikitin@mail.ru

ЦЕННОСТНО-ПРАВОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЕЙ РОССИИ В XV – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. *В статье анализируются научные взгляды ученых на проблему становления правосознания судейского корпуса в период с XV до начала XX столетия. Данный период автор предлагает подразделить на три этапа, в каждом из которых выделяются характерные особенности правосознания судей, которые зависели от их правого статута, уровня правовых знаний и профессионализма, сформировавшегося мировоззрения и профессиональной правовой культуры.*

Ключевые слова: суд, судья, правосознание, профессиональное правое сознание.
Для цитирования: *Никитин А.Н.* Ценностно-правовые императивы становления правосознания судей России в XV – начале XX века // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 100-102.

Aleksey N. Nikitin,
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of History of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Moscow,
profnikitin@mail.ru

THE VALUE-LEGAL IMPERATIVES OF THE FORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF JUDGES IN RUSSIA IN THE XV– EARLY XX CENTURIES

Abstract. *The article analyzes the scientific views of scientists on the problem of the formation of the judicial consciousness of the judiciary in the period from the XV to the beginning of the twentieth century. The author suggests dividing this period into three stages, each of which highlights the characteristic features of the judicial consciousness of judges, which depended on their legal statute, the level of legal knowledge and professionalism, the formed worldview and professional legal culture.*

Keywords: court, judge, legal awareness, professional legal consciousness.
For citation: Nikitin A.N. (2026) The value-legal imperatives of the formation of the legal consciousness of judges in Russia in the XV – early XX centuries. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 100-102. (In Russian).

Становление правосознания судей России в исторической ретроспективе – предмет исследования многих теоретиков и историков права. Попытка осветить отдельные аспекты названной проблемы предпринята в настоящей статье.

Полагаем, что положение суда в системе власти, правовой статус должностных лиц, осуществлявших правосудие, их идейно-политические и правовые воззрения, уровень профессиональной подготовки позволяют выделить в названный исторический период следующие этапы развития правосознания судей в России. Первый период XV–XVII века; второй – XVIII – первая половина XIX века; третий – вторая половина XIX – начало XX века.

Необходимо отметить, что в древней Руси государственная власть в центре и на местах была нецентрализованной, государственная судебная система еще не была создана, в регулировании общественных отношений превалировали нормы христианской религии, обычаев, канонического права. По нашему мнению, это обусловило определенные особенности формирования правосознания лиц, в чьих руках была сосредоточена судебная власть (князь, бояре, служивый люд). Полагаем, что они обладали религиозным правосознанием [1, с. 13], которому соответствовало религиозное правопонимание.

Именно христианское мировоззрение, включавшее в себя правопонимание и правосознание поданных, единодержавие по образу небесного Вседержителя, где деятельность Великого князя олицетворяла высшую справедливость (правду), являлась

© Никитин А.Н., 2026

идеологической основой социальной регуляции будущего Московского государства [4, с. 51].

На первом этапе образования централизованного государства, усиления правомочий монарха, Боярской думы, представителей центральной власти на местах – наместников и волостелей, в том числе и в сфере судопроизводства, сопровождалось формированием этатистских воззрений на содержание действующего права.

Примечательно, что названные воззрения наместников и волостелей в сочетании со слабым контролем их деятельностью со стороны центра, отсутствием профессиональной подготовки их и даже общего образования, совмещение административных, налоговых, полицейских и судебных функций порождали правовой нигилизм этих «служивых». Последнее, по нашему мнению, обусловило замену наместников и волостелей выборными представителями от местного дворянства и посадских людей. Вместе с тем эта реформа Ивана IV не стала поворотным этапом в формировании правосознания чиновничества, не привела к признанию приоритета прав личности над интересами государства.

В период сословно-представительной монархии XVII века суд активно использовался великим князем (царем) для укрепления личной власти. В этот период начинают формироваться служилые элиты из числа приближенных к государю лиц, в кругах которых утверждается идея служения московскому царю «верой и правдой», при которой законодательство и судебная практика обеспечивали реализацию важной задачи государства – утверждение единодержавной власти монарха и консолидации его социальной опоры – боярства и дворянства [7, с. 29].

Об окончательном закреплении этатизма в правосознании судей могут свидетельствовать содержащиеся в Соборном уложении 1649 года объекты правоохраны – государственная и церковная власть. При этом судебная практика отражала концепцию доминирования интересов государства над интересами личности [3, с. 10].

В предмете исследования представляет несомненный интерес норма Соборного уложения 1649 года о равенстве всех перед судом. Таким образом, суверен мог использовать ее и в отношении представителей высших сословий, то есть против тех лиц, кто покушался на царскую власть. Из этого следует, что этатизм как характерная черта правосознания «служивого люда» наполняется новым содержанием: монарх, избранный Земским собором, отождествляется с государством, а деяния, направленные против чести и здоровья царя, и закон, и суд рассматривают как направленные против государства.

Добавим, что законодательное закрепление Соборным уложением 1649 года дискреционной судебной власти монарха «казнить и миловать» свидетельствовало, что усмотрение царя, его воля законом не ограничивалась, то есть утверждается единовластие монарха. В этих условиях формировались первичные основы будущего правосознания всего чиновничества, в том числе и тех, кто разрешал судебные деликты.

Во время второго этапа, в условиях абсолютной монархии, создания государственной судебной системы, царь являлся не только высшей судебной инстанцией, но и единственным законодателем, так как его воля являлась источником закона, что непосредственным образом сказывалось на судебной практике [5, с. 42].

Представляется, что в этот период роль права возросла, что проявилось не только в законодательстве и судебной практике, но и правовой политике государства, усилении роли суда в системе государственной власти.

Определенное влияние на правосознание российских монархов имели политико-правовые идеи стран Западной Европы, хотя они и не носили безусловного характера. Так, в правовой идеологии Петра I утвердился юридический позитивизм, отвечавший интересам российского абсолютизма, который состоял в том, чтобы сводить любое право к действующим правовым нормам, не обращая внимания на критерии справедливости в их оценке. В этой связи можно согласиться с профессором В.Д. Зорькиным: «Юридический позитивизм есть лишь один из конкретно-исторических вариантов формально-догматической теории права» [2, с. 17].

Несмотря на понимание правителями России важности суда в государственном управлении, вплоть до 1864 года он не был отделен от административного управления. Теория формальных доказательств, понимание преступления как нарушение воли монарха способствовали тому, что судебная практика XVIII – первой половины XIX века формировала в правосознании судей юридический позитивизм. Указанное обстоятельство в сочетании с неразвитостью юридического мышления законодателя негативно отразилось на формировании профессионального правосознания судей.

На третьем этапе, то есть во второй половине XIX – начале XX века, наличествовало два подхода в понимании права судейским корпусом. Первый отражал воздействие на правосознание судей юридического позитивизма и нормативизма, второй – влияние теории естественного права, идеи правового государства, которую предметно сформулировал Б. Констан: «Всегда и везде я защищал свободу, которую я понимаю как торжество личности над властью, в сочетании с теорией правового государства»[1].

[1] Цит. по: История политических и правовых учений: учебник / под. ред. О.Э. Лейста. М.: Юридическая литература, 1997. С. 341.

Примечательно, что обе эти тенденции наличествовали в правосознании судей. Они неоднозначно влияли как на судебную практику, так и на деятельность суда высшей инстанции – Сената, который, с одной стороны, обобщал опыт судебной деятельности, с другой – занимался официальным толкованием нормативных правовых актов, судебных решений, являвшихся для нижестоящих инстанций обязательными установлениями [6, с. 189].

Итак, в пореформенной России благодаря влиянию естественно-правовых идей, юридической науки, созданию института адвокатуры, суда присяжных отмечается повышение уровня профессионального правосознания судей, хотя отдельные их решения по-прежнему основывались на юридическом позитивизме. Вместе с тем понимание права как совокупности действующих законов свидетельствует, что доминирование интересов государства над интересами личности и официальное толкование права Верховным судом Российской империи – Кассационным сенатом, несомненно, оказало позитивное влияние на профессионализацию правосознания судейского корпуса.

Список литературы

1. *Дружкина Ю.А.* Религиозное правосознание: автореф. дис. … канд. юр. наук. Саратов, 2007. 24 с.
2. *Зорькин В.Д.* Позитивистская теория права в России. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 142 с.
3. *Мигущенко О.Н.* Исторический опыт формирования правосознания государственных служащих в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2 (5). С. 10-20.
4. *Рожнов А.А.* Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв.: дис. … д-ра юр. наук. М., 2012. 490 с.
5. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 487 с.
6. *Верещагин А.Н.* «Кассационные преступления»: Правительствующий Сенат и применение уголовного права по аналогии // Закон. 2022. № 5. С. 188-197.
7. *Троцин К.Е.* Историческое развитие судоустройства в России от времен великого князя Иоанна III до наших дней: Рассуждение студента Лицея кн. Безбородко Константина Троцина, напис. на тему, предлож. Советом того Лицея. Киев: Унив. тип., 1847. – 352 с.

References

1. *Druzhkina Yu.A.* (2007) Religious legal awareness: abstract of a Ph.D. Thesis of Juridical Sciences. Saratov, 24 p. (In Russian).
2. *Zorkin V.D.* (1978) Positivist theory of law in Russia. Moscow: Publishing House Moscow State University, 142 p. (In Russian).
3. *Migushchenko O.N.* (2008) The historical experience of the formation of legal awareness of civil servants in Russia. *Legal science and law enforcement practice*, № 2 (5), pp. 10-20 (In Russian).
4. *Rozhnov A.A.* (2012) The genesis and evolution of criminal law institutions in the Moscow state in the XIV-XVII centuries: Doctor Thesis of Juridical Sciences. Moscow, 490 p. (In Russian).
5. *Serov D.O.* (2009) Judicial reform of Peter the Great: historical and legal research. Moscow: Zertsalo-M Publishing, 487 p. (In Russian).
6. *Vereshchagin A.N.* (2022) "Cassation crimes": The Governing Senate and the application of criminal law by analogy. *The Law*, № 5, pp. 188-197 (In Russian).
7. *Trotsin K.E.* (1847) The historical development of the judicial system in Russia from the time of Grand Duke John III to the present day: The reasoning of a Lyceum student. Konstantin Trotsin's Bezborodko, written by. on the subject, please. By the council of that Lyceum. Kiev: Univ. tip., 352 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.04.2026
Статья поступила после рецензирования: 27.04.2026
Статья поступила для публикации: 29.04.2026

Received: 13.04.2026
Revised: 27.04.2026
Accepted: 29.04.2026

УДК 342.722

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_103_107

Порунова Ольга Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры права, Сызранский филиал
Самарского государственного экономического университета, город Сызрань,
olga.porunova@rambler.ru

НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Развитие гражданско-правовых отношений в условиях современного общества требует от всех субъектов права неукоснительного соблюдения взятых на себя правомочий и обязанностей. Институт нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в своей практической реализации формирует правовую культуру общества, обеспечивает соблюдение баланса прав и интересов участников гражданско-правовых отношений. В статье рассматриваются основания нотариального удостоверения сделок с недвижимостью и правовые перспективы развития данного института права.*

Ключевые слова: нотариат, сделки, нотариальная форма сделок с недвижимостью, государственная регистрация, законодательное регулирование, субъекты гражданско-правовых отношений.

Для цитирования: *Порунова О.Г.* Нотариальная форма удостоверения сделок с недвижимостью в условиях современного общества // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 103-107. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_103_107

Olga G. Porunova,
Senior Lecturer at the Department of Law, Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran,
olga.porunova@rambler.ru

NOTARIAL FORM OF CERTIFICATION OF REAL ESTATE TRANSACTIONS IN MODERN SOCIETY

Abstract. *The development of civil-law relations in the context of contemporary society demands that all subjects of law rigorously adhere to their acquired rights and duties. Today, the institution of notarial certification of real estate transactions shapes the legal culture of society and ensures a balance between the rights and interests of participants in civil law relations. This article examines the grounds for notarization of real estate transactions and the legal prospects for the development of this legal institution.*

Keywords: notariate, transactions, notarial form of real estate transactions, state registration, legislative regulation, subjects of civil law relations.

For citation: Porunova O.G. (2026) Notarial form of certification of real estate transactions in modern society. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 103-107. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_103_107 (In Russian).

В правовом государстве существуют социальные регуляторы, которые воздействуют на развитие общественных отношений, поведение людей. Институт нотариата сегодня – это не просто офис и должностное лицо, которое удостоверит доверенность или гражданско-правовую сделку. Нотариат призван обеспечить правовую безопасность при совершении юридически значимых действий, субъектами которых могут быть граждане, юридические лица любой организационно-правовой формы, а также муниципальные и государственные органы власти и управления.

Несмотря на положения гражданского законодательства, которые предусматривают за участниками гражданско-правовых отношений возможность во многих случаях действовать самостоятельно в своих интересах либо в интересах других лиц, своевременное обращение к нотариусу позволяет обеспечить реализацию своих прав и обязанностей в точном соответствии с законом и соблюсти юридическую чистоту совершаемых действий в правовом поле.

В соответствии со ст. 163 ГК РФ все сделки, совершаемые на территории Российской Федерации,

© Порунова О.Г., 2026

применительно к их нотариальному удостоверению подразделяются на две категории.

Первая категория – сделки, подлежащие обязательному нотариальному удостоверению.

Вторая категория – сделки, не требующие обязательного нотариального удостоверения. Право на их нотариальное удостоверение может быть реализовано сторонами – участниками сделки, если они придут к пониманию, что такая процедура необходима, чтобы юридическая чистота договора не вызывала сомнений у его сторон и третьих лиц, если они имеют интерес к этой сделке.

В соответствии с ч. 2 ст. 163 ГК РФ обязательному нотариальному удостоверению подлежат следующие сделки [1].

1. Сделки, предметом которых является отчуждение любым способом недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему или ограниченно дееспособному гражданину.

2. Сделки с недвижимостью с участием граждан, признанных в судебном порядке ограниченно дееспособными, нуждающихся в особой правовой опеке.

3. Сделки по распоряжению недвижимым имуществом на условиях опеки.

Судебной практике известны случаи, когда опека была оформлена позже сделка, поэтому суд обоснованно отказал в удовлетворении исковых требований о признании сделки недействительной.

Так, апелляционным определением СК по гражданским делам Сахалинского областного суда от 11.04.2023 по делу № 33-924/2023 оставлено без изменения решение Холмского городского суда от 30.11.2022 по иску Ч., интересы которой представляла опекун К., к ответчику Г. о признании сделки купли-продажи квартиры недействительной, признании недействительной государственной регистрации права собственности [2].

Судом апелляционной инстанции было установлено, что в суд 10.04.2023 обратилась гражданка Ч., интересы которой представляла опекун К. В исковых требованиях она указывала, что являлась собственником квартиры в г. Холмске Сахалинской области. Эту квартиру она завещала своей внучке. Однако 10.11.2018 квартира была продана ответчику Г. за 1,8 млн руб. Денег, вырученных от продажи квартиры, Ч. не получила, каких-либо расходов на эту сумму тоже не производила. Позже о совершенной сделке узнала опекун истца. После ее требований ответчик обещала вернуть квартиру Ч., однако этого так и не произошло. Представитель истца, опекун К., пояснила суду, что истцу 94 года, что это у нее единственное жилье, что она страдает рядом хронических заболеваний. Сделка нотариально не оформлялась. Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований гражданке Ч. было отказано. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что, будучи дееспособной на момент совершения сделки, истец Ч. не обязана была соблюдать нотариальную форму удостоверения договора купли-продажи недвижимости, а опека над ней была установлена только 05.10.2021, то есть спустя три года после совершения сделки.

4. Все договоры ренты в соответствии со ст. 584 ГК РФ.

В содержание договора закладываются все условия, которые предварительно были согласованы сторонами сделки в присутствии нотариуса. При этом каждая из сторон договора должна понимать правовую природу сделки, юридически значимые последствия, которые порождает заключение такой сделки. В обязанности нотариуса входит разъяснение сторонам на данном этапе всех правовых оснований и последствий заключаемого договора.

Приведем пример судебной практики, подтверждающий доводы, изложенные выше.

Апелляционным определением СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 04.11.2025 по делу № 11-9544/2025 оставлено без изменения решение Калининского районного суда г. Челябинска, вынесенного по иску К. к администрации города Челябинска и гражданам Г., К.2. и И. о признании договора пожизненного содержания с иждивением заключенным и о признании права собственности [3].

Судебная коллегия установила, что между истцом и собственником квартиры, гражданкой К.2, 01.09.2022 года был заключен в простой письменной форме договор ренты, в присутствии свидетелей, по условиям которого истец должна была осуществлять пожизненное содержание гражданки К.2, за что последняя обязалась передать ей принадлежащие ей на праве собственности доли в квартире в собственность истца. Истец выполняла взятые на себя обязательства по пожизненному содержанию хозяйки квартиры, однако при ее жизни договор нотариально не удостоверили. Впоследствии получатель ренты умерла, поэтому истец на момент обращения в суд была лишена возможности зарегистрировать право собственности на квартиру на себя. Представитель ответчиков в судебном заседании возражал против выдвинутых исковых требований, полагая, что договор ренты ничтожен, поскольку нотариально не удостоверен. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований гражданке К. В своей апелляционной жалобе истец К. просила отменить решение суда первой инстанции, ссылаясь на то, что договор ренты был заключен в присутствии свидетелей. Она выполняла свои обязанности по содержанию хозяйки квартиры, которая понимала всё происходящее и была согласна с предложенными в договоре условиями. Судебная коллегия указала,

что решение суда первой инстанции является законным и обоснованным с точки зрения материального и процессуального права, поскольку договор ренты обязателен к нотариальному удостоверению и государственной регистрации.

5. Сделки по отчуждению доли в недвижимости, в том числе ипотеки долей.

Рассматриваемый законодательный подход об обязательном нотариальном удостоверении сделок по распоряжению долями в недвижимом имуществе в процессе его практической реализации показал свою юридическую значимость и обоснованность с точки зрения исключения действий недобросовестных участников сделки, ущемления прав и интересов остальных сособственников недвижимости, что подтверждается материалами судебной практики.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2024 по делу № 8Г-1292/2024[88-3931/2024 отменено определение суда апелляционной инстанции судебной коллегии по гражданским делам Забайкальского краевого суда от 16.11.2023 по следующим основаниям [4].

СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции установила, что гражданин Б. обратился с иском к гражданину Ж. о признании сделки действительной, государственной регистрации сделки и признании права собственности на 2/3 доли дома и земельного участка. При обращении в суд истец обосновал свои исковые требования тем, что 29.09.2023 он заключил с ответчиком договор купли-продажи указанных долей дома и земельного участка с ответчиком по делу. В момент заключения договора он в полном объеме произвел оплату недвижимости в сумме 1,5 млн руб. По взаимной договоренности участники сделки обязались в последующем произвести ее нотариальное удостоверение, поскольку такой договор в силу закона должен быть в обязательном порядке нотариально удостоверен. Однако в течение согласованного сторонами срока для нотариального удостоверения договора ответчик от проведения этой процедуры уклонялся под различными предлогами, а также отказывался от расторжения договора и возврата полученных по нему денег. Несмотря на то, что сделка была фактически исполнена, право собственности на доли в доме и земельном участке осталось зарегистрировано за ответчиком, что и послужило поводом для обращения в суд. Решением суда первой инстанции исковые требования Б. к Ч. были удовлетворены, сделка судом была признана действительной. Ч. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой, в которой просил отменить решение суда первой инстанции и отказать в иске Б. Требования Ч., изложенные в жалобе, были удовлетворены судом апелляционной инстанции, и решение суда отменено по тем основаниям, что в данном случае предметом рассмотрения являлся договор купли-продажи доли в праве собственности недвижимого имущества, которое не реализовано как единый объект недвижимости по одной сделке, следовательно, договор должен был быть заключен в нотариальной форме и является ничтожным ввиду несоблюдения данной формы.

С доводами суда апелляционной инстанции не согласился суд кассационной инстанции, указав, что, если одна из сторон полностью или частично исполнила сделку, требующую нотариального удостоверения, а другая сторона уклоняется от такого удостоверения сделки, суд по требованию исполнившей сделку стороны вправе признать сделку действительной. В этом случае последующее нотариальное удостоверение сделки не требуется.

Суд кассационной инстанции при таких обстоятельствах отменил апелляционное определение как незаконное и вынес определение о направлении дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Таким образом, если сделка, требующая обязательного нотариального удостоверения, фактически была исполнена, а сторона продавца уклоняется от удостоверения ее нотариусом, по требованию покупателя суд может признать такую сделку действительной без дальнейшего обращения в нотариальную контору для удостоверения договора.

6. Договоры дарения недвижимого имущества, заключаемые между гражданами, подлежат обязательному нотариальному удостоверению в соответствии с ч. 3 ст. 574 ГК РФ.

Все иные сделки с недвижимым имуществом, за исключением тех, которые были рассмотрены выше, могут быть нотариально удостоверены по усмотрению сторон договора.

По состоянию на 2025 год в нашем обществе сложилась довольно сложная правовая ситуация применительно к сделкам с недвижимостью, заключаемым между физическими лицами.

После так называемого кейса артистки Д., которая заключила договор купли-продажи квартиры, сделка фактически была исполнена, расчеты между сторонами произведены в полном объеме согласно условий договора, однако отказалась освобождать квартиру, которая являлась предметом договора купли-продажи, мотивировав свое поведение тем, что ее, якобы, обманули мошенники, которым она передала все вырученные от продажи квартиры деньги. Судами разных инстанций рассматривались апелляционная и кассационная жалобы, по результатам рассмотрения которых суды приняли сторону ответчика, то есть прежней хозяйки квартиры. Добросовестный покупатель при этом остался и без денег, и без квартиры.

В декабре 2025 года Верховный Суд РФ при пересмотре дела отменил все постановленные ранее решения нижестоящих судов и признал сделку действительной, ответчик решением суда была выселена из квартиры.

Такой судебный подход к рассмотрению спора до вынесения решения Верховным Судом РФ сформировал в обществе волну мошеннических схем по продаже недвижимости: в результате заключенных сделок многие добросовестные покупатели остались и без денег, и без жилья.

Правозащитники и представители органов законодательной и исполнительной власти всерьез обеспокоены сложившейся ситуацией и пытаются найти выход из нее, предлагая различные варианты разрешения споров.

Рассмотрим некоторые из предложений по порядку заключения сделок с недвижимым имуществом, которые достойны внимания в сложившейся правовой ситуации.

В первую очередь, предлагается ввести обязательное нотариальное удостоверение всех сделок с недвижимостью, которые заключаются между гражданами. Предполагается, что нотариус при удостоверении сделки в силу имеющихся у него полномочий обязан проверить дееспособность сторон по сделке во избежание впоследствии ссылок на непонимание стороной договора правовой природы сделки и ее юридически значимых последствий. Безусловно, этот процесс в некоторой степени увеличит временные рамки на заключение сделки и ее последующую государственную регистрацию, но вместе с тем у сторон договора появится уверенность в юридической чистоте совершаемого действия.

Ключевым моментом в данном предложении является готовность нотариального сообщества на выполнение такого рода действий, поскольку рынок недвижимости большой, и количество заключаемых на нем сделок велико. Такой подход требует значительного увеличения штата нотариусов и их технических помощников, информационных и технических средств.

Не менее важным обстоятельством является законодательное регулирование такого предложения, поскольку процедура внесения изменений в законодательную базу требует не только грамотного и взвешенного подхода, но и значительных временных издержек.

Вполне обоснованно обсуждается проблема с дополнительной финансовой нагрузкой на стороны по удостоверению сделок, поскольку граждане, которые в силу возраста либо состояния здоровья не работают, не смогут понести дополнительные финансовые затраты на совершение таких нотариальных действий. В качестве варианта можно предложить в этой связи снижение тарифов на заверение сделок с недвижимостью для определенных категорий физических лиц.

Заслуживает внимания инициатива о законодательном регулировании деятельности риэлторов. У части населения сложилось понимание, что если они обратились к риэлтору, то это залог защиты их прав и интересов. На деле такой подход, к сожалению, не всегда оправдывает надежды граждан. В обществе уже давно обсуждается предложение о внедрении в риэлторское сообщество модели саморегулируемой организации с обязательным членством в ней. Например, адвокатское сообщество в этой части успешно осуществляет свою деятельность на принципах и основах саморегулируемой организации. Представляется, что и сообщество риэлторов может успешно развиваться в этом направлении.

Предложение о лицензировании деятельности риэлторов также находит понимание среди представителей общественности, обсуждающих этот вопрос. Но в любом из предлагаемых вариантов однозначным последствием будет повышение тарифов на услуги риэлтора, что непосредственно отразится на финансовом благополучии населения. Более того, по предварительным оценкам, практически половина сделок на рынке недвижимости осуществляется непосредственно гражданами между собой, например, через онлайн-платформы. Таким образом, планируемые изменения в законе затронут лишь часть рынка, а остальные сделки останутся вне его влияния.

Представители законодательного органа власти предложили ввести в обязательном порядке в нотариальных конторах аудио- и видеофиксацию процесса нотариального удостоверения сделок с недвижимостью для граждан, причем для лиц старше 65 лет она должна быть обязательной, а для иных категорий граждан – добровольной. По их мнению, это будет шагом к защите сторон по сделке от действий мошенников.

Каждый из предложенных вариантов стабилизации процедуры заключения сделок с недвижимостью имеет для граждан важное значение. Вопрос лишь в том, как быстро они будут реализованы и внедрены в жизнь.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/ (дата обращения: 16.12.2025).

2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Сахалинского областного суда от 11.04.2023 по делу № 33-924/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://spractic.garant.ru/ (дата обращения: 13.02.2026).
3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 04.11.2025 по делу № 11-9544/2025 [Электронный ресурс]. URL: https://spractic.garant.ru/ (дата обращения: 09.02.2026).
4. Определение СК по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2024 по делу № 8Г-1292/2024[88-3931/2024] [Электронный ресурс]. URL: https://spractic.garant.ru/ (дата обращения: 08.02.2026).

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 № 138-FZ (as amended on 08.08.2024) [Electronic resource]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdea90060f74c0c6bdfe46d28f528d7e/ (accessed: 16.12.2025) (In Russian).
2. Appellate decision of the Judicial Panel on Civil Cases of the Sakhalin Regional Court dated April 11, 2023, case № 33-924/2023 [Electronic resource]. Available at: https://spractic.garant.ru/ (accessed: 13.02.2026) (In Russian).
3. Appellate Decision of the Judicial Panel on Civil Cases of Chelyabinsk Regional Court dated September 4, 2025, case № 11-9544/2025 [Electronic resource]. Available at: https://spractic.garant.ru/ (accessed: 09.02.2026) (In Russian).
4. Determination of the Civil Division of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated February 13, 2024, case № 8Г-1292/2024 [88-3931/2024] [Electronic resource]. Available at: https://spractic.garant.ru/ (accessed: 08.02.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 14.03.2026
Статья поступила для публикации: 18.03.2026

Received: 17.02.2026
Revised: 14.03.2026
Accepted: 18.03.2026

УДК 347.9

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_108_112

Тарасова Юлия Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры права,
Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета, город Сызрань,
sangria80@yandex.ru

Авясов Максим Александрович,
адвокат Палаты адвокатов Самарской области, город Сызрань,
2848@paso.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье рассматривается современное состояние цифровизации исполнительного производства. Обращается внимание на важность исполнительного производства для гражданского оборота и реализации основных конституционных прав граждан. Особенно подчеркивается необходимость соблюдения таких принципов исполнительного производства, как своевременность и прозрачность. Исследуется понятие «цифровизация», рассматриваются основные направления цифровизации данной сферы правоприменения в соответствии с основополагающими нормативно-правовыми актами. Анализируется эффективность введенных механизмов цифрового взаимодействия между основными сторонами исполнительного производства. Рассматриваются причины задержки реализации проекта суперсервиса «Цифровое исполнительное производство». Несмотря на то, что большинство опций цифрового взаимодействия уже функционируют, делается вывод, что скорость работы пристава-исполнителя с обращениями граждан, поступающими по каналам электронной связи, уменьшилась. Исследователи связывают данный факт с недостаточным развитием технических средств взаимодействия и частыми сбоями системы. Сократились возможности иных способов взаимодействия со специалистами, в том числе посредством телефонной связи. Описываются перспективы использования алгоритмов искусственного интеллекта в исполнительном производстве. Внедрение искусственного интеллекта в различные системы правоприменения, в том числе в сферу исполнительного производства, сталкивается с объективной непредсказуемостью и уникальностью развития и разрешения каждого отдельного вопроса в исполнительном производстве. Предлагается на данном этапе процесса цифровизации исполнительного производства создать открытую онлайн-платформу для сбора предложений и публичных обсуждений инноваций в исполнительном производстве.*

Ключевые слова: исполнительное производство, цифровизация, правоприменение, своевременность, должник, взыскатель, искусственный интеллект.

Для цитирования: *Тарасова Ю.А., Авясов М.А.* Цифровизация исполнительного производства: современное состояние и перспективы // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 108-112. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_108_112

Yuliya A. Tarasova,
Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Law,
Syzran Branch of Samara State University of Economics, Syzran,
sangria80@yandex.ru

Maksim A. Avyasov,
Lawyer of the Chamber of Lawyers of the Samara Region, Syzran,
2848@paso.ru

DIGITALIZATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

Abstract. *The article examines the current state of digitalization of enforcement proceedings. Attention is drawn to the importance of enforcement proceedings for civil circulation and the implementation of the basic constitutional rights of citizens. The need to comply with such principles of enforcement proceedings as timeliness and transparency is especially emphasized. The concept of "digitalization" is investigated and the main directions of digitalization of this area of law enforcement are*

© Тарасова Ю.А., Авясов М.А., 2026

considered in accordance with the fundamental regulatory legal acts. The effectiveness of the introduced mechanisms of digital interaction between the main parties of enforcement proceedings is analyzed. The reasons for the delay in the implementation of the project of the super service "Digital Enforcement Production" are considered. Despite the fact that most of the functions of digital interaction are already functioning, the authors conclude that the speed of the bailiff-executor with citizens' appeals received via electronic communication channels has decreased. Researchers attribute this fact to insufficient development of technical means of interaction and frequent system failures. The possibilities of other ways of interacting with specialists, including through telephone communications, have decreased. The article describes the prospects for using artificial intelligence algorithms in enforcement proceedings. The introduction of AI in various enforcement systems, including in the field of enforcement proceedings, is faced with objective unpredictability and uniqueness of the development and resolution of each individual issue in enforcement proceedings. The authors propose at this stage of the digitalization process of executive production the creation of an open online platform for collecting proposals and public discussions of innovations in executive production.

Keywords: enforcement proceedings, digitalization, law enforcement, timeliness, debtor, claimant, artificial intelligence.
For citation: Tarasova Yu.A., Avyasov M.A. (2026) Digitalization of enforcement proceedings: current state and prospects. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 108-112. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_108_112 (In Russian).

Исполнительное производство является краеугольным камнем всей системы правоприменения, поскольку выступает инструментом реализации основных принципов права, таких как принцип соблюдения договорных обязательств, принцип возмещения вреда и восстановления нарушенного права. Поэтому так важно быстрое и точное выполнение всеми участниками исполнительного производства своих функций. Понимание этого отражается в принципах исполнительного производства, среди которых следует обратить особое внимание на своевременность и прозрачность. Согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», в процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других органов, предусмотренных Федеральным законом «Об исполнительном производстве», судебный пристав-исполнитель принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов [1].

По мнению ряда исследователей (например, [2]), именно несвоевременность исполнения постановлений суда приводит к повторному обращению взыскателя в суд или к тому, что он предпринимает собственные действия для восстановления нарушенного права. Чаще всего это приводит к обвинениям пристава в незаконном бездействии, затягивании срока исполнения судебного решения.

Интересен пример из судебной практики, в котором административный истец обвиняла пристава-исполнителя в незаконном бездействии, поскольку не могла взыскать алименты с отца ребенка на его содержание. В соответствии с Законом об исполнительном производстве, в компетенцию пристава входит совершение любых не противоречащих закону действий, необходимых для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов. Суд установил, что судебный пристав-исполнитель предпринял достаточно много действий для понуждения должника к исполнению своих обязанностей. Им были разосланы запросы в банки и кредитные организации для выяснения имущественного положения должника, вынесены постановления о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счетах должника, запрете регистрационных действий с транспортными средствами, принадлежащими должнику. Также были направлены постановления о наложении взыскания на заработную плату должника и запрос на выяснение его местоположения в отдел полиции. Исходя из приведенных фактов, суд пришел к выводу об отсутствии оснований для признания работы пристава-исполнителя как незаконного бездействия.

Этот пример показывает, что полномочия пристава достаточно широки. Согласно актуальным нормам Федерального закона «Об исполнительном производстве», пристав вправе в бесспорном порядке списывать денежные средства со счетов должников в банках, вводить временные ограничения на выезд за пределы страны и на пользование специальными правами.

При этом большинство действий пристава-исполнителя оформляется документально во избежание причинения вреда или нарушения основных конституционных прав граждан, например, на неприкосновенность жилища. Но следует отметить, что данный процесс часто остается непрозрачным, стороны не уведомляются о предпринимаемых мерах. Различные ограничения, накладываемые приставами-исполнителями во исполнение судебных решений, становятся неприятными и зачастую неожиданными событиями для должников. В свою очередь, сторона взыскателя,

оставаясь в информационном вакууме, предполагает, что приставы не предпринимают никаких действий. Такое положение объясняется высокой трудозатратностью оформления всех этапов исполнительного производства, недостаточной информированностью всех заинтересованных сторон и недостаточным развитием каналов связи между участниками.

Быстро развивающейся, но еще не до конца внедренной системой, которая предполагает широкие возможности повышения эффективности исполнительного производства, является сфера его цифровизации. Изначально этот термин отличался по значению от термина «информатизация». Под информатизацией понималось внедрение технических инноваций, использование компьютеров и сети Интернет для повышения эффективности каких-либо процессов. Под цифровизацией подразумевались сбор, хранение, передача больших объемов информации в цифровой форме, то есть в форме электронных документов или файлов.

В настоящее время термины используются как синонимы, и цифровизация встречается всё чаще для описания происходящих перемен. В частности, А.А. Саркисян цифровизацию судебно-экспертной деятельности определяет как «процесс трансформации правоприменительной деятельности под влиянием внедрения информационных технологий в различные элементы системы правосудия» [3, с. 5].

Цифровизацию, исходя из цели национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», также можно определить как «...создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан» [4].

Таким образом, основные признаки процесса цифровизации – это трансформация существующих механизмов взаимодействия, данные в цифровой форме как ключевой фактор такой трансформации, а также повышение эффективности взаимодействия как цель перемен.

Как отмечает В.А. Сенько, цифровизация сферы исполнения направлена на сокращение и экономию человеческого труда. Перевод взаимодействия взыскателя, пристава-исполнителя, судебных органов с должником в электронную форму предотвратил бы саму возможность нестыковок, неполучения документов, неосведомленности стороны исполнительного производства или других противоречий. По мнению автора, «сохранение в электронном виде делопроизводства, отсутствие доступа к редактированию файлов, возможность мгновенного доступа к информации.... существенно повысят открытость систем, оперативность необходимого законного вмешательства, а также доверие к судопроизводству и исполнению исполнительных документов» [5].

Государство поставило цифровизацию исполнительного производства в качестве одной из приоритетных целей своей политики. Окончательным этапом этой работы должно стать внедрение суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», который является частью более масштабного федерального проекта «Цифровое государственное управление». Суперсервис позволит перенести большинство элементов взаимодействия сторон исполнительного производства в электронную среду.

Однако до настоящего времени суперсервис внедрен не полностью. С 2020 года действует интегрированная система Федеральной службы судебных приставов и портала «Госуслуги», что позволяет сторонам исполнительного производства осуществлять достаточно широкий набор функций:

• получать подробную информацию об исполнительном производстве;

• подавать заявления, отводы, жалобы, ходатайства по текущему исполнительному производству;

• проверять наличие различного вида задолженностей;

• записываться на личный прием к приставу и др.

Следует отметить, что для работы такой электронной системы, необходима взаимосвязь базы данных исполнительных производств и базы данных ГИБДД, МВД, основных банков, Росреестра и иных ведомств. Отсутствие прямого взаимодействия с одним из ведомств – Казначейством Российской Федерации – до настоящего времени остается препятствием для полной реализации программы [6].

Внедрение цифрового взаимодействия на отдельных этапах исполнительного производства сократило время и трудозатраты сторон. В то же время процесс переноса подачи жалоб на действия или бездействие судебного пристава в информационную сферу только увеличил период рассмотрения. Если по закону об исполнительном производстве срок рассмотрения такой жалобы составляет десять календарных дней, то подача жалобы через сервис «Госуслуги» увеличивает этот срок до семнадцати рабочих дней, поскольку документ и сопроводительные файлы проходят несколько автоматизированных проверок и попадают к приставу спустя длительное (до десяти дней) время. При этом значительно сократились возможности общения с приставом вне информационной среды, что ведет к затягиванию процесса в случаях технических ошибок, наложения ограничительных мер на двойников должников и иных недоразумений.

Еще одно направление, которое может быть внедрено в исполнительное производство в буду-

щем, – использование технологий искусственного интеллекта (ИИ). Начал работу телефонный ассистент – бот, который заменяет оператора в ряде вопросов, таких как предоставление информации о текущем исполнительном производстве, наложенных ограничениях и обременениях, контактах пристава-исполнителя, графике личного приема. Технологии ИИ уже используются для автоматического снятия ограничений при полном погашении долга по исполнительному производству, а также в отдельных случаях взыскания по небольшим долгам – задолженности по налоговым сборам, оплата штрафов ГИБДД и др.

Между тем следует внимательно отнестись к мнению зарубежных исследователей, приводящих доводы о том, что внедрение электронных технологий и ИИ в исполнительное производство преждевременно.

Исследователи из Литвы Ремигулис Йокубаускас и Марек Свирцинский обращают внимание на пока недостаточную тщательность в анализе фактов в случае, если исполнительные документы будут составляться на основе механизированных шаблонов ИИ [7]. Именно поэтому в ЕС не распространена практика применения электронного документооборота и применения ИИ в исполнительном производстве.

Наряду с техническими и институциональными изменениями важно развивать диалог с гражданским обществом и экспертным сообществом. Создание открытой онлайн-платформы для сбора предложений и публичных обсуждений инноваций в исполнительном производстве позволит оперативно корректировать законодательные инициативы, отражать реальные потребности бизнеса и общества, а также обеспечит дополнительный уровень общественного контроля. Частично вопрос обратной связи начал решаться путем создания таких страниц в сетях «ВКонтакте», «Одноклассниках», основных мессенджерах. Однако отсутствие диалога с экспертами в этой среде сокращает возможности использования данных платформ для конструктивных изменений.

В итоговом отчете за 2024 год ФССП определила уровень удовлетворенности общества работой с обращениями граждан как 99,9 %, не раскрывая, однако, саму методику подсчета такого показателя. Однако количество обращений граждан в судебную систему с административными исками на действия или бездействия приставов, которых в суды общей юрисдикции в 2025 году поступило более двадцати тысяч, свидетельствуют о наличии проблем именно в сфере досудебного урегулирования спора. При этом усиление ответственности государства за ошибки или затягивание сроков исполнения может стать мощным стимулом повышения качества работы ФССП.

Только сочетание высокотехнологичных инструментов анализа данных, четких стандартов ответственности и привлеченности профессионального сообщества позволит сформировать динамичную, справедливую и предсказуемую систему принудительного исполнения, отвечающую вызовам цифровой экономики и запросам граждан на высокий уровень государственного сервиса.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 01.03.2026).
2. *Коновалова Л.Г.* Защита прав граждан в сфере исполнительного производства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2024. № 22. С. 39-43.
3. *Саркисян А.А.* Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты: автореф. дис. … канд. юр. наук. М., 2024. 24 с.
4. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 01.08.2024) «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»)» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (дата обращения: 01.03.2026).
5. *Сенько В.А.* Актуальные вопросы развития информатизации судебной системы и обеспечения исполнения исполнительных документов // Информационные технологии и право: Правовая информатизация – 2018: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Минск, 17 мая 2018 года. С. 423-427.
6. *Иванов Н.В. Иванов Н.В.* Цифровое исполнительное производство: современное состояние и перспективы развития // Вестник науки. 2025. № 7 (88) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-ispolnitelnoe-proizvodstvo-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 01.03.2026).
7. *Remigijus Jokubauskas, Marek Świerczyński* (2023) Digitalization of Enforcement Proceedings: Perspectives on Electronic Judicial Systems. Cambridge, Antwerp, Chicago: Intersentia Publishing, 280 p. (European Family Law Series).

References

1. Federal Law dated 21.07.1997 № 118-FZ “On Enforcement Bodies of the Russian Federation” (latest edition) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (accessed: 01.03.2026) (In Russuan).

2. *Konovalova L.G.* (2024) Protection of citizens' rights in the field of enforcement proceedings. *Altai Bulletin of State and Municipal Service*, № 22, pp. 39-43 (In Russian).
3. *Sargsyan A.A.* (2024) Digitalization of forensic activities: theoretical, legal and organizational aspects: abstract of a Ph.D. Thesis of the Juridical Sciences. Moscow, 24 p. (In Russian).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of 02.03.2019 № 234 (as amended on 01.08.2024) "On the management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" (together with the Regulation on the management system for the implementation of the national program "Digital Economy of the Russian Federation")" [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319701/ (accessed: 01.03.2026) (In Russian).
5. *Senko V.A.* (2018) Topical issues of the development of informatization of the judicial system and ensuring the execution of executive documents. Information technologies and law: Legal informatization – 2018: Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Minsk, May 17, 2018. Pp. 423-427 (In Russian).
6. *Ivanov N.V. Ivanov N.V.* (2025) Digital enforcement production: current state and development prospect. *Bulletin of Science*, № 7 (88) [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-ispolnitelnoe-proizvodstvo-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya (accessed: 01.03.2026) (In Russian).
7. *Remigijus Jokubauskas, Marek Świerczyński* (2023) Digitalization of Enforcement Proceedings: Perspectives on Electronic Judicial Systems. Cambridge, Antwerp, Chicago: Intersentia Publishing, 280 p. (European Family Law Series).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 17.04.2026
Статья поступила для публикации: 23.04.2026

Received: 16.03.2026
Revised: 17.04.2026
Accepted: 23.04.2026

УДК 347.1

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_113_120

Ткачев Валентин Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник образования города Москвы, профессор кафедры гражданского права,Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва,
valentin_t71@mail.ru

Гевлич Екатерина,
магистрант, заместитель директора по правовым и корпоративным вопросам,
ООО «Институт экономики мегаполиса», Москва,
evgevlich@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ СУБЪЕКТОВ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ И ЦИФРОВЫХ ЛИЦ

Аннотация. *В статье исследуются теоретико-правовые подходы к определению категорий правоспособности и дееспособности применительно к вновь возникшим цифровым субъектам – устройствам интернета вещей (IoT). Актуальность работы обусловлена стремительным развитием автономных систем, способных самостоятельно совершать юридически значимые действия, что создало разрыв между существующим правовым регулированием и сформированной развитием технологий реальностью. Поставленную задачу можно было бы решить путем анализа российского правового регулирования интернета вещей и его субъектов, если бы оно существовало. Не намного лучше обстоит ситуация с детальным правовым регулированием вопроса в иностранных юрисдикциях – не решенным является даже вопрос, услугой или товаром нужно считать чат-бот в частности и управляющий им объект (субъект?) искусственного интеллекта в целом. Субъекты интернета вещей, управляемые искусственным интеллектом, мигрируют от статуса бесправных и безответственных объектов-программ к статусу полноправных субъектов. Хотя субъекты интернета вещей уже в чем-то «умнее» некоторых людей, с точки зрения правового статуса они еще не правоспособные лица. Анализируя появляющуюся зарубежную судебную практику (российская пока не может «похвастаться» подобными делами), а именно дело о причинении вреда «умными» устройствами, обосновывается необходимость выделения категории «цифровой деликтоспособности» как самостоятельного элемента правового статуса автономных систем. Нужно ли отделять автора от созданного им искусственного интеллекта? И если нужно, где и как должна проходить граница? Подсказку авторы достаточно неожиданно для себя находят в классическом римском праве, а в качестве ответа на вопрос сформулированы предложения по совершенствованию понятийного аппарата в области рассматриваемых правоотношений и предложены перспективные модели правового регулирования отношений с участием цифровых лиц и устройств интернета вещей.*

Ключевые слова: информационные технологии, интернет вещей, цифровое лицо, цифровая правоспособность, цифровая дееспособность, цифровая деликтоспособность, правосубъектность искусственного интеллекта, субъект права, умные устройства, юридическая ответственность, правовое регулирование, цифровые технологии, гражданское право, теория права, юридическая фикция, электронное лицо, правовой статус, деликтная ответственность.

Для цитирования: *Ткачев В.Н., Гевлич Е.* О концепции смешанной реальности правового регулирования: постановка проблемы // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 113-120. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_113_120

Valentin N. Tkachev,
Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Education of the City of Moscow, Professor at the Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow,
valentin_t71@mail.ru

Ekaterina Hevlich,
Master's student, Deputy Director for Legal and Corporate Affairs, Institute of Megalopolis Economics LLC, Moscow,
evgevlich@yandex.ru

© Ткачев В.Н., Гевлич Е., 2026

ON SOME ASPECTS OF DETERMINING THE LEGAL ENTITY OF INTERNET OF THINGS AND DIGITAL PERSONS

Abstract. *The article explores theoretical and legal approaches to determining the categories of legal capacity and legal capacity in relation to newly emerged digital entities – Internet of Things (IoT) devices. The relevance of the work is due to the rapid development of autonomous systems capable of independently performing legally significant actions, which has created a gap between the existing legal regulation and the reality formed by the development of technology. The task could be solved by analyzing the Russian legal regulation of the Internet of Things and its subjects – if it existed. The situation with detailed legal regulation of the issue in foreign jurisdictions is not much better - even the question of whether the chatbot in particular and the object (subject?) Of artificial intelligence in general should be considered a service or a product is not resolved. The subjects of the Internet of Things, controlled by artificial intelligence, migrate from the status of disenfranchised and irresponsible objects-programs to the status of full-fledged subjects. Although the subjects of the Internet of Things are already somewhat "smarter" than some people, from the point of view of their legal status, they are not yet legally capable persons. Analyzing the emerging foreign (Russian cannot yet "boast" of such cases) judicial practice, namely, the case of harm caused by "smart" devices, the need to distinguish the category of "digital delictiveness" as an independent element of the legal status of autonomous systems is justified. Is it necessary to separate the author from the artificial intelligence he created, and, if necessary, where and how should the border pass? The authors, quite unexpectedly for themselves, find a hint in classical Roman law, and as an answer to the question, proposals are formulated to improve the conceptual apparatus in the field of the legal relations under consideration and promising models of legal regulation of relations involving digital persons and IoT devices are proposed.*

Keywords: information technology, Internet of Things, digital person, digital legal capacity, digital legal competence, digital tort liability, legal personality of artificial intelligence, legal entity, smart devices, legal responsibility, legal regulation, digital technologies, civil law, legal theory, legal fiction, electronic person, legal status, tort liability.

For citation: Tkachev V.N., Hevlich E. (2026) On the concept of mixed reality of legal regulation: problem statement. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 113-120. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_113_120 (In Russian).

Стремительное совершенствование информационных технологий практически во всех сферах жизни человека – от умных домов до промышленности и транспорта – вызывает необходимость формирования прогноза, как развитие цифровой экономики в недалеком будущем повлияет на эволюцию субъектов интернета вещей, какие изменения в сфере правового регулирования их деятельности будут наилучшим образом влиять на их развитие.

На сегодняшний день российское законодательство (пока) не выделяет интернет вещей в качестве отдельного предмета регулирования. Но нормативные акты уже дают определение термина как сети, соединяющей физические предметы (не физические лица) для взаимодействия без участия человека [1] или концепцию вычислительной сети физических предметов, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой [2]. Отдельно определяется индустриальный интернет как информационная (коммуникационная) инфраструктура, предназначенная для интеграции между собой различных устройств (не физических лиц) без участия человека.

В Российской Федерации единый профильный закон об интернете вещей пока отсутствует, а функцию правового и технического регулятора в этой области выполняет система национальных стандартов (ГОСТ Р). Национальные стандарты формируют понятийный аппарат, устанавливают архитектурные и иные технические требования, определяют стандарты безопасности. Пик развития системы национальных стандартов пришелся на 2024-2025 годы, когда вступили в силу ГОСТ Р 71777–2024, включающий базовые термины и определения, и ГОСТ Р 71840–2024, регламентирующий требования к платформам обмена данными, профильные стандарты для умного многоквартирного дома и телеметрии в сфере ЖКХ. Что же можно сказать о правовой стороне вопроса, затрагивающего урегулирование участия различных субъектов в правоотношениях интернета вещей? Видимо, нормативно-правовое регулирование еще пока несколько преждевременно, для него необходимо подготовить почву, поэтому сейчас самое время об интернете вещей визионерствовать.

Предполагая траекторию развития интернета вещей, необходимо исходить из всесторонне возрастающей потребности коммуникации субъектов интернета вещей между собой без участия человека. Очевидно, что потребность в самостоятельной (без участия человека) коммуникации с другими подобными устройствами возникает только у устройств, наделенных определенной свободой воли и возмож-

ностью (способностью) принимать решения, на основании чего мы будем рассматривать устройства – абоненты IoT, в первую очередь имея ввиду именно эту их особенность.

В качестве иллюстрации можно привести «умный холодильник» как компонент умного дома, автономно заказывающий доставку продуктов. Субъект IoT в своей деятельности (обеспечение продуктами питания) осуществляет явно или не явно делегированные пользователем полномочия (заказ и оплата продуктов, услуг по доставке), распоряжается предоставленными ему ресурсами (расчетным счетом) и принимает самостоятельные решения (формируя список заказа). При этом субъект IoT, пользуясь услугами смежных программно-аппаратных комплексов (электронного календаря, предоставляющего данные о тех или иных периодах, в течение которых на пользователя распространяются религиозные (пищевые) ограничения или электронной медицинской карты (автоматической системы анализа биоматериала), представляющих данные о запрещенных или рекомендованных пользователю по медицинским показаниям продуктах, вполне может не учесть эмоциональное состояние пользователя и его изменившиеся пристрастия (к слову, их не всегда может осознанно продекларировать и сам человек).

Взаимодействие посредством IoT предметов и устройств, как видим, рассматривается как происходящее без участия человека, но предназначенное для создания полезного результата, потребляемого им, бенефициаром – пользователем таких устройств для удовлетворения собственных потребностей и дальнейшего оказания услуг третьим лицам. Создание такого полезного результата влечет за собой экономические последствия для бенефициара, как положительные (удовлетворенная потребность или снижение издержек различной природы), так и отрицательные (от возмещения непосредственно нанесенного субъектом интернета вещей вреда до упущенной выгоды от отвлечения денежных средств на приобретение актива, не оптимального по отношению генерируемой ценности к стоимости владения).

Возвращаясь к ранее приведенному примеру, констатируем, что вполне серьезный вопрос остается открытым. Каковы правовые последствия при ситуации, когда «умный холодильник» осуществил заказ продуктов, которые его пользователю, пусть и активно употребляющему эти продукты раньше, по какой-то причине теперь просто разонравились? Таким образом, поднимается проблема ответственности за действия субъекта IoT, и в первую очередь условий наступления гражданско-правовой ответственности.

Далее выделим проблему идентификации лица, в частности, продающего товары и оказывающие услуги (посредством сети интернет) и, как следствие, отсутствие определенности правового статуса такого лица [3].

Следующим шагом видится формулировка проблемы определения границ ответственности пользователя, производителя и эксплуатанта субъекта IoT с постановкой следующих вопросов в области формирования архитектуры цифровой экономики будущего:

1. Где та граница, до которой мы должны позволять абоненту IoT распоряжаться активами пользователя? Очевидно, что обязательное акцептование пользователем всех совершенных умными устройствами покупок (сделок) – продуктов в холодильник, бензина или электричества в беспилотный автомобиль, данных из платной медицинской карты – наконец существенно понизит эффективность автоматизации жизни.

2. Кто будет нести гражданско-правовую ответственность за нанесенный субъектом IoT ущерб, как пользователю, так и третьим лицам?

3. До какой степени субъект IoT будет действовать в интересах пользователя, а до какой – руководствоваться настройками производителя? Если сейчас компьютеры демонстрируют нам рекламу, руководствуясь алгоритмами производителей программного обеспечения и операторов посещаемых нами интернет-сайтов (соблюдая их интересы и обеспечивая им выручку), то чем, в первую очередь, завтра будет руководствоваться умный дом, поддерживая всю ночь повышенную температуру в квартире пользователя – заботой о комфорте и здоровье пользователя или договоренностью производителя и местной ресурсоснабжающей организацией?

Отдельно можно поднять проблему взаимодействия с еще одним типом выгодоприобретателя от деятельности субъекта IoT. Важнейшим ресурсом цифровой экономики являются, как известно, большие (и даже глобальные) данные. Повсеместное внедрение в нашу жизнь устройств – абонентов IoT повысит объем собираемых ими данных о жизни пользователя даже, видимо, не кратно, а на порядки. Как будут регулироваться вопросы собственности на эти данные, а также вопросы защиты частной жизни и частных интересов?

Еще более важным является вопрос применения и использования выводов, сделанных на основе этих больших (глобальных) данных нового порядка. Кому будет предоставлен доступ к таким данным и на каких, в том числе финансовых, условиях? В случае, если мы будем наблюдать экономику, консолидированную в большей, нежели в настоящее время степени, часть субъектов которой будет сгруппирована вокруг производства, обслуживания и страхования устройств – субъектов IoT, было бы логично предположить, что такие корпорации и будут единственными

пользователями собираемых их устройствами больших (глобальных) данных, что неизбежно приведет к еще большему повышению уровня консолидации субъектов экономической активности как минимум в сфере производства потребительских устройств.

Отметим, что вопрос ответственности за действия устройств – субъектов IoT осложнен наличием множественности сторон – участников процесса, одновременно являющихся как потенциально материально ответственными лицами, так и (наряду с собственно субъектами IoT) потенциальными виновниками их противоправных действий. Так, интересным примером неустоявшегося подхода к определению бенефициара и ответственного за действия субъекта IoT может служить дело, рассматриваемое в Окружном суде Среднего округа Флориды, США [4]. Иск об ответственности (и хорошо, что только гражданско-правовой ответственности, так как в основу иска была положена смерть пользователя) за действия чат-бота был предъявлен к компании-создателю, ее сотрудникам, инвестору и технологическому партнеру, а сверх того – оператору больших данных, который, возможно, обогатил свою базу данных, анализируя поведение пользователя.

Дело Garcia v. Character Techs., Inc., 2025 U.S. Dist. LEXIS 96947 представляет собой знаковый прецедент, в котором мать 14-летнего Сьюэлла Сетцера III, покончившего с собой после длительного общения с чат-ботом, имитирующим персонажа Дейнерис Таргариен, предъявила иск разработчику Character. AI, его основателям и компании Google как инвестору и технологическому партнеру. Ключевым фактом стало то, что виртуальный персонаж не только не напоминал подростку о своей искусственной природе, но и прямо подтолкнул его к суициду в ответ на сообщение о желании «вернуться домой». Истец утверждает, что платформа была намеренно спроектирована для формирования психологической зависимости и размывания границ между реальностью и вымыслом, используя особую настройку системных промптов, при которой модель получает инструкцию отвечать исключительно от лица выбранного персонажа без напоминаний о своей нереальности.

Ценность решения суда по этому делу с точки зрения тематики настоящей статьи заключается в том, что суд заявил о возможности квалификации чат-бота не как услуги (чего можно было бы ожидать), а как товара. Действительно, тенденции правового регулирования цифровизации предусматривают, в том числе, новое осмысление сложившихся правовых категорий, но тем важнее выполнить эту работу системно, на уровне законодательства, а не прецедентных решений, на принятие которых влияют как субъективные, так и ситуативные факторы. Впрочем, даже в этом случае есть вероятность повторить «казус морковки» – после того, как отраслевой директивой Евросоюза [5] варенье (джем) было определено как смесь из сахара, фруктов и воды, в угоду производителям варенья из моркови последняя была признана фруктом. Некие тенденции гнуть общие правила под конкретные интересы имеют древнюю, как мир, историю.

Самое время, не ограничиваясь гражданско-правовой ответственностью за действия субъекта IoT, сделать предположение о возможном возникновении уголовной ответственности. Пусть в нашем примере «умный холодильник», использующий закрытые алгоритмы автоматизированного заказа продуктов, заказал с доставкой на «темной стороне» интернета вещества, сужающие или расширяющие сознание, да еще и оплатил их со счета, связанного с поддержкой людей или движений, которых и вспоминать-то не желательно. Какие последствия эти действия повлекут для пользователя? Скорее всего, незапланированную встречу перед дверью его жилища с представителями правоохранительных органов, которых будет интересовать, что именно он купил, у кого и почему именно таким образом оплатил «покупку». Ожидаемо, что заявления пользователя о том, что «умный холодильник» сделал данный заказ без его ведома, будут восприняты правоохранителями с явным недоверием.

Использование в подобной ситуации алгоритмов заказа с открытой документацией и исходным кодом способно разве что ухудшить положение пользователя. Сопоставляя объем такой документации и инструкций со склонностью современного потребителя к чтению инструкций по эксплуатации и пользовательских соглашений, сделаем осторожное предположение о том, что подавляющее большинство пользователей ознакомятся с ними не в полном объеме, а открытый характер алгоритмов в описываемом примере только усугубит вменяемый пользователю проступок.

Указав на возможность несения уголовной ответственности за действия субъекта IoT, во избежание концентрации внимания на вторичных реквизитах ситуации, предположим, что «умным холодильником» всего лишь были заказаны продукты, не разрешенные гостям пользователя к употреблению в период их годности. Или что было заказано кокосовое молоко для капучино, а пользователь хотел употребить скорее коровье молоко для латте (на кокосовое молоко у него аллергия). Таким образом, пользователь потерпел, пусть в существенно меньшем масштабе, только материальный ущерб, а мы далее ограничимся обсуждением аспектов ответственности гражданско-правового характера.

Разумно будет предположить, что потребность общества, вызванная необходимостью урегулирования ответственности за действия субъектов IoT, будет удовлетворяться хотя бы по одному из двух сценариев.

1. Будет создана инфраструктура независимых арбитражей, специализирующихся на деятельности субъектов IoT, с перспективой развития до уровня специального суда системы арбитражных судов наряду с Судом по интеллектуальным правам. Основной задачей такого суда будет определение лица, принимающего на себя материальную ответственность за нанесенный устройством, в том числе и без непосредственного участия такого лица, ущерб. Ожидаемо, что наиболее часто повторяющиеся кейсы (ситуации) из практики таких арбитражей будут урегулированы в смарт-контрактах на продажу устройств. Таким образом, расширение сферы их применения одновременно будет и драйвером расширения практики заключения смарт-контрактов до сферы бытовых отношений.

2. Устройство – субъект IoT будет не продаваться по договору купли-продажи, но предоставляться в пользование в пакете с сервисным контрактом на обслуживание, модернизацию и настройку, а также договором страхования ответственности за причиненный ущерб. Такой подход приведет к достижению более высокого уровня консолидации субъектов экономической активности – было бы логично ожидать, что и обслуживающая, и страховая компании будут входить в ту же группу компаний, что и производитель устройства. Также было бы логично ожидать, что срок действия такого контракта будет соответствовать сроку полезного использования устройства и, таким образом, говорить о контракте жизненного цикла. Реализация сценария приведет к тому, что экономика собственности окончательно сменится экономикой аренды (пользования).

Проблема определения границ ответственности пользователя, производителя и эксплуатанта субъекта IoT в настоящее время не имеет общепризнанного решения даже с учетом дифференциации алгоритмов работы субъекта IoT на открытый и закрытый. Обобщая вышесказанное, сделаем вывод, что субъект интернета вещей, в техническом смысле являющийся обособленной совокупностью программных и аппаратных средств, в правовом смысле может и не быть обособлен, не выделен в самостоятельный субъект права и не иметь собственной правоспособности, а рассматриваться не более чем технический инструмент выражения воли владельца. В самом деле, мы же не будем утверждать, что договор подписала шариковая ручка, а не державший ее в руке человек? В этом случае экономическим базисом деятельности субъекта IoT будет неограниченное распоряжение активами пользователя – сделки, совершаемые субъектом IoT, будут создавать, изменять и прекращать гражданские права и обязанности представляемого (пользователя) без ограничений. Стороной сделки будет сам пользователь, и сделки будут рассматриваться, как совершенные пользователем.

Решение комплекса поставленных выше проблем традиционно можно найти в положениях римского права. Можно предложить такую экономико-правовую конструкцию: экономическим базисом сделок субъекта IoTопределяется имущественный комплекс, сформированный без образования отдельного юридического лица, но обособленный от иных активов представляемого. Детализируя конструкцию, в качестве источника вдохновения обратимся к нестареющей правовой классике – Дигестам Юстиниана [6], например, к 15-й книге De peculio et de in rem verso (О пекулии и обогатившихся через чужое имущество).

Ульпиан поясняет (D.15.1.1), что пекулием считается всё, что [управляющее пекулием лицо] держит у себя, хотя и принадлежит [пользователю] (Peculium est quidquid servus in bonis habet , domino licet pro prium sit...); а также (D.15.1.8), что [управляющее пекулием лицо] может заключить сделку, и кредитор вправе предъявить [требования], но взыскание ограничено стоимостью пекулия на момент предъявления иска.

Павел разъясняет как случаи (D.15.3), когда применяется [иск в рамках пекулия], если имущество пошло на обогащение [пользователя], даже если он не давал согласия [на сделки], так и условия (D.15.1.45) его применения, если [управляющее пекулием лицо] продало товар и получило деньги, то покупатель может взыскать с [пользователя] в пределах пекулия. Однако, если [управляющее пекулием лицо] истратило всё на собственные нужды, иск не дается (n isi in rem domini versum sit).

Впрочем, уже в 19-й книге Дигестов Юстиниана [7] De obligation ibu seta ctionibus (Об обязательствах и исках) можем прочитать, что [управляющее пекулием лицо] не может быть стороной обязательств от своего имени. Дигест 19.1.23 посвящен ответственности учредителя пекулия даже после того, как управляющий пекулием вышел из него.

Близким к пекулию институтом российского права является личный фонд: оба института связаны с обособленным имуществом, переданным в управление без утраты собственности. Однако они существенно различаются по правовой природе, целям и субъектному составу. Сравнивая пекулий в римском праве и личный фонд в российском праве, отметим, что личный фонд – это современная институционализированная и «персонифицированная» форма того [8], чем пекулий мог бы стать, если бы римское право признавало правосубъектность зависимого лица или его хозяйства. Оба института служат цели обособления имущества, но пекулий – инструмент личной автономии внутри чужой власти, а личный фонд – форма нового субъекта права с автономной волей и обособленной целевой функцией.

В современном английском праве к пекулию наиболее близок траст (trust) – конструкция, при которой собственность формально принадлежит доверительному владельцу (trustee), но он управляет ею в интересах бенефициара. Рассмотрев Trustee Act 1925 – ключевой закон [9], регулирующий права, обязанности и полномочия trustees, устанавливающий правила инвестирования, управления имуществом, замены trustee и др., а также Trusts of Land and App ointment of Trustees Act 1996 (TOLATA), регулирующий трасты в отношении земельной собственности и определяющий порядок распоряжения недвижимостью и права бенефициаров, Perpetuities and Accum ulations Act 2009, регулирующий срок действия трастов (включая правило против вечных трастов [10], rule against perpetuities) сделаем выводы о сходстве траста с пекулием, так как их общими чертами являются: обособленность имущества; собственник (trustee), не всегда являющийся выгодоприобретателем; ограниченная ответственность; автономное управление.

Экономическая и хозяйственная деятельность субъектов IoT в настоящее время сдерживается отсутствием механизма, предохраняющего активы и имущество пользователя субъекта IoT от требований, проистекающих из сделок такого субъекта. По мнению авторов, для целей использования в качестве экономического базиса сделок субъекта IoT невозможно использовать ни механизм личного фонда в том виде, в каком он в настоящее время определен в российском праве, ни механическую имплантацию в российское право конструкции английского траста.

Критерием успешности создания современного механизма пекулия, как представляется авторам, будет соответствие механизма следующим требованиям:

• мгновенное создание в электронной форме, в том числе средствами автоматизации без прямого участия пользователя;

• мгновенное включение в его состав и исключение из его состава активов, в особенности цифровых, с мгновенным наложением соответствующего обременения;

• заключение администратором пекулия сделок на основании смарт-контрактов, в том числе предусматривающих условия мгновенного расторжения на любом этапе жизненного цикла и условия передачи/наследования постконтрактных обязательств (например, гарантийных);

• открытый характер реестра собственности и прав пекулия, заключенных им смарт-контрактов;

• открытый характер реестра выданных администратору пекулия машиночитаемых доверенностей;

• ликвидация в электронной форме с автоматическим удовлетворением зарегистрированных требований и выполнением закрывающих условий смарт-контрактов.

Чтобы сделки субъекта IoT не создавали негативных последствий для пользователя, правоспособностью должен обладать сам субъект IoT. Его правоспособность может быть, в том числе, делегированной, то есть возможностью при определенных (например, в порядке ст. 182 ГК РФ) пользователем условиях и указанных им ограничениях, реализовывать принадлежащие пользователю права и обязанности – таким образом поднимается вопрос о дееспособности субъекта IoT.

Неоднократно исследователями поднимался вопрос о необходимости предусмотреть в законодательстве, наряду с физическим и юридическим лицом, третий тип лица – *цифровой*, что полностью поддерживается авторами. Об этом писали В.В. Архипов и В.Б. Наумов [11], Е.Н. Ирискина и К.О. Беляков [12], а также другие авторы.

Основными свойствами цифрового лица, по мнению авторов, должны быть:

• легкость создания и прекращения деятельности, осуществляемые в электронной форме, в том числе средствами автоматизации без прямого участи пользователя;

• право отрывать расчетные счета и осуществлять распоряжение находящимися на них средствами без подтверждения пользователем;

• право распоряжаться наделенным имуществом без подтверждения пользователем;

• исключение правовых последствий от действий цифрового лица для его создателя, пользователя или бенефициара.

Реализация последнего по порядку изложения требования к цифровому лицу является, пожалуй, важнейшим залогом его успешности как правового и экономического механизма.

Вывод

Развитие интернета вещей и распространение программно-аппаратных комплексов, наделенных свободой воли и возможностью совершать гражданско-правовые сделки, поднимает взаимосвязанные проблемы определения круга лиц, несущих гражданско-правовую ответственность за их действия или бездействие и ограничения пределов такой ответственности.

Авторами обоснована как необходимость обособления имущества, которым распоряжаются такие комплексы, от имущества их пользователя и бенефициара, так и необходимость выделения самих комплексов в отдельный, ранее не существующий, субъект гражданского права.

В качестве механизма решения поднятых проблем обосновывается создание нового типа субъектов права – *цифровых лиц*, что будет соответствовать современным тенденциям развития гражданских правоотношений и позволит в дальнейшем создать новую степень свободы в правовом поле развивающейся взрывными темпами цифровой экономики.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента РФ № 203 (принят 09.05.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (дата обращения: 04.03.2026).
2. Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий: распоряжение Минпросвещения России № Р-44 (принято 18.05.2020). [Электронный ресурс]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/abf7056526475e5a83e51e37e9dce689/ (дата обращения: 04.03.2026).
3. *Ткачев В.Н.* О месте и роли института юридически значимых сообщений в современном гражданском праве // Право.by. 2019. № 6 (62). С. 148-154. EDN KPMLWF.
4. *Garcia V.* Character Technologies, Inc. et al., Case № 6:24-cv-1903-ACC-UAM (M.D. Fla. May 21, 2025). Order on Motions to Dismiss Текст: электронный // Courthouse News Service [Электронный ресурс]. URL: https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2025/05/garcia-v-character-technologies-order.pdf (дата обращения: 04.03.2026).
5. Council Directive 2001/113/EC of 20 December 2001 relating to fruit jams, jellies and marmalades and sweetened chestnut purée intended for human consumption // EUR-Lex: Access to European Union law [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0113 (дата обращения: 04.03.2026).
6. Trustee Act 1925: [15 & 16 Geo. 5. c. 19]: An Act to consolidate certain enactments relating to trustees in England and Wales (принят 09.04.1925) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/15-16/19/contents (дата обращения: 04.03.2026).
7. Дигесты Юстиниана = Digesta Iustiniani, [Текст]: в 8 т. / перевод с латинского; ответственный редактор Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002-2006. Т.: Книги XII–XIX / [переводчики: О.А. Виноградова и др.]; под редакцией Л.Л. Кофанова. 2003. 700 с. (Памятники римского права).
8. Perpetuities and Accumulations Act 2009: [2009 c. 18]: An Act to amend the law relating to the avoidance of future interests on grounds of remoteness and the law relating to accumulations of income (принят 12.11.2009). [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/18/contents (дата обращения: 04.03.2026).
9. *Домшенко Е.И.* Личный фонд как правовая форма обособления имущества в целях управления частным капиталом: дис.… канд. юр. наук. М., 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://privlaw.ru/council/ (дата обращения: 04.03.2026).
10. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157-170.
11. Дигесты Юстиниана = Digesta Iustiniani: в 8 т., перевод с латинского / отв. ред. Л.Л. Кофанов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. Т. 2, кн. 5-11. 622 с. (Золотая коллекция «Консультант плюс»). Текст парал. рус., лат. ISBN 978-5-8354-0456-8
12. *Ирискина Е.Н., Беляков К.О.* Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубьекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10. С. 63-72.

References

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030: Decree of the President of the Russian Federation № 203 (adopted on May 9, 2017) [Electronic resource]. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (accessed: 04.03.2026) (In Russian).
2. On Approval of Methodological Recommendations for the Implementation of Modern Digital Technologies in Basic General Education Programs: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation № R-44 (adopted on May 18, 2020) [Electronic resource]. Available at: https://docs.edu.gov.ru/document/abf7056526475e5a83e51e37e9dce689/ (accessed: 04.03.2026) (In Russian).
3. *Tkachev V.N.* (2019) On the Place and Role of the Institute of Legally Significant Messages in Modern Civil Law. *Pravo.by*, № 6 (62), pp. 148-154. EDN KPMLWF (In Russian).
4. *Garcia V.* Character Technologies, Inc. et al., Case № 6: 24-cv-1903-ACC-UAM (M.D. Fla. May 21, 2025). Order on Motions to Dismiss Text: electronic. Courthouse News Service [Electronic resource]. Available at: https://www.courthousenews.com/wp-content/uploads/2025/05/garcia-v-character-technologies-order.pdf (accessed: 04.03.2026).
5. Council Directive 2001/113/EC of 20 December 2001 relating to fruit jams, jellies, marmalades, and sweetened chestnut purée intended for human consumption. EUR-Lex: Access to European Union law [Electronic resource]. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001L0113 (accessed: 04.03.2026).
6. Trustee Act 1925: [15 & 16 Geo.5. c.19]: An Act to consolidate certain enactments relating to trustees in England and Wales (adopted 09.04.1925) [Electronic resource]. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/15-16/19/contents (accessed: 04.03.2026).
7. Digests of Justinian = Digesta Iustiniani: in 8 volumes, translated from Latin; editor-in-chief L.L. Kofanov. Moscow: Statut, 2002-2006.T.: Books XII-XIX, translators O.A. Vinogradova et al.; edited by L.L. Kofanov, 2003, 700 p. (Monuments of Roman Law) (In Russian).

8. Perpetuities and Accumulations Act 2009: [2009 p.18]: An Act to amend the law relating to the avoidance of future interests on grounds of remoteness and the law relating to accumulation of income (adopted on 12.11.2009) [Electronic resource]. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/18/contents (accessed: 04.03.2026).
9. *Domshenko E.I.* (2025) Personal fund as a legal form of separation of property for the purposes of managing private capital: Ph.D. Thesis of Juridical Sciences Moscow, [Electronic resource]. Available at: https://privlaw.ru/council/ (accessed: 04.03.2026).
10. *Arkhipov V.V., Naumov V.B.* (2017) On some issues of the theoretical foundations for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality. *Law*, № 5, pp. 157-170 (In Russian).
11. Digests of Justinian = Digesta Iustiniani: in 8 volumes: translation from Latin, ed. L.L. Kofanov.2nd ed., corrected. Moscow: Statut Publishing, 2008, vol. 2, book 5-11, 622 p.(Golden collection "Consultant Plus"). Text parallel. Russian, Latin. ISBN 978-5-8354-0456-8 (In Russian).
12. *Iriskina E.N., Belyakov K.O.* (2016) Legal aspects of civil liability for harm caused by the actions of a robot as a quasi-subject of civil law relations. *Humanitarian Informatics*, iss. 10, pp. 63-72 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.03.2026	Received: 15.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 19.04.2026	Revised: 19.04.2026
Статья поступила для публикации: 22.04.2026	Accepted: 22.04.2026

УДК 332.1

Аллахвердиева Сания Магеррамовна,
аспирант кафедры экономики и финансов, Московский гуманитарно-экономический университет, Москва,
mukharrem@inbox.ru

ОПЫТ ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ЭКОСИСТЕМНЫХ УСЛУГ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Данная статья представляет собой продолжение начатого исследования и посвящена непосредственно попытке экономической оценки экосистемных услуг, предоставляемых особо охраняемыми природными территориями федерального значения Рязанской области. В настоящее время одним из ключевых элементом стратегии социально-экономического развития регионов становится экономическая оценка природных ресурсов, экосистемных услуг и природных объектов. Таким образом, практическая значимость работы может способствовать совершенствованию механизмов, используемых для принятия управленческих решений на основе комплексного рассмотрения ценности указанных территорий, их экосистем и множества иных критериев социального, этического и культурного характера.*
Ключевые слова: экосистемные услуги, региональная экономика, экономическая стоимость, особо охраняемые природные территории.
Для цитирования: *Аллахвердиева С.М.* Опыт оценки стоимости экосистемных услуг особо охраняемых природных территорий федерального значения на территории Рязанской области // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 121-129.

Sania M. Allahverdieva,
Postgraduate at the Department of Economics and Finance,
Moscow University of Humanities and Economics, Moscow,
mukharrem@inbox.ru

EXPERIENCE IN ASSESSING THE VALUE OF ECOSYSTEM SERVICES SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS OF FEDERAL SIGNIFICANCE IN THE RYAZAN REGION

Abstract. *This article is a continuation of the research that has already begun and is directly devoted to an attempt at economic valuation of ecosystem services, namely recreational services, provided by specially protected natural areas of federal significance in the Ryazan region. Currently, one of the key elements of the strategy for the socio-economic development of regions is the economic assessment of natural resources, ecosystem services and natural objects. Thus, the practical significance of the work can contribute to the improvement of the mechanisms used for making management decisions based on a comprehensive consideration of the value of these territories, their ecosystems and many other criteria of a social, ethical and cultural nature.*
Keywords: ecosystem services, regional economy, economic value, specially protected natural areas.
For citation: Allahverdieva S.M. (2026) Experience in assessing the value of ecosystem services specially protected natural areas of federal significance in the Ryazan region. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 121-129. (In Russian).

В рыночной экономике существует фундаментальный принцип: то, у чего нет фактической цены, системой экономики игнорируется. Так, к ключевым проблемам, приведшим человечество к неустойчивому развитию, техногенному типу экономики, смело можно отнести недооценку или полное отсутствие стоимости ряда природных ресурсов [4; 10].

В последние годы можно наблюдать, как наше государство, призванное осторожно и мудро регулировать общественные отношения, последовательно внедряет поставленную задачу по интегрированию особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) в сферу социально-экономического развития регионов, вовлечение ООПТ в развитие экологического туризма [5].

© Аллахвердиева С.М., 2026

В связи с этим отмечается значительный рост внутреннего экологического туризма на ООПТ в России, а также его вклад в стоимость услуг туризма страны в целом [7].

В книге «Оценка вклада ООПТ в социально-экономическое развитие региона» авторами проанализирована информация по зарубежным странам в части доходов от туризма, которые, по оценкам, приближаются к 14 % ВВП (Франция 8,5 %, Китай 11,3 %, Испания 14,3 %). Отмечены ощутимые выгоды именно от экологического туризма на ООПТ [16].

Прямым следствием возросшей туристической деятельности на ООПТ стал интерес к экономической оценке природного капитала, природных благ, предоставляемых ООПТ, и не только как важнейший инструмент реализации принципов устойчивого развития человечества, но и как возможность получения средств для местного населения в экономически не развитых и депрессивных регионах [19].

Современная научная литература также характеризуется вполне обоснованным высоким интересом исследователей к вопросам экономической оценки ООПТ. Однако проблемы внешних эффектов, природного капитала и оценки природных благ зачастую не имеют соответствующего отражения в экономической жизни, что приводит к неустойчивым решениям [9].

Одним из приоритетных направлений региональной политики Рязанской области является развитие рекреационного комплекса, оказывающего значительное влияние на экономику региона. Несмотря на большой потенциал для развития экологического туризма, а также значительные конкурентные преимущества, такие как многообразие природных ландшафтов в развитой системе ООПТ, богатое историко-культурное наследие, выгодная локация по отношению к столичному региону, доля экологического туризма в структуре туристского потока незначительна и составляет 3 % [15].

Темой исследования – экономическая оценка природно-ресурсного капитала ООПТ федерального значения Рязанской области с учетом возможной практической значимости и обоснованной актуальности. Выбор данного объекта исследования обусловлен, в том числе, тем, что указанные территории являются довольно типичными объектами исследования, не относящимся к числу наиболее посещаемых территорий, но в то же время репрезентативными для выработки предложений.

До настоящего времени отсутствует комплексная оценка их экономической стоимости, а также оценка реального вклада ООПТ в социально-экономическое развитие региона, что влечет осознание важности вложений в сектор развития ООПТ и обоснования их объемов как для отдельных территорий, так и для страны в целом. Данная работа, в том числе, направлена на восполнение указанного пробела.

Получение объективных оценочных показателей позволит оптимизировать управление этими территориями, привлечь дополнительные инвестиции, а также повысить качество жизни региона по средствам рационального использования природного капитала [6; 12].

Ранее автором настоящей статьи была детально проведена систематизация теоретико-методологических подходов к экономической оценке природных ресурсов, изучены научные труды российских ученых в указанной области, выбраны преимущественные на взгляд автора методы для последующей апробации предложенного [3].

Спектр экосистемных услуг ООПТ Рязанской области

Важной компонентой природно-ресурсного капитала являются экосистемные услуги, так называемые дивиденды, получаемые обществом от природного капитала и имеющие значительные преимущества перед капиталом физическим, так как при устойчивом использовании они способны восстанавливать и даже увеличивать поток своих услуг [10].

Классификацией, изложенной в документе ЮНЕП «Оценка экосистемных услуг на пороге тысячелетия» установлено, что услуги, предоставляемые экосистемами, относятся к следующим категориям:

- обеспечивающие (продовольствие, сырье, материалы, вода);
- регулирующие (регулирование климата, регулирование качества воздуха, очистка воды, опыление);
- культурные (образовательные, эстетические, духовные, культурное наследие, рекреация);
- поддерживающие (почвообразование, фотосинтез).

На территории Рязанской области расположены три ООПТ федерального значения: Окский государственный природный биосферный заповедник (далее – Окский ГПЗ), национальный парк «Мещерский» (далее – Мещерский НП) и государственный природный заказник «Рязанский», предоставляющие потребителям на локальном, региональном и глобальном уровне экосистемные услуги, относящиеся ко всем четырем группам, указанным выше. При этом основной поток данных услуг приходится на группы, *регулирующие*, *поддерживающие и культурные* (рекреация и туризм).

Управление указанными ООПТ осуществляют ФГБУ «Окский государственный заповедник» и ФГБУ «Национальный парк «Мещерский».

Режим использования ООПТ Рязанской области исключает или ограничивает хозяйственную деятельность на этих территориях. В связи с этим отмечается минимальный прямой вклад обеспечивающих экосистемных услуг (заготовка древесины, живицы, лекарственного сырья, пастьба скота, промысловая

охота, рыболовство, и иное). Вместе с тем за счет сохранения потока регулирующих и поддерживающих экосистемных услуг прямыми выгодами обеспечены потребители на сопредельных территориях.

Также к *обеспечивающим услугам* можно отнеси предоставление для сотрудников ФГБУ возможности на специально выделенных участках осуществлять заготовку дров и деловой древесины, сбор грибов, ягод и других дикоросов, а также предоставление наделов (пахотой земли и сенокосов), любительский лов рыбы.

Поверхностные воды рек Оки и Пры обеспечивают питьевые и хозяйственные нужды как для сотрудников ФГБУ, так и для посетителей ООПТ.

И, несомненно, ООПТ Рязанской области являются хранителями генетической информации, сохраняемой в их уникальных экосистемах – ключевых ценностях биоразнообразия.

ООПТ Рязанской области расположены в центре Русской равнины в бассейнах рек Оки и Пры. Характеризуются наличием большого количества водно-болотных угодий, где гнездятся и останавливаются на весеннем пролете водоплавающие птицы. Вся территория заповедника, национального парка и их охранных зон отнесена к водно-болотным угодьям, имеющим международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц в соответствии с Рамсарской конвенцией[1]

Необходимо отметить огромные выгоды от *регулирующих услуг* в виде обеспечения водно-болотными угодьями ООПТ Рязанской области водорегулирующих функций, аккумулирования воды, очищения воды, поддержания водного баланса смежных территорий.

С учетом прогнозов развития климатических изменений становится ясной необходимость бережного отношения к существующим болотам и их реставрации там, где это представляется осуществимым, поскольку такой подход оказывается экономически более выгодным. Этот принцип активно внедряется многими европейскими государствами для сохранения своих стремительно сокращающихся водно-болотных угодий (например, Нидерланды, успешно реализуют программы по восстановлению таких экосистем). Аналогичные инициативы по восстановлению болот стартовали и на территории европейской части России [4].

Лесистость Рязанской области составляет 23 % от всей территории. ООПТ покрыты хвойными и мелколиственными лесами, участвующими в депонировании углекислого газа, регулировании климата, а также обеспечении сохранения мест обитания и условий для воспроизводства редких и исчезающих видов животных и растений. Помимо этого *регулирующие экосистемыные услуги* ООПТ представлены обширными незаселенными пространствами, предотвращающими природные катастрофы.

Среди *культурных экосистемынх услуг* особое место занимают туристические/рекреационные услуги, такие как проведение экскурсий для посетителей на территории заповедника и национального парка, а также в музее, питомнике редких видов журавлей, питомнике чистокровных зубров и др.

Ружинской Л.А. в статье «Оценка и тенденции развития туризма в Рязанской области» определил основные конкурентные преимущества развития туризма, заключающиеся, в том числе, в наличии автотранспортных, железнодорожных, водных путей, многообразии природных ландшафтов, а также цепи озер и рек, позволяющих развивать такие направления, как сплавы на байдарках, дайвинг [15].

Необходимо также отметить научно-исследовательскую, образовательную и эстетическую ценность ООПТ Рязанской области, привносящих огромный вклад в экологическое просвещение, повышение грамотности и экологической культуры населения.

Опыт экономической оценки экосистемных услуг (рекреационных) методами прямой рыночной оценки и косвенными методами

В последние годы отмечается тенденция роста участников познавательных программ и посетителей заповедника и национального парка (см. Рисунки 1 и 2).

Суммарно количество посетителей ООПТ Рязанской области за период с 2020 по 2024 год составило 101 174 человека.

При дальнейшем развитии такого направления работы, как экологический туризм, ООПТ Рязанской области могут стать существенной точкой инвестиционного роста области на основе использования нематериальных активов, к которым относятся все вышеперечисленные экосистемные услуги.

В качестве базовой концепции стоимостной оценки выступает теория *общей экономической стоимости*, посредством которой планируются исследования в части расчетов стоимости широкого спектра экосистемных услуг. Теория включает в себя методы *прямой стоимости использования*, *косвенной стоимости использования и стоимости неиспользования* [14].

Цель настоящей статьи состоит в представлении результатов отдельного этапа исследования, а именно стоимости прямого использования ООПТ, рассчитанной методами прямой рыночной оценки и косвенными методами (транспортно-путевых затрат, с использованием результатов социологических исследований).

[1] Приказ МПР России от 16.05.2003 № 431 «Об утверждении Положения о федеральном государственном учреждении "Окский государственный природный биосферный заповедник"»; Приказ Минприроды России от 27.06.2017 № 320 №Об утверждении Положения о национальном парке "Мещерский"».

Рисунок 1. Структура годового туристского потока национального парка «Мещерский»

Источник: здесь и далее рисунки составлены автором

Рисунок 2. Структура годового туристского потока Окского ГПЗ

Исходными данными для исследования *стоимости прямого использования* рекреационных услуг методом транспортно-путевых затрат послужили: статистика посещаемости, предоставленная сотрудниками ФГБУ; среднерыночные цены на соответствующие товары и услуги, зафиксированные региональными органами статистики; результаты проведенных социологических исследований; общедоступные статистические данные.

Потенциальными потребителями прямых выгод от рекреационных услуг, предоставляемых ООПТ, являются туристы, бизнес-структуры, задействованные в формировании и реализации турпродукта [13].

При расчетах методом транспортно-путевых затрат использованы социологические опросы для посетителей и местных жителей, прайс-листы на экскурсионное обслуживание и др.

Социологические поросы проводились в период с мая 2024-го по сентябрь 2024 года с применением метода массового опроса случайной выборки. В число опрошенных вошли представители разных групп населения [8]. Большинство опрошенных туристов ООПТ оказались россиянами – жителями крупных и средних городов, большая часть – жители Москвы (83 %), респондентами категории «приезжие туристы».

В целях проведения опроса была составлена анкета, включающая в себя вопросы:

- транспортно-путевые затраты на пребывание в Рязанской области;
- характер и частота пребывания на ООПТ;
- ценность и значение ООПТ Рязанской области;
- готовность платить за существование ООПТ;
- информированность об объектах ООПТ;
- использование информационных ресурсов ООПТ;
- др.

Пространственная структура социологических наблюдений определена исходя из соображений охвата всех возможных потребителей экосистемных услуг и получателей выгод от существования ООПТ Рязанской области: жители близлежащих к ООПТ населенных пунктов; посетители заповедника, заказника, национального парка; представители бизнес-структур (туристические компании, гостиницы города Ря-

зани предприятия питания и др.); жители крупных населенных пунктов вблизи Рязанской области.

Западные страны, жители субъектов Российской Федерации формируют основной поток посетителей Окского ГПЗ и национального парка «Мещерский»: Казахстан, Армения, Бельгия, Англия, Латвия, Белорусия, Австралия, Германия, Туркменистан, Франция, Узбекистан; Рязанская область, Московская область, Орловская область, Ленинградская область, Белгородская область, Омская область, Красноярский край, Воронежская область, Оренбургская область, Нижегородская область, Приморский край (см. Рисунок 3).

Транспортная доступность Окского ГПЗ и национального парка «Мещерский» характеризует относительно невысокую стоимость образовательных программ, осуществляемых на его территории.

Транспортно-путевые затраты опрошенных респондентов отражены на Рисунках 4 и 5.

Таким образом, средняя стоимость поездки в Рязанскую область сопоставима со средней стоимостью тура в заповедник и национальный парк и составляет, соответственно, 36 тыс. руб. на одного человека в сутки.

Средняя стоимость поездки в Рязанскую область рассчитана по результатам социологического опроса посетителей ООПТ как среднеарифметическое значение стоимости поездки, включая транспортные расходы до Рязанской области и обратно на одного туриста в сутки (в тыс. руб.). Средняя стоимость тура в ООПТ рассчитана по результатам социологического опроса посетителей как среднеарифметическое значение стоимости тура на одного туриста в сутки.

Следующим шагом в оценке стоимости транспортно-путевых расходов стало объединение географических объектов, откуда прибывают туристы, в зоны. По каждой из таких зон было определено расчетное число посетителей и средняя посещаемость, установленная экспертным методом (см. Таблицу 1).

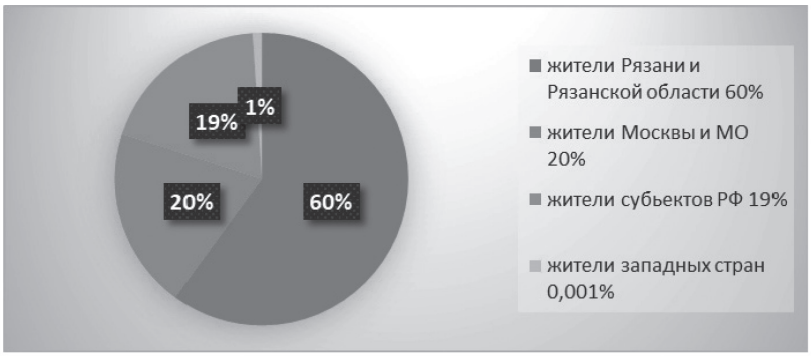


Рисунок 3. География посетителей Окского ГПЗ и национального парка «Мещерский»

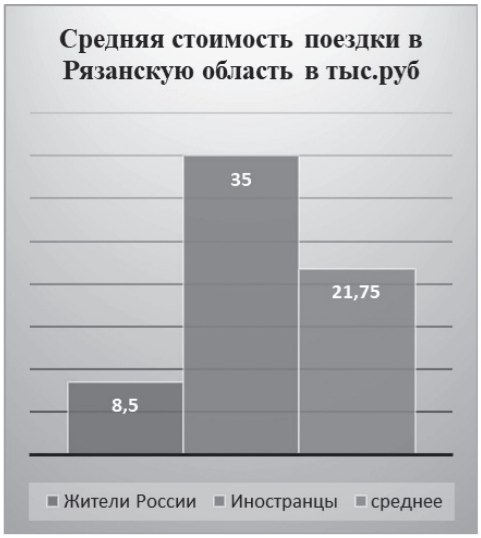


Рисунок 4. Средние данные по транспортно-путевым затратам респондентов на поездку в Рязанскую область, тыс. руб./чел./сутки

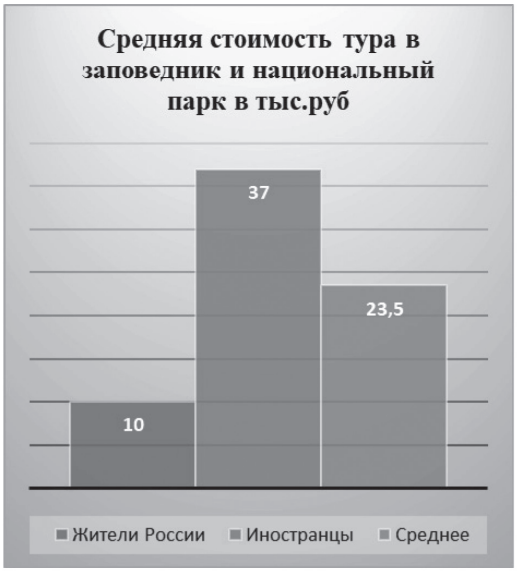


Рисунок 5. Средние данные по транспортно-путевым затратам респондентов на поездку в Рязанскую область, тыс. руб./чел./сутки

Таблица 1

Структура приезжих туристов по зонам проживания

Зоны	Границы зоны	Расчетное кол-во посетителей, чел./год	Средняя посещаемость, поездок/год
1	Рязань и Рязанская область	16422	12
2	Москва	5721	2
3	Города центра России (Владимир, Тула, Муром, Касим)	5200	1
4	Города зарубежья (Германия)	27	1

Источник: таблица составлена автором.

Транспортно-путевые затраты включают в себя расходы на посещение ООПТ, дорогу до места отдыха и обратно, расходы на оплату за въезд на территорию ООПТ, проживание, питание и др. [17].

Полученные средние значения транспортно-путевых затрат по зонам составлены по результатам социологических опросов методом, описанным в ходе работы:

- зона 1 – 8000 руб./чел.;
- зона 2 – 15000 руб./чел.;
- зона 3 – 20000 руб./чел.;
- зона 4 – 25000 руб./чел.

Расходы граждан из Германии были определены расчетным и экспертным методом, исходя из предположения, что они приезжают в Рязанскую область на один день в рамках недельной туристической поездки.

Согласно данным Таблицы 1, по мере удаленности зоны от территории ООПТ транспортно-путевые затраты увеличиваются и, соответственно, снижается посещаемость.

Результат оценки по методу транспортно-путевых издержек представляет собой сумму излишков потребителя по зонам, где потребительский излишек оценивается путем сопоставления значений транспортно-путевых расходов между зонами (без учета дифференциации внутри зон) по формуле

$$ПИ(i) = [ТР(i + 1) – ТР(i)] \times П \times N,$$

где ПИ (*i*) – потребительский излишек *i*-й зоны;

ТР (*i* + 1) – среднее значение транспортно-путевых затрат по *i* + 1-й зоне;

ТР (*i*) – среднее значение транспортно-путевых затрат по *i*-й зоне;

П – расчетное количество посетителей, чел./год;

N – средняя посещаемость по зоне.

Получены следующие значения потребительских излишков:

- зона 1 – 1 379 448 руб./год;
- зона 2 – 57 210 000 руб./ год;
- зона 3 – 26 000 000 руб. /год.

В результате оценки выгоды, *получаемой приезжими туристами*, с учетом общего потребительского излишка получено итоговое значение 84 589 448 руб., или $ 919 450 США (при курсе $1 США = 92 руб.).

Чистый экономический доход, получаемый *поставщиками рекреационных услуг* (бизнес-

Таблица 2

Данные для расчета доходов гостиниц Рязанской области

Наименование показателя	Единица измерения	Значение
Количество гостиниц, баз отдыха, санаториев, мотелей и хостелов	шт.	161
Общее количество мест	шт.	5000
Заполняемость в течение года	человеко-дней в год	23264
Стоимость проживания	руб. с человека в день	1500…3000

Источник: таблица составлена автором по данным Рязаньстата.

структурами, ФГБУ заповедника и национального парка), складывается из основных направлений: гостиницы, в которых проживают приезжие туристы, краеведческие и иные местные музеи (музеи Циолковского, Есенина, Музейный центр Солженицына, Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник и др.).

Укрупненно было принято, что чистые доходы гостиниц, представляющих услуги по проживанию приезжих туристов, представленные в Таблице 2, рассчитаны с использованием данных о количестве мест в гостиницах, баз отдыха, санаториев, мотелей и хостелов, заполняемости в течение года и стоимости проживания. Они составили 52,34 млн руб., или $565 217 США (при курсе $1 США = 92 руб.). Администрация города Рязани указывает, что за 2024 год приехало около 943 тыс. чел.; 85 % посетителей останавливались в гостиницах, 59 % – проживали в Рязани, 37 % – в области, 4 % в Касимове, Сасове и Скопине. Самая популярная продолжительность пребывания для 82 % туристов – три ночи [20].

Чистые доходы Окского ГПЗ и Мещерского НП от туристского потока за 2024 год складывались с учетом затрат на организацию познавательных программ и изготовление сувениров. Стоимость потока выгод от рекреационной услуги экосистем заповедника и национального парка составила 4 958 136 руб., или $53 892 при курсе $1 США = 92 руб.

Таким образом, значение прямой рыночной стоимости рекреации, получаемое путем суммирования доходов бизнес-структур, заповедника и национального парка, рассчитанных на основе данных 2024 года, составило 141 887 584 руб., или $1 542 256 США.

Выводы

Представление результаты экономической оценки рекреационных услуг ООПТ Рязанской области, выполненной методом транспортно-путевых затрат и прямой рыночной оценки на основе данных за 2024 год о доходах от организации познавательного туризма ООПТ, данных о количестве посетителей ООПТ, социологических опросов, отражают интересную для анализа информацию, в том числе субъективную оценку стоимости мер по предотвращению ухудшения качества ресурса.

Стоит отметить, что приведенные показатели характеризуют исключительно доход от непосредственного или косвенного потребления туристских ресурсов, однако не охватывает всей полноты влияния туристской деятельности на социальное и экономическое благополучие местных общин региона.

Вместе с тем монетизация стоимости ООПТ Рязанской области позволила выявить отношение населения к ценности особо охраняемым природным территориям и потенциал вовлечения в туристскую сферу.

Указанный метод может применяться при оценке экологических проблем и разработке методик расчетов ущерба природным ресурсам. Преимущество данного подхода состоит в том, что он базируется на реальных рыночных наблюдениях и отличается простотой восприятия для лиц, принимающих решения в сфере управления ООПТ Рязанской области.

Дальнейшие научные изыскания в части расчетов *стоимости косвенного использования* ряда культурных, регулирующих и поддерживающих экосистемных услуг готовятся к исследованию автором с помощью методов замещения, альтернативной стоимости и переноса выгод [11].

Список литературы

1. Приказ МПР России от 16.05.2003 № 431 «Об утверждении Положения о федеральном государственном учреждении "Окский государственный природный биосферный заповедник"» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.02.2026).
2. Приказ Минприроды России от 27.06.2017 № 320 «Об утверждении Положения о национальном парке "Мещерский"» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 12.02.2026).
3. *Аллахвердиева С.М., Фотиади Н.В.* Анализ методов и подходов экономической оценки природно-ресурсного потенциала особо охраняемых природных территорий // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2025. № 3 (99). С. 4-14.
4. *Бобылев С.Н.* Экономика устойчивого развития: учебник. М.: КНОРУС, 2021. 672 с.

5. *Боголюбов С.А.* Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 16-25.
6. *Виноградова К.О., Ломовцева А.О.* Сущность и структура потенциала развития региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9620 (дата обращения: 14.01.2025).
7. *Галиновская Е.А.* Проблемы модернизации законодательства об особо охраняемых природных территориях // Экологическое право. 2022. № 5. С. 18-25.
8. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. М.: Университет, 2006. 296 с.
9. Экономическая оценка природных ресурсов и экосистемных услуг Кроноцкого заповедника и Южно-Камчатского заказника / А.В. Завадская, Е.А. Николаева, В.А. Сажина, Т.И. Шпиленок, О.А. Шувалова. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2017. 244 с.
10. *Краснова И.О.* Экологическая безопасность как правовая категория // Lex Russica. 2014. № 5. С. 543-555.
11. *Лебедева М.А.* Теоретико-методологические аспекты оценки природно-ресурсного потенциала // Журнал экономических исследований. 2019. Т. 5. № 3. С. 25-35.
12. *Литвинова А.А., Игнатьева М.Н.* Методические подходы к обоснованию создания особо охраняемых природных территорий // Аграрный вестник Урала. 2015. № 10 (140). С. 83-85.
13. *Новоселова И.Ю.* Формирование и развитие природно-ресурсного потенциала региона: автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2011.
14. *Романова О.В.* Применение методов экономической оценки нерыночных природных благ для оценки объектов культурного наследия // Вестник университета. 2013. № 21. С. 161-164.
15. *Ружинская Л.А.* Оценка и тенденции развития туризма в Рязанской области // Сервису и туризму – инновационное развитие: материалы IX Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2017 года. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2017. С. 69.
16. Оценка вклада ООПТ в социально-экономическое развитие региона. Методология и методика / А.В. Шевчук (научный редактор), О.Е. Медведева, И.С. Толстоухова, А.С. Кочергин, М.А. Некрасова, А.С. Добрянский, А.И. Артеменков. М.: Роликс, 2024. 200 с. ISBN 978-5-91615-225-8
17. Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка «Быстринский») / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.В. Михайлова, Т.Р. Михайлова. Ярославль: Кадастр, 2010. 156 с.
18. *Тонков Е.Е., Туранин В.Ю.* Экологическая безопасность: понятие, проблемы и перспективы правового обеспечения // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 2 (199). С. 123.
19. *Xiangju Zhang, Linsheng Zhong, Hu Yu.* Sustainability assessment of tourism in protected areas: A relational perspective [Electronic resource]. *Global Ecology and Conservation*, vol. 35, June 2022. Available at: https://doi.org/10.1016/j.gecco.2022.e02074 (accessed: 04.02.2026).
20. Рязаньстат [Электронный ресурс]. URL: https://62.rosstat.gov.ru/about (дата обращения: 10.02.2026).

References

1. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 16.05.2003 № 431 "On approval of the Regulation on the federal state institution "Oksky State Nature Biosphere Reserve") [Electronic resource]. Consultant Plus (accessed: 12.02.2026) (In Russian).
2. Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 27.06.2017 № 320 "On approval of the Regulation on the Meshchersky National Park" [Electronic resource]. Consultant Plus (accessed: 12.02.2026) (In Russian).
3. *Allahverdieva S.M., Fotiadi N.V.* (2025) Analysis of methods and approaches to economic assessment of the natural resource potential of specially protected natural areas. *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*, № 3 (99), pp. 4-14 (In Russian).
4. *Bobylev S.N.* (2021) Economics of sustainable development: textbook. Moscow: KNORUS Publishing, 672 p. (In Russian).
5. *Bogolyubov S.A.* (2018) Potential of environmental norms of the Constitution of Russia. *Journal of Russian Law*, № 5, pp. 16-25 (In Russian).
6. *Vinogradova K.O., Lomovtseva A.O.* (2013) The Essence and Structure of the Regional Development Potential. *Modern Problems of Science and Education*, № 3 [Electronic resource]. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=9620 (accessed: 14.01.2025) (In Russian).
7. *Galinovskaya E.A.* (2022) Problems of modernization of legislation on specially protected natural areas. *Environmental Law*, № 5, pp. 18-25 (In Russian).
8. *Devyatko I.F.* (2006) Methods of sociological research. Moscow: University Publishing, 296 p. (In Russian).
9. *Zavadskaya A.V., Nikolaeva E.A., Sazhina V.A., Shpilenok T.I., Shuvalova O.A.* (2017) Economic assessment of natural resources and ecosystem services of the Kronotsky Nature Reserve and the South Kamchatka Wildlife Refuge. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatpress, 244 p. (In Russian).

10. *Krasnova I.O.* (2014) Environmental safety as a legal category. *Lex Russica*, № 5, pp. 543-555 (In Russian).
11. *Lebedeva M.A.* (2019) Theoretical and methodological aspects of assessing the natural resource potential. Journal of Economic Research, vol. 5, № 3, pp. 25-35 (In Russian).
12. *Litvinova A.A., Ignatyeva M.N.* (2015) Methodological approaches to substantiating the creation of specially protected natural areas. *Agrarian Bulletin of the Urals*, № 10 (140), pp. 83-85 (In Russian).
13. *Novoselova I.Yu.* (2011) Formation and development of the natural resource potential of the region: Abstract of a DoctorThesis of Economic Sciences. Moscow, 2011 (In Russian).
14. *Romanova O.V.* (2013) Application of methods of economic assessment of non-market natural goods for the assessment of cultural heritage sites. *Bulletin of the University*, № 21, pp. 161-164 (In Russian).
15. *Ruzhinskaya L.A.* (2017) Assessment and trends of tourism development in the Ryazan region. Innovative development of service and tourism: materials of the IX International Scientific Practical Conf., Saint Petersburg, March 24, 2017. Saint Petersburg: A. Pushkin Leningrad State University, p. 69 (In Russian).
16. *Shevchuk A.V. (scientific editor), Medvedeva O.E., Tolstouhova I.S., Kochergin A.S., Nekrasova M.A., Dobryansky A.S., Artemenkov A.I.* (2024) Assessment of the contribution of protected areas to the socio-economic development of the region. Methodology and techniques. Moscow: Roliks Publishing, 200 p. ISBN 978-5-91615-225-8 (In Russian).
17. *Fomenko G.A., Fomenko M.A., Mikhailova A.V., Mikhailova T.R.* (2010) Economic assessment of specially protected natural areas of Kamchatka: practical results and their significance for the conservation of biodiversity (using the Bystrinsky Nature Park as an example). Yaroslavl: Kadastre, 156 p. (In Russian).
18. *Tonkov E.E., Turanin V.Yu.* (2015) Environmental safety: concept, problems and prospects of legal support. *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*, № 2 (199), p. 123 (In Russian).
19. *Xiangju Zhang, Linsheng Zhong, Hu Yu.* Sustainability assessment of tourism in protected areas: A relational perspective [Electronic resource]. *Global Ecology and Conservation*, vol. 35, June 2022. Available at: https://doi. org/10.1016/j. gecco.2022.e02074 (accessed: 04.02.2026).
20. Ryazanstat [Electronic resource]. Available at: https://62.rosstat.gov.ru/about (accessed: 10.02.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026	Received: 24.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 21.03.2026	Revised: 21.03.2026
Статья поступила для публикации: 27.03.2026	Accepted: 27.03.2026

УДК 352

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_130_136

Данилина Елена Ивановна,
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и конституционного права, Институт деловой карьеры, Москва,
danilina05@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу эффективности функционирования органов муниципальной власти. Отмечается роль индикаторов в определении эффективности работы муниципальных служащих. Особое внимание обращается на необходимость классификации понятия эффективности в муниципальном управлении по критериям. Делается вывод о повышении эффективности системы кадрового обеспечения муниципального управления. Проведена аналитическая работа по исследованию различных подходов к понятию эффективности в муниципальном управлении, предложен переход к модели, объединяющей цифровые технологии, данные реального времени и активное вовлечение граждан для создания динамичной, самонастраивающейся системы муниципального управления, которая позволит перейти от реактивного управления к проактивному.*

Ключевые слова: эффективность функционирования, муниципальная власть, кадровое обеспечение, цифровые технологии, муниципальные служащие, оценка результативности.

Для цитирования: *Данилина Е.И.* Теоретические подходы к оценке эффективности функционирования органов муниципальной власти // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 130-136. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_130_136

Elena I. Danilina,
Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head at the Department of State and Municipal Administration and Constitutional Law, Institute of Business Career, Moscow,
danilina05@mail.ru

THEORETICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL AUTHORITIES

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the problems of assessing the effectiveness of the functioning of municipal authorities. The author notes the role of indicators in determining the effectiveness of municipal employees. Attention is drawn to the need to classify the concept of efficiency in municipal management according to criteria. The article concludes that it is necessary to improve the efficiency of the system of personnel support for municipal management bodies. Analytical work has been carried out to study various approaches to the concept of efficiency in municipal management, and a transition to a model that combines digital technologies, real-time data, and active citizen engagement has been proposed to create a dynamic, self-adjusting system of municipal management that will allow for a shift from reactive to proactive management based on data and resident feedback.*

Keywords: efficiency of functioning, municipal government, personnel support, digital technologies, municipal employees, performance assessment.

For citation: Danilina E.I. (2026) Theoretical approaches to assessing the effectiveness of municipal authorities. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 130-136. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_130_136 (In Russian).

В современной России наблюдается повышенный научный и общественно-практический интерес к проблематике эффективности функционирования органов муниципальной власти. В современных условиях в целях продуктивного решения качественного жизнеобеспечения жителей муниципального образования оценка эффективности работы муниципальных служащих приобретает особую актуальность.

Являясь основными субъектами, которые должны систематически осуществлять жизнеобеспечение населения локальной территории, их деятельность должна носить оценочный характер. В то же время дать оценку эффективности деятельности муниципальных

© Данилина Е.И., 2026

служащих бывает затруднительно в силу отсутствия четко выраженных показателей результатов их труда.

Исходя из опыта зарубежных стран, значимым элементом в оценке результативности деятельности муниципальных служащих выступают индикаторы, которые позволяют отследить степень преданности должностным обязанностям и реализации целей, которые корреспондируются с вопросами местного значения. Поэтому решение проблемы, касающейся эффективности муниципальных служащих, создает объективное представление о внушительной социально-экономической значимости их труда.

Деятельность муниципальных служащих выражается в труде как работников администраций, призванных решать вопросы местного значения, то есть они выполняют функции управления, которые помогают реализовать миссию органа управления (администрации). Поэтому можно сказать, что деятельность (труд) муниципальных служащих принимает особую форму, которая носит название «управленческий труд», который реализуется в муниципальных образованиях. Исходя из этой позиции, можно сказать, что для муниципальных служащих характерны не только традиционные элементы управленческого труда, но и специфические, которые выражаются в доминировании умственного труда. Производительность их труда не выражается в товарной форме, информация выступает как предмет руда в деятельности муниципального служащего. Также можно отметить его как интеллектуально глубокий труд, поскольку он корреспондируется с множеством аналитических процедур, на основе которых вырабатываются цели и задачи управленческих решений. Итоги управленческого труда муниципального служащего сложно измерить количественно, так как они связаны с деятельностью людей из разных социально-экономических сфер.

В соответствии с этим понятие и сущность эффективности в муниципальном управлении подлежит изучению в рамках направления «Государственное и муниципальное управление», так как напрямую влияет на качество жизни населения, социально-экономическое развитие территорий и оптимизацию использования ресурсов.

Изменение понятия эффективности в муниципальном управлении по различным критериям представлено в Таблице 1.

Таблица 1

Систематизация изменений понятия эффективности в муниципальном управлении по различным критериям

По методологическому подходу	
Подход	*Ключевые критерии оценки*
Затратно-результативный	Объем произведенных услуг на единицу затрат; экономия бюджетных средств; производительность труда муниципальных служащих
Социально-экономический	Динамика ВРП на душу населения; уровень занятости; доходы бюджета; качество инфраструктуры
Критериальный	Конечные результаты; промежуточные итоги процессов; ресурсный потенциал региона
Индикативный	Отклонение от плановых значений; динамика ключевых индикаторов (инвестиции, рождаемость, качество услуг)
Экологический	Гибкость управленческих механизмов; внедрение инноваций; устойчивость к внешним шокам
Профессионально-кадровый	Квалификация кадров; текучесть персонала; вовлеченность в процессы улучшения услуг
По уровню учета интересов	
Уровень учета	*Акцент оценки*
Государственный	Исполнение нацпроектов; выполнение указов президента; отчетность перед вышестоящими органами
Муниципальный	Развитие инфраструктуры МО; поддержка малого бизнеса; благоустройство
Общественный	Уровень доверия к власти; оценка качества госуслуг; участие граждан в управлении
По типу используемых показателей	
Тип показателей	*Методы оценки*
Количественные	Статистика; бюджетные отчеты; данные мониторинга
Качественные	Экспертные оценки; аудит процессов; анализ регламентов
Интегральные	Рейтинги; индексы (ИРЧП, инвестиционный рейтинг); модели многокритериального анализа
По временному горизонту	
Горизонт оценки	*Фокус анализа*
Оперативный	Исполнение квартальных планов; соблюдение регламентов; скорость предоставления услуг

Продолжение таблицы 1

Тактический	Реализация муниципальных программ; развитие отраслей (ЖКХ, образование)
Стратегический	Рост человеческого капитала; экологическая устойчивость; инновационный потенциал
По степени формализации	
Степень формализации	*Характер оценки*
Формализованная	Стандартизированные отчёты; обязательные показатели (указ № 607)
Экспертная	Аудит эффективности; экспертные панели; бенчмаркинг
Гибридная	Балльно-рейтинговая система; весовые коэффициенты индикаторов
По ориентации на результат	
Ориентация	*Критерии успеха*
Результативная	Выполнение KPI; реализация проектов
Процессная	Сокращение сроков согласования; стандартизация услуг
Адаптивная	Внедрение цифровых сервисов; гибкость реагирования на кризисы

Источник: составлено автором.

Эволюция понятия эффективности в муниципальном управлении отражает переход от узкоэкономических (затратных) подходов к комплексным (интегральным), показывает усиление роли общественного участия и социальной ответственности власти, отражает рост значимости адаптивности и устойчивости в условиях неопределённости и внедрения цифровых инструментов мониторинга и оценки.

Современные тенденции направлены на создание гибких систем оценки, сочетающих количественные и качественные критерии, учитывающих территориальную специфику и стратегические приоритеты развития.

Проблема объективной оценки и повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления получает особую актуальность в условиях реформирования российской государственности и укрепления системы местного самоуправления. Административная реформа в Российской Федерации выявила всю сложность оценки профессиональной деятельности муниципальных служащих, ее эффективности, продемонстрировав необходимость разработки четких критериев соответствия достигнутых результатов поставленным целям и принятым управленческим решениям.

Административная реформа в Российской Федерации привнесла новые веяния в систему оценки эффективности и результативности работы органов местного самоуправления. Президент Российской Федерации в своем указе утвердил перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Данный перечень позволяет провести более глубокий анализ эффективности органов местного самоуправления во всех сферах деятельности – образовании, жилищном строительстве, здравоохранении и др. [1].

Ежегодно по итогам календарного года органы местного самоуправления представляют отчет о результатах проведенной оценки эффективности в органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Текст отчета размещается на официальном сайте субъекта [2].

Схематично процесс мониторинга оценки эффективности деятельности можно представить, как на Рисунке.

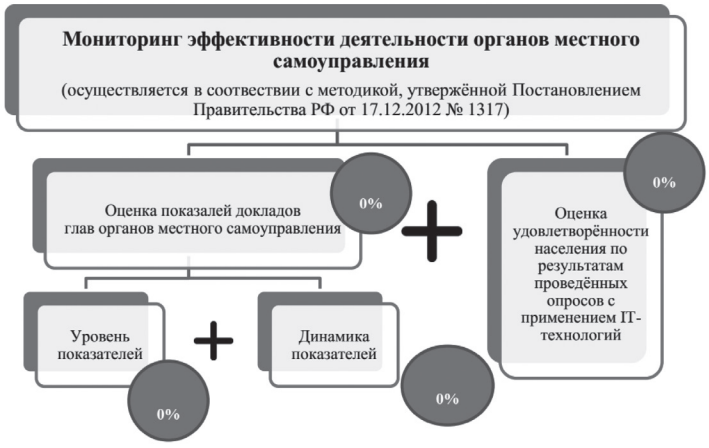


Рисунок. Мониторинг эффективности работы органов местного самоуправления

В целом на практике оценка эффективности работы муниципальных служащих строится на основе доклада главы администрации муниципального образования, где рассматривается не только уровень показателей, но и их динамика. При этом учитывается показатель удовлетворённости населения по результатам проведённых опросов. Проводимые исследования позволяют увидеть проблемные зоны, на которые следует обратить внимание, и получить перечень инструментов воздействия.

Отметим определенные достоинства и универсальность применяемой методики. Но она обладает и существенными недостатками, нивелирующими ее работу. Один из основных – так называемая работа на показатель.

Кроме того, наблюдаются проблемы в расчете комплексного показателя эффектности. К примеру, орган местного самоуправления со 100%-м значением по темпам роста показателей может проигрывать тем, у кого данный процент только приближается к данному значению. Поэтому в ряде случаев положительная динамика показателей не всегда является результатом эффективной работы или следствием позитивных прорывов в данной сфере.

Необходимо учитывать человеческий фактор – оценка производится по показателям доклада главы этого же органа местного самоуправления. Полученные данные подчас нивелируются до необходимого уровня. Теоретически показатели доклада уточняются органами исполнительной власти, но в реальности проверка проводится недостаточно тщательно, из-за чего реальное положение дел выявить сложно.

Сегодня официально признается тот факт, что кадрам муниципальной службы зачастую не хватает профессионализма и компетентности. Данное обстоятельство подтверждается сложившейся практикой государственного и муниципального управления, когда чиновники либо не имеют необходимых знаний и умений, либо не обладают соответствующим опытом службы. В этой связи исследуемая проблема сегодня достаточно актуальна.

Для дальнейшего успешного реформирования деятельности органов местного самоуправления в первую очередь следует повысить эффективность системы их кадрового обеспечения. Это значит, что подготовка специалистов для муниципальных органов сегодня приобретает особое значение и является приоритетным направлением государственной кадровой политики. В качестве методологической основы исследования используется комплекс научных принципов, а также совокупность методов и способов изучения социальных отношений и процессов.

Некоторые направления кадрового обеспечения отечественной муниципальной службы, например, вопросы переподготовки и повышения квалификации, до сих пор не получили должного отражения и проработки в современной отечественной научной литературе, хотя их значение трудно переоценить.

В процессе настоящего исследования использовались следующие нормативно-правовые документы:

• Федеральный закон № 25-ФЗ от 02.03.2007 «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3];

• Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4];

• Указ Президента Российской Федерации № 607 от 28.04.2008 «Об оценке эффективности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [5] и др.

Кадровое обеспечение государственного и муниципального управления является деятельностью, направленной на формирование необходимой численности и структуры квалифицированного персонала органов власти, способного действенным образом претворять в жизнь приоритетные задачи и функции государственных и муниципальных органов.

Эффективность кадрового обеспечения соответствующего органа муниципальной власти определяется в значительной степени наличием высококвалифицированного кадрового потенциала.

Как правило, среди определяющих требований к муниципальным служащим находятся нравственные требования, необходимость четкой исполнительской дисциплины, а также наличие коммуникативных навыков [6].

Федеральный закон № 25-ФЗ от 02.03.2007 декларирует необходимые направления работы с кадрами муниципального образования.

Поскольку в соответствии с принципом конституционализма предполагается самостоятельность субъектов РФ в решении ряда основных вопросов жизнедеятельности, муниципальные образования сегодня самостоятельно подходят к определению основных направлений кадровой работы.

При этом принцип единства основных требований к муниципальной службе, а также наличие в каждом муниципальном образовании единого реестра муниципальных должностей, приводят к необходимости организации кадровой службы в каждом органе муниципального управления. Главная цель существования кадровой службы в данном случае состоит в воспроизведении состава муниципальных служащих, способного, благодаря собственным профессионально-квалификационным и личностным качествам, решать значимые проблемы местного значения.

С учетом этого должна быть организована работа кадровой службы в органе управления муниципальным образованием. Регулирование процессов кадрового обеспечения муниципальных органов

должно основываться на полной актуальной информации об имеющемся кадровом потенциале отдельного муниципального образования. Подобную информацию можно получить лишь при помощи постоянного проведения полной социальной диагностики.

Одним из механизмов совершенствования деятельности органов местного самоуправления должна стать оценка эффективности муниципальных служащих с применением различных современных кадровых технологий. В настоящее время разработаны и применяются определенные методологии анализа и оценки эффективности работы муниципальных служащих.

В современных условиях особое значение имеет анализ обеспеченности предприятия кадрами, призванный не только оценивать степень укомплектованности работниками соответствующей профессиональной и квалификационной подготовки, но и выявлять резервы сокращения потребности в рабочих кадрах за счет улучшения режима работы и условий труда. От обеспеченности трудовыми ресурсами и эффективности их использования зависят объем и своевременность выполнения всех работ, что влияет на функционирование всей организации.

Под методами оценки муниципальных служащих понимаются методы, благодаря которым проводится оценка соответствия муниципального служащего указанным критериям. На сегодняшний день оценка эффективности работы практически полностью основана на формальных показателях, и чаще всего подобная оценка проводится в форме аттестации [7].

Существуют положительные и отрицательные стороны проведения аттестации муниципальных служащих.

Положительные:

• аттестация может положительно влиять на мотивации муниципальных служащих к трудовой деятельности;

• руководителю даётся возможность сделать вывод о профессиональной компетенции работника, его возможном повышении или увольнении с занимаемой должности;

• аттестуемому дается возможность показать свои положительные качества и зарекомендовать себя с лучшей стороны.

Отрицательные:

• в процедуре проведения аттестации используются только традиционные методы;

• в настоящее время традиционные методы, такие как собеседование и тестирование, малоэффективны в управлении.

Данная система оценки эффективности самими работниками воспринимается формальностью и не влияет на оплату труда. Отсюда возникает необходимость разработки новой специализированной методики, которая была бы направлена на оценку результатов деятельности муниципального служащего.

На данный момент предлагаются различные методики, поскольку растет спрос на систему оценки эффективности деятельности муниципальных служащих. Проведённый анализ предложенных методов оценки показал, что они основаны на сочетании уже известных методологических подходов, которые были разработаны за рубежом:

• MBO (Management By Objectives) – управление по целям;

• BSC (Balanced Score Card) – сбалансированная система показателей деятельности [8].

В Таблице 2 обозначены критерии эффективности работы муниципальных служащих и местной администрации.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: нормативно-правовое обеспечение акцентирует внимание в основном на действии органов местного самоуправления, что, по идее нормативно-правового регулирования, должно отраз-

Таблица 2

Критерии эффективности работы муниципальных служащих и местной администрации

Муниципальный служащий	Местная администрация
Повышенное внимание к выполняемым полномочиям	Результативность муниципальных служащих в области реализации вопросов местного значения и отдельных государственных полномочий
Достижимость профессиональной самореализации в рамках выполняемых полномочий	Экономико-организационная четкость структуры
Величина воздействия на принятие управленческого решения	Воздействие на функции и полномочия посредством централизации и децентрализации
Независимость в принятии управленческого решения	Приемлемость регулирования и контроля (свобода и быстрота управления)
Достойное денежное довольство	Высокая информационная обеспеченность и быстрота ее обработки
Существование дополнительных социальных поддерживающих преференций	Состояние дисциплинарной среды

Продолжение таблицы 2

Присутствие системы социальных преимуществ (пенсия, медицинское обслуживание и др.)	Дисциплинарная фрустрация, обязательность, оперативность
Регламентационная ранжированность полномочий и функций	Эмпатический (психологический) климат среди муниципальных служащих
Законодательно-правовая безопасность	Степень неустойчивости кадров
Наличие системы совершенствования	Степень креативности
Наличие системы обучения переподготовки и повышения по карьере	Образование инновационных инструментов и механизмов управления
Прочность должностного положения	Степень положительного или отрицательного состояния бюджетно-финансовой сферы
Приобретение допустимых преференций»	Степень организационно-трудового порядка (дисциплины) коллектива администрации
Уровень удовлетворения реализации своих навыков и умений	Формирование и развитие системы карьерной лестницы

Источник: составлено автором.

иться на уровне жизни местного сообщества. При этом ни одно из нормативных значений, которые отражены в Указе Президента РФ от 28.04.2008 № 607 не коснулось результативности должностного процесса муниципальных служащих.

В целом процедура оценки эффективности работы муниципальных служащих весьма сложная, имеет узкую территориальную направленность, не рассматривает достоинства, содержание и ценность работы конкретного муниципального служащего. Поэтому выработка иной системы условий и рейтинга эффективности работы муниципальных служащих, что позволит им показывать высокую результативность выполнения своих служебных обязанностей с достойным материальным поощрением, является актуальной.

В качестве рекомендаций предлагается внедрить систему, объединяющую цифровые технологии, данные реального времени и активное вовлечение граждан для создания проактивной модели управления, основанной на мнении и оценке жителей.

Список литературы

1. *Холов А.Х.* Внедрение эффективной системы принятия решений в государственных органах власти // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4, № 3. С. 232-240.
2. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и государственных районов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (дата обращения: 22.03.2026).
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (дата обращения: 22.03.2026).
4. Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035 (дата обращения: 22.03.2026).
5. Указ Президента Российской Федерации № 607 от 28.04.2008 «Об оценке эффективности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (дата обращения: 22.03.2026).
6. *Чупятова Е.И.* Современное положение муниципальной службы в Российской Федерации // Дневник науки. 2021. № 6(54) [Электронный ресурс]. URL: https://dnevniknauki.ru/index.php/archive (дата обращения: 22.03.2026).
7. *Зотов В.Б.* Особенности управления персоналом в системе местного самоуправления // Муниципальная академия. 2020. № 2. С. 7-11.
8. *Ключникова О.В., Дендебер С.В.* Методика оценки эффективности муниципальных методических служб // Научно-методическая работа в образовательной организации. 2021. № 1 (9). С. 25 [Электронный ресурс].

References

1. *Kholov A.Kh.* (2018) Introduction of an effective decision-making system in state authorities. *Bulletin of Science and Practice*, vol. 4, № 3, p. 232-240 (In Russian).
2. Decree of the President of the Russian Federation «On the assessment of the effectiveness of the activities of local self-government bodies of urban districts and state districts» dated April 28, 2008, № 607 [Electronic resource]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (accessed: 22.03.2026) (In Russian).
3. Federal Law "On Municipal Service in the Russian Federation" dated March 2, 2007, № 25-FZ [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/ (accessed: 22.03.2026) (In Russian).

4. Federal Law "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" № 131-FZ dated October 6, 2003 [Electronic resource]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035 (accessed: 22.03.2026) (In Russian).
5. Decree of the President of the Russian Federation "On the Evaluation of the Effectiveness of Local Self-Government Bodies in Urban Districts and Municipal Districts" № 607 dated April 28, 2008 [Electronic resource]. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/27276 (accessed: 22.03.2026) (In Russian).
6. *Chupyatova E.I.* (2021) The Current State of Municipal Service in the Russian Federation. *Science Diary*, № 6(54) [Electronic resource]. Available at: https://dnevniknauki.ru/index.php/archive (accessed: 22.03.2026) (In Russian).
7. *Zotov V.B.* (2020) Features of Personnel Management in the Local Self-Government System. *Municipal Academy*, № 2, p. 7-11 (In Russian).
8. *Klyuchnikova O.V., Dendeber S.V.* (2021) Methodology for Assessing the Effectiveness of Municipal Methodological Services. *Scientific and Methodological Work in Educational Organizations*, № 1 (9), p. 25 [Electronic resource] (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 15.04.2026
Статья поступила для публикации: 18.04.2026

Received: 26.03.2026
Revised: 15.04.2026
Accepted: 18.04.2026

УДК 796.06

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_137_144

Кутнюк Илья Владимирович,
аспирант, Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва,
ivkutnyuk@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ФИТНЕС-ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным вопросам цифровизации управления фитнес-предприятиями. В рамках авторского исследования было определено место фитнес-предприятий в системе учреждений спортивного профиля и видов спортивной деятельности, актуальных для российского и зарубежного сообщества, изучены вопросы нормативного регулирования деятельности фитнес-предприятий, тенденций роста спроса на услуги фитнес-индустрии, изменения форматов предоставления фитнес-услуг. На основании рассмотрения различных форм спортивной активности и их организационного, технологического и клиентского обеспечения сделан вывод, что предприятия фитнес-индустрии в наибольшей степени подвержены внедрению цифровых решений в целях удовлетворения запросов целевой аудитории. В рамках исследования приведены примеры различных по масштабу и комплектности залов и пространств для проведения фитнес-мероприятий, что оказывает прямое влияние на уровень и экономическую целесообразность расходов предприятий на цифровизацию управления и клиентского обслуживания. В статье систематизированы и обобщенысовременные практики разработки и внедрения цифровых решений в деятельность предприятий фитнес-индустрии, составлении обоснованного прогноза о дальнейшем развитии сектора цифровых методов управления российскими фитнес-предприятиями. Обобщен зарубежный опыт развития фитнес-предприятий в условиях изменения глобального потребительского запроса, дан прогноз основных направлений совершенствования управления фитнес-предприятиями с учетом растущих возможностей цифровизации и клиентоориентированности. Обобщены актуальные методы классификации цифровых решений и технологий, разрабатываемых и внедряемых в деятельность отечественных и зарубежных фитнес-предприятий. Отдельное внимание уделено вопросам государственного регулирования функционирования отрасли фитнес-предприятий и взаимосвязи мероприятий, проводимых предприятиями фитнес-отрасли, с общенациональными интересами и задачами.*

Ключевые слова: фитнес-предприятие, формы спортивной активности, востребованность услуг фитнес-предприятий, цифровизация управления, тенденции развития цифровизации фитнес-индустрии, клиентоориентированные цифровые решения, методы и инструменты фитнес-индустрии, классификация цифровых методов и решений, государственное регулирование цифровизации, перспективы развития цифровых сервисов.

Для цитирования: *Кутнюк И.В.* Основные тенденции цифровизации управления фитнес-предприятиями // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 137-144. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_137_144

Ilya V. Kutnyuk,
Postgraduate, Griboyedov Moscow University, Moscow,
ivkutnyuk@gmail.com

CAUSES AND METHODS OF DIGITALIZATION OF MANAGEMENT OF FITNESS ENTERPRISES

Abstract. *This article explores current issues in the digitalization of fitness enterprise management. The author's research identified the place of fitness enterprises within the system of sports institutions and sports activities relevant to the Russian and international communities. It also examined regulatory frameworks for fitness enterprises, trends in the growth of demand for fitness industry services, and changes in fitness service delivery formats. Based on an examination of various forms of sports activity and their organizational, technological, and customer support, it is concluded that fitness enterprises are most susceptible to the implementation of digital solutions to meet the needs of their target audience. The study provides examples of gyms and spaces for fitness events, varying in size and configuration, which directly impact the level and economic*

© Кутнюк И.В., 2026

feasibility of enterprises' expenditures on the digitalization of management and customer service. This article systematizes and summarizes current practices for developing and implementing digital solutions in the fitness industry, providing a well-founded forecast for the future development of digital management methods for Russian fitness enterprises. It summarizes international experience in developing fitness enterprises in the context of changing global consumer demand and provides a forecast for the main areas for improving fitness enterprise management, taking into account the growing opportunities of digitalization and customer focus. The author summarizes current methods for classifying digital solutions and technologies being developed and implemented in domestic and international fitness enterprises. Particular attention is paid to issues of state regulation of the fitness industry and the relationship between events held by fitness enterprises and national interests and objectives.

Keywords: fitness enterprise, forms of sports activity, demand for fitness enterprise services, digitalization of management, trends in the development of digitalization in the fitness industry, customer-oriented digital solutions, methods and tools of the fitness industry, classification of digital methods and solutions, government regulation of digitalization, prospects for the development of digital services.

For citation: Kutnyuk I.V. (2026) Causes and methods of digitalization of management of fitness enterprises. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 137-144. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_137_144 (In Russian).

С 2022 года российская экономика вступила в качественно новый этап своего развития.Это связано с объективными возможностями радикального пересмотра целей стратегического развития на макро- и микроэкономическом уровнях, формированием комплексного представления о приоритетах социального и технологического развития отраслей национальной экономики, повышением внимания к передовых и опережающим управленческим технологиям в условиях санкционного давления со стороны недружественных стран и поиска эффективного применения национальных и заимствованных технологий менеджмента.

Одной из сфер, в которых наиболее ярко прослеживается тенденция на активное внедрение цифровых управленческих технологий, является отрасль фитнес-предприятий, отличающаяся, с одной стороны, широким охватом населения как целевой аудитории, с другой – характеризующаяся относительной информационной открытостью с точки зрения наглядности и доступности для управленцев и исследователей.

Современное состояние экономики России можно охарактеризовать как подверженное таким важным и системно значимым трендам, как качественное преобразование на основе переосмысления и совершенствования значения человека как носителя трудовых и интеллектуальных ресурсов деятельности; изменения запросов заказчиков бизнес-ориентированных услуг в различных сферах, специализирующихся на клиентском обслуживании населения; возможностями формирования управленческих экосистем; использования искусственного интеллекта в управлении предприятиями.

Указанные направления соответствуют основным положениям источников нормативно-правового регулирования перспективного развития отраслей экономики Российской Федерации, приведенных на Рисунке.

Приведенные на Рисунке цели комплексной экономической политики находятся между собой во взаимосвязи и усиливают друг друга. Особое место в системе высших целей экономического преобразования Российской Федерации занимает ориентир на обеспечение научно-технического прогресса и повсеместное внедрение цифровых технологий.

В составе коммерческих сервисов, предназначенных для удовлетворения актуальных запросов граждан, всё большее значение приобретает индустрия спорта, позволяющая населению в любом возрасте самостоятельно выбирать форму дополнительной к бытовой и профессиональной физиологической активности деятельность. Разнообразные спортивные комплексы имеют различное назначение: бассейны, залы для боевых искусств, поля для гольфа, футбола и других индивидуальных и коллективных видов спорта, стадионы для спортивных мероприятий с особым режимом функционирования (к примеру, крытые ледовые площадки для хоккея) и самые востребованные населением фитнес-залы.

Причины растущей популярности услуг, предлагаемых фитнес-предприятиями, раскрываются в исследовании кандидата биологических наук К.Р. Хведелидзе, который указывает, что для современного человека нормальным для поддержания здоровья является 150 минут в день умеренной физической нагрузки. Это большей частью населения, чья трудовая деятельность не связана с тяжелыми физическими работами, в обычной жизни не достигается – 80 % граждан ищут дополнительные источники физической нагрузки и ради здоровья и идеальной фигуры готовы за это платить [14, с. 38].

Как указывает президент Ассоциации операторов фитнес-индустрии О. Киселева, после периода

Рисунок. Система и содержание нормативного регулирования стратегии долгосрочного экономического развития России

Источник: [1, п. 1; 2, п. 25, 26; 4, п. 1]

пандемии 2020 года во всем мире, в том числе в России, фитнес-предприятия стали источником возможности реализации полезной физической активности граждан. Но в настоящее время именно потребитель формирует запрос к спектру и качеству услуг, которые должен предоставлять современный фитнес-центр, особенно в крупных городах, в условиях растущей конкуренции. Помимо стандартных занятий на тренажерах и плавания в бассейне современные фитнес-комплексы внедряют такие индивидуальные и групповые услуги, как mind and body, растяжки, релаксы, медитации, медицинский мониторинг [10].

По итогам 2023 года общий оборот бизнес-сферы, как указывают У.Д. Ганинаи И.Т. Хайруллин, вырос до уровня 172 млрд руб. (со ссылкой на Национальное фитнес-сообщество) или 213,6 млрд руб. (по версии Исследовательского агентства Fitness Data), что связано как с ростом числа потребителей, так и увеличением стоимости фитнес-услуг [8, с. 8].

На наш взгляд, различия в суммарной оценке делового оборота отрасли связаны с различными подходами в определении состава комплексов и услуг в сфере фитнеса. Так, в 2024-2025 годах был отмечен растущий тренд мини-фитнесов (фитнес у дома, студия йоги, студия растяжки, танцевальные классы, в том числе по спортивному танцу) – небольших студий размером до 100…150 м^2, открывающихся в жилых комплексах и спальных районах. В аналитике подобные предприятия некоторыми исследователями не учитываются в составе отрасли. Такие центры предлагают меньший спектр фитнес-услуг, но позволяют пользователям обращаться в специализированные сервисные центры в пешей доступности от своего дома. При этом одним из факторов успеха таких фитнес-студий является один или несколько тренеров, на которых идут потребители. В этом сегменте в 2022 году доля студий, создаваемых, как правило, с привлечением кредитного финансирования, закрывшихся в течение первого года функционирования, составила 30 %, в 2023 году – 20 %, что говорит об определенном финансовом и рыночном риске подобных стартапов [10].

По состоянию на 1 мая 2025 года общее количество фитнес-предприятий в России составляло 14,3 тыс., в том числе уровня формата фитнес-клубов – 3,4 тыс. объектов.

В региональном разрезе первое место по числу фитнес-предприятий занимает Москва (1096 объектов; рост за 2025 год 12,3 %), второе – Московская область (592 объекта; +16,1 %), третье – Санкт-Петербург (334 предприятия; +14,0 %), четвертое – Краснодарский край (259 объектов; +14,6 %), Свердловская область (221 предприятие; +19,5 %) [13]. Представленные данные указывают на то, что фитнес-индустрия более развита в урбанистических, густонаселенных и экономически более благополучных субъектах Российской Федерации; кроме того, активно развивается не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и активно продвигается в других регионах страны.

Таким образом, в настоящее время фитнес-индустрия в России является востребованным и растущим сектором бизнес-активности, что создает поло-

жительные предпосылки для дальнейшего развития предприятий отрасли и совершенствования технологий управления их деятельностью.

Ключевым вопросом управления фитнес-предприятием является достижение наивысшего результата при контроле над затратами. Коммерческая цель создания фитнес-предприятия достигается за счет различных инструментов управления деятельностью, важное место среди которых занимает цифровизация.

На законодательном уровне цифровизация управления фитнес-предприятиями обозначена в стратегии развития физической культуры и спорта в России, составленной с прогнозом до 2030 года (далее – Стратегия). В настоящее время в России отсутствует единая методика проведения мероприятий по цифровизации фитнес-услуг в государственном и (или) коммерческом сегменте. Она предполагает комплексный подход к выявлению обоснованной потребности профессионального или непрофессионального пользователя фитнес-услуг в тех или иных упражнениях, видах спорта, формах спортивной активности (в том числе на основе медицинских показателей), составлению графика тренировок с учетом возраста, медицинских показаний и противопоказаний, наличия индивидуальных физиологических особенностей потребителя, финансовых и временных возможностей. Кроме того, в Стратегии указывается, что спортивная инфраструктура должна быть географически доступна для пользователей, а цифровые сервисы должны быть ориентированы на прямое защищенное взаимодействие между фитнес-предприятием и потребителем [3].

Цифровые технологии, разрабатываемые и внедряемые в сфере фитнес-индустрии, можно классифицировать по ряду признаков.

1. В зависимости от доступа с ним со стороны фитнес-предприятия:

• цифровые средства, приобретаемые и используемые гражданами без взаимодействия с фитнес-предприятиями, – фитнес-браслеты, умные часы, нагрудные пульсометры, инерционные измерительные модули, интегрированные в одежду и обувь датчики. Собираемые с их помощью сведения затем могут использоваться пользователем для корректировки своих тренировок, передаваться лечебному учреждению или консультанту по здоровью, предоставляться тренеру для принятия спортивных решений [5, с. 448];

• цифровые сервисы, разрабатываемые фитнес-предприятием для своих клиентов на универсальной или персонифицированной основе, – мобильные приложения фитнес-центров с функциями оповещения, напоминания, онлайн-оплаты и других услуг, сервисы онлайн-тренировки с тренером;

• цифровые решения, предназначенные для экономности, доступности и комфортности управления деятельностью самого фитнес-предприятия, – электронные браслеты, мобильное приложение, цифровые сервисы управления фитнес-средой.

2. В зависимости от ориентирования на посещение специализированного помещения фитнес-предприятия:

• обеспечивающие комфорт в вопросах посещения специализированного помещения – онлайн-видеотрансляция тренажерного зала для клиента, средства электронного доступа на территорию фитнес-предприятия и в его сервисные помещения, мобильное приложение;

• ориентированные на проведение онлайн-тренировок с тренером (живым или электронным); данная услуга становится всё более востребованной, что связано с экономией затрат на время для перемещения до места проведения тренировок, личными требованиями со стороны ряда клиентов по обеспечению безопасности, отсутствию других людей во время тренировки и др.

Некоторые исследователи приводят следующие данные, демонстрирующие финансовую составляющую востребованности сервисов онлайн-тренировок (см. Таблицу).

Данные Таблицы показывают, что с точки зрения финансовой составляющей цифровые онлайн-сервисы более выгодны для пользователей услуг фитнес-центров, хотя при этом повышается риск неправильного выполнения упражнений, что может повлиять на качество достигаемых спортивных результатов.

По оценке аналитического портала Allied Market Research, мировой онлайн-рынок фитнес-услуг в 2022 году составил 14,9 млрд долл. США, а к 2032 году его объемы возрастут до 250,7 млрд долл. США [15].

Учитывая достаточно высокую здоровьесберегающую, финансовую и цифровую грамотность российского населения, следует ожидать роста значимости цифровых онлайн-фитнес услуг и в России.

3. В зависимости от наличия профессионального статуса адресата цифровых решений. Так, в исследованиях современных тенденций развития фитнес-индустрии в России и за рубежом цифровые методы и технологии могут бытьориентированными:

• на профессиональный спорт (спорт высоких достижений) – цифровые табло, средства медицинской онлайн-диагностики спортсмена, средства видео- и фотофиксации финиша, умное тренировочное оборудование и др.;

• на пользователей фитнес-услуг непрофессионального уровня, которые способствуют повышению комфорта занятий спортом представителями любительского спорта и мотивируют общество на здоровый образ жизни (цифровые умные часы, онлайн-приложения с рекомендациями питания, расписанием и комплектностью тренировок) [6, с. 35].

Таблица

Сравнительный анализ стоимости онлайн и очных услуг фитнес-предприятия

Показатели	Формула расчета	Услуги		
		Составление плана тренировок (без сопровождения)/питания	Индивидуальная разовая тренировка	Стандартизированный месячный пакет тренировок (12 тренировок)
Стоимость для очного формата, руб.	–	Отсутствует	1500	18000
Стоимость для онлайн формата, руб.	–	2500	700	6000
Финансовая выгода, руб.	= 1.-2.	–	800	12000
Финансовая эффективность, %	= 3./2.·100 %	–	+ 114	+ 200

Источник: рассчитано автором на основе результатов исследований И.Г. Давидяна [9, с. 95].

4. В зависимости от возможностей отказа от профессиональных сопровождающих тренеров:

• цифровые фитнес решения, позволяющие отказаться от найма работников-специалистов по фитнес-сопровождению занимающихся спортом (тренеров). Данную категорию сервисов можно обозначить как «цифровой тренер» – цифровое решение, копирующее профессиональную деятельность фитнес-инструктора и позволяющее фитнес-предприятию экономить на заработной плате этой категории работников, а пользователю фитнес-услуг – не зависеть от индивидуального рабочего и личного графика тренера;

• цифровые сервисы, обеспечивающие и повышающие комфорт двустороннего общения между инструктором и пользователем услуг фитнес-предприятия.

Эксперты утверждают, что, несмотря на достаточно высокую стоимость услуг инструкторского сопровождения спортивной деятельности клиента фитнес-предприятия (зачастую стоимость тренерского сопровождения может в 3-5 и более раз превышать стоимость абонемента на посещение фитнес-центра) и локальное вытеснение инструкторов их цифровыми аналогами, полного замещения контактного тренинга цифровыми технологиями в фитнес-индустрии не произойдет. В настоящее время на российском рынке с тренером занимаются в среднем 15 % клиентов фитнес-залов (от 7 % в бюджетном и эконом-секторе до 25…30 % в сегменте премиального фитнес-обслуживания) [10].

Так образом, приведенная классификация цифровых технологий, разрабатываемых, внедряемых и используемых в деятельности фитнес-предприятий, позволяет говорить о динамичности данной категории инструментов управления деятельностью фитнес-центров, ориентированности цифровых сервисов и решения на клиентов и формировании разумного баланса между современными цифровыми новинками и традиционными для фитнес-сферы форматами клиентского обслуживания, включая режим живого общения между инструктором и его подопечными, в том числе улучшенного с помощью цифровых технологий.

В условиях цифровизации управления, в том числе в сфере фитнес-индустрии, возрастает значение интерактивных форм обучения и взаимодействия персонала. Как отмечают О.Н. Владимирова, В.В. Кольга, Г.Т. Полежаева, применение интерактивных методов способствует формированию профессиональных компетенций и повышению эффективности подготовки менеджеров за счет активного вовлечения обучаемых в процесс принятия решений и моделирования реальных управленческих ситуаций [7].

Цифровизация не только улучшает систему управления фитнес-предприятиями, но оказывает глобальное воздействие на саму идею и содержание фитнес-индустрии. В 2023 году изменения экономической конъюнктуры, например, инфляционное повышение затрат в деятельности фитнес-предприятий (от 20 % на коммунальные услуги до 32 % стоимости фитнес-оборудования, в том числе импортируемого), снижение уровня жизни населения, привели к уменьшению средней маржинальной рентабельности в отрасли (с 14…16 % в 2020 году до 7…8 % в настоящее время) [8, с. 8].

В составе цифровых методов управления фитнес-предприятиями необходимо отдельно рассматривать сервисные решения, предназначенные прежде всего для самого фитнес-клуба, а не его клиентов.

В составе таких сервисов выделяются решения из категории интернета вещей, позволяющие использовать аналитические алгоритмы в системе материально-технического обеспечения фитнес-предприятия и работы с действующими или потенциальными клиентами; облачные сервисы, улучшающие внутреннюю коммуникацию между службами фитнес-предприятия и коммуникативного взаимодействия с клиентами, и др. [11, с. 168].

Указанная группа цифровых методов управления фитнес-предприятием не связана с возможными рисками для клиента, поэтому более оперативна и удобна для внедрения в целях повышения коммерческой эффективности предприятия фитнес-индустрии.

С одной стороны, функционирование фитнес-предприятий представляет собой процесс, обусловленный модными трендами, техническими достижениями и возможностями, в том числе в области цифровизации управления, запросами со стороны потребителей. Однако опыт деятельности и развития объектов фитнес-индустрии показывает, что в России имеют место те тенденции и процессы, которые ранее появились, были апробированы и получили развитие в странах, обладающих более длительной историей развития здоровьесберегающих технологий и режимов, включая европейские страны, США, страны азиатского региона.

При этом, по мнению некоторых российских исследователей (под руководством кандидата экономических наук О.В. Кучиной), к числу актуальных тенденций цифровизации управления фитнес-предприятиями в зарубежной и отечественной практике можно отнести следующие:

• клиентоориентированные цифровые технологии взаимодействия с клиентом (мобильное приложение, ИИ-ассистент);

• переход на рекуррентные платежи (с оплатой услуг по месячному или разовому формату) с соответствующими цифровыми сервисами контроля посещений и оплаты;

• персонализированные цифровые сервисы (биометрика, контроль физиологического состояния (в том числе с расшифровкой, объяснениями и рекомендациями), «цифровой инструктор»);

• цифровые сервисы повышения охвата целевой аудитории (цифровые каналы распространения рекламной и разъяснительной информации, страницы в социальных сетях, интернет-портал фитнес-предприятия) [12, с. 484].

В США, Китае, Германии, Японии, Великобритании, Франции и других странах предприятия фитнес-индустрии являются центрами всей сферы оздоровления, включая здравоохранение, строительство объектов оздоровления, производство продуктов здорового питания, средств личной гигиены и красоты. Это создает предпосылки для создания нового поколения цифровых решений в сфере управления фитнес-предприятиями, основанного на интеграции с технологиями и сервисными платформами и смежных для фитнес-индустрии видов деятельности. Хочется надеяться, что в перспективе так будет и в России.

Таким образом, анализ практики разработки и внедрения цифровых методов управления фитнес-предприятиями свидетельствует о постоянном развитии данной сферы, росту внимания к ней со стороны пользователей и представителей смежных отраслей и видов деятельности, а в перспективе – возможности унификации и стандартизации цифровых сервисов, применяемых в деятельности предприятий фитнес-сферы.

Проведенное исследование позволило сделать следующие основные выводы.

1. В настоящее время деятельность предприятий фитнес-индустрии тесно связана с главными ориентирами социально-экономического развития общества, призвана обеспечить повышение и сохранение здоровья населения, популяризацию здорового образа жизни, развитие смежных отраслей. Вопросы стандартизации и цифровизации управления фитнес-предприятий содержатся в ряде профильных нормативных актов Российской Федерации, регламентирующих и определяющих стратегические ориентиры социально-экономического развития общества, требования и ожидания от предприятий спортивной сферы, в том числе и фитнес-предприятий. Вопросам цифровизации управления фитнес-предприятиями уделяется должное место в системе нормативного регулирования национального и отраслевого уровня.

2. Разработка и применение цифровых методов управления фитнес-предприятиями тесно связана с отраслевыми особенностями их деятельности, к числу которых относятся:

• высокий уровень клиентоориентированности;

• обеспечение безопасности и сохранения здоровья для пользователей фитнес-услуг;

• активное внедрение новых технологий в систему организации функционирования предприятий отрасли и их взаимодействия с клиентами.

3. Для понимания целевой направленности и возможностей применения тех или иных цифровых методов управления фитнес-предприятиями была проведена их классификация по таким критериям доступа к ним со стороны фитнес-предприятия, ориентирования на посещение специализированного помещения фитнес-предприятия, в зависимости от наличия профессионального статуса адресата цифровых решений, возможности отказа от профессиональных сопровождающих тренеров. Это позволило сформировать комплексное представление о многообразии и фрагментарной полезности тех или иных

цифровых решений фитнес-индустрии в конкретных условиях деятельности и предоставления услуг.

4. Анализ и обобщение практики создания и внедрения цифровых решений в управление фитнес-предприятиями говорит об активной трансформации сферы фитнес-услуг, развитии общенациональных систем и сервисов сопровождения профессионального и любительского спорта, что приводит к высокому уровню динамизма в запросах и тенденциях развития цифровых методов управления фитнес-предприятиями.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 02.03.2026).
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 02.03.2026).
3. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р) (в ред. от 17.12.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/ (дата обращения: 02.03.2026).
4. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ (дата обращения: 02.03.2026).
5. *Андрющенко Ю.В., Ревва С.А.* Современные тенденции в развитии массового спорта // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 447-450.
6. Организация и управление спортивной индустрией: монография / С.И. Бочкарева, С.П. Голубничий, В.А. Зайцев, Т.П. Высоцкая [и др.]. М.: Эдитус, 2024. 244 с.
7. *Владимирова О.Н., Кольга В.В., Полежаева Г.Т.* Использование интерактивных учебных и внеучебных форм работы при подготовке современных менеджеров // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2019. № 1. С. 29-36.
8. *Ганина У.Д., Хайруллин И.Т.* Современные проблемы и перспективы развития спортивной отрасли на примере фитнес-индустрии // Физическая культура и здоровье: молодежная наука и инновации: сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции (Тула, 22 мая 2025 года). Тула: ТГУ, 2025. С. 7-10.
9. *Давидян И.Г.* Цифровизация фитнес-услуг: возможности и перспективы // Перспективные исследования в сфере образования, культуры и общества: сборник статей XXII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 13 марта 2025 года). Санкт-Петербург: Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова, 2025. С. 94-95.
10. *Киселева О.* Шесть трендов фитнес-индустрии, которые сформировал клиент [Электронный ресурс]. URL: https://secrets.tbank.ru/lichnyj-opyt/trendy-fitnes-industrii/?ysclid=mji19sz14v376987349&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 02.03.2026).
11. *Куровский С.В., Мишин Д.А., Кадирова Х.М.* Особенности цифровизации в сфере фитнес-услуг // Управленческий учет. 2025. № 4. С. 165-173.
12. *Мелентьева С.Д.* Перспективные направления развития в фитнес-индустрии // Вестник Экономического научного общества студентов и аспирантов: сборник материалов XXIII Межвузовской студенческой научно-практической конференции «LECTIO IBI-2025» (Санкт-Петербург, 22 мая 2025 года). Санкт-Петербург: Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, 2025. С. 478-486.
13. *Мерцалова А.* Здоровый образ клуба [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7713370?ysclid=mji236u8j542720487 (дата обращения: 02.03.2026).
14. *Хведелидзе К.Р.* Мотивационные факторы посещения фитнес-клубов в Грузии: роль фитнеса в улучшении здоровья // UNIVERSUM: химия и биология. 2025. № 2-1 (128). С. 36-43.
15. Обзор рынка онлайн/виртуального фитнеса [Электронный ресурс]. URL: https://www.alliedmarketresearch.com/virtual-online-fitness-market (дата обращения: 02.03.2026).

References

1. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 № 309 [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (accessed: 02.03.2026) (In Russian).
2. National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400 [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (accessed: 02.03.2026) (In Russian).
3. Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation through 2030: approved by Russian Government Order № 3081-r of 24.11.2020 (as amended on 17.12.2024) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369118/ (accessed: 02.03.2026) (In Russian).

4. Strategy for the Socioeconomic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions through 2050: approved by Russian Government Order № 3052-r of 29.10.2021 [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ (accessed: 02.03.2026) (In Russian).
5. *Andryushchenko Yu.V., Revva S.A.* (2025) Current trends in the development of mass sports. *Social and Humanitarian Knowledge*, № 4, pp. 447-450 (In Russian).
6. *Bochkareva S.I., Golubnichy S.P., Zaitsev V.A., Vysotskaya T.P. [et al.]* (2024) Organization and management of the sports industry: Monograph. Moscow: Editus Publishing, 2024, 244 p. (In Russian).
7. *Vladimirova O.N., Kolga V.V., Polezhaeva G.T.* (2019) Use of interactive educational and extracurricular forms of work in the training of modern managers. *Municipal Education: Iinnovation and Experiment*, № 1, pp. 29-36 (In Russian).
8. *Ganina U.D., Khairullin I.T.* (2025) Current Problems and Prospects for the Development of the Sports Industry on the Example of the Fitness Industry. Physical Culture and Health: Youth Science and Innovations: Collection of Scientific Papers of the XIV International Scientific and Practical Conference (Tula, May 22, 2025). Tula: TSU, pp. 7-10 (In Russian).
9. *Davidyan I.G.* (2025) Digitalization of Fitness Services: Possibilities and Prospects. Advanced Research in Education, Culture and Society: Collection of Articles from the XXII International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, March 13, 2025). St. Petersburg: Lomonosov International Institute for Advanced Studies, pp. 94-95 (In Russian).
10. *Kiseleva O.* Six Client-Formed Fitness Industry Trends [Electronic resource]. Available at: https://secrets.tbank.ru/lichnyj-opyt/trendy-fitnes-industrii/?ysclid=mji19sz14v376987349&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 02.03.2026) (In Russian).
11. *Kurovsky S.V., Mishin D.A., Kadirova H.M.* (2025) Features of digitalization in the field of fitness services. *Management Accounting*, № 4, pp. 165-173 (In Russian).
12. *Melentyeva S.D.* (2025) Promising directions of development in the fitness industry. *Bulletin of the Economic Scientific Society of Students and Postgraduates:* Proceedings of the XXIII Interuniversity Student Scientific and Practical Conference "LECTIO IBI-2025" (St. Petersburg, May 22, 2025). St. Petersburg: Anatoly Sobchak International Banking Institute, 2025, pp. 478-486 (In Russian).
13. *Mertsalova A*. Healthy Club Image [Electronic resource]. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/7713370?ysclid=mji236u8j542720487 (accessed: 02.03.2026) (In Russian).
14. *Khvedelidze K.R.* (2025) Motivational Factors of Visiting Fitness Clubs in Georgia: the Role of Fitness in Improving Health. *UNIVERSUM: Chemistry and Biology*, № 2-1 (128), pp. 36-43 (In Russian).
15. Online/Virtual Fitness Market Review [Electronic resource]. Available at: https://www.alliedmarketresearch.com/virtual-online-fitness-market (accessed: 02.03.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.03.2026	Received: 13.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 16.04.2026	Revised: 16.04.2026
Статья поступила для публикации: 23.04.2026	Accepted: 23.04.2026

УДК 338.431

DOI 10.47629/2074-9201_2026_2_145_158

Палицына Дарья Владимировна,
старший преподаватель кафедры товароведения, управления качеством и экономики сферы услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал Нижегородского государственного инженерно-экономического университета, город Княгинино,
ya.199517fttbkisru2011@yandex.ru

Паленова Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры товароведения, управления качеством и экономики сферы услуг, Институт пищевых технологий и дизайна – филиал Нижегородского государственного инженерно-экономического университета, город Княгинино,
ptv.1959@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАСЛОЖИРОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию экономической оценки конкурентоспособности масложирового подкомплекса, включающего анализ ключевых показателей, влияющих на его развитие. Рассматривается структура валового сбора масличных культур, динамика производства и потребления растительного масла, а также государственные меры поддержки и стимулирования отрасли. Особое внимание уделяется анализу региональных особенностей выращивания и переработки подсолнечника в Нижегородской области, а также влиянию агротехнических факторов на повышение урожайности и снижение себестоимости продукции. Проводится детальное изучение эффективности управления и оптимизации производственных процессов, подчеркивается важность внедрения современных технологий и рационального использования ресурсов. Кроме того, рассматриваются экономические последствия инфляции, колебания цен на сырье и конечную продукцию, а также тенденции изменения структуры затрат и производительности труда. Исследование подчеркивает необходимость комплексного подхода к развитию масложирового подкомплекса, направленного на обеспечение устойчивого роста и повышение конкурентоспособности отрасли.*

Ключевые слова: экономическая оценка, конкурентоспособность, масложировой подкомплекс, подсолнечник, урожайность, себестоимость, государственное регулирование, Нижегородская область, агротехнические факторы, эффективность управления.

Для цитирования: *Палицына Д.В., Паленова Т.В.* Экономическая оценка конкурентоспособности масложирового подкомплекса // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 145-158. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_145_158

Darya V. Palitsyna,
Senior Lecturer at the Department of Commodity Science, Quality Management and Economics of the Service Sector, Institute of Food Technology and Design – branch of Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino,
ya.199517fttbkisru2011@yandex.ru

Tatiana V. Palenova,
Senior Lecturer at the Department of Commodity Science, Quality Management and Economics of the Service Sector, Institute of Food Technology and Design – branch of Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Knyaginino,
ptv.1959@mail.ru

ECONOMIC ASSESSMENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE FAT AND OILS SUBCOMPLEX

Abstract. *The article is devoted to the study of the economic assessment of the competitiveness of the oil and fat subcomplex, which includes an analysis of the key indicators affecting its development. The article examines the structure of the gross harvest of oilseeds, the dynamics of production and consumption of vegetable oil, as well as the state measures of support and stimulation of the industry. Special attention is paid to the analysis of the regional features of sunflower cultivation and*

© Палицына Д.В., Паленова Т.В., 2026

processing in the Nizhny Novgorod region, as well as the influence of agrotechnical factors on increasing crop yields and reducing production costs. The author conducts a detailed study of the effectiveness of management and optimization of production processes, emphasizing the importance of implementing modern technologies and rational use of resources. In addition, the economic consequences of inflation, fluctuations in the prices of raw materials and final products, as well as trends in changes in the cost structure and labor productivity, are being considered. The study highlights the need for a comprehensive approach to the development of the oil and fat subcomplex, aimed at ensuring sustainable growth and increasing the competitiveness of the industry.

Keywords: economic assessment, competitiveness, oil and fat subcomplex, sunflower, yield, cost, state regulation, Nizhny Novgorod region, agrotechnical factors, management efficiency.

For citation: Palitsyna D.V., Palenova T.V. (2026) Economic assessment of the competitiveness of the fat and oils subcomplex. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 145-158. DOI: 10.47629/2074-9201_2026_2_145_158 (In Russian).

Оценка экономической конкурентоспособности масложирового подкомплекса предполагает комплексный подход, включающий: анализ ключевых индикаторов, отражающих степень конкурентоспособности, применение специализированных методик для оценки, учет факторов, определяющих конкурентные преимущества продукции, исследование механизмов государственного регулирования, расчет соответствующих экономических показателей.

Основные посевные площади подсолнечника в России расположены в Приволжском федеральном округе, на который приходится 30 % от всего объема посевов. Доля сельскохозяйственных организаций в общем валовом сборе масличных культур в Нижегородской области превышает их удельный вес в посевной площади [2]. В среднем за 2013-2024 годы на долю сельскохозяйственных организаций приходилось 88 % производства маслосемян, на крестьянские (фермерские) хозяйства – 11,8 %, подсобные частные хозяйства населения – 0,18 % (см. Таблицу 1).

По результатам, указанным в Таблице 1, можно построить диаграмму (см. Рисунок 1).

В Нижегородском регионе подсолнечник доминирует среди масличных культур, занимая в среднем 88 % посевных площадей. Рапс и соя занимают значительно меньшие доли – 6,7 и 5,5 % соответственно. С 2018 года местные аграрии начали выращивать горчицу, а с 2020 года – лен масличный. Позже, в 2021 и 2024 годах, ассортимент пополнился рыжиком и сафлором.

Масложировая отрасль агропромышленного комплекса Нижегородской области во многом опирается на переработку семян подсолнечника. Для поддержания ее динамичного развития в регионе реализуется комплекс инициатив, включающий как стимулирующие, так и регулирующие механизмы. К ним относятся такие программные документы, как «Разви-

Таблица 1

Структура валового сбора масличных культур в Нижегородской области по категориям хозяйств, %

Годы	Категории хозяйств		
	Сельскохозяйственные организации	Крестьянские (фермерские хозяйства)	Хозяйства населения
2013	96,5	3,3	0,2
2014	96,0	3,8	0,2
2015	94,4	5,4	0,2
2016	91,3	8,6	0,1
2017	90,3	9,6	0,1
2018	82,3	17,6	0,1
2019	78,6	21,3	0,1
2020	87,6	12,3	0,1
2021	86,5	13,4	0,1
2022	80,7	18,5	0,8
2023	91,4	8,5	0,1
2024	80,7	19,2	0,1
В среднем	88,0	11,8	0,2

Источник: таблица составлена авторами на основе [10-16].

Рисунок 1. Валовый сбор масличных культур в Нижегородской области по категориям хозяйств

Источник: рисунок выполнен авторами по данным Таблицы 1 с использованием пакета программ V-Microsoft Word, Excel

тие промышленности и сельского хозяйства Нижегородской области на 2017-2025 годы», «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Нижегородской области на 2019-2025 годы», «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного комплекса Нижегородской области до 2035 года». Объемы государственной поддержки, выделяемой на производство подсолнечника, демонстрируют следующую динамику: 2020 год – 14,6 млн руб., 2021-й – 8,4 млн руб., 2022-й – 37,3 млн руб., 2023-й – 19,2 млн руб., 2024-й – 45,3 млн руб. (см. Рисунок 2).

Рост производства подсолнечника в Нижегородской области в 2013-2023 годах обусловлен влиянием интенсивных и экстенсивных факторов с преобладанием интенсивного роста урожайности культуры. При этом рост урожайности подсолнечника обусловлен увеличением затрат на удобрения и семена, использованием средств защиты растений, обновлением машинно-тракторного парка сельскохозяйственных организаций. Для выяснения отдельных причин повышения себестоимости 1 ц семян подсолнечника проанализируем динамику изменения затрат по статьям, используя алгоритмы исчисления коэффициента неравномерности производства подсолнечника:

$$\sum_{i=1}^{n} V_r, \quad (1)$$

где V_r – среднее значение затрат; n – число лет рассматриваемого периода времени ($n = 4$);

$$\sum_{i=1}^{n} = 14,6 + 8,4 + 37,3 + 19,2 = 79,5 \text{ млн руб.}$$

$$V_r = \frac{79,5}{4}. \approx 19,9 \text{ млн руб.}$$

$K_{нер}$ – коэффициент неравномерности производства подсолнечника:

$$K_{нер} = \frac{V_{max}}{\tilde{V}_r}, \quad (2)$$

где V_{max} – максимальная величина затрат;

$$K_{нер} = \frac{37,3}{19,9} \approx 1,8.$$

Для дальнейшего увеличения валового сбора маслосемян следует прежде всего учитывать агротехнологические факторы, способствующие повышению урожайности: возможности введения в оборот залежных земель и освоение современных требований

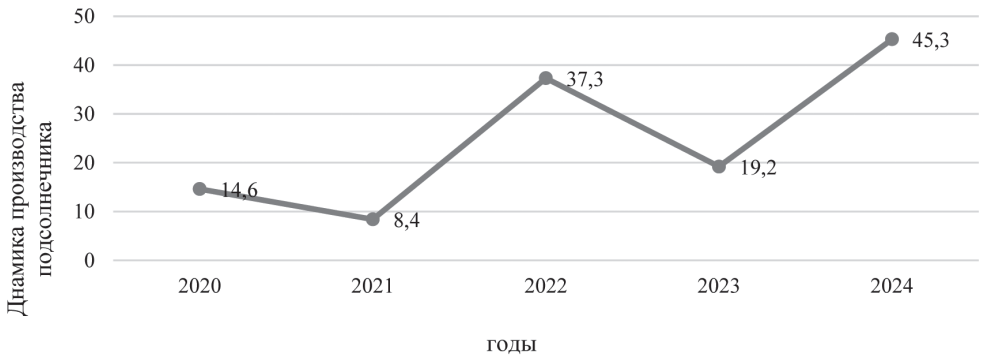


Рисунок 2. Неравномерность производства подсолнечника за период 2020-2024 годов

Источник: рисунок выполнен авторами на основе объемов данных государственной поддержки масложировой отрасли Нижегородской области с использованием пакета программ V-Microsoft Word, Excel

севооборотов с включением в них черных паров. По научно обоснованным нормам, удельный вес масляничных культур в общей площади посевов сельскохозяйствеых культур не должен превышать 25 %, а фактически в 2022 году он составил 17,9 %.

Производство маслосемян в Нижегородской области развивается динамично. В период с 2013 по 2023 год посевн площадь масличных культур увеличилась в 3 раза, составив 223,8 тыс. га. При этом наиболее интенсивный период приходится на период 2013-2023 годов.

Анализ результатов исследования выявил, что в условиях ограниченного финансирования использование удобрений следует планировать таким образом, чтобы увеличение урожайности компенсировало расходы на их покупку и внесение, а также приносило дополнительную прибыль.

Высокая урожайность масличных культур и качество семян подсолнечника напрямую коррелируют с эффективностью агрохимических мероприятий, направленных на подавление патогенных микроорганизмов, вредоносных насекомых и сорной флоры.

Статистические данные методом группировки сельскохозяйственных организаций свидетельствуют о том, что увеличение затрат на химические средства защиты семян и растений подсолнечника способствует росту урожайности культуры (см. Таблицу 2). В 67 хозяйствах химические средства защиты при возделывании подсолнечника не используются (51,9 % от общего числа), что отражается на урожайности, уровень которой ниже среднего значения на 2,1 ц/га, или в 1,2 раза.

В сельскохозяйственных организациях с уровнем затрат на химические средства защиты растений свыше 824 руб./га урожайность превышает аналогичный показатель хозяйств первой группы в 1,5 раза, среднее значение по группировке – в 1,2 раза. Однако увеличение затрат на химические средства защиты ведет к росту производственной себестоимости 1 ц подсолнечника в 1,24 раза, или на 157,59 руб., что в условиях относительного низкого уровня вариации цены реализации маслосемян существенно влияет на снижение рентабельности производства.

Качество посевного материала является важным условием для улучшения продуктивности масличных культур. За последние несколько лет наблюдается увеличение использования семян высших репродукций для посева. За период с 2019 по 2021 год доля элитных семян увеличилась с 7,6 до 14,9 %. В частности, по подсолнечнику этот показатель вырос с 13,3 до 14,9 %, по рапсу – с 0 до 0,9 %, по сое – с 2,6 до 68,2 %.

Данное направление способствовало увеличению сбора урожая масличных культур и послужило существенным толчком к дальнейшему увеличению их производства. Использование семян высокого качества является ключевым фактором для достижения высокой урожайности и общего развития сельскохозяйственной отрасли.

Проведенные авторами исследования, основанные на анализе статистических групп, указывают на прочную взаимосвязь между расходами на семена и урожайностью сельскохозяйственной культуры (см. Таблицу 3). Например, в хозяйствах первой группы, где затраты на семена не превышают 720 руб./га, урожайность подсолнечника составила 9,7 ц/га, что на 20 % ниже среднего показателя по выборке. В то же время в хозяйствах четвертой группы, где расходы на семена превышают 2160 руб./га (в три раза выше), урожайность достигает 15,5 ц/га, что на 30 % выше среднего значения. Увеличение затрат на семена также ведет к росту производственной себестоимости 1 ц подсолнечника в 1,3 раза, или на 211,69 руб., и снижению уровня рентабельности производства на 13,0 п. п.

Важными условиями получения высоких урожаев семян является правильное размещение подсолнечника в севообороте, рациональный выбор предшественника и эффективные сроки возврата на прежнее место (не ранее чем через 8-10 лет).

Таблица 2

Группировка сельскохозяйственных организаций Нижегородской области по затратам на химические средства защиты растений при возделывании подсолнечника в 2022 году

Группы хозяйств по затратам на химические средства защиты, руб./га	Количество хозяйств в группе	Урожайность, ц/га	Производственная себестоимость 1 ц семян, руб.	Уровень рентабельности производства, %
Не используются	64	10,0	653,83	35,5
До 412	30	11,7	718,60	27,8
412-824	15	12,0	754,76	20,7
Свыше 824	20	14,8	811,42	27,7
В среднем	129	12,1	738,41	29,6

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-16].

Таблица 3

Группировка сельскохозяйственных организаций Нижегородской области по затратам на семена подсолнечника в 2023 году

Группы хозяйств по затратам на семена, руб./га	Количество хозяйств в группе	Урожайность, ц/га	Производственная себестоимость 1 ц семян, руб.	Уровень рентабельности производства, %
До 720	62	9,7	660,16	36,9
720-1440	33	12,5	632,78	21,2
1440-2160	17	13,0	799,41	34,0
Свыше 2160	17	15,5	871,85	23,9
В среднем	129	12,1	738,41	29,6

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-16].

Однако анализ влияния удельного веса посевов подсолнечника в общей площади сельскохозяйственных культур на эффективность производства в 129 хозяйствах показал, что с увеличением доли посевов подсолнечника в общей посевной площади наблюдается рост рентабельности производства (см. Таблицу 4).

Наилучшие показатели продуктивности в выращивании подсолнечника демонстрируют агрохолдинги, где эта культура занимает от 20,1 до 24,0 % посевных площадей, что почти в два раза выше рекомендуемых научных норм. В этой группе высокие показатели прибыльности связаны с сокращенными издержками производства и меньшей потребностью в трудозатратах при культивировании подсолнечника.

Если оценивать эффективность производства подсолнечника в абсолютных величинах, то оптимальной считается доля посевов этой культуры от 16,1 до 20,0 % в структуре общей посевной площади. В рамках этой группы хозяйств отмечается самая высокая урожайность (13,4 ц/га) и максимальная прибыль с каждого гектара посевов (2302,41 тыс. руб.).

Графически зависимость урожайности подсолнечника от концентрации его посевов в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области представлена на Рисунке 3.

Кривая зависимости первоначально имеет тенденцию к росту, но, достигнув максимального уровня урожайности 13,1 ц/га при уровне специализации 8,9 %, приобретает обратную тенденцию: урожайность семян подсолнечника принимает минимальное значение 11,4 ц/га при уровне специализации 13,5 %.

Таблица 4

Группировка сельскохозяйственных организаций Нижегородской области по доле посевов подсолнечника в общей посевной площади сельскохозяйственных культур в 2023 году

Группы хозяйств по удельному весу посевов подсолнечника в общей посевной площади, %	Количество хозяйств в группе	Удельный вес посевов подсолнечника в среднем по группе, %	Урожайность, ц/га	Затраты труда на производство 1 ц продукции, чел.-ч	Производственная себестоимость 1 ц, руб.	Прибыль с 1 га посевов, руб.	Уровень рентабельности, %
До 12,0	27	7,1	12,8	1,19	642,51	710,96	11,0
12,1-16,0	12	15,0	12,8	0,54	809,06	1758,44	26,1
16,1-20,0	14	15,9	13,4	0,68	835,12	2302,41	28,2
20,1-24,0	13	22,0	11,7	0,68	625,63	2120,67	33,2
Свыше 24,1	63	35,2	11,6	0,68	742,05	1822,75	32,1
В среднем	129	22,5	12,1	0,71	738,41	1841,66	29,6

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-16].

Рисунок 3. Зависимость урожайности подсолнечника от концентрации его посевов в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области в 2023 году

Источник: рисунок составлен авторами с использованием данных Таблицы 4

Затем контур кривой повторяется и выходит на более низкий уровень.

Чтобы увеличить рентабельность культивирования подсолнечника, необходимо сосредоточиться на сокращении производственных издержек. Себестоимость выращивания этой культуры находится в прямой зависимости от профессионализма управления, рациональности использования имеющихся ресурсов, уровня механизации процессов, модели организации труда и применяемых агротехнологий.

Себестоимость 1 ц семян подсолнечника зависит от величины затрат на 1 га площади и урожайности культуры. Степень влияния этих факторов на изменение себестоимости 1 ц за последние пятилетие лет можно установить с помощью метода цепных подстановок (см. Таблицу 5).

За 2019-2024 годы фактическая себестоимость 1 ц семян подсолнечника выросла на 9,7 % под влиянием ежегодного увеличения производственных затрат в расчете на 1 га площади. Исключение составили 2021 и 2023 годы, когда затраты на 1 га были меньше, чем в предыдущие годы, и себестоимость единицы продукции, соответственно, снижалась.

В период с 2019 по 2024 год себестоимость производства центнера семян подсолнечника увеличилась почти в 4 раза (в 3,8 раза). Наиболее значительный подъем наблюдался в статьях затрат на минеральные удобрения – почти в 19 раз (в 18,7 раза), посевной материал – более чем в 8 раз (в 8,2 раза) и оплату труда работников – почти в 6 раз (в 5,9 раза). Возрастание расходов на семена объясняется не только инфляцией, но и внедрением более прогрессивных агротехнологий, включая применение высококачественных сортовых семян. Данный аспект являлся благоприятным, поскольку положительно повлиял на увеличение урожайности.

Существенный рост затрат на оплату труда в России напрямую отражает многократное повышение минимального размера оплаты труда, что, в свою очередь, повлекло за собой пересмотр тарифных ставок в аграрном секторе. Уменьшение темпов роста наблюдается в сегменте расходов на средства защи-

Таблица 5

Расчет влияния факторов на изменение себестоимости 1 ц семян подсолнечника в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области (статистика, и годовой отчет)

Показатели	Рассматриваемый период времени					
	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Затраты на 1 га, руб.	5599	8070	6318	11780	9102	10179
Урожайность, ц/га	8,5	8,9	10,7	10,7	12,6	11,7
Себестоимость 1 ц., руб.:						
фактическая	658,75	906,79	590,51	1100,93	722,35	873,65
при фактической урожайности и затратах предыдущего года	473,19	629,14	754,25	590,51	934,92	988,75
Отклонение себестоимости в отчетном году от предыдущего, руб.: общее	+107,77	+248,04	-316,28	+510,42	-344,41	+151,3
в том числе: за счет изменения: урожайности	-77,79	-29,61	-152,54	–	-166,01	+10,51
затрат на 1 га	+185,56	+277,65	-163,74	+510,42	-212,57	-594

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-16].

ты растений, которые выросли в 5,7 раза, а также на поддержание и ремонт основных фондов, увеличившихся в 2,8 раза. Рост затрат на содержание основных средств объясняется инфляционными процессами и увеличением амортизационных отчислений, связанных с вводом в эксплуатацию нового парка машин и оборудования. В то же время снижение объемов потребления горюче-смазочных материалов и затрат на ремонтные работы позволило ограничить общий рост расходов по данной статье, сделав его более сдержанным по сравнению с другими категориями затрат.

Сравнивая 2023 и 2019 год, можно отметить изменения в структуре затрат. Возросла доля расходов на удобрения, семена, оплату труда с учетом социальных отчислений и средств защиты растений. Одновременно снизилась доля расходов, связанных с содержанием основных производственных фондов, прочими прямыми расходами, не входящими в основные статьи, а также затратами на организацию и управление производством. Тем не менее в себестоимости подсолнечника наибольший удельный вес по-прежнему составляют затраты на поддержание основных средств. Это вполне объяснимо, учитывая высокий уровень механизации, характерный для данной отрасли.

За период исследования при увеличении валовых сборов подсолнечника значительно повысилась эффективность его производства и продаж. Прежде всего при росте урожайности значительно снизилась трудоемкость производства 1 ц семян: в 2023 году по сравнению с 2019-м – в 2,5 раза, в целом за 2013-2023 годы – в 5 раз. Такой результат получен благодаря совершенствованию технологий и поступлению новых тракторов, комбайнов, других машин, производительность которых в 2-3 раза выше, чем у старых модификаций. Машины совершенствуются также в направлении повышения качества технологических операций и снижения эксплуатационных затрат, что положительно отражается на урожайности и себестоимости продукции.

Рост цен на реализуемые семена подсолнечника происходит значительно быстрее увеличения затрат на их производство. Это приводит к росту прибыльности от продажи подсолнечника. Благодаря увеличению урожайности, прибыль в расчете на гектар возросла более значительно, чем прибыль на центнер продукции.

Ключевой показатель эффективности подсолнечной отрасли – уровень рентабельности производства – поднялся с 9,8 % в 2013 году до 27,7 % в 2022-м, что соответствует увеличению на 39,7 п. п. За последние пять лет этот показатель вырос на 3,2 п. п. Рентабельность продаж также демонстрирует положительную динамику: в 2021 году прибыль в выручке от реализации подсолнечника составила 21,7 %, в то время как в 2013 году она составляла 8,9 %, то есть увеличение составило 12,8 п. п. По сравнению с 2018 годом – на 2,0 п. п. Наивысший уровень рентабельности отрасли (97,7 %) был зафиксирован в 2019 году, что было обусловлено высокими закупочными ценами на подсолнечник и реализацией запасов прошлых лет, себестоимость которых была ниже, чем урожая 2018 года. В 2019 году цена реализации центнера семян подсолнечника уменьшилась по сравнению с 2018 годом на 53,2 %, а в 2021 году – увеличилась по отношению к 2020 году на 47,7 %.

В связи с нестабильностью цен в 2020 году производители оставили значительную часть продукции на хранение, формируя запасы для будущих продаж, а в 2021 году продавали продукцию не только текущего, но и прошлого года (уровень товарности превышал 100 %). В 2021 году, при той же урожайности, прибыль от продажи подсолнечника на гектар увеличилась на 2461,2 руб. и превысила уровень предыдущего года в 2,7 раза, а рентабельность производства и продаж увеличилась на 16,1 и 8,1 п. п. соответственно. Следовательно, экономическая отдача отрасли повысилась.

Далее авторами статьи проанализирована эффективность производства подсолнечника и ее изменения в последние годы по сельскохозяйственным зонам Нижегородской области.

Исследования методом статистических группировок данных 129 сельскохозяйственных организаций области показали, что эффективность производства подсолнечника определяется уровнем цены реализации маслосемян (см. Таблицу 6).

Так, в сельскохозяйственных организациях с низким уровнем цены реализации семян (до 500 руб./ц) производство подсолнечника нерентабельно. Убыток от продажи маслосемян в расчете на 1 га посевов в данной группе составил в среднем 935,82 руб. Наибольшей рентабельностью отрасли в 37,0 % характеризуются хозяйства четвертой группы, где цена реализации 1 ц семян превышает 1100 руб., что выше уровня первой группы в 2,2 раза. В сельскохозяйственных организациях данной группы получена прибыль от реализации маслосемян в размере 2826,69 руб./га.

Цены на пищевые продукты для конечных потребителей подвержены непрерывным флуктуациям, что находит свое отражение в колебаниях индексов потребительских цен. Товары масложировой отрасли востребованы в разнообразных отраслях, начиная от производственных предприятий и заканчивая розничными сетями, предприятиями общественного питания и домашними хозяйствами. В связи с этим средней уровень стоимости данной категории товаров демонстрирует постоянную изменчивость, оказывая

Таблица 6

Влияние цены продажи семян подсолнечника на эффективность их производства в сельскохозяйственных организациях Нижегородской области в 2023 году

Группы хозяйств по средней цене продажи 1 ц семян, руб.	Количество хозяйств в группе	Прибыль от продажи семян в расчете на 1 га посевов, руб.	Уровень рентабельности, %
До 500	11	-935,82	-29,7
500-800	38	1295,37	31,7
800-1100	51	1815,36	24,7
Свыше 1100	26	2826,69	37,0
В среднем	126	1895,03	29,6

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-15].

значительное воздействие на формирование цен целого ряда других товаров. Индексы потребительских цен и средние потребительские цены на продукты питания в России и Нижегородской области детально представлены в Таблице 7.

В Нижегородской области подсолнечное масло занимает 15-е место по динамике потребительских цен среди продовольственных товаров, что подчеркивает необходимость усиления конкурентоспособности в масложировой индустрии.

Таблица 7

Индексы потребительских цен и средние потребительские цены на продовольственные товары (сведения Росстата)

Наименование товара	Индексы потребительских цен, в % к декабрю предыдущего года, декабрь 2022 года		Средние потребительские цены в декабре 2022 года, руб.		
	НО	РФ	НО	РФ	Отклонение НО от РФ
	%	%	руб.	руб.	%
Чай черный байховый, кг	128,02	121,29	1086,31	1200,34	90,50
Соль поваренная пищевая, кг	124,40	125,97	13,87	18,56	74,43
Рис шлифованный, кг	127,47	125,20	100,26	111,09	90,25
Говядина (кроме бескостного мяса), кг	119,27	116,06	486,16	484,17	105,41
Масло сливочное, кг	117,29	114,70	732,33	835,77	87,62
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки 1 и 2 сортов, кг	116,24	110,17	64,66	61,81	104,61
Рыба мороженая неразделанная, кг	115,69	109,57	196,36	207,56	94,60
Молоко питьевое цельное пастеризованное 2,5-3,2 %-й жирности, л	115,23	114,43	69,20	73,37	94,32
Вермишель, кг	114,41	114,57	87,97	107,69	81,69
Хлеб из ржаной муки и из смеси муки ржаной и пшеничной, кг	113,93	110,09	60,17	70,23	85,68
Мука пшеничная, кг	112,93	108,92	45,95	51,84	88,64
Хлеб и булочные изделия из пшеничной муки высшего сорта, кг	110,88	112,24	85,72	85,21	100,60
Яблоки, кг	109,12	102,52	86,27	101,60	84,91
Сахар-песок, кг	108,92	113,50	57,18	64,03	89,30
Масло подсолнечное, кг	107,63	105,20	124,68	132,94	93,79
Пшено, кг	106,54	100,27	46,62	60,38	77,21

Продолжение таблицы 7

Баранина (кроме бескостного мяса), кг	103,94	111,41	548,80	552,77	99,28
Лук репчатый, кг	102,87	105,16	27,86	32,15	86,66
Куры охлажденные и мороженые, кг	93,11	97,31	149,68	178,22	83,99
Свинина (кроме бескостного мяса), кг	92,96	99,16	268,66	307,92	87,25
Морковь, кг	71,66	82,88	23,41	37,47	62,48
Яйца куриные, 10 шт.	84,93	93,49	69,09	81,70	84,57
Крупа гречневая-ядрица, кг	82,37	92,62	95,81	109,62	87,40
Картофель, кг	59,80	68,53	23,41	31,91	73,36
Капуста белокочанная свежая, кг	37,78	46,60	16,881	24,12	69,98

Источник: таблица составлена авторами на основе [10-15].

Развитие производства в восточной части Приволжского федерального округа может принести позитивные результаты. Этот регион характеризуется высокой урожайностью сельскохозяйственных культур, низкими производственными затратами и эффективными механизмами сбыта масличных культур в рамках пищевой промышленности.

Обратная тенденция наблюдается с показателем производственной себестоимости, уровень которой уменьшается от первой группы к четвертой на 45,6 %. Анализ структуры производственных затрат в расчете на 1 ц семян подсолнечника в двух крайних группах совокупности организаций показал следующее: в четвертой группе выше доля расходов на удобрения (в 2,2 раза) и семена (на 1,7 п.п.). При этом в первой группе организаций выше доля затрат на содержание основных средств и оплату труда.

Более существенные различия сложились по стоимостным показателям полной себестоимости 1 ц, цене реализации, прибыли в расчете на 1 организацию. Так, сельскохозяйственные организации четвертой группы характеризуются высокой ценой реализации 1 ц продукции (995 руб. против 827,7 руб.) и низкой полной себестоимостью (488,8 руб. против 1023,4 руб.). На одну организацию первой группы приходится в среднем 811,6 тыс. руб. убытка от реализации семян подсолнечника, в четвертой группе – 3627,9 тыс. руб. прибыли.

Статистическая группировка 129 сельскохозяйственных организаций, возделывающих подсолнечник, показала, что уровень рентабельности отрасли во многом обусловлен влиянием урожайности культуры (см. Таблицу 8). Если сравнить две крайние группы по урожайности, то в четвертой группе показатель на 27,8 % выше, чем в первой группе.

Авторы статьи на основании статистического анализа считают, что под влиянием всех факторов уровень рентабельности производства подсолнечника в организациях четвертой группы составил в среднем 103,5 %, что выше уровня рентабельности в первой группе на 122,6 п. п.

Можно констатировать, что уровень рентабельности производства подсолнечника в Нижегородской области выше в тех организациях, в которых существенно больше затраты на удобрения и семена, окупающиеся приростом урожайности при меньшей величине затрат на содержание основных средств и оплату труда[1]. В результате эти организации имеют низкую себестоимость единицы продукции. Важным условием эффективности отрасли АПК является высокая цена реализации подсолнечника в связи с ее высокой потребительной стоимостью.

В Таблице 9 представлены предприятия Нижегородской области и показатели производства растительных масел.

Анализ данных, представленных в Таблице 9, демонстрирует, что лидирующие позиции в сфере изготовления растительных масел из привозного сырья принадлежат Нижегородскому масложировому комбинату (НМЖК), расположенному в Нижнем Новгороде, и предприятию «Жемчужина Поволжья» (г. Дзержинск), представляющему Нижегородскую область. Объем производства растительных масел на этих предприятиях, а именно НМЖК и «Жемчужина Поволжья», стабильно растет из года в год, что указывает на эксплуатацию обширных производственных площадей и использование современного высокотехнологичного оборудования, включая технологические линии [1].

Авторами исследования выполнен укрупненный маркетинговый анализ производства растительных масел на территории Нижегородской области (см. Рисунок 4).

Согласно группировке производств растительного масла по Нижегородской области самыми производительными районами региона являются Дзержинск, Дивеево, Саров, Первомайск, Сергач, Кстово [5].

Анализ картограммы выявляет, что территории с высоким и умеренным уровнем развития производства подсолнечного масла преимущественно расположены в центральных и южных районах Нижегородской области. Это свидетельствует о существенном

[1] При этом действует известное классическое ленинское определение в экономике: темпы роста $P_{тр}$ должны превышать темпы роста заработной платы.

Таблица 8

Группировка сельскохозяйственных организаций Нижегородской области по критерию эффективности производства подсолнечника в 2023 году

Показатели	Уровень рентабельности производства подсолнечника, %				В среднем по совокупности
	до 0,1	0,1-25,0	25,0-50,0	свыше 50,0	
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4	
Количество организаций в группе	34	43	33	19	129
Урожайность, ц/га	10,8	12,3	13,5	13,8	12,7
Затраты на 1 ц, руб. - всего	940,2	790,3	794,6	511,4	767,1
в том числе					
оплата труда с отчислениями на социальные нужды	127,0	95,6	119,4	44,4	100,4
семена	140,8	123,0	115,5	85,6	116,5
удобрения	41,3	81,7	89,6	48,9	72,9
химические средства защиты растений	85,8	38,6	75,1	24,5	56,9
содержание основных средств	180,9	138,3	156,2	91,2	143,4
Затраты труда на 1 ц, чел.-ч	0,84	0,73	0,64	0,60	0,69
Полная себестоимость 1 ц, руб.	1023,4	786,7	784,6	488,8	777,6
Средняя цена реализации 1 ц, руб.	827,7	893,7	1094,3	995,0	969,8
Средний размер прибыли (убытка, -) на 1 организацию, тыс. руб.	-811,6	703,2	2975,5	3627,9	1304,9
Уровень рентабельности (нерентабельности, -) в среднем по группе, %	-19,1	13,6	39,5	103,5	24,7

Источник: таблица составлена авторами на основе [4; 5].

Таблица 9

Показатели производства растительных масел в разных предприятиях муниципалитетов Нижегородской области с 2013 по 2023 год, тыс. т

Наименование предприятия	Годы										
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
«Жемчужина Поволжья», г. Дзержинск	97645	98746	252000	136700	272407	98747	94146	90403	95338	105890	141240
НМЖК, г. Нижний Новгород	53320	108420	205773	604648	356410	256720	328740	491230	498520	508712	512639
РУКОИЛ, г. Воскресенск	75580	75982	48592	84610	53651	20156	66296	87642	74279	78695	651023
Лысковский маслосырзавод, г. Лысково	56650	47010	54312	49614	52310	61230	59620	54670	51420	55620	59423
Воротынский маслосырзавод, г. Воротынец	35564	47336	33296	41602	45202	35681	38762	39845	42187	48230	42152
«Стряпуха», г. Нижний Новгород	69593	74873	59772	77349	75477	47735	59166	68235	70524	71365	78569
Починковский маслосырзавод, с. Починки	45800	73255	65241	58943	69784	70456	48200	59163	71205	72896	74813

Источник: таблица составлена авторами на основе [10-15].

потенциале масложировой отрасли, который может быть задействован для создания прогрессивной кластерной организации.

Анализ технико-экономических показателей масложирового подкомплекса позволяет констатировать, что наименьший объем выпуска продукции был зафиксирован в 2013 году, а пик производства пришелся на 2022 год. В течение 2023 и 2024 годов объем производства, выраженный в натуральных показателях, демонстрировал относительную стабильность.

Рисунок 4. Распределение производств растительного масла по Нижегородской области

Источник: рисунок составлен авторами с использованием пакета программы Яндекс Браузер и [3]

В 2023 году масложировая отрасль показала следующие результаты:

• индекс производства растительных масел составил 112,4 %, что указывает на эффективную работу предприятий;

• доля произведенных растительных и животных масел и жиров в совокупном объеме пищевой продукции, поступающей на рынок, демонстрирует устойчивый рост;

• удельный вес основных фондов, задействованных в производстве масел и жиров, в общем объеме активов пищевой промышленности варьируется в пределах 79,8…85,4 %;

• численность занятых в отрасли к 2023 году сократилась на 0,9 %, что, вероятно, обусловлено экономическими трудностями, пандемией и инфляционными процессами.

Несмотря на это, среднемесячная заработная плата в масложировой отрасли неуклонно росла, что связано с увеличением объемов производства, внедрением современного оборудования и передовых технологий.

Стабильность и перспективы развития масложирового подкомплекса в Нижегородской области характеризуется следующей графической моделью (см. Рисунок 5). За период с 2013 по 2023 год объем

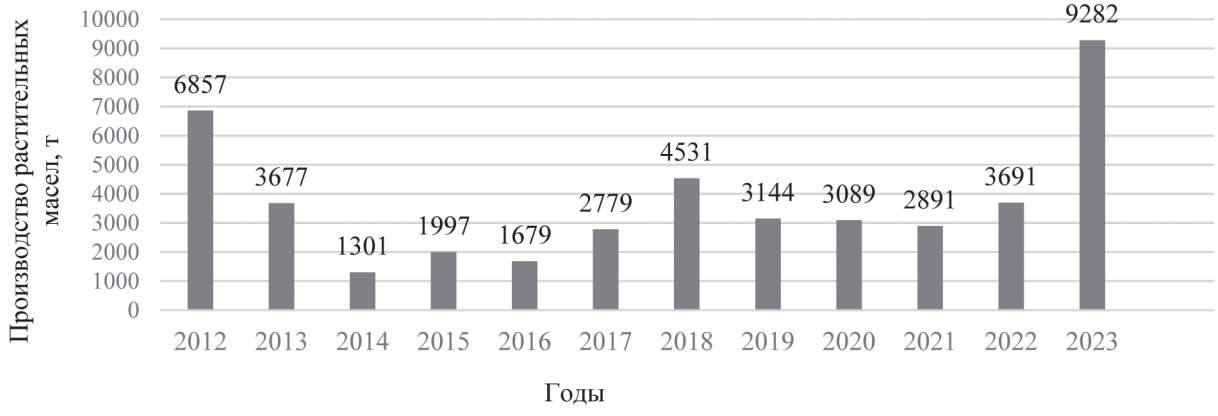


Рисунок 5. Производство растительного масла в Нижегородской области в динамике 2012-2023 годов, т

Источник: рисунок составлен авторами по данным Таблицы 9 с использованием пакета программ V-Microsoft Word, Excel

производства растительного масла в регионе вырос в 2,5 раза, составив 9282 т. При этом основной темп прироста продукции масложирового подкомплекса из рассматриваемого периода (2012-2023 годы) пришелся на 2023 год и составил 152,4 %.

Доля организаций Нижегородской области в общероссийском объеме производства и переработки маслосемян в масложировом подкомплексе незначительна (см. Таблицу 10).

В 2012 году доля региона в производстве растительного масла составила всего 0,1 %, однако в 2021 году удельный вес вырос в 3,7 раза, в 2023-м – в 4,8 раза.

Изучение тенденций производства и использования растительного масла в расчете на одного жителя Нижегородской области за период с 2012 по 2023 год выявило рост фактического потребления с 8,9 до 9,5 кг, что соответствует увеличению на 6,4 %. Несмотря на положительную динамику, текущий уровень потребления остается ниже рекомендованного значения, установленного приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 614 от 19 августа 2016 года, определяющим оптимальные нормы потребления продуктов питания для поддержания здорового образа жизни. (см. Таблицу 11).

Производство растительного масла на душу населения в регионе демонстрировало нестабильную динамику – от сокращения с 4,7 кг в 2012 году до минимума 2,1 кг в 2017 году с последующим уверенным подъемом до 12,2 кг к 2023 году. Как результат, степень удовлетворения внутреннего спроса на рас-

Таблица 10

Доля в производстве и переработке масличных культур в РФ

Показатели	Рассматриваемый период времени							
	2012 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
Удельный вес в площади посевов, %	1,35	0,81	1,23	1,19	1,52	1,68	1,72	2,02
Валовой сбор маслосемян, %	1,01	0,47	0,81	0,73	0,66	1,31	1,33	1,63
Производство растительного масла, %	0,10	0,13	0,11	0,10	0,14	0,37	0,41	0,48

Источник: таблица составлена авторами на основе [5; 8-15].

Таблица 11

Производство и потребление растительного масла на душу населения в Нижегородской области, кг в год

Год	Наличие на душу населения	Потребление		Уровень отклонения потребления (фактическое / потребление по рекомендуемым нормам) х 100% *	Уровень потребления, % *	Уровень обеспечения потребностей за счет собственного производства, % *
		По рекомендуемым нормам	Фактическое			
2012	4,7	10-12	8,9	89-74,2	47,2	52,8
2017	2,1	10-12	8,2	82-68,3	74,4	25,6
2018	2,4	10-12	8,3	83-69,2	72,1	28,9
2019	2,2	10-12	8,5	85-70,8	74,1	25,9
2020	2,8	10-12	8,5	85-70,8	67,1	32,9
2021	7,3	10-12	9,1	91-75,8	19,8	80,2
2022	11,3	10-12	9,4	94-78,3	-20,2	120,2
2023	12,2	10-12	9,5	95-79,2	-30,5	130,5

* рассчитано авторами статьи.

Источник: таблица составлена авторами на основе [5-15].

тительное масло за счет локального производства претерпела изменения – с 52,8 % в 2012 году до превышения внутреннего потребления и достижения 130,5 % в 2023 году. Этот рост во многом объясняется притоком инвестиций в предприятия, занимающиеся производством растительных масел и жиров в масложировом подкомплексе.

Исследование показало, что экономический потенциал масложирового подкомплекса, особенно в части производства подсолнечника, обладает значительным резервом для дальнейшего роста и улучшения конкурентоспособности.

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов.

1. Валовой сбор масличных культур, преимущественно подсолнечника, увеличивается за счет сочетания интенсивных и экстенсивных факторов с преобладанием первых, что создает условия для устойчивого роста отрасли.

2. Структурные преобразования в сельском хозяйстве, такие как внедрение современных агротехнологий и эффективное использование минеральных удобрений, оказывают позитивное воздействие на объемы производства и качество продукции.

3. Оптимизация системы управления и внедрение инновационных решений приводят к существенному улучшению финансовых показателей, включая снижение себестоимости и повышение рентабельности производства.

Таким образом, реализация предложенных рекомендаций позволит укрепить позиции производителей подсолнечника и обеспечить стабильное развитие регионального рынка масложировой продукции. Важно продолжать разработку и реализацию государственных программ, направленных на поддержку фермеров и создание условий для инновационного развития отрасли.

Список литературы

1. Управление конкурентоспособностью для эффективного функционирования и развития предприятия / Т.Ю. Кротенко, Д.А. Ермилина, М.И. Кануникова, О.В. Лесникова // Муниципальная академия. 2022. № 4. С. 62-68. DOI: 10.52176/2304831X_2022_04_62 EDN XWWPBF
2. *Можаев Е.Е., Волков А.П., Лях А.В.* Изменение продуктивности зерновых и масличных культур в связи с изменением климата // Вестник Екатерининского института. 2024. № 3 (67). С. 26-33. EDN EDRPUJ
3. Производители растительного масла Нижегородской области // Производство России: интернет-выставка [Электронный ресурс]. URL: https://productcenter.ru/producers/r-nizhiegorodskaia-obl-193/catalog-rastitielnoie-maslo-590 (дата обращения: 26.02.2026).
4. Регрессионный анализ: как находить закономерности в данных и строить прогнозы. SkillboxMedia. 18.04.2025 [Электронный ресурс]. URL: https://blog.skillfactory.ru/regressionnyy-analiz-kak-nahodit-zakonomernosti-v-dannyh-i-stroit-prognozy/ (дата обращения: 26.02.2026).
5. РУСАГРО. Группа компаний // Сельскохозяйственный бизнес. Обзор результатов. Готовый отчет [Электронный ресурс]. URL: https://ar2023.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (дата обращения: 26.02.2026).
6. Сводный годовой отчет ООО «Маслокомбинат «Нижегородский» [Электронный ресурс]. URL: https://mknnov.ru/ (дата обращения: 26.02.2026).
7. Сводный годовой отчет по сельскому хозяйству РУСАГРО. Группа компаний // Сельскохозяйственный бизнес. Обзор результатов. Готовый отчет [Электронный ресурс]. URL: https://ar2022.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (дата обращения: 26.02.2026).
8. Сводный годовой отчет по сельскому хозяйству РУСАГРО. Группа компаний // Сельскохозяйственный бизнес. Обзор результатов. Готовый отчет [Электронный ресурс]. URL: https://ar2023.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (дата обращения: 26.02.2026).
9. Сводный годовой отчет по сельскому хозяйству РУСАГРО. Группа компаний // Сельскохозяйственный бизнес. Обзор результатов. Готовый отчет [Электронный ресурс]. URL: https://ar2024.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (дата обращения: 26.02.2026).
10. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р 76. 2018. 522 с.
11. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р 76. 2019. 572 с
12. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р 76. 2021. 522 с.
13. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р 76. 2022. 516 с.
14. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. М., Р 76. 2023. 518 с.
15. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат.М., Р 76. 2024. 514 с.
16. Группа «РОСАГРО». Годовой отчет – 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://ar2024.rusagrogroup.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_rusagro_2024.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

References

1. *Krotenko T.Yu., Yermilina D.A., Kanunikova M.I., Lesnikova O.V.* (2022) Management of Competitiveness for the Effective Functioning and Development of an Enterprise. *Municipal Academy*, № 4, pp. 62-68. DOI: 10.52176/2304831X_2022_04_62 EDN XWWPBF (In Russian).

2. *Mozhaev E.E., Volkov A.P., Lyakh A.V.* (2024) Changes in the productivity of grain and oilseeds due to climate change. *Ekaterina Institute Vestnik*, № 3 (67), pp. 26-33. EDN EDRPUJ (In Russian).
3. Producers of vegetable oil in the Nizhny Novgorod region. Production of Russia, Online exhibition [Electronic resource]. Available at: https://productcenter.ru/producers/r-nizhiegorodskaia-obl-193/catalog-rastitielnoie-maslo-590 (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
4. Regression analysis: how to find patterns in data and make predictions. Skillbox Media. 18.04.2025 [Electronic resource]. Available at:https://blog.skillfactory.ru/regressionnyy-analiz-kak-nahodit-zakonomernosti-v-dannyh-i-stroit-prognozy/ (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
5. RUSAGRO. Group of companies. Agricultural business. Performance overview. Ready report [Electronic resource]. Available at: https://ar2023.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
6. Consolidated annual report of LLC "MasloKombinatNizhegorodskiy" [Electronic resource]. Available at: https://mknnov.ru/ (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
7. Consolidated Annual Report on Agriculture by RUSAGRO. Group of Companies. Agricultural Business. Performance Overview. Ready Report [Electronic resource]. Available at: https://ar2022.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
8. Consolidated Annual Report on Agriculture by RUSAGRO. Group of Companies. Agricultural Business. Performance Overview. Ready Report [Electronic resource]. Available at: https://ar2023.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
9. Consolidated annual report on agriculture of RUSAGRO. Group of companies. Agricultural business. Performance overview. Ready report [Electronic resource]. Available at: https://ar2024.rusagrogroup.ru/ru/performance-overview/agriculture-business (accessed: 26.02.2026) (In Russian).
10. Russia in Figures. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., R 76. 2018. 522 p. (In Russian).
11. Russia in Figures. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., R 76. 2019. 572 p. (In Russian).
12. Russia in Figures. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., R 76. 2021. 522 p. (In Russian).
13. Russia in Figures. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., R 76. 2022. 516 p. (In Russian).
14. Russia in Figures. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., R 76. 2023. 518 p. (In Russian).
15. Russia in numbers. Krat. stat. sb. / Rosstat. M., P 76. 2024. 514 p. (In Russian).
16. ROSAGRO Group. The annual report is 2024. An electronic resource [Electronic resource]. Available at: https://ar2024.rusagrogroup.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_rusagro_2024.pdf (accessed: 26.02.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 07.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 12.04.2026
Статья поступила для публикации: 18.04.2026

Received: 07.03.2026
Revised: 12.04.2026
Accepted: 18.04.2026

УДК 339.543

Хаматгалеева Гулия Агзамтдиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва,
sting74@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ СТРАНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОВАРОВ ПРИ ТАМОЖЕННОМ ДЕКЛАРИРОВАНИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу вопросов подтверждения страны происхождения товаров в процессе таможенного декларирования. Актуальность темы обусловлена высокой долей отказов в предоставлении тарифных преференций по причине ненадлежащего оформления документов о происхождении, а также ростом числа судебных споров по данной категории дел. В работе систематизированы виды документов, подтверждающих происхождение товаров, исследованы требования к их оформлению в зависимости от торгового режима. На основе анализа правоприменительной практики выявлены типичные ошибки декларантов при заполнении сертификатов и деклараций, а также проблемные ситуации, возникающие при таможенном контроле. Особое внимание уделено вопросам соблюдения правила прямой поставки и особенностям подтверждения происхождения для товаров из стран ЕАЭС. Предложены практические рекомендации для участников ВЭД по минимизации рисков отказа в предоставлении преференций и ускорению таможенных процедур.*

Ключевые слова: страна происхождения товаров, таможенное декларирование, сертификат о происхождении, тарифные преференции, правило прямой поставки, подтверждение происхождения, таможенный контроль, ЕАЭС.
Для цитирования: *Хаматгалеева Г.А.* Практические аспекты подтверждения страны происхождения товаров при таможенном декларировании // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 159-165.

Gulia A. Khamatgaleeva,
Ph.D. of Pedagogical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management, Advertising, and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow,
sting74@mail.ru

PRACTICAL ASPECTS OF CONFIRMING THE COUNTRY OF ORIGIN OF GOODS IN CUSTOMS DECLARATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of practical issues of confirming the country of origin of goods in the process of customs declaration. The relevance of the topic is due to the high proportion of refusals to grant tariff preferences due to improper execution of origin documents, as well as the increasing number of court disputes in this category of cases. The work systematizes the types of documents confirming the origin of goods, examines the requirements for their execution depending on the trade regime. Based on the analysis of law enforcement practice, typical errors of declarants in filling out certificates and declarations are identified, as well as problematic situations arising during customs control. Special attention is paid to compliance with the rule of direct shipment and the specifics of confirming origin for goods from the EAEU countries. Practical recommendations are proposed for participants in foreign economic activity to minimize the risks of refusal to grant preferences and accelerate customs procedures.*

Keywords: country of origin of goods, customs declaration, certificate of origin, tariff preferences, rule of direct shipment, confirmation of origin, customs control, EAEU.
For citation: Khamatgaleeva G.A. (2026) Practical aspects of confirming the country of origin of goods in customs declaration. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 159-165. (In Russian).

В настоящее время подтверждение страны происхождения товаров (далее – СПТ) является одной из наиболее значимых и одновременно проблемных процедур в процессе таможенного декларирования. От правильности и полноты подтверждения происхождения напрямую зависит применение тарифных преференций, размер подлежащих уплате таможенных пошлин, а в ряде случаев – сама возмож-

© Хаматгалеева Г.А., 2026

ность выпуска товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой. Согласно статистике Федеральной таможенной службы [6], существенная часть отказов в предоставлении тарифных льгот (примерно 15-25 %) обусловлена не несоответствием требованиям оформления документов о происхождении, а недостаточным статусом товаров.

Заключение новых соглашений о свободной торговле (с Вьетнамом [3], Сербией [4], Ираном и другими странами) усложняет нормативно-правовую основу для внешнеэкономической деятельности [7; 8; 11; 12]. Это обусловливает необходимость для участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) глубокого понимания особенностей подтверждения происхождения товара в каждом отдельном торговом режиме. Чтобы избежать проблем и обеспечить бесперебойную торговлю, участникам ВЭД необходимо глубоко вникать в специфику подтверждения СПТ, которая может существенно меняться от одного торгового режима к другому [13]. Однако усиление таможенного контроля, особенно в связи с санкционными ограничениями, направленное на проверку достоверности данных о происхождении товаров, увеличивает вероятность финансовых потерь для недобросовестных и недостаточно осведомленных декларантов.

Целью данной статьи является анализ практических аспектов подтверждения СПТ при таможенном декларировании и разработка рекомендаций, направленных на минимизацию ошибок и рисков для участников ВЭД.

Документальное подтверждение СПТ является необходимым условием [1; 5] корректного применения широкого спектра мер таможенно-тарифного и нетарифного регулирования. Именно достоверные сведения о происхождении служат правовым основанием для реализации защитных механизмов внутреннего рынка, а также соблюдения установленных запретов и ограничений. Подтверждение СПТ при таможенном декларировании [10] осуществляется путем представления таможенному органу документов, удостоверяющих происхождение. Выбор конкретного вида документа зависит от торгового режима, в рамках которого осуществляется поставка, и от статуса товара.

Список документов, обязательных для предоставления участниками закупок, должен быть указан в Положении о закупке и извещении. Как правило, в число этих документов входят: номер и выписка из реестра, сертификат СТ-1 и иные документы (декларация, справка от производителя и др.).

Сертификат формы СТ-1

Данный сертификат применяется для подтверждения происхождения товаров из государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ), за исключением стран ЕАЭС, в отношениях между которыми действует особый режим. Данный сертификат выдается торгово-промышленными палатами или иными уполномоченными органами стран СНГ.

Практика показывает [2], что при оформлении сертификатов СТ-1 наиболее часто допускаются следующие ошибки:

• отсутствие в графе 11 «Критерий происхождения» соответствующей отметки («П» для полностью произведенных товаров, «ДП» для товаров, подвергшихся достаточной переработке);

• несоответствие сведений в графе 2 «Получатель» данным, указанным в контракте и декларации на товары;

• указание в графе 3 «Средства транспорта и маршрут» недостоверных или неполных сведений, что создает проблемы с подтверждением правила прямой поставки;

• отсутствие необходимых подписей и оттисков печатей уполномоченного органа

Сертификат о происхождении товара формы А

Данный сертификат используется в рамках Всеобщей системы преференций для товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран. Предоставление такого сертификата является основанием для применения ставок ввозных таможенных пошлин в размере 75 % от базовых или их полной отмены. Особенностью сертификатов формы А является то, что они заполняются, как правило, на языке страны-экспортера или на английском языке. Это создает дополнительные сложности для российских декларантов и таможенных инспекторов в части проверки соответствия сведений. Наиболее проблемные ситуации с сертификатами формы А возникают в следующих случаях:

• когда страна, выдавшая сертификат, не входит в утвержденный перечень развивающихся или наименее развитых стран – пользователей преференционной системы ЕАЭС;

• в сертификате отсутствует штамп Certified Erue Copy при представлении копии;

• имеются расхождения в описании товара между сертификатом и коммерческими документами

Декларация о происхождении товара

Декларация представляет собой упрощенную форму подтверждения, когда сам экспортер заявляет о происхождении товара в коммерческих или иных документах, связанных с товаром (инвойс, спецификация, отгрузочная спецификация). В соответствии с правом ЕАЭС декларация может использоваться в следующих случаях:

• при ввозе товаров, общая таможенная стоимость которых не превышает сумму, эквивалентную 200 евро (для товаров из развивающихся стран – 5000 евро в эквиваленте);

• при ввозе товаров уполномоченными экспортерами, включенными в соответствующие реестры;

• в иных случаях, предусмотренных международными договорами.

Практика показывает, что декларанты часто игнорируют возможность использования декларации для малых партий, представляя при этом сертификаты с ошибками, тогда как правильно оформленная декларация позволила бы избежать проблем.

Особые формы сертификатов в рамках соглашений о свободной торговле

Заключение ЕАЭС новых соглашений о свободной торговле (далее – ССТ) с третьими странами привело к появлению специальных форм сертификатов, отличных от традиционных СТ-1 и формы А. В рамках ССТ с Вьетнамом применяется сертификат формы EAV, Сербией – сертификат формы СТ-2, Ираном – особая форма, утвержденная соответствующим соглашением.

Основная практическая проблема заключается в том, что участники ВЭД зачастую представляют сертификаты общей формы (СТ-1 или А) при поставках, подпадающих под действие ССТ, что влечет отказ в предоставлении преференций, предусмотренных соглашением. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько групп наиболее распространенных ошибок, допускаемых при подтверждении происхождения товаров.

Ошибки формального характера. Данная группа ошибок является наиболее многочисленной и, что особенно важно, полностью устранимой при должном уровне внимательности со стороны декларанта и его иностранного контрагента.

К числу таких ошибок относятся:

• отсутствие подписи уполномоченного лица или ее несоответствие заявленным образцам;

• отсутствие оттиска печати выдавшего органа либо нечитаемый оттиск;

• заполнение сертификата на бланке устаревшего образца;

• наличие незаверенных исправлений и помарок;

• несоответствие даты выдачи сертификата дате отгрузки товара (сертификат выдан после отгрузки, что допустимо, но требует специальной отметки).

Содержательные ошибки и расхождения. Более сложная группа ошибок, связана с несоответствием сведений, указанных в сертификате, данным иных документов, представляемых при таможенном декларировании.

Наиболее часто встречаются:

• расхождения в наименовании товара (в сертификате указано обобщенное наименование, в инвойсе – детализированное);

• весе брутто/нетто (расхождения, превышающие допустимые погрешности);

• кодах ТН ВЭД (код в сертификате не соответствует коду, заявленному в декларации);

• наименовании получателя (особенно при поставках в адрес разных юридических лиц в рамках одного контракта).

Судебная практика показывает, что незначительные расхождения (например, в весе в пределах статистической погрешности) при отсутствии сомнений в достоверности происхождения, как правило, не являются основанием для отказа в предоставлении преференций. Однако доказывать «незначительность» таких расхождений приходится в судебном порядке.

Ошибки в указании критерия происхождения. Неправильное заполнение графы, в которой указывается критерий происхождения (в сертификате СТ-1 – графа 11, в форме А – графа 8), является одной из наиболее серьезных ошибок.

Декларанты и экспортеры:

• часто не указывают критерий происхождения;

• указывают «П» (полностью произведенный) для товаров, в производстве которых использовались иностранные компоненты;

• указывают «ДП» (достаточная переработка) без необходимой детализации, когда правила требуют указания конкретного процента адвалорной доли или описания выполненных операций.

В рамках ССТ требования к указанию критерия могут различаться. Например, в сертификате EAV (с Вьетнамом) требуется указывать не просто факт достаточной переработки, но и конкретное правило из Перечня условий (изменение товарной позиции, адвалорная доля, специальная операция).

Правило прямой поставки является одним из ключевых условий предоставления тарифных преференций. Согласно данному правилу товары должны быть поставлены непосредственно из страны происхождения в страну назначения. Допускается транспортировка через третьи страны, но при условии, что товары находились под таможенным контролем, не подвергались там каким-либо операциям (кроме перегрузки, перевалки и операций по сохранению) и не поступали в свободное обращение на их территории.

Практическая сложность заключается в том, что участники ВЭД часто не уделяют должного внимания документальному подтверждению соблюдения правила прямой поставки. При транспортировке через третьи страны необходимо располагать следующими документами:

• транспортными (перевозочными), оформленными при перевозке товаров через территорию третьих стран;

• документами, подтверждающими нахождение товаров под таможенным контролем (транзит-

ные декларации, свидетельства таможенных органов транзитных государств);

• документами, подтверждающими, что товары не подвергались операциям, не совместимым с правилом прямой поставки (сертификаты, справки, складские свидетельства).

На практике декларанты ограничиваются представлением коносаментов или международных товарно-транспортных накладных (CMR), что при наличии перегрузок в портах или на складах временного хранения в третьих странах является недостаточным. Анализ судебной практики [2; 9] позволяет выделить следующие типичные нарушения.

Хранение на складе в третьей стране. Товар, происходящий из Китая, доставляется морским транспортом в порт Гамбурга, где помещается на склад временного хранения, а затем через три недели отправляется автомобильным транспортом в Россию. Декларант представляет только коносамент из Китая в Германию и CMR из Германии в Россию. Документов, подтверждающих нахождение товара под таможенным контролем в Германии и отсутствие операций по переработке, нет. Таможенный орган отказывает в предоставлении преференций.

Частичная выгрузка и догрузка. При перевозке сборных грузов возникает ситуация, когда часть товаров выгружается в третьей стране, а оставшаяся часть догружается другими товарами. В этом случае доказать, что конкретный товар не покидал таможенной территории и не подвергался обработке, крайне сложно.

Перегрузка без оформления транзита. При перегрузке товаров с одного вида транспорта на другой (например, с морского на железнодорожный) в третьей стране участники ВЭД часто не оформляют транзитную декларацию, что делает невозможным подтверждение нахождения товаров под таможенным контролем.

В рамках Евразийского экономического союза действует особый режим: товары, происходящие с территорий государств-членов и находящиеся в свободном обращении на их территориях, при ввозе на территорию другого государства-члена не облагаются ввозными таможенными пошлинами. Подтверждение происхождения в данном случае имеет свою специфику.

Основным документом, подтверждающим статус товара ЕАЭС, является декларация о происхождении товара (сведения о происхождении, заявленные в коммерческих или иных документах). В отличие от поставок из третьих стран сертификат о происхождении для товаров ЕАЭС, как правило, не требуется. Однако на практике таможенные органы запрашивают дополнительные документы, подтверждающие, что товар действительно произведен на территории ЕАЭС или выпущен в свободное обращение. Такими документами могут быть:

• сертификат о происхождении формы СТ-1 (хотя формально он не требуется, многие участники ВЭД продолжают его представлять);

• документы, подтверждающие предыдущий выпуск в свободное обращение (таможенная декларация страны-экспортера);

• документы производителя о происхождении используемых материалов.

Наиболее сложная практическая ситуация возникает при ввозе товаров, формально имеющих статус товаров ЕАЭС (произведенных на территории ЕАЭС), но с использованием значительной доли иностранных компонентов. Таможенные органы вправе проверить, соответствует ли переработка критериям достаточности, установленным Протоколом о правилах происхождения.

Суды, в частности постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.05.2023 № Ф07-5678/2023, подчеркивают право таможенных служб требовать документы, подтверждающие происхождение компонентов и технологию производства товаров. Непредоставление такой документации может свидетельствовать о несоответствии заявленной информации о происхождении товаров, что может привести к «…доначислению таможенных платежей» [6].

На основе проведенного анализа можно сформулировать комплекс практических рекомендаций, направленных на минимизацию рисков при подтверждении происхождения товаров.

Взаимодействие с иностранным поставщиком

Предварительное согласование формы сертификата. На этапе заключения контракта необходимо определить, по какому торговому режиму осуществляется поставка, и предусмотреть обязанность поставщика представить сертификат именно той формы, которая требуется.

Направление инструкций по заполнению. Рекомендуется направить поставщику подробные инструкции по заполнению сертификата на русском языке с указанием всех необходимых реквизитов (точное наименование получателя, коды ТН ВЭД, требования к указанию критерия происхождения).

Получение электронной копии для предварительной проверки. Целесообразно запросить у поставщика электронную копию заполненного сертификата до его отправки с товаром, чтобы проверить правильность оформления и при необходимости оперативно внести исправления.

Согласование условий транспортировки. При поставках через третьи страны необходимо предусмотреть обязанность поставщика обеспечить оформление документов, подтверждающих нахождение товара под таможенным контролем в транзитных государствах.

Подготовка к таможенному декларированию

Предварительная проверка комплектности документов. До подачи декларации необходимо убедиться в наличии всех документов, подтверждающих происхождение, включая сертификаты, декларации, документы о прямой поставке.

Сверка сведений во всех документах. Сверку сведений о товаре (наименование, код ТН ВЭД, вес, стоимость) необходимо провести во всех документах – сертификате, контракте, инвойсе, упаковочном листе, транспортных документах. Все расхождения должны быть устранены или обоснованы.

Проверка соблюдения правила прямой поставки. Необходимо проанализировать маршрут перевозки и убедиться, что имеются документы, подтверждающие нахождение товара под таможенным контролем в третьих странах (при их наличии).

Подготовка пояснений. Рекомендуется подготовить краткие пояснения по вопросам происхождения товара, особенно в сложных случаях (использование иностранных компонентов, перегрузки в третьих странах, расхождения в документах), чтобы оперативно представить их таможенному органу при возникновении вопросов.

Действия в случае возникновения вопросов у таможенного органа

Оперативное реагирование на запросы. При получении запроса таможенного органа о представлении дополнительных документов необходимо максимально быстро и полно представить запрашиваемую информацию.

Взаимодействие с поставщиком. Если запрос касается документов, находящихся у поставщика, следует незамедлительно связаться с ним и запросить необходимые документы с переводом на русский язык (при необходимости).

Фиксация всех обстоятельств. Рекомендуется сохранять всю переписку с поставщиком, документы, подтверждающие направление запросов и получение ответов, на случай последующего судебного разбирательства.

Использование института предварительных решений. При осуществлении регулярных поставок однородных товаров целесообразно обратиться в таможенный орган за получением предварительного решения о происхождении товара, что позволит исключить неопределенность при последующих поставках.

Проведенное исследование практических аспектов подтверждения СПТ при таможенном декларировании позволяет сделать следующие выводы.

1. Документальное подтверждение происхождения является многоступенчатой процедурой, требующей от участника ВЭД понимания специфики различных видов сертификатов (СТ-1, формы А, специальных форм в рамках ССТ) и требований к их оформлению. Наибольшее количество проблем возникает именно на этапе заполнения документов и носит формальный характер, что свидетельствует о недостаточной подготовке декларантов и их иностранных контрагентов.

2. Критически важное значение имеет соблюдение правил прямой поставки, особенно при транспортировке товаров через третьи страны. Отсутствие надлежащего документального подтверждения нахождения товаров под таможенным контролем в транзитных государствах является самостоятельным и часто не преодолимым основанием для отказа в предоставлении преференций.

3. Судебная практика демонстрирует устойчивый подход: при формальных ошибках в сертификатах, не влияющих на достоверность сведений о происхождении, суды могут поддерживать декларантов, однако при отсутствии доказательств соблюдения правила прямой поставки или при невозможности установить действительное происхождение товара суды, как правило, признают решения таможенных органов обоснованными.

Минимизация рисков при подтверждении происхождения товаров требует от участников ВЭД системного подхода: выстраивания взаимоотношений с поставщиками; предварительной проверки документов; понимания маршрутов транспортировки и готовности к оперативному взаимодействию с таможенными органами. Внедрение предложенных в статье практических рекомендаций позволит снизить вероятность отказов в предоставлении преференций, ускорить таможенные процедуры и избежать финансовых потерь, связанных с доначислением таможенных платежей.

Список литературы

1. Предварительная классификация товаров в соответствии с Единой товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза: практика и перспективы / Н.Н. Алексеева, Е.И. Андреева, А.Н. Караулова, Д.В. Криштафович // Вестник Российской таможенной академии. 2021. № 4. С. 53-65.
2. *Алексеева Н.Н.* Анализ судебной практики по оспариванию законности решений таможенных органов по классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 5-17.
3. *Витюк В.В.* Документально-правовое оформление подтверждения происхождения товаров, перемещаемых в рамках свободной торговли ЕАЭС и Социалистической Республики Вьетнам // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 2 (91) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalno-

pravovoe-oformlenie-podtverzhdeniya-proishozhdeniya-tovarov-peremeschaemyh-v-ramkah-svobodnoy-torgovli-eaes-i (дата обращения: 11.02.2026).
4. *Витюк В.В.* Режим тарифно-преференциальных отношений в новом формате свободной торговли между ЕАЭС и Республикой Сербией // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-tarifno-preferentsialnyh-otnosheniy-v-novom-formate-svobodnoy-torgovli-mezhdu-eaes-i-respublikoy-serbiey (дата обращения: 11.02.2026).
5. *Ипатко Л.И.* Особенности и проблемы классификации материалов и изделий с использованием кокосового волокна // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2 (47). С. 20-26.
6. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_mfo/2023-03/09/_itog_doklad_2022.pdf (дата обращения: 11.02.2026).
7. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17.08.2021 № 17 «О Пояснениях к единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: http://www.alta. ra (дата обращения: 11.02.2026).
8. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14.06.2018 № 60 (ред. от 14.05.2024) «Об утверждении Правил определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран» [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/doc/reshenie-soveta-evraziiskoi-ekonomicheskoi-komissii-ot-14062018-n-60// (дата обращения: 11.02.2026).
9. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 06.03.2020 по делу № А32-29207/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/IVdU1UxqWJJR/ (дата обращения: 11.02.2026).
10. *Кожанков А.Ю.* Правила происхождения товаров в международной торговле: теория и практика применения // Международная экономика. 2023. № 2. С. 34-42.
11. Пояснения к Единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (в ред. рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17.03.2020 № 6) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/ catr/psn/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.02.2026).
12. Приказ ФТС России от 16.04.2020 № 375 «Об утверждении Административного регламента Федеральной таможенной службы по предоставлению таможенными органами государственной услуги по принятию предварительных решений о классификации товаров в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.02.2026).
13. *Шахматьев А.А.* Международное таможенное сотрудничество: учебное пособие. М.: Проспект, 2022. 240 с.

References

1. *Alekseeva N.N., Andreeva E.I., Karaulova A.N., Krishtafovich D.V.* (2021) Preliminary Classification of Goods in Accordance with the Common Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union: Practice and Prospects. *Bulletin of the Russian Customs Academy*, № 4, pp. 53-65 (In Russian).
2. *Alekseeva N.N.* (2018) Analysis of Judicial Practice on Challenging the Legality of Customs Authorities' Decisions on the Classification of Goods in the EAEU Commodity Nomenclature. *Customs Policy of Russia in the Far East*, № 3 (84), pp. 5-17 (In Russian).
3. *Vityuk V.V.* (2020) Documentary and Legal Framework for Confirming the Origin of Goods Moving within the EAEU and the Socialist Republic of Vietnam Free Trade Area. *Customs Policy of Russia in the Far East*, № 2 (91) [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentalno-pravovoe-oformlenie-podtverzhdeniya-proishozhdeniya-tovarov-peremeshchaemyh-v-ramkah-svobodnoy-torgovli-eaes-i (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
4. *Vityuk V.V.* (2020) The regime of tariff-preferential relations in the new format of free trade between the EAEU and the Republic of Serbia. *Innovations and Investments*, № 8 [Electronic resource]. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-tarifno-preferentsialnyh-otnosheniy-v-novom-formate-svobodnoy-torgovli-mezhdu-eaes-i-respublikoy-serbiey (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
5. *Ipatko L.I.* (2022) Features and problems of classification of materials and products using coconut fiber. *Academic Bulletin of the Rostov branch of the Russian Customs Academy*, № 2 (47), pp. 20-26 (In Russian).
6. Final report on the results and the main areas of activity of the Federal Customs Service of Russia in 2022 [Electronic resource]. Available at: https://customs.gov.ru/storage/document/document_mfo/2023-03/09/itog_doklad_2022.pdf (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
7. Recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 17.08.2021 № 17 "On the Explanations to the Unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union". *Alta-Soft* [Electronic resource]. Available at: http://www.alta.ra (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
8. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 14.06.2018 № 60 (as amended on 14.05.2024) "On approval of the Rules for determining the origin of goods from developing and least developed countries"

[Electronic resource]. Available at: https://legalacts.ru/doc/reshenie-soveta-evraziiskoi-ekonomicheskoi-komissii-ot-14062018-n-60 (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
9. Decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated 06.03.2020 in case № A32-29207/2019 [Electronic resource]. Available at: https://sudact.ru/arbitral/doc/IVdU1UxqWJJR/ (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
10. *Kozhankov A.Yu.* (2023) Rules of Origin of Goods in International Trade: Theory and Practice of Application. *International Economics*, № 2, pp. 34-42 (In Russian).
11. Activities of the Eurasian Economic Union (as amended by the recommendation of the Board of the Eurasian Economic Commission dated March 17, 2020, № 6) [Electronic resource]. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/psn/Pages/default.aspx (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
12. Order № 375 of the Federal Customs Service dated 16.04.2020 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Customs Service for the Provision of State Services by Customs Authorities for Making Preliminary Decisions on the Classification of Goods in Accordance with the Unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union" [Electronic resource]. Available at: http://www.pravo.gov.ru (accessed: 11.02.2026) (In Russian).
13. *Shakhmatyev A.A.* (2022) International Customs Cooperation: A Study Guide. Moscow: Prospekt Publishing, 240 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026 Received: 25.02.2026
Статья поступила после рецензирования: 27.03.2026 Revised: 27.03.2026
Статья поступила для публикации: 03.04.2026 Accepted: 03.04.2026

УДК 349.2

Булатова Зарина Загитовна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва,
zarinabulatova1122@gmail.com

ПРАВО НА ОФЛАЙН: НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ ТРУДОВЫХ ГАРАНТИЙ

Аннотация. *В статье исследуется проблема размывания границ между рабочим временем и временем отдыха в условиях цифровизации трудовых отношений. Активное использование мессенджеров для передачи трудовых распоряжений приводит к феномену скрытого сверхурочного труда. При этом суды зачастую не признают переписку в нерабочее время основанием для оплаты переработки без надлежащего оформления. Определены пробелы регулирования дистанционного труда (в том числе нормы ст. 312.1 и 312.4 ТК РФ), которые создают риски для работников: отсутствие прямого запрета на цифровую коммуникацию в нерабочее время; недостаток механизмов восстановления нарушенного права на отдых; отсутствие ответственности за нарушение цифровой тишины. Рассматривается зарубежный опыт на основе анализа доктринальных позиций и судебной практики Автор приходит к выводу о необходимости комплексного реформирования правового регулирования в сфере дистанционного труда и защиты права работников на отдых в условиях цифровизации.*

Ключевые слова: цифровизация труда, право на офлайн, право на отключение, дистанционный труд, рабочее время, время отдыха, мессенджеры, скрытый сверхурочный труд, защита прав работников, регулирование трудовых отношений, зарубежный опыт, судебная практика, реформирование ТК РФ, цифровая коммуникация, цифровая тишина, трудовое законодательство
Для цитирования: *Булатова З.З.* Право на офлайн: новый элемент трудовых гарантий // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 166-170.

Zarina Z. Bulatova,
Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow,
zarinabulatova1122@gmail.com

RIGHT TO BE OFFLINE: A NEW ELEMENT OF LABOR GUARANTEES

Abstract. *The article examines the problem of blurring the boundaries between working time and rest in the context of digitalisation of labour relations. The widespread use of instant messengers to convey work-related instructions gives rise to the phenomenon of hidden overtime work, while courts often do not recognise out-of-hours messaging as grounds for overtime pay without proper formal documentation. The study identifies regulatory gaps in remote work arrangements (including the provisions of Articles 312.1 and 312.4 of the Russian Labour Code) that pose risks to employees, such as: the absence of an explicit ban on digital communication outside working hours; insufficient mechanisms for restoring the violated right to rest; lack of liability for breaching the "digital silence" principle. Drawing on international experience and based on an analysis of doctrinal positions and judicial practice, the author concludes that comprehensive reform of legal regulation is needed in the field of remote work and protection of employees' rights to rest in the digital age.*

Keywords: labour digitalisation, right to offline, right to disconnect, remote work, working time, rest time, instant messengers, hidden overtime work, employee rights protection, regulation of labour relations, international experience, judicial practice, reform of the Labour Code of the Russian Federation, digital communication, "digital silence", labour legislation.
For citation: Bulatova Z.Z. (2026) Right to offline: a new element of labor guarantees. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 166-170. (In Russian).

Цифровизация трудовых отношений породила принципиально новую правовую реальность, в которой традиционные способы фиксации трудовых распоряжений (приказы, распоряжения, письменные поручения) дополняются, а зачастую подменяются, неформальной коммуникацией через мессенджеры. Технологическая возможность быть всегда на связи породила феномен скрытого сверхурочного труда, который зачастую не фиксируется и не оплачивается работодателем. Цифровая трансформация экономики и общества предопределила необходимость пересмотра классических подходов к

© Булатова З.З., 2026

регулированию трудовых отношений, а право на офлайн (право на отключение) в современных условиях становится необходимой гарантией и элементом защиты прав работников.

Как справедливо отмечает Н.Л. Лютов, «классическое трудовое правоотношение, ориентированное на промышленный труд, подвергается существенной трансформации в процессе массового внедрения информационных технологий» [7, с. 116].

В российском праве дистанционный труд получил легальное закрепление с принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 60-ФЗ, который дополнил ТК РФ дополнительной главой 49.1 «Особенности регулирования труда дистанционных работников». В условиях пандемии COVID-19 законодатель существенно модернизировал данную главу (Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ), расширив понятийный аппарат и детализировав порядок взаимодействия сторон трудового договора [1].

Действующим ТК РФ (ст. 312.1) дистанционной (удаленной) работой признается «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет» [1].

Как обоснованно указывает С.Ю. Головина, цифровизация труда трансформирует не только форму занятости, но и саму суть трудового подчинения: работник, формально обладая автономией в организации своего труда, фактически попадает в ситуацию перманентной доступности, что требует переосмысления традиционных категорий рабочего времени и времени отдыха [5, с. 148].

Ключевой проблемой правового регулирования дистанционного труда выступает размывание границ между рабочим временем и временем отдыха. Согласно ст. 312.4 ТК РФ, если иное не предусмотрено трудовым договором, режим рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника устанавливается им по своему усмотрению. Обязанность работодателя учитывать рабочее время работника, осуществляющего трудовую деятельность дистанционно, сохраняется, однако порядок такого учета определяется локальным нормативным актом или трудовым договором [1].

Исследуя рассматриваемый вопрос, Н.В. Черных акцентирует внимание на том, что использование неформальных каналов связи (мессенджеров Макс, Telegram, WhatsApp и др.) для передачи трудовых распоряжений в нерабочее время создает в современных условиях ситуацию «скрытой эксплуатации», требующую императивного вмешательства законодателя [8, с. 115]. Действительно, ст. 312.4 ТК РФ, предусматривая, что порядок и сроки передачи работодателем поручений и отчетов работниками могут устанавливаться локальным актом или соглашением сторон, оставляет значительный простор для злоупотреблений.

На практике работодатели нередко трактуют порядок взаимодействия как обязанность работника круглосуточно находиться на связи в мессенджерах. При этом суды, как правило, не признают сверхурочной работой переписку в мессенджерах в нерабочее время в отсутствие надлежаще оформленного приказа о привлечении к такой работе. Н.Л. Лютов подчеркивает, что «право на офлайн в современных реалиях – это не просто дополнительная гарантия, а необходимое условие реализации конституционного права на отдых, которое девальвируется из-за постоянной цифровой доступности работника» [6, с. 92].

Статья 312.4 ТК РФ относит определение порядка взаимодействия работника и работодателя к компетенции локального нормотворчества либо договорного регулирования. Такой подход, будучи оправданным с точки зрения гибкости правового регулирования, создает существенные риски для работников.

Анализируя трансформацию трудовых отношений в условиях цифровизации, С.Ю. Головина и Ю.В. Иванчина обращают внимание на феномен «экономики уведомлений», где постоянный мониторинг рабочих чатов становится неоплачиваемой трудовой функцией, нарушающей баланс интересов сторон [5, с. 150]. Работник, подписывая локальный акт о порядке взаимодействия, может формально согласиться на неограниченный по времени доступ работодателя к своему личному времени, что вступает в противоречие с императивными нормами о максимальной продолжительности рабочего времени.

Сравнивая российские нормы с директивами Европейского союза, И.В. Шестерякова констатирует, что Россия существенно отстает в вопросах защиты «цифрового благополучия» сотрудников, что требует имплементации передового опыта зарубежных стран, прежде всего Франции и Италии [9, с. 17].

Проведенный анализ позволяет выделить следующие системные недостатки действующего регулирования дистанционного труда в части обеспечения права работника на отдых.

Во-первых, в ТК РФ отсутствует четкий запрет на цифровую коммуникацию в нерабочее время, что создает правовую неопределенность. Как справедливо отмечает Н.В. Черных, мессенджеры стали инстру-

ментом «скрытой эксплуатации», позволяя работодателям передавать распоряжения без оформления привлечения к сверхурочной работе [8, с. 117].

Во-вторых, действующая редакция ст. 312.4 ТК РФ не содержит механизмов, гарантирующих работнику возможность восстановления нарушенного права на отдых.

В-третьих, в действующем законодательстве отсутствуют специальные нормы, определяющие ответственность за нарушение «цифровой тишины». По мнению Н.Л. Лютова, это снижает эффективность правового регулирования, способствует развитию нетипичных форм труда и представляет опасность с точки зрения сохранения социальной стабильности в обществе [7, с. 122].

Поддерживая указанные выше позиции, автор считает необходимым закрепить в ТК РФ презумпцию правомерного игнорирования, то есть наделить работника правом не отвечать на сообщения работодателя в нерабочее время без риска применения дисциплинарных взысканий.

Следует согласиться с утверждением Н.В. Черных, что «любое сообщение от работодателя после окончания рабочего времени должно автоматически считаться основанием для оплаты сверхурочной работы, если иное не предусмотрено соглашением сторон» [8, с. 118]. Такой подход позволит устранить правовую неопределенность и защитить работников от «скрытой эксплуатации».

Другого мнения придерживается С.Ю. Головина, обоснованно указывая на необходимость включения условий о «цифровой тишине» непосредственно в трудовой договор [5, с. 152]. Однако, по мнению автора, такой подход несет риск декларативности нормы, поскольку в условиях диспаритета переговорных возможностей работник может вынужденно согласиться на невыгодные условия взаимодействия. В этой связи требуется императивное закрепление минимальных гарантий на уровне закона.

Таким образом, анализ действующего законодательства и доктринальных подходов свидетельствует о необходимости комплексного реформирования гл. 49.1 ТК РФ в части обеспечения права дистанционных работников на отдых в условиях цифровизации.

Анализ международных практик показывает, что подходы к юридическому обеспечению права на отключение заметно разнятся.

Во Франции действует процедурно-договорная модель, основанная на договорном регулировании. Ключевым элементом этой системы выступают переговоры с профсоюзными или иными представительными органами работников и последующая разработка специальных внутренних документов (хартий). Эти документы регламентируют применение цифровых средств связи за пределами официально установленного рабочего времени. Законодательство напрямую не предусматривает штрафных санкций, однако работодатели могут столкнуться с судебными исками из-за нарушений режима труда и отдыха работников.

В Испании право на отключение получило более весомое юридическое обоснование в рамках конституционно-правовой модели. Это право интегрировано в систему базовых цифровых прав личности, что существенно повышает его статус в правовой иерархии.

Еще одна модель – португальская (административно-запретительная) – декларирует прямой запрет на коммуникацию в нерабочее время с возможностью привлечения к административной ответственности и имеет нормативное закрепление.

Итальянская разъяснительная модель ориентирована на информирование работников об их правах и обязанностях в цифровой среде.

Проведенное сопоставление зарубежных практик подтверждает, что тенденция к нормативному закреплению права на отключение становится все более очевидной. Перед российской правовой системой стоит задача отобрать наиболее жизнеспособную модель, которая органично впишется в существующую нормативную базу, учтет специфику социально-экономического развития и реальные запросы правоприменительной сферы.

Представляется, что наиболее перспективной является комбинированная модель, сочетающая императивное закрепление минимальных гарантий (по примеру Португалии) с механизмами договорного регулирования на локальном уровне (по примеру Франции).

В контексте рассматриваемой проблемы категории «рабочее время» и «время отдыха» разработанные для индустриальной эпохи, нуждаются в переосмыслении применительно к цифровой среде.

В доктрине трудового права обоснованно ставится вопрос о необходимости признания сообщений в мессенджерах юридически значимыми действиями, порождающими трудовые права и обязанности. Как отмечает С.Ю. Головина, цифровизация труда трансформирует не только форму занятости, но и саму суть трудового подчинения: работник, формально обладая автономией в организации своего труда, фактически попадает в ситуацию перманентной доступности [5, с. 148].

Правоприменительная практика демонстрирует неоднозначный подход к оценке доказательственного значения переписки в мессенджерах. С одной стороны, скриншоты (снимки экрана) переписки признаются допустимыми доказательствами по гражданским делам, с другой – суды предъявляют по-

вышенные требования к их оформлению и оценке, а главное – к установлению юридической значимости содержащихся в них сведений.

Как следует из Определения Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 № 88-15429/2025 (УИД 21RS0024-01-2024-005487-11), «при оценке переписки в мессенджерах суд исходил из необходимости установления следующих обстоятельств: принадлежности аккаунтов конкретным лицам (работнику и представителю работодателя); наличия у лица, направлявшего сообщения, полномочий на дачу распоряжений работнику; характера содержащихся в сообщениях указаний (являются ли они обязательными к исполнению либо носят информационный характер); времени направления сообщений и времени, затраченного работником на их исполнение» [2].

В судебной практике сформировалась устойчивая позиция, согласно которой переписка в мессенджерах сама по себе не признается достаточным доказательством выполнения сверхурочной работы. Так, в ряде решений суды указывают, что для квалификации работы как сверхурочной необходимо наличие надлежаще оформленного приказа (распоряжения) работодателя о привлечении к такой работе, ознакомление работника с ним под роспись и соответствующий учет рабочего времени [3]. В действительности работодатели, направляя распоряжения через мессенджеры, не оформляют привлечение к сверхурочной работе в установленном порядке, что позволяет им экономить на оплате труда, перекладывая на работников бремя доказывания факта выполнения работы.

Вместе с тем анализ судебной практики последних лет позволяет выявить тенденцию к более внимательному отношению судов к цифровым доказательствам. В ряде дел суды принимают во внимание совокупность доказательств: скриншоты переписки, детализация телефонных соединений, показания свидетелей, а также сложившуюся в организации практику взаимодействия через мессенджеры [3].

Особую сложность представляет доказывание факта выполнения работы, когда распоряжение отдано в мессенджере, и результат работы передан также в цифровой форме. В таких случаях работник лишен возможности представить традиционные доказательства (акты выполненных работ, табели учета рабочего времени), что существенно затрудняет защиту его прав.

Обоснованно ставится вопрос о необходимости выработки специальных правил оценки доказательств, полученных с использованием цифровых технологий. Представляется, что доказательственное значение переписки в мессенджерах должно оцениваться с учетом требований относимости, допустимости и достоверности, при этом бремя доказывания подложности таких доказательств лежит на стороне, заявляющей соответствующие возражения.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие процессуальные проблемы доказывания факта выполнения сверхурочной работы на основании переписки в мессенджерах.

1. Сложность идентификации сторон переписки. Работник, представляя скриншоты переписки, должен доказать, что аккаунт, с которого направлялись сообщения, принадлежит именно работодателю (или его уполномоченному представителю). В отсутствие корпоративных мессенджеров с верифицированными учетными записями сделать это затруднительно.

2. Проблема фиксации содержания переписки. Скриншоты могут быть сфальсифицированы, а сами сообщения – удалены. Работодатель, возражая против иска, может отрицать факт направления сообщений либо утверждать, что они носили информационный, а не распорядительный характер.

3. Отсутствие четких критериев оценки времени, затраченного на выполнение работы. Даже если факт направления сообщения установлен, определить, сколько времени работник фактически потратил на его исполнение (прочтение, осмысление, подготовку ответа, выполнение поручения), крайне сложно.

В целях совершенствования правоприменительной практики представляется обоснованным предложить следующие меры.

Закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснений о доказательственном значении переписки в мессенджерах по трудовым спорам, включая критерии оценки ее допустимости и достоверности.

Введение в Трудовой кодекс РФ нормы, устанавливающей презумпцию: направление работодателем работнику сообщения, содержащего трудовое распоряжение, в период времени, определенный правилами внутреннего трудового распорядка или трудовым договором как время отдыха, признается привлечением к сверхурочной работе, если работодателем не доказано иное.

Рекомендациями для работодателя может стать использование корпоративных информационных систем, обеспечивающих фиксацию факта направления сообщений, времени их прочтения и исполнения, а также позволяющие вести учет рабочего времени дистанционных работников.

Таким образом, анализ судебной практики и доктринальных подходов свидетельствует о необходимости комплексного решения проблемы доказывания сверхурочного труда в мессенджерах. Текущее правовое регулирование, ориентированное на традиционные формы фиксации трудовых отношений, не в полной мере отвечает реалиям цифровой эко-

номики, что требует как законодательных изменений, так и выработки новых подходов в правоприменительной практике.

В этой связи представляется необходимым на уровне федерального закона закрепить не только право работника на отключение, но и корреспондирующую ему обязанность работодателя уважать периоды отдыха работника и не требовать выполнения трудовых функций в нерабочее время, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Право на офлайн в современных реалиях – это не просто дополнительная гарантия, а необходимое условие реализации конституционного права на отдых, которое девальвируется из-за постоянной цифровой доступности работника.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.09.2025 № 88-15429/2025 (УИД 21RS0024-01-2024-005487-11 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=195614#biZ96EVf9js71JC5 (дата обращения: 16.03.2026).
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.06.2023 № 5-КГ23-67-К2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 11.
4. *Вечканова Н.В.* Переход в эффективный режим функционирования школ с низкими результатами обучения // Сахалинское образование – XXI век. 2019. № 2. С. 24-29.
5. *Головина С.Ю., Иванчина Ю.В.* Трансформация трудового права в условиях цифровизации экономики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 63. С. 144-162.
6. *Лютов Н.Л.* Дистанционный труд: опыт правового регулирования в России и за рубежом. М.: Проспект, 2024. 208 с.
7. *Лютов Н.Л.* Адаптация трудового права к развитию информационных технологий: российский и зарубежный подходы // Lex Russica. 2023. № 6. С. 115-124.
8. *Черных Н.В.* Право на отключение: теоретические основы и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 112-120.
9. *Шестерякова И.В.* Международные трудовые стандарты и право на «цифровое отключение» // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 15-19.
10. *Голикова Т.А.* О развитии дистанционной занятости в Российской Федерации: доклад на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2025. 20 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/news/159843/ (дата обращения: 16.03.2026).

References

1. The Labor Code of the Russian Federation № 197 FZ of 30.12.2001 (as amended on 29.12.2025). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, № 1 (Part 1). Art. 3 (In Russian).
2. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction № 88 15429/2025 of 11.09.2025 (UID 21RS0024 01 2024 005487 11) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=195614#biZ96EVf9js71JC5 (accessed: 16.03.2026) (In Russian).
3. Ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 5 KG23 67 K2 of 20.06.2023. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2023, № 11 (In Russian).
4. *Vechkanova N.V.* (2019) Transition to an Effective Mode of Operation for Schools with Low Educational Outcomes: Sakhalin Education – XXI Century, № 2, pp. 24-29 (In Russian).
5. *Golovina S.Yu., Ivanchina Yu.V.* (2024) Transformation of Labor Law in the Context of Economic Digitalisation. *Perm University Herald: Legal Sciences*, № 63, pp. 144-162 (In Russian).
6. *Lyutov N.L.* (2024) Remote Work: Legal Regulation Experience in Russia and Abroad. Moscow: Prospekt Publishing, 2024, 208 p. (In Russian).
7. *Lyutov N.L.* (2023) Adapting Labor Law to the Development of Information Technologies: Russian and Foreign Approaches. *Lex Russica*, № 6, pp. 115-124 (In Russian).
8. *Chernykh N.V.* (2024) The Right to Disconnect: Theoretical Foundations and Implementation Practice. *Actual Problems of Russian Law*, № 5, pp. 112-120 (In Russian).
9. *Shesteryakova I.V.* (2025) International Labor Standards and the Right to "Digital Disconnection". *Labor Law in Russia and Abroad*, № 1, pp. 15-19 (In Russian).
10. *Golikova T.A.* On the Development of Remote Employment in the Russian Federation. Report at the Meeting of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, 10.12.2025 [Electronic resource]. Available at: http://council.gov.ru/events/news/159843/ (accessed: 16.03.2026) (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 13.04.2026
Статья поступила для публикации: 17.04.2026

Received: 18.03.2026
Revised: 13.04.2026
Accepted: 17.04.2026

УДК 349.2

Трофимов Георгий Михайлович,
студент юридического факультета, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации, Москва,
trofimov.georg@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ТРЕНЕРОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СПОРТЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых норм, регламентирующих трудовую деятельность тренеров в профессиональном спорте. Интерес к теме продиктован существующими противоречиями между нормами трудового и спортивного законодательства, что создает правовые лакуны. В центре внимания – правовой статус тренера, процедуры оформления, корректировки и разрыва трудовых соглашений, а также вопросы дисциплины и соцобеспечения. Отдельно рассмотрены новеллы Федерального закона № 532-ФЗ, действующие с 1 марта 2026 года, которые вводят в правовое поле регламенты профессиональных лиг. Автор акцентирует внимание на особых аспектах труда тренеров (методическая работа, подготовка атлетов, антидопинговый контроль), специфике их рабочего графика и системы оплаты (включая стимулирующие выплаты за успехи подопечных). Исследование выявило сложности в трактовке таких оснований для увольнения, как профнепригодность, аморальное поведение и однократный допинговый проступок. Обосновывается необходимость доработки законодательства, в частности, внесения ясности в процедуру временного отстранения тренера от обязанностей при допинговых нарушениях. Материалы статьи могут найти применение в законотворчестве, судебной практике и учебном процессе.*

Ключевые слова: тренер, профессиональный спорт, трудовой договор, спортивное право, антидопинговые правила, дисциплинарная ответственность, рабочее время, оплата труда, регламенты спортивных федераций, гарантии трудовых прав.
Для цитирования: *Трофимов Г.М.* Особенности правового регулирования труда тренеров в профессиональном спорте // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 171-178.

Georgiy M. Trofimov,
Student of the Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow,
trofimov.georg@mail.ru

SPECIFIC ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE EMPLOYMENT OF COACHES IN PROFESSIONAL SPORTS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of legal norms regulating the labor activity of coaches in professional sports. Interest in the topic is driven by existing contradictions between the norms of labor and sports legislation, which creates legal lacunae. The focus is on the legal status of a coach, the procedures for drawing up, adjusting, and terminating labor agreements, as well as issues of discipline and social security. Separately, the innovations of Federal Law № 532-FZ, effective from March 1, 2026, which introduce the regulations of professional leagues into the legal framework, are examined. The author emphasizes the special aspects of coaches' work (methodological work, athlete training, anti-doping control), the specifics of their work schedule and remuneration system (including incentive payments for the successes of their charges). The study revealed difficulties in interpreting such grounds for dismissal as professional unsuitability, immoral behavior, and a single doping offense. The necessity of refining the legislation is substantiated, particularly in clarifying the procedure for temporarily suspending a coach from duties in cases of doping violations. The materials of the article may find application in lawmaking, judicial practice, and the educational process.*

Keywords: coach, professional sports, employment contract (labor contract), sports law, anti-doping rules, disciplinary responsibility, working time, remuneration, regulations of sports federations, guarantees of labor rights.
For citation: Trofimov G.M. (2026) Specific aspects of the legal regulation of the employment of coaches in professional sports. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 171-178. (In Russian).

© Трофимов Г.М., 2026

Тренеры, работающие со спортсменами, нередко оказываются в ситуации правовой неопределенности, особенно в случаях, когда трудовые отношения не урегулированы специальными нормами.

Проблема усугубляется тем фактом, что спортивное законодательство и трудовое право развиваются неравномерно, создавая конфликты и пробелы в правовой регламентации.

Определение понятия «тренер» закреплено в ч. 1 ст. 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ): «тренерами признаются работники, трудовая функция которых состоит в осуществлении тренировочной деятельности со спортсменами и руководстве соревновательной деятельностью спортсменов для достижения спортивных результатов» [1]. Эта норма соответствует п. 24 ст. 2 Федерального закона № 329-ФЗ от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон о спорте), который также устанавливает требование к тренеру о наличии соответствующего профессионального образования, на что особо обращает внимание Н.В. Вечканова [13, с. 40].

Правовой статус тренера отличается сложной системой регулирования. Как установлено ч. 3 ст. 348.1 ТК РФ, условия его профессиональной деятельности регламентируются не только законодательством, но и соглашениями, коллективными договорами, а также внутренней документацией нанимателя [1]. Введение отдельной главы в ТК РФ, по мнению С.В. Алексеева, продиктовано спецификой спорта: высокие нагрузки, мобильность кадров и работа в выходные дни [11, с. 46].

Работодателем для тренера может быть не только юридическое лицо любой организационно-правовой формы (спортивный клуб, центр подготовки, образовательное учреждение), но и индивидуальный предприниматель. С 1 марта 2026 года вступили в силу поправки (ФЗ № 532-ФЗ), дополняющие перечень обязательных для учета работодателем документов [4]. Теперь работодатели обязаны следовать нормам профессиональных лиг, регламентирующим участие спортсменов в соревнованиях. Ознакомление тренеров с данными регламентами должно проводиться под роспись на этапе приема на службу и периодически возобновляться в период действия контракта. В законодательном порядке дополнительно регламентировано обязательство работодателя командировать тренеров (при наличии их письменного согласия) в распоряжение национальных сборных на основании вызова общероссийских спортивных федераций для обеспечения участия в международных соревнованиях. Конкретизированы и сроки такого участия: для Олимпийских игр и мировых чемпионатов, это должно происходить не позже чем за семь календарных дней до их начала.

Следует отметить, что О.А. Шевченко обоснованно указывает, что спортивно-трудовые отношения тренеров могут возникать как на основании трудового договора со спортивной организацией, так и на основании гражданско-правового договора. В первом случае тренер выполняет функции за регулярную заработную плату с соответствующими социальными гарантиями, во втором – выступает как независимая сторона, предоставляющая услуги на договорной основе [19, с. 514].

Анализируя нормы гл. 54.1 ТК РФ, можно отметить как общие правовые характеристики регулирования труда спортсменов и тренеров, так и определить существенные различия, обусловленные спецификой их трудовых функций.

Общие черты правового регулирования проявляются в следующем.

Спортсмены и тренеры подчиняются специальным правилам гл. 54.1 ТК РФ, которые устанавливают особенности заключения и содержания трудовых соглашений, режим рабочего времени, возможность привлечения к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и праздничные дни.

Для этих двух категорий работников предусмотрена особая процедура работы на условиях неполного рабочего времени. В соответствии со ст. 348.7 ТК РФ как спортсмен, так и тренер получают возможность осуществлять работу по совместительству у другого работодателя в том же качестве, но только с разрешения работодателя по основному месту работы [1].

Как для спортсменов, так и для тренеров предусмотрена возможность установления дополнительных гарантий и компенсаций, включая ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью не менее 4 календарных дней (ст. 348.10 ТК РФ) [1].

Особенности правовой регламентации труда тренеров проявляются в нескольких ключевых аспектах: специфике их трудовых функций, перечне обязательных пунктов трудового соглашения, перечне причин для расторжения контракта и продолжительности периода уведомления об уходе.

Тренер несет ответственность за подготовку спортсмена к состязаниям и обеспечивает общее руководство его участием в соревновательном процессе. Данное положение конкретизируется в п. 14 постановления Пленума ВС РФ № 52 от 24.11.2015, где указано, что именно тренер обеспечивает выполнение намеченных планов подготовки, осуществляя управление как тренировками, так и выступлениями на соревнованиях [5].

Согласно ст. 348.2 ТК РФ для тренера обязательным условием трудового договора является соблюдение общероссийских и международных антидопинговых правил и обязанность принятия мер по пред-

упреждению их нарушения спортсменами [1]. Так, в ст. 348.11-1 ТК РФ закреплено специальное основание увольнения тренеров, такое как однократное нарушение антидопинговых правил. Данная норма была введена для повышения уровня ответственности тренеров, которые должны вести подготовку спортсменов в духе честной и бескомпромиссной борьбы.

В трудовых договорах с некоторыми категориями тренеров может фигурировать пункт о необходимости предупреждать нанимателя о досрочном расторжении договора по своему желанию за период, превышающий стандартный месячный срок. Конкретная продолжительность такого периода устанавливается сторонами на основе регламентов, принятых общероссийскими спортивными федерациями либо профессиональными лигами [3].

Следует отметить еще одну особенность, на которую указывает С.В. Бабкина: «Отдельным пробелом трудового законодательства является проблема почти полного отсутствия регулирования труда тренеров. Название гл. 54.1 «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров» обещает положения, которые должны регулировать труд не только спортсменов, но и тренеров, однако ее содержание доказывает обратное. Многие статьи не содержат даже упоминания о такой фигуре, как тренер» [12, с. 342]. В качестве примера приводится ст. 348.3 ТК РФ об обязательных медосмотрах, которая распространяется исключительно на спортсменов, хотя тренеры тоже непосредственно задействованы в тренировочном процессе.

Содержание трудовой функции тренера раскрывается через комплекс взаимосвязанных обязанностей, которые могут быть классифицированы по следующим основным направлениям: подготовка спортсменов к соревнованиям, методическая работа тренера, создание условий для безопасности жизни и здоровья спортсменов.

В примерной форме трудового договора с тренером, разработанной Министерством спорта РФ, выделяются следующие ключевые обязанности: проведение тренировочных мероприятий, осуществление отбора и спортивной ориентации наиболее перспективных спортсменов, обеспечение повышения уровня их физической, теоретической, технической и морально-волевой подготовки [20].

Методическая работа тренера включает: разработку индивидуальных и групповых программ подготовки спортсменов; анализ эффективности тренировочного процесса и соревновательной деятельности; внедрение современных методик спортивной подготовки и передового опыта; ведение учетно-отчетной документации по установленным формам.

Обеспечение безопасности жизни и здоровья спортсменов выступает одной из ключевых задач в деятельности тренера. Данное направление включает в себя несколько обязательных элементов:

• проведение тренировочных занятий в строгом соответствии с установленными регламентами и требованиями;

• систематическое наблюдение за физическим состоянием подопечных для предотвращения чрезмерных нагрузок;

• создание безопасных условий во время тренировок и состязаний;

• реализация профилактических мероприятий, направленных на снижение риска травматизма.

Одной из ключевых особенностей правового регулирования труда тренеров (ч. 2 ст. 348.2 ТК РФ) является возможность заключения срочного трудового договора [1].

Как справедливо отмечает С.В. Алексеев, применение срочных трудовых договоров в спорте обусловлено объективными факторами: цикличностью спортивной подготовки (олимпийский цикл, спортивный сезон), спецификой финансирования спортивных организаций и необходимостью оперативного обновления тренерского состава для достижения максимальных результатов [11, с. 50].

Согласно разъяснению, указанному в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 24.11.2015, применение срочного трудового договора с тренером признается оправданным лишь при наличии добровольного волеизъявления обеих сторон и при условии, что профессиональная деятельность тренера осуществляется именно в области профессионального спорта [5]. Данное разъяснение имеет существенное значение для юридической практики, поскольку позволяет дифференцировать правомерные ситуации применения срочных трудовых договоров от случаев неправомерного ограничения работодателем трудовых прав тренера.

Кроме того, в абз. 2 п. 8 указанного постановления дополнительно отмечается, что неоднократное заключение срочных трудовых договоров с тренером для выполнения одной и той же трудовой функции, если такая практика допускается нормами общероссийских спортивных федераций, само по себе не служит основанием для переквалификации договора в заключенный на неопределенный срок [5]. Данный подход учитывает цикличный характер спортивного календаря, объективно обусловливающий необходимость периодического продления контрактов.

Необходимо учитывать, что если по истечении срока действия договора ни одна из сторон не заявляет требования о его прекращении, а тренер продолжает выполнение трудовых функций, то условие о срочности утрачивает юридическую силу, и договор считается заключенным на неопределенный срок [1].

К числу существенных условий трудового договора с тренером относятся положения, регламентирующие порядок оплаты труда. Структура заработной платы тренера представляет собой совокупность нескольких элементов: базового оклада (тарифной ставки), компенсационных выплат и стимулирующих надбавок.

Отличительная черта системы оплаты в данной сфере – прямая зависимость размера поощрительных выплат от итогов выступления спортсменов, что закрепляется в механизмах премирования. Как отмечают Ж.Б. Рабаданова и Н.Р. Уцумиева, оплата труда является системой экономических отношений, возникающих в процессе привлечения работодателем наемного работника для выполнения определенных трудовых действий [17, с. 112]. В контексте тренерской деятельности это означает, что стимулирующие выплаты, напрямую зависящие от успехов подопечных, становятся ключевым элементом трудового договора. Данное обстоятельство, по мнению А.В. Авачева и Б.Г. Убушаевой, актуализирует необходимость непрерывного профессионального обучения для повышения конкурентоспособности и адаптации к изменяющимся условиям рынка труда [10, с. 41]. Как зафиксировано в Трехстороннем отраслевом соглашении по организациям физической культуры и спорта РФ на 2024-2026 годы, к числу стимулирующих выплат относятся: премии по итогам работы, надбавки за интенсивность и достижение высоких показателей, иные виды поощрений и разовые вознаграждения. Основанием для начисления таких выплат служит выполнение работником заранее установленных количественных и качественных критериев [6].

Особый интерес представляют надбавки тренерам за подготовку высококвалифицированных спортсменов. Так, например, в трудовом договоре могут предусматриваться конкретные показатели премирования: завоевание спортсменом призовых мест на соревнованиях, выполнение им нормативов для присвоения спортивного разряда или звания, попадание спортсмена в состав сборной команды и др.

Специфика режима рабочего времени тренеров предопределяется характером спортивной деятельности, включающим необходимость обеспечения профессиональной мобильности данных работников, выполнение трудовых функций в периоды проведения учебно-тренировочных сборов и соревнований, включая выходные и нерабочие праздничные дни, а также привлечение к труду за пределами нормальной продолжительности рабочего времени.

Нормы ст. 348.1 ТК РФ закрепляют, что специфика рабочего графика тренеров, порядок привлечения их к труду за пределами нормальной продолжительности (включая ночные часы, выходные и праздничные дни), а также правила оплаты за работу в такие периоды могут регламентироваться коллективными договорами, отраслевыми соглашениями или локальными актами организации [1]. При этом обязательно учитываются тренировочные планы, иные документы, утвержденные главным тренером, и официальный календарь соревнований.

Поскольку соревнования часто проводятся в выходные или праздничные нерабочие дни, работодатели устанавливают особый порядок чередования рабочих и нерабочих дней с предоставлением дней отдыха, например, сразу после окончания соревнований.

Тренерам часто устанавливается ненормированный рабочий день, поскольку они вынуждены выполнять свои трудовые функции сверх установленной нормы рабочего времени. Им может применяться суммированный учет рабочего времени на основе нормы 40 часов в неделю, а при работе на неполной ставке – до 20 часов в неделю.

Трудовое законодательство предусматривает возможность прекращения контракта с тренером как по его собственному желанию, так и по решению нанимателя. Ключевым специальным основанием выступает ст. 348.11-1 ТК РФ, устанавливающая, что помимо общих причин, закрепленных в кодексе и иных федеральных законах, трудовое соглашение с тренером подлежит расторжению в случае доказанного нарушения им антидопинговых правил. При этом достаточно даже однократного несоблюдения общероссийских или международных антидопинговых норм, если соответствующий факт зафиксирован решением уполномоченной антидопинговой организации [1].

Важно подчеркнуть, что данное основание не связано напрямую со спортивным результатом, а обусловлено соблюдением антидопингового законодательства. Однако в правоприменительной практике возникает вопрос: может ли низкий спортивный результат сам по себе служить основанием для увольнения тренера? Прямого указания на это в ТК РФ не содержится.

В силу ст. 348.2 ТК РФ в контракт с тренером разрешается включать дополнительные пункты. Определяющим условием является сохранение уровня гарантий работника не ниже предусмотренного нормами трудового права, что исключает возможность ухудшения его положения [1].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об увольнении тренеров в связи с недостаточной квалификацией. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2023 год включен важный правовой подход: если у сотрудника нет специального образования для работы по должности, это не значит, что его, безусловно, нужно уволить. Он может иметь достаточно опыта, быть компетентным, качественно и в полном объеме выполнять должностные обязанности. Это подтверждают результаты аттестации.

Верховный Суд РФ встал на сторону тренера без профильного образования, отметив, что поддержавшие увольнение инстанции не учли, что работник дважды успешно прошел аттестацию [9].

Что касается тренеров, то при их увольнении согласно п. 5 ст. 81 ТК РФ (невыполнение работником без уважительных причин своих профессиональных обязанностей, если имеется дисциплинарное взыскание) возникает вопрос, что следует считать «невыполнением обязанностей»: отсутствие спортсмена на тренировке, невыполнение плана подготовки или недостижение запланированного результата? В Обзоре судебной практики по спорам, связанным со спортсменами и тренерами (утвержденном Президиумом Верховного суда Российской Федерации 8 июля 2015 года), поясняется, что обязанность доказать наличие законного основания для увольнения лежит на работодателе [8].

В судебной практике нередко встречаются споры, связанные с увольнением тренеров за прогул (подп. а п. 6 ст. 81 ТК РФ). Тренеры, оспаривая такое решение, указывают на отсутствие в трудовом договоре четко закрепленного места работы, поскольку их деятельность часто проходит на разных спортивных объектах. Суды в подобных ситуациях подчеркивают необходимость детального определения места выполнения трудовых обязанностей либо в самом контракте, либо в локальном акте работодателя [8].

Еще одним основанием для расторжения договора по инициативе работодателя выступает п. 8 ст. 81 ТК РФ, который допускает увольнение работника, выполняющего воспитательные функции, в случае совершения им аморального проступка, несовместимого с продолжением профессиональной деятельности.

Это основание активно применяется к тренерам, работающим со спортсменами-несовершеннолетними.

Интересный прецедент содержится в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2024 № 8Г-1287/2024. В спортивной школе олимпийского резерва тренера уволили по п. 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ за использование нецензурной лексики в разговоре с коллегой, поскольку это происходило в присутствии несовершеннолетних спортсменов.

Однако все три судебные инстанции встали на сторону тренера и восстановили его в должности. Свое решение суды мотивировали тем, что работодатель при применении дисциплинарного взыскания не принял во внимание ряд существенных факторов: степень тяжести проступка, конкретные обстоятельства ситуации, многолетний безупречный труд работника (почти 40 лет тренерского стажа), его высокие профессиональные достижения – его воспитанники систематически завоевывают призовые места на соревнованиях всероссийского и международного уровня [7]. Применение увольнения было признано несоразмерным тяжести совершенного проступка.

Ключевая особенность расторжения трудовых отношений с тренерами заключается в возможности закрепления в контракте условия о финансовой выплате при прекращении договора. В частности, соглашение с тренером может содержать пункт, обязывающий его осуществить денежное перечисление в адрес нанимателя, если разрыв отношений происходит по инициативе самого тренера (без наличия уважительных причин) либо по решению работодателя в связи с совершением действий, повлекших дисциплинарное взыскание.

Данный механизм по сути представляет собой компенсацию работодателю за досрочное прекращение трудовых отношений и направлен на защиту интересов спортивных организаций, вложивших средства в подготовку тренера. Однако, как отмечают исследователи, правовая природа такой выплаты остается дискуссионной, а ее соотношение с общими принципами трудового права требует дальнейшего осмысления. В научной литературе высказывается мнение, что данное положение фактически легализует «компенсацию за подготовку» (тренировочные компенсации), характерную для профессионального спорта, но при этом создает риск ухудшения положения тренера по сравнению с общими нормами трудового законодательства [19, с. 515].

Для тренеров трудовым законодательством предусмотрен ряд специальных гарантий, учитывающих особенности их профессиональной деятельности. Данный комплекс мер призван обеспечить стабильность трудовых правоотношений, охрану здоровья и социальную защищенность указанной категории работников.

В силу положений гл. 54.1 ТК РФ тренерам предоставляются следующие дополнительные гарантии: ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, медицинское обеспечение, страховые гарантии, компенсационные выплаты при переезде [1].

Существенное значение приобретают гарантии, сопряженные с профессиональным риском получения травм в ходе спортивной деятельности. В данном контексте особую значимость имеют положения ст. 348.5 ТК РФ, регламентирующие порядок отстранения от работы. Несмотря на то, что указанная норма прямо адресована спортсменам, допустимо ее применение по аналогии к тренерам при выявлении медицинских противопоказаний либо иных обстоятельств, объективно препятствующих надлежащему выполнению трудовых функций.

В области пенсионного обеспечения на тренеров распространяются общие положения законодательства, регулирующего пенсионные правоотношения. Вместе с тем, как указывается в научных ком-

ментариях к ТК РФ, некоторые категории тренеров, осуществляющих подготовку спортсменов высокой квалификации, могут претендовать на досрочное назначение страховой пенсии по старости при условии, что их профессиональная деятельность протекает в особых условиях труда [16]. Важным элементом социальной защиты является также страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Дисциплинарная ответственность тренеров является одним из ключевых элементов регулирования их правового статуса и определяется нормами ст. 192 ТК РФ (замечание, выговор, увольнение) [1].

По мнению А.В. Чеботарева, с точки зрения ТК РФ тренеры являются работниками с четко определенными правами и обязанностями, в число которых включены и требования о соблюдении антидопинговых правил. Ключевыми вопросами, требующими исследования, остаются условия привлечения к ответственности, виды наказаний и алгоритмы защиты их прав [18, с. 72].

Дискуссионной является позиция М.А. Жильцова и А.А. Терейковской, обращающих внимание на неопределенность в толковании норм: увольнение тренера за нарушение спортсменом антидопинговых правил является правом или обязанностью работодателя? Следует согласиться с выводами о том, что расторжение трудового договора по данному основанию – это именно право, а не обязанность, что подтверждается системным толкованием трудового законодательства [14, с. 250]. В то же время исследование Т.П. Колесниковой, И.Н. Седовой и В.Д. Колесниковой демонстрирует, что в сфере спортивно-массовой работы внешняя среда, включая политико-правовые факторы, оказывает преимущественно позитивное влияние, что создает условия для профилактики нарушений и формирования у тренеров устойчивых антидопинговых установок [15, с. 53]. В комментариях к ТК РФ под редакцией Ю.П. Орловского также отмечается, что включение ст. 348.11 1 было связано с необходимостью усилить ответственность тренеров за подготовку к соревнованиям на основе честной, бескомпромиссной борьбы [16].

Федеральным законом от 06.12.2011 № 413-ФЗ введена административная ответственность за несоблюдение антидопинговых требований в спорте. Для тренеров, спортивных врачей и иных специалистов в области физкультуры и спорта подобные правонарушения влекут дисквалификацию сроком от одного года до двух лет, а при участии несовершеннолетнего спортсмена – до трех лет [3].

В правоприменительной практике продолжает быть актуальным вопрос о последствиях дисквалификации или временного отстранения тренера за допинговые нарушения. В отличие от спортсменов, для которых ст. 348.5 ТК РФ (ч. 2 и 3) предусматривает отстранение от соревнований и тренировок с сохранением части зарплаты, аналогичный механизм для тренеров законодательно не прописан.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что система правовой регламентации труда тренеров в сфере профессионального спорта отличается сложным многоуровневым строением. Ее структура интегрирует общие предписания трудового права, специальные нормы, закрепленные в гл. 54.1 ТК РФ, документы социального партнерства, локальные акты работодателей, а также правила, устанавливаемые общероссийскими спортивными федерациями и профессиональными лигами. Подобная множественность нормативных источников, с одной стороны, дает возможность учесть отраслевую специфику спортивной деятельности, однако с другой – порождает коллизионные ситуации и правовую неопределенность в процессе правоприменения.

Закрепив в ст. 348.2 ТК РФ возможность заключения срочных трудовых договоров с тренерами и предусмотрев дополнительные гарантии (дополнительный отпуск, медицинские осмотры, страхование), законодатель сформировал базис для правовой регламентации труда данной категории работников. Однако ключевым пробелом остается неурегулированность процедуры отстранения тренера от работы в связи с нарушением антидопинговых правил или при возникновении иных препятствующих обстоятельств.

Особого научного осмысления требует вопрос о соотношении норм трудового законодательства и регламентных положений, принимаемых спортивными федерациями. Несмотря на то, что необходимость учета последних при разработке локальных нормативных актов прямо закреплена в законе, Верховный Суд РФ в своих решениях неоднократно акцентировал внимание на том, что любые изъятия из общих правил, влекущие уменьшение объема прав работников, могут быть допустимы исключительно в рамках ТК РФ.

Данный правовой подход служит важным ограничителем, предотвращающим необоснованное ухудшение положения тренеров актами спортивных организаций.

Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к индивидуализации ответственности тренеров. В решениях судов учитываются не только формальные обстоятельства совершенного проступка, но и предшествующее поведение работника, его многолетний добросовестный труд, наличие поощрений и достижений воспитанников.

Введение в действие с 1 марта 2026 года изменений, внесенных Федеральным законом № 532-ФЗ, расширяет круг источников регулирования за счет норм профессиональных лиг и закрепляет обязанность работодателей по направлению тренеров в

спортивные сборные команды. Указанные новеллы, безусловно, направлены на совершенствование правового механизма, однако они не устраняют всех выявленных проблем.

Таким образом, правовое регулирование труда тренеров в профессиональном спорте нуждается в дальнейшем совершенствовании в части восполнения пробелов, касающихся отстранения от работы при нарушении антидопинговых правил, а также в выработке единообразных подходов к оценке действий тренеров при применении дисциплинарных взысканий. Перспективными направлениями научных исследований в данной сфере могут стать вопросы соотношения трудовой и спортивной ответственности, а также проблемы защиты трудовых прав тренеров в условиях цифровизации спортивной деятельности.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.
3. Федеральный закон от 06.12.2011 № 413-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 26 и 26.1 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7355.
4. Федеральный закон от 29.12.2025 № 532-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2025. 31 декабря.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.
6. Трехстороннее отраслевое соглашение по организациям сферы физической культуры и спорта Российской Федерации на 2024-2026 годы (подписано 28.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475078/ (дата обращения: 05.03.2026).
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2024 № 8Г-1287/2024 [88-1401/2024] по делу № 2-234/2023. URL: https://base.garant.ru/338298563/ (дата обращения: 05.03.2026).
8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 1.
10. *Авачев А.В., Убушаева Б.Г.* Роль профессионального обучения в системе развития трудовых отношений: теоретический аспект // Муниципальная академия. 2024. № 1. С. 37-42.
11. *Алексеев С.В.* Трудовые отношения в спорте: особенности регулирования труда и правового статуса спортивных тренеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. № 2. С. 45-58.
12. *Бабкина С.В.* Проблемы правового регулирования труда спортсменов в Российской Федерации // Молодой ученый. 2024. № 22 (521). С. 341-343.
13. *Вечканова Н.В.* Особенности конституционного регулирования права на образование // Право и государство: теория и практика. 2017. № 4 (148). С. 39-42.
14. *Жильцов М.А., Терейковская А.А.* Проблемы привлечения к ответственности спортсменов и тренеров за нарушение антидопинговых правил // Ежегодник трудового права. 2025. № 15. С. 247-258.
15. *Колесникова Т.П., Седова И.Н., Колесникова В.Д.* Перспективы развития спортивно-массовой работы в регионах // Муниципальная академия. 2024. № 1. С. 49-55.
16. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю.П. Орловского. 8-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Контракт, 2019. 672 с.
17. *Рабаданова Ж.Б., Уцумиева Н.Р.* Некоторые аспекты учета вознаграждений по российским и международным стандартам // Вестник Екатерининского института. 2022. № 2 (58). С. 112-115.
18. *Чеботарев А.В.* Ответственность спортсменов и тренеров за допинг в России: трудоправовой аспект: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2025. 145 с.
19. *Шевченко О.А.* Правовое регулирование труда спортсменов и тренеров: проблемы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. № 3. С. 512-525.
20. Энциклопедия решений. Особенности заключения трудовых договоров со спортсменами, с тренерами (январь 2025). URL: https://base.garant.ru/481005143/ (дата обращения: 05.03.2026).

References

1. The Labour Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 № 197 FZ (as amended on 29.12.2025). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, № 1 (part 1). Art. 3 (In Russian).
2. Federal Law dated 04.12.2007 № 329 FZ "On Physical Culture and Sport in the Russian Federation" (as amended on 28.11.2025). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2007, № 50. Art. 6242 (In Russian).

3. Federal Law dated 06.12.2011 № 413 FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and Articles 26 and 26.1 of the Federal Law 'On Physical Culture and Sport in the Russian Federation'" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7355 (In Russian).
4. Federal Law dated 29.12.2025 № 532 FZ "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta, 2025, December 31 (In Russian).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.11.2015 № 52 "On the Application by Courts of Legislation Regulating the Labour of Athletes and Coaches". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2016, № 1 (In Russian).
6. Tripartite Industry Agreement for Organisations in the Sphere of Physical Culture and Sport of the Russian Federation for 2024-2026 (signed on 28.02.2024). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475078/ (accessed: 05.03.2026) (In Russian).
7. Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 07.02.2024 № 8G 1287/2024 [88 1401/2024] in Case № 2 234/2023 // GARANT.ru: website. Available at: https://base.garant.ru/338298563/ (accessed: 05.03.2026) (In Russian).
8. Review of Court Practice on Cases Arising from Labour Relations of Athletes and Coaches (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 08.07.2015*). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2015, № 9 (In Russian).
9. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2023) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023). *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*, 2024, № 1 (In Russian).
10. *Avachev A.V., Ubushaeva B.G.* (2024) The Role of Professional Training in the System of Labor Relations Development: A Theoretical Aspect. Municipal Academy, № 1, pp. 37-42 (In Russian).
11. *Alekseev S.V.* (2024) Labor Relations in Sport: Peculiarities of Labor Regulation and the Legal Status of Sports Coaches. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, № 2, pp. 45-58 (In Russian).
12. *Babkina S.V.* (2024) Problems of Legal Regulation of Athletes' Labor in the Russian Federation. *Young Scientist*, № 22 (521), pp. 341-343 (In Russian).
13. *Vechkanova N.V.* (2017) Features of Constitutional Regulation of the Right to Education. *Law and State: Theory and Practice*, № 4 (148), pp. 39-42 (In Russian).
14. *Zhiltsov M.A., Tereykovskaya A.A.* (2025) Problems of Holding Athletes and Coaches Accountable for Anti Doping Rule Violations. *Yearbook of Labor Law*, № 15, pp. 247-258 (In Russian).
15. *Kolesnikova T.P., Sedova I.N., Kolesnikova V.D.* (2024) Prospects for the Development of Mass Sports Activities in the Regions. *Municipal Academy*, № 1, pp. 49-55 (In Russian).
16. Commentary on the Labor Code of the Russian Federation (Article by Article). Ed. by Yu.P. Orlovsky, 8th ed., revised, enlarged and updated. Moscow: Kontrakt Publishing, 2019, 672 p. (In Russian).
17. *Rabadanova Zh.B., Utsumieva N.R.* (2022) Some Aspects of Accounting for Remuneration under Russian and International Standards. *Ekaterina Institute Vestnik*, № 2 (58), pp. 112-115 (In Russian).
18. *Chebotarev A.V.* (2025) Liability of Athletes and Coaches for Doping in Russia: A Labor Law Aspect: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing, 145 p. (In Russian).
19. *Shevchenko O.A.* (2022) Legal Regulation of Labour of Athletes and Coaches: Problems and Development Prospects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, № 3, pp 512-525 (In Russian).
20. Encyclopedia of Solutions. Peculiarities of Concluding Employment Contracts with Athletes and Coaches (January 2025). Available at: https://base.garant.ru/481005143/ (accessed: 05.03.2026). (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026	Received: 17.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 15.04.2026	Revised: 15.04.2026
Статья поступила для публикации: 18.04.2026	Accepted: 18.04.2026

УДК 347

Шлыков Даниил Владимирович,
студент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, город Владимир,
daniil.shlyko00v@list.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РФ[1]

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа гражданско-правового института залога. Осуществляется анализ как нормативного материала, так и научно-теоретической литературы. В процессе исследования автором изучено легальное определение залога, динамика его изменения. Выделены существенные вещно-правовые признаки залога, к которым отнесены: характер правоотношений, их публичность, вещно-правовые способы защиты, следование права за вещью. Определены обязательственно-правовые признаки, в том числе возможность уступки права требования, характерные объекты залоговых правоотношений. Оценивается степень влияния перечисленных признаков при определении правовой природы залога. В качестве вывода представлен тезис о неоднородной правовой сущности рассматриваемого института, гармоничном сочетании признаков как вещного, так и обязательственного права.*
Ключевые слова: залог, вещное право, обязательственное право, гражданское право, частное право, залоговые правоотношения, способы обеспечения исполнения обязательства.
Для цитирования: *Шлыков Д.В.* Правовая природа залога в контексте гражданского права РФ // Вестник Академии права и управления. 2026. № 2. С. 179-183.

Daniil V. Shlykov,
Student, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir,
daniil.shlyko00v@list.ru

LEGAL NATURE OF COLLATERAL IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CIVIL LAW

Abstract. *The article examines the institution of pledge and its legal nature. Both regulatory material and scientific and theoretical literature are analyzed. In the course of the study, the author examined the legal definition of pledge and the dynamics of its changes. Further, the essential property-legal characteristics of pledge are highlighted, which include: the nature of legal relations, their publicity, property-legal methods of protection, and the following of rights to things. Subsequently, the legal-obligatory characteristics are determined, including: the possibility of assigning the right of claim, characteristic objects of pledge legal relations. The degree of influence of the listed characteristics in determining the legal nature of pledge is assessed. As a conclusion, a thesis is presented on the heterogeneous legal nature of the institution under consideration, a harmonious combination of the characteristics of both property and obligatory law.*
Keywords: pledge, property law, law of obligations, civil law, private law, pledge legal relations, methods of securing the fulfillment of an obligation.
For citation: Shlykov D.V. (2026) Legal nature of collateral in the contextof Russian civil law. *Bulletin of the Academy of Law and Management*, № 2, pp. 179-183. (In Russian).

История возникновения права залога (jura in re aliena) берет свое начало в римском праве. Одна из ключевых проблем, связанных с определением сущности данного института, заключается в определении правового режима, отнесения права к вещному или обязательственному.

Вышеуказанная проблема оказалась свойственна и российскому правопорядку на разных этапах его становления и развития. Несмотря на большой объем сформулированных теоретических положений, определений, выводов и предположений,

[1] Научный руководитель: **Авдеев Данила Алексеевич**, доцент кафедры теории и истории государства и права, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, город Владимир; **Danila A. Avdeev**, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, avdeev-da@ranepa.ru

© Шлыков Д.В., 2026

бурно протекавшая дискуссия не нашла своего логичного финала, а вопрос об однозначном определении правовой природы залога так и не был разрешен.

Залог не имел стабильного положения и в советской правовой системе. В зависимости от исторического периода существования социалистического правопорядка сущность залога определялась по-разному. Например, в 1922 году был принят Декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР», в котором нормы о залоге были представлены в разделе «Вещные права» [4]. Данное положение залога в советском праве сохранилось и в первом Гражданском кодексе РСФСР, увидевшем свет в ноябре того же года. Однако уже в 1961 году был принят Закон СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». В указанном акте правовая природа залога была переосмыслена в угоду потребностей командно-административной экономической системы, залог наделялся уже не вещно-правовыми, а обязательственно-правовыми чертами, что легло в основу принятого в 1964 году Закона РСФСР «Об утверждении Гражданского кодекса РСФСР», где подробно излагаются положения о залоге именно как об обязательстве [4].

Современное Российское гражданское право, сочетая в себе подходы как дореволюционной, так и советской правой доктрины, не смогла исключить существующую неопределенность. Сегодня в научном сообществе существует три доминирующих взгляда на анализируемый правовой институт: 1) определение залога как вещного права; 2) определение залога как обязательственного права; 3) определение залога как вещно-обязательственного права.

Основная часть

Понятие, раскрывающее сущность залога, в отечественной правовой системе претерпело некоторые изменения. Например, в ныне утратившем силу Законе РФ «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1, предлагался термин, которым залог определялся как способ обеспечения обязательства, при котором кредитор-залогодержатель приобретает право в случае неисполнения должником обязательства получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами за изъятиями, предусмотренными законом [3]. Из содержания вышеупомянутого понятия можно сделать вполне однозначный вывод о роли залога в период действия закона. Главная его функция состояла в обеспечении исполнения по основному обязательству, вследствие чего первостепенную важность приобретал предполагаемый акцессорный характер залога, содержание которого заключалось в следующем: 1) возникновение из обеспечиваемого обязательства; 2) возможный объем требования; 3) следование за главным требованием; 4) обязательность прекращения вслед за прекращением основного обязательства.

В действующей редакции ГК РФ рассмотренная ранее дефиниция, несмотря на некоторые изменения, сохранила обозначенное ранее назначение [2]. Изложенноев законе определение первоначально не позволяет сделать вывод о правовой природе залога, так как в нем нет обобщающего, вводного понятия. В тексте нормы по большей части описывается лишь само правоотношение, его динамика, реализация субъектами имеющихся прав.

Из анализа предложенных законодателем дефиниций вполне обоснованным представляется вывод о фактическом отнесении природы рассматриваемого нами правового института к обязательственному праву. Суть спорности правовой природы указанного правоотношения раскрывается при анализе структурных элементов самого явления при детальном рассмотрении его существенных признаков.

Вещно-правовые признаки залога. Изучая вещно-правовую сторону залогового права, стоит начать с характера рассматриваемого правоотношения.

С одной стороны, право залога имеет абсолютный характер, так как оно противопоставлено неограниченному кругу лиц. Тезис подтверждается соответствующей нормой закона (ст. 338 ГК РФ): «Если иное не предусмотрено законом или договором, залогодатель или залогодержатель в зависимости от того, у кого из них находится заложенное имущество, обязан принимать меры, необходимые для защиты заложенного имущества от посягательств и требований со стороны третьих лиц» [2]. Иными словами, залогодержатель имеет право на защиту предмета залога от посягательств любых третьих лиц, круг которых не ограничен, что само по себе дает повод сделать заключение об абсолютном характере данного права.

С другой стороны, в залоговых правоотношениях однозначно прослеживается относительная связь, которая вытекает из договора залога и устанавливается между залогодателем и залогодержателем, так как совокупность устанавливаемых соглашением прав и обязанностей направлена исключительно на стороны договора.

Таким образом, вполне обоснованным представляется предположение о понимании права залога как целостной системы абсолютных и относительных прав. Данная позиция находит отклик среди представителей научного сообщества. Например, З.А. Ахметьянова, соглашаясь с В.А. Беловым, расценивает залог как систему абсолютных и относительных прав [1].

Далее стоит рассмотреть залоговые правоотношения на предмет их публичности.

Любое вещное право имеет публичный характер, так как этого требует его признание и дальней-

шая защита. Анализируя право залога на признак публичности, можно сделать однозначный вывод о его наличии. Публичность проявляется во внесении записей об обременении вещи залогом в соответствующие реестры. Для недвижимого имущества – это Единый государственный реестр налогоплательщиков РФ, для движимого – соответствующие залоговые реестры, которые находятся в ведении органов нотариата. Однако, несмотря на однозначное наличие вышеуказанного признака, публичность того или иного права не может являться определяющим фактором при выявлении правовой природы явления, так как имеет скорее второстепенное значение по отношению к характеру рассматриваемого правоотношения, о котором было написано выше.

Для правильного определения правовой природы залога необходимо обратить внимание на способы его защиты.

Так, залогу свойственны традиционные способы защиты, присущие именно вещным правам. Согласно п. 1 ст. 447 ГК РФ с момента возникновения залога залогодержатель, у которого находилось или должно было находиться заложенное имущество, вправе истребовать его из чужого незаконного владения, в том числе из владения залогодателя [2]. Иными словами, норма закона наделяет залогодержателя правом на заявление виндикационного иска, который применяется исключительно для защиты вещных прав. Помимо прочего упомянутое выше положение закона декларирует господство залогодержателя над предметом залога, что, в свою очередь, является сущностной характеристикой вещного права. Возможно предъявление залогодержателем негаторного иска. Однако такое право возникает лишь при соблюдении установленных условий [2].

Таким образом, залогу свойственны все известные современному гражданскому законодательству вещно-правовые способы защиты, которые применяются по отношению к вещным правам и не могут быть применены для защиты обязательственных прав.

При детальном анализе института залога необходимо обратить внимание на такое важное свойство, как следование права за вещью.

Так, в ст. 353 ГК РФ указано, что в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества либо в порядке универсального правопреемства залог сохраняется [2]. Важно заметить, что следование права за вещью часть значимых фигур отечественной юридической науки отмечали как присущий залогу вещно-правовой признак. Например, Г.Ф. Шершеневич писал: «Имея своим объектом вещь, он всюду следует за нею (droit de suite) независимо от права собственности на нее, которое может переходить от одного лица к другому» [1].

Однако в контексте современной дискуссии высказывается и противоположная позиция. Так, Р.С. Бевзенко, анализируя данный признак пишет, что при залоге за вещью следует не право на вещь, а правомочие залогодержателя требовать продажи заложенного имущества с публичных торгов [1]. Мы, ориентируясь на текущее содержание института залога, не можем не согласиться с данной точкой зрения, так как она находит прямое отражение в законе, а именно в ст. 349 ГК РФ, которой утверждается порядок обращения взыскания на предмет залога. Из смысла нормы следует, что первостепенно залогодержатель реализует право на получение имущественной ценности заложенной вещи как раз посредством ее продажи на публичных торгах, что, в свою очередь, напрямую подтверждает высказывание Р.С. Бевзенко.

Кроме того, основная задача залога состоит не в обладании и пользовании заложенной вещью залогодержателем, а в удовлетворении интересов кредитора в случае ненадлежащего исполнения обязательства должником, а также в мотивации должника исполнить обязательство надлежащим образом. При этом предмет залога в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства не поступает в собственность залогодержателя (в общем порядке), а подлежит реализации, за счет которой происходит удовлетворение требований кредитора. Тезис позволяет сделать вывод скорее о легальности притязаний залогодержателя не на саму вещь, а на ее имущественную ценность, что определенно является значимым замечанием при конечном выводе о правовой природе залога. С другой стороны, принятие такого взгляда на залоговые правоотношения, по мнению ряда ученых, не исключает вещно-правовую природу залога, о чем писал еще Е.В. Васьковский [7].

Важно отметить, что сторонники определения залога как исключительно обязательственного правоотношения часто исходят из факта возникновения совокупности субъективных прав и обязанностей сторон из самого договора залога. Однако в данном случае обоснованной является позиция Е.А. Суханова, который резонно напоминает, что «не всякое право, возникшее из договорных отношений, непременно приобретает обязательственную природу. Так, в силу договора купли-продажи вещи к ее приобретателю переходит вещное право собственности (абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ). Залогодателем вещи совсем не обязательно является должник по основному обязательству – им может быть и третье лицо (п. 1 ст. 335 ГК РФ), не связанное с кредитором-залогодержателем никакими обязательственными отношениями» [5]. Действительно, если предполагать сугубо обязательственно-правовую природу права залога, неясной становится возможность заложить имущество третьего лица, которое не имеет никакого отношения

к заключаемому между залогодателем и залогодержателем соглашению.

Обязательственные признаки залога. Прежде всего стоит обратить внимание на возможные объекты залоговых правоотношений. На основании ст. 336 ГК РФ предметом залога может быть всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права. Данное положение не свойственно объектам вещного права, так как ими могут быть лишь предметы материального мира, к которым никак не могут быть отнесены имущественные права. Существенность данного признака принимается и в научном сообществе. Например, В.В. Витрянский, утверждая, что действующим законодательством залог определяется как институт обязательственного права, приводит в качестве аргумента возможные объекты указанных правоотношений [6].

Не менее важным является возможность осуществления уступки прав требования по соглашению о залоге. Очевидно, что такая опция предусматривается лишь для обязательств и совсем не свойственна вещному праву. В действующей редакции ГК РФ в п. 1 ст. 354 указано, что залогодержатель без согласия залогодателя вправе передать свои права и обязанности по договору залога другому лицу и обязан руководствоваться правилами действующего законодательства о перемене лиц в обязательстве [2]. Таким образом, возможность передачи прав по договору залога позволяет сделать вероятностный вывод о понимании залога законодателем как части обязательственного права.

Кроме того, продолжая разграничение объектов рассматриваемых правоотношений, следует обратить внимание на возможность определения предметом залога вещи, которая возникнет в будущем. Такое право закреплено в п. 2 ст. 336 ГК РФ. Общеизвестным является факт, что вещные права возникают исключительно на существующие вещи. Из изложенного следует, что данный признак, присущий праву залога в силу закона, вступает в противоречие с выводом о неоспоримой вещно-правовой природе этой категории.

Помимо аргументов, отсылающих к законодательству, позиция об исключительно обязательственно-правовой природе залога имеет значительную теоретическую разработку. Впервые взгляд на залог как на обязательственное право был описан такими учеными, как К.Н. Анненков и В.М. Хвостов. Суть их теоретических воззрений заключалась в признании того, что залогу свойственны некоторые признаки вещного права; однако во главе изучения данной проблемы должен стоять тот факт, что сами по себе правоотношения, возникающие в процессе применения инструмента залога, не порождают все правомочия собственника [6]. Действительно, не может идти речи о залоге как о праве собственности, но данный вывод не отрицает возможности причисления данной правовой категории к ограниченным вещным правам в контексте современного гражданского права РФ.

Следующий обязательственно-правовой признак вытекает из ст. 345 ГК РФ. В соответствии с этой нормой прекращение существования предмета залога не является безусловным основанием для прекращения правоотношений между залогодателем и залогодержателем; вместо этого возможно восстановление или замена предмета залога. Текст вышеуказанной статьи позволяет понять, что так или иначе законодатель рассматривает залог с обязательственно-правовых позиций, так как на первый план выходят именно права и обязанности субъектов по отношению друг к другу, а сам предмет залога является факультативным и не становится причиной возникновения этих правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод о сложной правовой природе института залога в контексте российского правовой системы. Законодатель при формулировании нормативных положений сочетает в конструкции залога одновременно существенные признаки как обязательственного, так и вещного права, которые, дополняя друг друга, обеспечивают наиболее эффективное регулирование соответствующих правоотношений и делают инструмент залога значимым инструментом рыночной экономики.

Список литературы

1. *Ахметьянова З.А.* О правовой природе залога // Russian Journal of Economics and Law. 2010. № 3 (15). С. 138-144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.03.2026).
3. Закон Российской Федерации «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1 (в редакции от 06.12.2011) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522/ (дата обращения: 12.03.2026).
4. *Неманова М.А.* К вопросу об эволюции института залога в советский период развития российской государственности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 4. С. 15-19.
5. *Суханов Е.А.* Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
6. *Чуриков А.А.* Правовая природа залога // National Science. 2023. № 7. С. 27-31.
7. *Эмухвари Р.Р.* О правовой природе залога имущества в свете реформирования ГК РФ // Legal Concept. 2017. № 3. С. 72-77.

References

1. *Akhmetyanova Z.A.* (2010) On the Legal Nature of Pledge. *Russian Journal of Economics and Law*, № 3 (15), pp. 138-144 (In Russian).
2. Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 31.07.2025) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 12.03.2026) (In Russian).
3. Law of the Russian Federation "On Pledge" of 29.05.1992 № 2872-1 (as amended on 06.12.2011) [Electronic resource]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522/ (accessed: 12.03.2026) (In Russian).
4. *Nemanova M.A.* (2012) On the evolution of the institution of pledge in the Soviet period of development of Russian statehood. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, № 4, pp. 15-19 (In Russian).
5. *Sukhanov E.A.* (2017) Property law: a scientific and educational essay. Moscow: Statut Publishingt, 2017, 560 p. (In Russian).
6. *Churikov A.A.* (2023) Legal nature of pledge. *National Science*, № 7, pp. 27-31 (In Russian).
7. *Emukhvari R.R.* (2017) On the legal nature of pledge of property in light of reforming the Civil Code of the Russian Federation. *Legal Concept*, № 3, pp. 72-77 (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 25.03.2026	Received: 25.03.2026
Статья поступила после рецензирования: 21.04.2026	Revised: 21.04.2026
Статья поступила для публикации: 25.04.2026	Accepted: 25.04.2026